https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

61:06-7/673

На правах рукописи

ЧИНЯКОВ МАКСИМ КОНСТАНТИНОВИЧ

Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916—1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Зверев Василий Васильевич

Военно-Ученый Архив
https://t.me/warlib_site

Москва, 2006

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. *Военно-политические предпосылки создания Особых бригад (1915—1916).*

§1. Переговоры между Францией и Англией с Россией об отправке русских войск в Европу (1914—1916). Миссия П. Думера 20

§2. Формирование Особых бригад, отправка русских войск на французский фронт, организация тыловых структур 47

§3. Военный быт Особых бригад 73

§4. Командный состав Особых бригад 103

Глава 2. *Особые бригады на Западно-Европейском театре военных действий (1916-1917).*

§1. Боевая деятельность Особых бригад во время позиционной войны (июнь 1916—март 1917) 128

§2. Боевая деятельность Особых бригад во время наступления Р.-Ж. Нивеля (апрель 1917) 143

Глава 3. *Мятеж в Ля-Куртине (июль-сентябрь 1917).*

§1. Причины мятежа 160

§2. Куртинский кризис (май-сентябрь 1917) 197

§3. Подавление мятежа и его итоги 226

Глава 4. *Завершающий этап пребывания Особых бригад на французском фронте (сентябрь 1917 — декабрь 1918).*

§1. Система «трияжа» и русские войска 247

§2. Русский легион: формирование, состав, боевая деятельность (сентябрь 1917 – ноябрь 1918) 265

Заключение 292

Список источников и литературы 298

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Введение

Первая мировая война (1914—1918), возникшая как результат межгосударственных, межэтнических и социальных противоречий, оказала громаднейшее влияние на весь последующей ход мировой истории. Даже до сих пор мы продолжаем ощущать на себе отголоски ее последствий в виде политических катаклизмов, родившихся после попытки некоторых стран начала пересмотров итогов Второй мировой войны, ставшей продолжением Первой мировой. В событиях 1914—1917 гг. Россия приняла самое активное и непосредственное участие, носившее во многом определяющий и решающий характер в течение всего этого военного международного конфликта. Однако отечественная историческая наука советского периода упоминала Первую мировую войну, как правило, только как о предтече другого, хотя и не менее значимого события, — Октябрьской революции, определившей ход развития всей мировой истории вплоть до наших времен. Только в последнее время необычайно возросло внимание к детальному осмыслению многочисленных проблем, так или иначе связанных с Первой мировой войной, потрясшей до основания устои Европы и всего мира. Однако, несмотря на многие позитивные успехи в деле изучения русской военной истории указанного периода, до сих пор вне внимания российской исторической науки остается участие русских войск на Западно-Европейском театре военных действий.

После упорных переговоров в декабре 1915 г. между представителем Франции и русским военно-политическим руководством, было принято решение об отправке на Западный фронт (и на Балканы) русского воинского контингента — четыре Особые пехотные бригады, из которых две (1-я и 3-я) были отправлены на Западный фронт, и в мае-июне 1917 г. были сведены в 1-ю Особую пехотную дивизию. Эти бригады получили название Русского экспедиционного корпуса, хотя данный термин является неологизмом, получившим широкое употребление после окончания Первой мировой войны. Прибыв в апреле 1916 г. во Францию, с июня того же года 1-я и 3-я Особые бригады включились в бои на Западном фронте, где проявили лучшие боевые качества. В апреле 1917

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

г. бригады приняли активное участие во время наступления союзных войск («бойня Нивеля»), где понесли большие потери. Под влиянием этого фактора и последствий Февральской революции русские войска, отведенные в июле 1917 г. в тыловой военный лагерь Ля-Куртин, вступили в стадию распада, приведшего к возникновению острого военно-политического Куртинского кризиса, закончившегося в сентябре подавлением этого мятежа с применением военной силы.

Осенью 1917 г. части 1-й Особой пехотной дивизии, с разрешения Временного правительства, были переданы в распоряжение французских военных и политических властей и разделены на три категории (т.н. система «трияжа»): желающих сражаться вместе с союзниками, добровольцев-рабочих и тех, кто, не желая ни сражаться, ни работать, был сослан в Северную Африку. Из 1-й категории был сформирован Русский легион (Русский Легион Чести), принявший активное боевое участие в заключительной кампании Первой мировой войны (апрель-сентябрь 1918 г.) и после заключения Компьенского перемирия частично был отправлен на юг России, где легион включился в Гражданскую войну по обеим сторонам фронта. Солдаты-рабочие 2-й категории работали на военных и гражданских предприятиях Франции и внесли свой вклад в дело победы над Германией. Солдаты 3-й категории, сосланные в Северную Африку, находились на положении военных преступников. После окончания Первой мировой войны подавляющее большинство солдат 2-й и 3-й категорий по специальным соглашениям, заключенным между Францией и Советской Россией в 1919-1920 гг., были возвращены на родину.

Актуальность темы. Всестороннее исследование истории пребывания 1-й и 3-й Особых пехотных бригад на Западном фронте во время Первой мировой войны представляет, на взгляд диссертанта, особый интерес и имеет большое научное и практическое значение для Российского государства и его Вооруженных Сил.

Актуальность избранной диссертантом темы обусловлена следующими обстоятельствами:

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

во-первых, общественной потребностью в формировании подлинно исторического мышления в свете научной реконструкции прошлого нашей страны. В этом смысле можно с полным основанием утверждать, что объективное изучение действий Особых бригад на Западном фронте в 1916—1918 гг. позволяет нарисовать более достоверную картину участия России в Первой мировой войне;

во-вторых, необходимостью ввести в научный оборот ранее недоступный или малодоступный исследователям массив архивных документов, связанных с действиями Особых бригад во Франции вообще и проливающих дополнительный свет на их активное участие после 1917 г. Актуальным представляется и преодоление бытовавшего в отечественной науке выборочного отбора источникового материала, связанного с господством в недавнем прошлом определенных идеологических установок. Диссертант убежден, что без обращения также к зарубежным историческим источникам воссоздать всестороннюю картину происходившего невозможно. Кроме того, новые исследовательские возможности открываются в связи с устранением былой изолированности друг от друга отечественных и иностранных публикаций, что позволяет выработать консолидированный взгляд на многие драматические страницы прошлого;

в-третьих, потребностью с помощью исследования истории Особых бригад на Западном фронте исправить, углубить, дополнить имеющиеся в науке представления по следующим проблемам, еще окончательно не разработанным: особенности формирования бригад и их деятельность на Западном фронте; причины, последствия и особенности протекания Куртинского кризиса; характер взаимоотношений между французским военно-политическим руководством и русским военным руководством; попытки Франции использовать в своих интересах Русский легион; конкретные действия Особых бригад и Русского легиона и другие. Без объективного освещения и осмысления роли и значения русских войск на Западном фронте невозможно адекватно представить историю Первой мировой войны;

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

в-четвертых, значением исторического опыта и уроков прошлого для государства и его Вооруженных Сил. Строго научный подход к извлечению уроков из истории формирования и боевого участия Особых бригад и Русского легиона на Западном фронте, по мнению автора, дает возможность продвинуться в решении ряда проблем, связанных с военным участием России в международных коалициях.

Вышесказанное дает основание диссертанту надеяться на то, что результаты его исследования не только явятся определенным вкладом в изучение истории Первой мировой войны, но и могут быть использованы в практике современного военного строительства.

Степень научной разработанности. Проблема формирования 1-й и 3-й Особых пехотных бригад и их активное участие в событиях Первой мировой войны привлекала внимание отечественных и зарубежных авторов (в т.ч. и Русского Зарубежья) еще в 20-30-е годы XX в. За минувшие десятилетия вышли в свет монографические исследования и иные публикации, тематически пересекающиеся с темой настоящей диссертации.

Хронологически имеющуюся литературу целесообразно разделить на две группы: советского и постсоветского периода. Ввиду малочисленности литературы по данному вопросу предполагается целесообразным отойти от традиционной периодизации советской историографии и объединить хронологически имеющуюся литературу данного периода в одну группу.

К *первой* группе следует отнести работы 1920-х гг. — 1990 г. В данный период были сделаны первые попытки обобщить и проанализировать события, связанные с формированием и участием Особых бригад в Первой мировой войне. Следует отметить, что в советский период не вышло ни одной монографии по указанной тематике, хотя впервые в зарубежной и отечественной научной литературе начало исследованию истории и деятельности Особых бригад (как во Франции, так и на Балканах), положил именно советский партийный деятель

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Н.В. Вольский (Н. Валентинов)[1]. Наиболее полным и комплексным исследованием указанного периода, связанным с историей формирования, участием Особых бригад в боевой деятельности и историей Русского легиона, является работа участника Первой мировой войны генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова[2]. Вместе с тем ей присущ ряд существенных недостатков. Так, автор в основном сконцентрировался на военных проблемах, уделил мало внимания участию русских войск в трудовых ротах, недостаточно глубоко проработал вопрос о переговорах между Францией и Россией в контексте внешнеполитических отношений между двумя странами и причины Куртинского кризиса.

В этот же период во Франции вышла серьезная работа по Куртинскому кризису[3]. В книге французского исследователя П. Пуатевена впервые были подробно освещены многие проблемы, но предпринятая попытка рассмотреть причины выступления солдат представляется неубедительной. Во Франции был опубликован и ряд статей разнообразного содержания, но также с недостаточно обоснованными выводами[4]. Как правило, собранные факты не подвергались обобщению и анализу, не отличались широтой источниковой базы. Исключением может служить небольшая работа французских исследователей Ф. Шелленже и Ж. Нико, основанная на данных аналитических записок французской военной цензуры, посвященная изучению морально-психологического состояния русских войск в 1917-1919 гг.[5].

---

[1] ВАЛЕНТИНОВ Н. Русские войска во Франции и Македонии / Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. М., 1920, вып. IV; ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. / Исторические записки. М., 1951, т. 38; ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ В.В. Солдаты-чуваши в составе русских войск во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны / Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Чебоксары, 1986.

[2] ДАНИЛОВ Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916—1918 гг. Париж, 1933. Данные Данилова легли в основу журнального варианта истории Особых бригад во Франции и на Балканах: ТАРУССКИЙ Е. Легион Чести // Для Вас, 1939. № 1 (263) — 25 (287); № 5 (267); № 10 (272); № 16 (278); № 21 (283); № 23 (285).

[3] POITEVIN P. Une bataille au centre de la France en 1917. Limoges. 1934 (частично переведены на рус. яз.: «Эти мужики... были намного честнее и корректнее, чем их преемники американцы» // Военно-исторический журнал, 2001, № 4).

[4] CHABANIER J. Les brigades russes en France et en Macédonie // Revue Historique des Armées, 1965, №1; GILOUX L.-Y. Le corps expeditionnaire Russe en France pendant la Premiere guerre mondiale et la mutenerie au camp de La Courtine // Memoires de la Societe naturelles et archeologique de la Creuse. Limoges. 1984 (1er fasc.), XLII; GOROKHOFF G. Les brigades russes en France. 1916-1918 // Armes militaries magazine. 1988, № 35/36, VIII; PINGAUD A. La mission de M. Doumer en Russie (1915) // Revue des deux mondes. 1932, t. IX.

[5] SCHILLINGER Ph. NICOT J. Recrutement et moral des troupes Russes en France (1917-1919) / Recrutement, mentalités et sociétés. Montpellier. 1974.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

В этой группе литературы можно выделить несколько подгрупп: работы, касающиеся военной тематики и военного быта[6], военно-стратегического характера[7], деталей биографий командного состава и некоторых исторических персонажей[8], событий дипломатической[9] и социальной истории[10], характера и направленности восстаний во французской армии в 1917 г.[11] и разного рода иных сведений[12].

Ко *второй группе* относятся сочинения постсоветского периода. Особенности их содержания обусловлены изменением общеполитической обстановки в стране. Именно в этот период изучение формирования, деятельности Особых бригад выходит на качественно новый уровень. Снятие секретности с большого количества архивных документов, создание в исторической науке обстановки

---

[6] В.О. Русское торжество // Часовой, 1962, № 434 (7); ГУТОРОВИЧ Ж. Военное кладбище в Мурмелоне // Кадетская перекличка, 1987, № 43; ЕМЕЦ В.А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915-1916) / Исторические записки, 1956, т. 56; КЕРСНОВСКИЙ А.А. История Русской Армии. М. 1994, т. 4 (первое издание вышло в 1933-1938 гг.); КОЛОТИНСКИЙ В. На могилах русских воинов в Шампани // Вестник союза офицеров участников войны. 1959, № 5; Паломничество на могилы русских воинов // Часовой, 1966, № 481 (7); Русские войска в Македонии // Часовой, 1970, № 527 (5); Русские войска во Франции // Там же, № 526 (4); Les Armées françaises dans la Grande Guerre. Paris, 1931, t. V, vol. 1; Paris, 1932, t. V, vol. I, Annexes, vol. 1-2; FACON P. Les soldats expatriés: Orient et Italie (1915-1918) / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990; KOELTZ L. La guerre de 1914-1918. Paris, 1966; MEYER J. La vie quotidienne des soldats pendant la Grande guerre. Paris, 1966; MICHEL M. Mythes et réalites du concours colonial: soldats et travailleurs d'outre-mer dans la Guerre française / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990; PREININGER. Les tchécoslovaque dans les combats de la 4e Armée sur l'Aisne (octobre 1918). Paris, 1935; RATINAUD J. 1917 ou la tragédie d'avril. Paris, 1960.

[7] ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М. 2001; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Первая мировая война 1914—1918. СПб, 2002 (первые издания вышли в 1939 г.); История Первой мировой войны. М., 1975; СВЕЧИН А.А. Стратегия. М., 1926.

[8] Общий список офицерским чинам Русской императорской армии (по 1.01.1908); СПБ, 1908. Общий список офицерским чинам Русской императорской армии (по 1.01.1910). СПБ, 1910; Полковник С.П. Киселев // Вестник Союза офицеров-участников войны. Париж, 1928, №4; Полковник В.С. Нарбут // Вестник Союза офицеров-участников войны. Париж, 1929, №5.

[9] История дипломатии. М., 1965, т. 3; PINGAUD A. Histoire diplomatique de la France pendant la Grande Guerre. Paris. 1932, t. I; VESA V. Les relations politiques roumano-françaises au début du XX siècle (1906-1916). Bucuresti, 1986.

[10] KASPI A. Les soldats americains et le société française / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990.

[11] БАНТКЕ С. Революционное движение во французской армии в 1917 г. / Вопросы гражданской истории. Л., 1935, вып. 1; ДЮРАН П. Солдатские волнения во французской армии в 1917 г. / Французский ежегодник. 1978. М., 1980; Революционное движение во французской армии 1917 г. М.-Л., 1934; FACON P. NICOT J. La crise de moral en 1917 dans l'armée et la nation d'après la commission de controle de Belfort / L'armée et la société de 1610 à nos jours. Paris, 1979; PEDRONCINI G. Les Mutineries de 1917. Paris, 1967; Lui-même. Les refus collectives d'obeissance en 1917 // Revue Historique de l'Armée. 1967, № 4; WATT P.M. Dare call it Treason. New-York. 1963.

[12] АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО В.И. История Франции. 1870-1918. М., 1963; ГАВРИЛОВ Л.М. Солдатские комитеты в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции / Исторические записки. М., 1981, № 106; История Италии. М., 1970, т. 2; История Франции. М., 1973, т. 2; МИЛЛЕР В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974; ТРЕМБИЦКАЯ А.А. В.И. Ленин, Парижская группа большевиков и социалистическое движение во Франции в годы Первой мировой войны (1916-1917 гг.) / Французский ежегодник (1970). М., 1972.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

терпимости к различным оценкам и точкам зрения позволили исторической науке выйти на качественно новый уровень в изучении истории Особых бригад. Эта проблема частично нашла свое отражение в ряде научных статей[13]. В них впервые — и весьма полно — исследуется тема пребывания солдат 3-й категории «трияжа» на территории Северной Африки[14]; Особые бригады становятся темой для журналистских публикаций, посвященных их пребыванию на Западном фронте[15].

В 1992 г., впервые в постсоветской историографии, отечественный исследователь В.В. Комин обратился к теме о русских войсках во Франции, но его выводы базировались на узком и уже известном круге источников (воспоминания Р.Я. Малиновского, А.А. Игнатьева и Ю.И. Лисовского и статье французского журналиста Л.-И. Жилу́)[16]. Кроме того, статья написана под огромным влиянием советской историографии и содержит путаницу в датировках, фактические ошибки. Так, автор приписал фразу о «зверствах» курновцев, возглавляемых «главным палачом» поручиком С.М. Урвачевым, Лисовскому, которого сам же автор называет «до мозга костей преданным царской короне и явно враждебно настроенным ко всему революционному»; якобы французское военное руководство дало невысокую оценку участию русских войск в апрельском наступлении 1917 г. и т.д.[17].

---

[13] ГУСАРОВА Л.О. Материалы о деятельности комиссара Временного правительства С.Г. Сватикова за границей / Голоса истории. М., 1999, вып. 24, кн. 3; ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой, 1994, № 2. Он же. Франко-русские переговоры об отправке русских войск во Францию в 1915-1916 гг. / Первая мировая война и международные отношения. СПб, 1995; он же. Франко-русские переговоры об отправке русских войск во Францию в 1915-1916 гг. / Первая мировая война и международные отношения. СПб, 1995; ПОПОВА С.С. Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным документам военного министерства Франции) / Россия и Франция. XVIII—XX вв. М., 1995. На основе этой статьи автор опубликовала другую, несколько видоизмененную: она же. «Сердца наши изболелись о погибающей нашей родине...» // Военно-исторический журнал, 2003, № 2.

[14] ЛЕТНЕВ А.Б. Алжирская одиссея (Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте) / Африка глазами современников и историков. М., 1998.

[15] ЛОБЫЦЫН В.В. Погибли за Францию // Вокруг света. 1995, №3; БУРМИСТРОВА Т.Ю. ЛИТВИН А.А. Россия на фронтах Первой мировой войны (Русский экспедиционный корпус во Франции, 1916-1917 гг.) // Военно-исторический журнал, 1990, № 2.

[16] КОМИН В.В. Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны / Отечественные проблемы, поиски, суждения. М., 1992.

[17] Там же, с. 4, 7, 14, 27.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

В 1995 г., в Петербурге была защищена диссертация А.Ю. Павлова о русских войсках во Франции и на Балканах в интересующий нас период[18]. Автор привлек отечественные и зарубежные архивы (французский Военный архив — SHAT), дал краткую характеристику событиям и попытался осветить роль и значение Особых бригад во время войны. Однако Павлов допустил ряд серьезных ошибок и недочетов, связанных с использованием исторической литературы, что, соответственно, повлияло на степень серьезности выводов автора. Так, он привлек только работу Русского Зарубежья Данилова; не использовал содержательную статью советского историка Г.М. Деренковского, не указал на ошибки, содержавшиеся в ряде научно-справочных публикаций[19]; не указал на ошибку в той же СВЭ, где говорится о том, что 1-я Особая пехотная бригада войска за июнь-октябрь 1916 г. потеряла 35%, хотя ее общие потери, по данным военного агента (атташе) графа А.А. Игнатьева (которые приводит сам Павлов), составили убитыми и ранеными 4 офицера и 233 солдата, что составило менее 4% от всей численности 1-й бригады[20]; не уделил никакого внимания Русскому легиону; не осветил деятельность рабочих рот и др.

На основе этой диссертации через три года Павлов издал брошюру, несколько видоизменив ее структуру и содержание, но не поправив допущенные ошибки и не дополнив ее вышедшими за этот период работами[21].

В этот же период за рубежом появился ряд работ[22], из которых нельзя не выделить монографии французского исследователя Р. Адана и американского историка Дж. Кокфилда, посвященные 1-й и 3-й Особым бригадам во Франции. Адан привлек большой круг французских архивов (военного и МИДа). Впервые в зарубежной историографии автор наиболее полно представил историю пре-

---

[18] ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

[19] Советская военная энциклопедия (СВЭ). М., 1979, т. 7, с. 180. (В частности, вне внимания Павлова остались статьи Т.Ю. Бурмистровой и А.А. Литвина, А.В. Изоркина и В.В. Федорова, французских исследователей Ф. Шилленже и Ж. Нико, А. Пенго, П. Пуатевена.)

[20] СВЭ, с. 180; ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии, с. 61.

[21] ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах в годы Первой Мировой войны (1916—1918). СПб, 1998.

[22] GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique. 1916-1918. Paris, 2003. ADAM R. Histoire des soldats Russes en France. 1915-1920. Les damnés de la guerre. Paris. 1996; COCKFIELD J.H. With snow on their boots: the tragic odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. N.-Y., 1998.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

бывания 1-й и 3-й Особых бригад на французском фронте, комплекс проблем, связанных с Куртинским кризисом (в частности, его причин и последствий), об условиях работ и проживания солдат 2-й и 3-й категории «трияжа», указал на необходимость дальнейшего изучения рассматриваемой темы.

Кокфилд обратился к архивам, находящимся в США и Германии. Характер использованных материалов позволил автору наиболее полно представить военно-политические предпосылки формирования и отправки во Францию 1-й и 3-й Особых бригад и проанализировать условия пребывания русских войск после Куртинского кризиса.

Главным и общим недостатком обоих исследователей является поверхностное знание русского языка, русского менталитета и работ советских историков, что привело к узости историографической базы и отрицательно повлияло на степень серьезности сделанных выводов. По нашему мнению, наложил негативный отпечаток на сочинение Адана и его акцентировано выраженная политическая ориентация[23]. Так, автор приводит отрывки из многочисленных писем солдат, не подвергая их критическому анализу; часто применяет термины «революционный», «контрреволюционный», не объясняя их смысл; не видит в разложении Особых бригад одну из важнейших предпосылок крушения российской государственности; превозносит «революционную сознательность» солдат; справедливо возмущаясь жестоким обращением французов с русскими солдатами 3-й категории (да и то известны случаи неплохого отношения к ссыльным со стороны местных помещиков, у которых работали русские солдаты), не учитывает того, что последние оказались в Северной Африке совершенно *добровольно*[24] и др.

---

[23] ADAM R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire des soldats-travailleurs russes en France. 1918-1920. Annexes. Université des Science Sociales Grenoble II. Grenoble. 1989; lui-même. Le Corps expeditionnaire russe en France et la revolution de 1917. Essai d'interpretation. Lyon, 1991; lui-même. D'une révolution à l'autre. Le Corps expéditionnaire russe en France, 1915 — 1920. Lyon, 1994. (Именно эта часть диссертации и была опубликована отдельной книгой.)

[24] Lui-même. Le Corps expeditionnaire russe, p. 30, 34, 43, 46. (Адан придерживается мнения, что подавляющая часть (immense majorité) русского офицерского корпуса во время войны происходила из дворян, в то время как к 1914 г. дворяне составляли половину всех офицеров, — Ibidem., p. 12; ВОЛКОВ С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993, с. 352).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

В этой группе литературы также можно выделить несколько подгрупп: работы, касающиеся военной тематики и военного быта[25], деталей биографий командного состава и некоторых исторических персонажей[26] и событий социальной истории[27].

В целом подавляющее количество сочинений, написанных на русском и иностранных языках, тяготеет к описательности.

Таким образом, историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что историческая наука на сегодняшний день не располагает самостоятельным научным комплексным исследованием проблем формирования 1-й и 3-й Особых бригад, их участия в боях на Западном фронте и их роли в последующих событиях. Предшествующие исследования порой страдают односторонностью, идеологически ориентированным подходом. Причиной тому являются, на наш взгляд, изучение исторических процессов без учета всей совокупности обстоятельств как объективного, так и субъективного характера, а также определенной узостью источниковой базы.

Диссертационное исследование основывается на широком спектре **исторических источников**, в который входят как опубликованные, так и неопубликованные материалы. Автором изучены и проанализированы документы, храня-

---

[25] БАЛМАСОВ С. Иностранный легион. М., 2004; БРЮНОН Ж. МАНЮ Ж. Иностранный легион (1831—1955). М. 2003; ЛЕОНОВ О. УЛЬЯНОВ И. Регулярная пехота. М., 1998; ЛЫМАРЬ А.П. Российская «Антанта» в Гражданской войне на юге России / Революция и Гражданская война 1917—1920 гг.: новое осмысление. Симферополь, 1995; МАРКОВ О.Д. Русская армия. 1914-1917. СПб., 2001; BERNÈDE A. De l'enfer au drame du Chemin des Dames (avril-mai 1917) // La guerre 14-18. 2002, № 5; MIQUEL P. Les poilus. Paris, 2000; SEGRETAIN F., HERVET P. Les troupes alliées en France. 1914-1918. Paris. 2000; SOUDAIGNE J.-P. La nécropole russe de Saint-Hilaire-le-Grand // 14-18, 2003, № 14.

[26] АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России. М., 1998, т. 2; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки (1769—1920). Биобиблиографический справочник. М., 2004; ВОЛКОВ Е.В., ЕГОРОВ Н.Д., КУПЦОВ И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М. 2003; ВОЛКОВ С.В. Указ. соч.; он же. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. М., 2003; он же. Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002; ГРЕЗИН И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995; ЗАЛЕССКИЙ К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. М., 2000; КЛАВИНГ В.В. Высшие офицеры Белых армий. СПб., 2005; Ленинградский мартиролог. СПб., 1998, т. 3 (1937-1938); Русский некрополь в Белграде (1920-1999). Белград, 1999; Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. М., 1997, т. 1; М., 1995, т. 2; ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРДТ В.Г. Лохвицкий Николай Александрович (1867-1935) // Новый исторический вестник. 2003, № 1(9).

[27] АСТАШОВ А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история, 2003, № 2; ПОРШНЕВА О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат Русской Армии в условиях Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / Военно-историческая антропология. М., 2002; СЕНЯВСКАЯ Е.С. Психология войны в XX века. Исторический опыт России. М., 1999; ХМЕЛЕВСКАЯ Ю.Ю. Британская армия в 1914—1915 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейших времен. Челябинск. 1992.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

щиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва), в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва), в Российском государственном военном архиве (РГВА, г. Москва), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва) и в художественном и документальном фондах Центрального музея Вооруженных Сил (ЦМВС, г. Москва). В диссертации непосредственно использованы материалы почти 30 фондов центральных архивов (около 130 дел).

Самый большой массив материалов, дающих объективное представление о затронутой диссертантом проблеме, находится прежде всего в РГВИА и АВПРИ. Наиболее активно автором диссертации были изучены в РГВИА: № 15234 — Представитель Временного правительства при французской Главной квартире и фонд № 15304 — Управление русского военного агента во Франции (с 1918 г. — Русская военная миссия во Франции). В этих фондах находится переписка высшего военного руководства бригад с Петроградом, Ставкой и Парижем по самым важным и насущным проблемам русских войск. В АВПРИ большую научную ценность представляют фонд № 138 — Секретный архив министра иностранных дел и фонд № 187 — Российское посольство в Париже. Здесь хранятся главным образом материалы, посвященные проблематике внешнеполитических отношений Франции и России по рассматриваемой исследователем проблеме.

Исходя из анализа рассмотренных источников диссертационного исследования, автор выделил среди них несколько групп.

Первая группа источников включает делопроизводственные материалы (приказы командиров бригад, полков и др. воинских частей; переписка высших должностных лиц высшего политического и военного руководства Франции,

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Российской империи и Советской России), как неопубликованные[28], так и опубликованные[29].

Вторая группа источников — периодическая печать: отечественные и зарубежные газеты (издававшиеся в России и Франции)[30]. Наибольший интерес у исследователя вызвали следующие периодические издания (газеты): «Русский солдат-гражданин во Франции» (издававшаяся во Франции в 1917-1919 гг. на русском языке), «Patrie humaine» и «Illustration».

Третья группа источников — источники личного происхождения. К этой группе можно причислить письма и воспоминания военнослужащих Особых бригад, которые подразделяются не несколько подгрупп: хранящиеся в государственных и личных архивах[31]; опубликованные воспоминания солдат[32], офицеров Особых бригад (на период 1916-1917 гг.)[33], офицеров Русского ле-

---

[28] В т.ч. находящиеся в личном архиве сына начальника интендантского управления Тылового управления русских войск во Франции В.И. Копылова Ю.В. Копылова (г. Париж).

[29] Восстание русских солдат во Франции // Красный архив, 1940, № 2 (99); Дневник министерства иностранных дел // Красный архив, 1928, № 6 (31); Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1; М., 1958, т. 2; КАЗИМИРОВ М.В. Отправка войск из Архангельска во Францию в1916 г. / Бизертинский морской сборник. М., 2003; К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940, № 4 (101); Ленинский сборник М., 1942, т. XXXIV; «Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник, 2000, № 1; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917, сер. III, т. VI, ч. 1-2. М.-Л., 1935; т. VIII, ч. 1-2, М.-Л., 1935; т. IX. М.-Л., 1937; т. X. М.-Л., 1938; «Много придирчивости во всем» // Рейтар, 2004, №6; Ставка и МИД // Красный архив. 1928. № 1 (26) — 4 (29); Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну // там же. 1931, № 1 (44); Солдатские письма в годы мировой войны (1915-1917) // там же, 1934, № 4-5; Французские боевые награды полкам // Военно-исторический вестник, 1971, № 37; Царская армия в период мировой войны и Февральская революция. Казань, 1932.

[30] «Возрождение»; «За рубежом»; «Киевские ведомости»; «Луч»; «Голос солдата», «Донская волна», «Наше слово»; «Независимая газета»; «Русский солдат-гражданин во Франции» (далее — РСГФ), «Patrie humaine», «Illustration».

[31] Например, личные архивы дочери Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского Н.Р. Малиновской, дочери фельдфебеля 1-й бригады В. Замыслова Р.В. Соколовой.

[32] АЛЕШИН И. «Варварский» большевизм русских солдат во Франции и французская демократическая «гуманность» / Октябрь за рубежом. М., 1924; ВАВИЛОВ А. Записки солдата Вавилова. М.-Л. 1927; ГОРОДИСКИЙ Н. Лякуртинская трагедия. Владимир, 1963; ЕГЕРЕВ М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9; КИДЯЕВ П. В кровавых лапах "прекрасной" Франции / Октябрь за рубежом М., 1924; КОЗЛОВ А. Проданные за снаряды. Л., 1931; КРОПИН В. По французским тюрьмам, ссылкам и каторжным работам / Октябрь за рубежом. М., 1924; ЛИСОВЕНКО Д.У. Их хотели лишить Родины. М., 1960; Русские солдаты во Франции. М., 1919; СТЕПНОЙ Н. (АФИНОГЕНОВ Н.А.). Белые рабы. Воспоминания о французском фронте. М.-Л., 1925.

[33] ДЬЯКОНОВ П.П. На защиту Франции // Иллюстрированная Россия, 1935, №13-14; КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому... 1916-1956 гг. // Возрождение, окт. 1956 г., тетр. 58; он же. Русские войска во Франции. 1916-1918 // Военно-исторический вестник. № 7 (май 1956); ЛИСОВСКИЙ Ю. Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) // Архив русской революции. М., 1993, т. 17; РЫХЛИНСКИЙ В.А. От Самары до Марселя // Военная быль. 1962. № 52-53 (воспоминания Рыхлинского были опубликованы и во Франции со значительными изменениями и дополнениями, внесенными автором: RYCHLINSKI V. Souvenirs d'un officier du Corps Expéditionnaire russe en France (1916) // Revue Historique des Armées, 1965, № 1); ШУЛЬЦ Э.Э. Об особенностях французского фронта // Военный сборник, 1917, №6.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

гиона[34], государственных, военных и политических деятелей России, Франции, Англии, Германии[35] и др. лиц[36].

Одними из наиболее заслуживающих доверия мемуаров являются произведения пулеметчика 2-го Особого пехотного полка (впоследствии пулеметчика Русского легиона) Р.Я. Малиновского и унтер-офицера того же полка П.Ф. Карева, неоднократно переизданные[37]. Особый интерес представляют воспоминания на французском языке французских солдат и офицеров, так или иначе связанных с боевой или иной деятельностью русских войск во Франции[38].

Их ценность возрастает в связи с тем, что предпринятая в 1998 г. попытка перевода на русский язык мемуаров французского лейтенанта П. Пети, прикомандированного к 1-й Особой бригаде, оказалась весьма неудачной. Работа изобилует терминологическими неточностями и ошибками[39]. Так, Особые бригады (Brigades russe spéciale) на всем протяжении перевода именуются то «отдельными», то «специальными» (и с маленькой буквы). Унтер-офицеры (sous-

---

[34] СМИРНОВ В.А. С Русским Легионом к берегам Рейна // Часовой. 1931. № 60; он же. Из истории Русского Легиона Чести // Часовой. 1936. № 174; он же. Русский Легион (2 января 1918 — 2 января 1938) // Часовой. 1938. № 204; он же. Верные долгу // Возрождение, тетр. 81 (сентябрь 1958); ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести // Часовой. 1981. № 629 (1)-630 (2). Воспоминания Васильева неоднократно переиздавались (в т.ч. в 1994 г. в газете «Литературная Россия», в № 12-13): он же. Легионеры чести // Родина. 1993. № 8-9; он же. Русский Легион Чести // Кадетская перекличка. Июнь 2000. № 68-69. (В дальнейшем будут использоваться воспоминания Васильева, опубликованные именно в этом журнале.)

[35] БЕРТИ Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914—1919). М.-Л., 1927; БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М.-Минск, 2001; ДЕНИКИН А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003, т. 1; ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986; ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Военные мемуары. М., 1934, т. 1-2; Дневники императора Николая II. М., 1991; ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М.-Минск, 2005; ПАЛЕОЛОГ М. Дневник посла. М. 2003; ПУАНКАРЕ Р. На службе Франции. 1914—1915, М.-Минск, 2002, т. 1-2; ТРОЦКИЙ Л. История Русской революции, М., 1997, т. 1; т. 2, ч. 1; он же. Моя жизнь. М., 1991; MANGIN. Lettres de guerre. Paris, 1950; POINCARÉ R. L'année trouble. 1917. Paris, 1932, t. 9.

[36] АРДАШЕВ М. Фронт без окопов. Б/м., 1966; ГОТУА Е.В. Поезд на Мариуполь // Родина. 2004, № 9; ЕВЛОГИЙ (митрополит). Путь моей жизни. Париж, 1947; ЛЕБЕДЕВ В.И. Из рядов французской армии. М., 1916; МИЩЕНКО М. Русский Легион в бою / На чужбине. Париж, 1920; МАМОНТОВ С. Походы и кони. Париж, 1981; ОЛЕНИН А.А. 1-я Школьная батарея: Записки капитана Добровольческой армии (1920-1921) // Звезда, 2002, № 4; ПОГОРЕЛОВ М. Третя категорія. Російські Експедиційні корпус у Франції. Харьков, 1934; ПРУТ И. Неподдающийся. М., 2000; РИД Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958; СОРОКИН Т. Страничка из воспоминаний // Огонек, 1924, № 31; ЭРЕНБУРГ И. Лик войны (во Франции). София, 1920; DESAGNEAUX H. Journal de guerre 14-18. Paris, 1971.

[37] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Солдаты России. М., 1988 (первое издание воспоминаний Маршала Советского Союза вышло в 1969 г.). КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили. Иваново, 1937; он же. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1957. В дальнейшем будет использоваться первое издание воспоминаний Карева как наиболее заслуживающее доверия. См. также: Родион Яковлевич Малиновский (автобиография) // Военно-исторический журнал, №4, 1990; Родион Малиновский — солдат Русского экспедиционного корпуса // Исторический архив, 2004, № 3.

[38] BARTHAS L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier (1914-1918). Paris, 1987; OBEY A. Camarades Rouski // Revue de Paris. Paris, 1920. № 23; PETIT P. Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914-1918). Nanterre, 1992.

[39] Как русские защищали Францию // Военно-исторический журнал, 1998, № 3 (перевод к.и.н. И.А. Огнетова).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

officiers) называются младшими офицерами; река Эн (Aisne) — то Эсн, то Эссен; председатель Совета министров и одновременно военный министр Ж. Клемансо именуется председателем Совета (непонятно какого, — хотелось бы верить, что не солдатского), — в то время как во французском языке слово «Conseil» является сокращенным вариантом словосочетания «Conseil des ministres» («Совет министров»), а «восемь маршевых полков зуавов» (8e régiment de marche de zouaves) в действительности являются 8-м зуавским маршевым полком. Вызывает удивление перевод словосочетания «coup de boutoir» («сокрушительный удар») как «удар немецкого “кабана”» (фр. *coup* и *boutoir* — соответственно «удар» и «кабанье рыло»)[40].

Четвертая группа источников состоит из записей устных воспоминаний, существенно расширивших информативную базу и конкретизировавших фактологические и оценочные сведения исследования (личные беседы диссертанта с внуком солдата 1-й Особой дивизии С.И. Ябуровым и внуком солдата 4-й Особой бригады Б.А. Кузьминым).

Итак, проведенный историографический и источниковедческий анализ показал, что история пребывания русских войск во Франции не получила до сих пор необходимого отражения в исторической науке с должной полнотой и целостностью и потребовала самостоятельного исследования.

В качестве **объекта исследования** диссертантом избраны 1-я и 3-я Особые пехотные бригады в период их пребывания во Франции в 1916—1918 гг.

Предметом исследования является участие 1-й и 3-й Особых пехотных бригад в событиях Первой мировой войны.

Хронологические рамки исследования охватывают двухлетний период: от начала формирования корпуса в 1916 г. до окончания Первой мировой войны в 1918 г.

По мнению диссертанта, избранные хронологические рамки позволяют комплексно рассмотреть процесс формирования и участия 1-й и 3-й Особых пе-

[40] Там же, с. 34-36, 39-41.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

хотных бригад в событиях Первой мировой войны, а также обстоятельно осветить причины и последствия Куртинского кризиса.

Учитывая актуальность темы и одновременно ее слабую разработанность в исторической науке, диссертант поставил перед собой следующую **цель**: на основе изучения разнообразного, в основном впервые вводимого в научный оборот материала комплексно исследовать деятельность 1-й и 3-й Особых пехотных бригад во Франции в 1916-1918 гг. и дать ее целостную картину.

Исходя из указанной цели, автор поставил перед собой следующие **задачи**:

— раскрыть процесс формирования 1-й и 3-й Особых пехотных бригад, их роль во время Первой мировой войны;

— проанализировать участие бригад в боевых действиях Первой мировой войны;

— всесторонне исследовать причины, характер и последствия Куртинского кризиса;

— изучить историю русских войск на завершающем периоде Первой мировой войны в конце 1917 — 1918 гг.: причины введения в действие системы «трияжа»; условия, особенности и характерные черты трудовой и боевой деятельности русских войск.

Методологической основой для решения поставленных задач служит диалектико-материалистический метод познания.

Исследование проблемы осуществлялось, исходя из самых важнейших принципов исторической науки — историзма и объективности. Рассматривая методологию как систему методов и определенных подходов к изучению данной научной проблемы, диссертант опирался на следующие методы: общенаучные — логический и исторический, специально-исторические — периодизации, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, а также на специальный метод сопоставления исторических документов.

На защиту выносятся:

1. Результаты комплексного научного исследования процесса формирования Особых бригад, его участия в боевой и трудовой деятельности.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2. Авторские суждения и оценки по проблемам, связанным с участием Особых бригад в Куртинском кризисе, носящим дискуссионный характер.

3. Сформулированные диссертантом теоретические выводы, практические рекомендации и предложения, сделанные на основе анализа проблемы.

Практическая значимость диссертации обусловлена главным образом реальным приращением исторических знаний по вопросам создания Особых бригад и их деятельности в период Первой мировой войны, которые могут быть использованы профессорско-преподавательским составом кафедр, преподающих отечественную и военную историю.

Критический анализ общественно-политической и боевой деятельности Особых бригад позволяет представителям дипломатического корпуса нашего государства использовать накопленный им опыт как для улучшения межнациональных отношений в целом, так и в практике совместных действий русского и французского народов.

Материалы диссертации, сделанные в ней обобщения и выводы вносят определенный вклад в изучение взаимоотношений политических партий и армии и позволяют давать углубленные знания по политологическим дисциплинам в вузах.

Обобщенные материалы исследования могут использоваться для написания преподавателями истории учебных пособий по участию России и Франции в Первой мировой войне, военной истории Первой мировой войны, военно-патриотической тематике и истории России в целом.

Содержание диссертации может оказать и значительную помощь профессорско-преподавательскому составу, слушателям и курсантам военно-учебных заведений при изучении истории формирования и деятельности 1-й и 3-й Особых бригад и Русского легиона на территории Франции в 1916—1918 гг.

Структура диссертации определяется задачами исследования и состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Во *введении* раскрывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, обосновываются хронологические рамки, осуществляется обзор источников и литературы, характеризуется степень изученности проблемы, новизна и практическая значимость работы. В *первой главе* изучается комплекс вопросов, связанный с военно-политическими предпосылками и причинами отправки 1-й и 3-й Особых бригад на Западно-Европейский театр военных действий, рассматриваются особенности формирования бригад и особенности их военного быта, дается характеристика командному составу бригад. Во *второй главе* раскрываются проблемы, касающиеся боевой деятельности Особых бригад в июне 1916 г. — апреле 1917 г., устанавливается степень участия русских войск в этих боевых действиях, их потери и общие выводы по участию Особых бригад в течение боевых действий на французском фронте с июня 1916 по апрель 1917 гг. В *третьей главе* изучается комплекс причин, приведших к мятежу в лагере Ля-Куртин, противоречия и своеобразия Куртинского кризиса, его последствия и дальнейшее значение в истории Особых бригад на фоне антивоенных событий во французской армии после провала апрельского наступления 1917 г. В *четвертой главе* исследуется последний период нахождения Особых бригад во Франции, причины возникновения системы «трияжа», боевая деятельность Русского легиона, рабочая деятельность трудовых отрядов. В *заключении* даются основные выводы диссертации.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§1. Переговоры между Францией и Англией с Россией об отправке русских войск в Европу (1914—1916). Миссия П. Думера

В настоящей главе представляется целесообразным исследовать причины отправки русских войск во Францию и их особенности, выявить отправку Особых бригад как составную часть международной политики России во время Первой мировой войны, выяснить особенности формирования бригад и особенности их военного быта, дается характеристика командному составу бригад. В данном параграфе подвергается всестороннему анализу комплекс вопросов, связанный с военно-политическими предпосылками об отправке Особых бригад во Францию.

* * *

1 августа 1914 г.[41] в Европе началась Первая мировая война, окончательно расколовшая континент на два противоборствующих лагеря. Первый — Антанта (главные страны-участницы — Франция, Англия, Россия), и второй — Центральный союз (соответственно Германия и Австро-Венгрия).

Успешные действия войск Центрального союза в первый период войны на Западно-Европейском театре, казалось, говорили о скорой победе Германии и союзников над Антантой, но Марнское сражение в сентябре 1914 г. заставило усомниться в их легком успехе. К тому же в результате кампании 1914 г. оказалось, что надежды генштабов воюющих сторон на кратковременный и быстротечный характер войны не оправдались. Стало очевидно, что военные действия продлятся еще не один год. К декабрю 1914 г. на Западном театре военных действий начинается позиционная война, которая останется без изменения практически до 1918 г. Однако в 1914 г. общая стратегическая обстановка складывалась не в пользу Антанты.

В кампании 1914 г. противоборствующие стороны понесли огромные людские потери — особенно пострадала Франция, остро нуждавшаяся в пополне-

[41] Даты указываются по новому стилю.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нии живой силы. Поэтому вопрос о помощи людьми первой высказала именно она.

Осенью 1914 г. начались переговоры Парижа с союзниками по Антанте о привлечении на Западно-Европейский фронт их воинских контингентов. Так, откликаясь на просьбу Франции, английский морской министр У. Черчилль говорил военному министру фельдмаршалу лорду Г.Г. Китченеру о намерении послать на Западный фронт одну дивизию из американцев, сочувствующих Антанте[42] (США вступили в войну – на стороне Антанты — в апреле 1917 г.).

Более того, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе (при поддержке министра иностранных дел России С.Д. Сазонова) выступил с инициативой привлечения на тот же фронт японского вспомогательного корпуса[43]. Также велись переговоры и об отправке японских отрядов на русский фронт, но и этот проект остался не реализованным. Несмотря на первоначальную заинтересованность в сентябре 1914 г. официального Токио в деле отправки войск на Западный фронт (но не в Россию), в дальнейшем желание Парижа и Лондона привлечь в Европу японские части не встретило сочувствия в оппозиционном парламентском большинстве японского правительства. Кроме того, посол России в Японии Н.А. Малевский-Малевич сообщал МИДу России, что за свое содействие Япония потребует от союзников новых территориальных уступок и других выгод (финансовую помощь для промышленных предприятий, допуск японских эмигрантов в английские колонии и т.п.)[44].

Спустя два года после первых попыток давления на Японию осенью 1914 г., 18 октября 1916 г. английский посол в России Дж. Бьюкенен, легко жонглируя чужими территориями и интересами, предложил Николаю II свои услуги посредника по отправке в Россию японских войск на условии «существенной

---

[42] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 10.

[43] Ставка и министерство.., № 1(26), с. 28, 9-10. МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 285-286; там же, ч. 2, с. 266, 285, 314-316, 339-340; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 1, с. 188; БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 41, 44, 65; PINGAUD A. Op. cit., t. 1, p. 142, 148-149.

[44] МОЭИ, т. VI, ч. 2, с. 315, 24, 125. См. также: ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 1, с. 417. Тем не менее в ноябре 1916 г. генерал Ш.-М.-Э. Манжен верил в прибытие японских войск на Западный фронт, а по сведениям, полученным от чиновников военного министерства, ответственных за колониальные войска, утверждал о возможном прибытии 50 или даже 200 тысяч китайцев, хотя эта переброска должна была, по его мнению, столкнуться с большими трудностями, — MANGIN. Op. cit., p. 157, 183.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

компенсации» для Японии — в виде «русской, т.е. северной половины Сахалина», на что царь ответил категорическим отказом[45].

Критическое положение на французском фронте вынудило Англию и Францию обратить взор к их союзнику, одному из самых больших государств того времени — Российской империи. Перед войной Россию на Западе рассматривали как страну с огромной и многочисленной армией, с неисчислимыми людскими резервами, способной за короткий срок дойти до Берлина. Легенда о «русском паровом катке» («russian steam roller»), способного смести всех врагов Антанты с лица земли подобно живому прессу, затмевала умы государственных деятелей и стратегов Франции и Англии[46]. В июне 1915 г. военный агент России во Франции полковник граф Игнатьев с огромным недовольством сообщает в Петроград, что французское общественное мнение живет «исключительно надеждами на наше вторжение в Германию» и «не оценивает той заслуги, которую приносит Россия в данную минуту, выдерживая натиск всех австро-германских сил, значительная часть коих переброшена с Западного фронта»[47]. Наступление русских войск (которых, как правило, олицетворяли с казаками) рисовалось французам следующим образом: «Бравый генерал впереди, на огнедышащем коне, а позади него — орды, увлекаемые его храбростью и популярностью...» Как утверждал русский волонтер Иностранного легиона В.И. Лебедев, общественное мнение во Франции о России покоилось «...не на реальных фактах, а на средневековой сказке»[48].

Вера в многотысячные русские войска оказалась настолько сильна, что в августе 1914 г., т.е. сразу после начала войны, среди английских обывателей быстро возникли и распространились самые невероятные слухи о 50-тысячном русском корпусе, спешившего на помощь союзникам. Самым забавным и курьезным, наверное, выглядел слух о том, как некий англичанин якобы в увиденных им на перроне железнодорожной платформы солдатах «сразу признал»

---

[45] БЬЮКЕНЕН Дж. Указ. соч., с. 197-198.

[46] «В Англии мы готовы были уравнивать огромную мощь России с паровым катком, который движется медленно, но который стирает все на своем пути», — ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Указ. соч., с. 314. См. также: ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 258-259.

[47] РГВИА, ф. 15304, оп. 1, д. 194, л. 138.

[48] ЛЕБЕДЕВ В.И. Указ. соч., с. 172-174.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

русских, поскольку на их сапогах — в жарком августе! — лежал снег[49]. Слухи выглядели более чем нелепыми, но англичане верили в них, и нам остается только подивиться кругозору западного человека начала XX в.

Впрочем, видения англичан строились не на пустом месте. В августе 1914 г. Бьюкенен (при поддержке Делькассе) решил прозондировать почву у Сазонова на предмет посылки на Западный фронт трех-четырех корпусов, перевозку которых Британия осуществила бы за собственный счет — проект, названный французским президентом Р. Пуанкаре «фантастическим»[50]. К этому предложению союзников Россия отнеслась отрицательно, особенно Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, поскольку солдат не хватало и на русском фронте[51]. Современный американский историк Дж. Кокфилд полагает, что данный факт (отправка трех-четырех русских корпусов на Западный фронт) еще нуждается в уточнении, но существуют два опубликованных документа за одно и тоже число (30 августа 1914 г.): телеграмма Сазонова управляющему дипломатической канцелярии Н. Базили, в которой недвусмысленно говорится: «Английский посол передал мне предложение своего правительства отправлению трех или четырех русских корпусов через Архангельск во Францию для присоединения к англо-французским войскам...», и телеграмма министра иностранных дел Сазонова послу России во Франции А.П. Извольскому от 30 августа 1914 г. на ту же тему[52].

После этого до конца 1915 г. ни Париж, ни Лондон больше не предлагали Петрограду отправить русские войска на французский фронт. Думается, в данном случае большую роль сыграло не человеколюбие союзников, а устранение непосредственной опасности для Парижа после Марнского сражения (сентябрь 1914 г.), хотя общая стратегическая ситуация на фронте оставалась по-прежнему туманной для обоих враждующих лагерей.

---

[49] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 2-3. См. также: БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 28. Об этом слухе (со снегом на сапогах) иронически сообщил один французский журналист, — Illustration, 1916, №3817.
[50] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т.1, с. 180.
[51] МОЭИ, т. VI, ч. 1, с. 181, 182 (примеч.).
[52] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 20; МОЭИ, т. 6, ч.1, с. 189; РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 4.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

С этого времени (осень 1914 г.) по декабрь 1915 г. России будут предлагаться (да и сама России будет предлагать) другие варианты отправки русских войск за границу на помощь союзникам.

Так, 30 октября 1914 г. английское правительство — в лице прикомандированного к Главному Управлению Генерального штаба (ГУГШ) английского майора Кэмбелла — предложило России послать в Британию казачий полк. «...его императорскому величеству, государю императору благоугодно было одобрить эту мысль...»[53]. Однако затем Китченер вдруг изменил свое мнение. 6 ноября посол России в Англии А.К. Бенкендорф сообщил министру иностранных дел Сазонову: «...что из-за тактических резонов он желал бы заменить их [казаков. — М.Ч.] на пехотную бригаду», поскольку «...кавалерия в этот момент никакой полезности во Франции [не играет. — М.Ч.]». Совершенно ясно, что налицо какие-то непонятные на данный момент намерения Китченера, объяснимые, возможно, внутриполитическими течениями в британском правительстве, ибо трудно предположить, чтобы военный министр крупной западноевропейской страны, высказывая Петрограду просьбу прислать казачий полк, вдруг через несколько дней заявляет, что ему нужна не кавалерия, а пехота, причем в несоизмеримо бóльших количествах. На британское предложение начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич в секретной телеграмме в Петроград от 9 ноября 1914 г. недвусмысленно ответил: «Послать пехоту нет возможности, отправку казаков государь император тоже отменил»[54].

Когда в начале 1915 г. Лондон и Париж решили провести Дарданелльскую операцию с целью захвата Босфора и Дарданелл (Проливов), они активно старались привлечь русские войска к этому мероприятию, пообещав России в счет послевоенного устройства мира часть Османской империи. Однако Петроград отказал, явно не желая на данном этапе помогать союзникам.

---

[53] МОЭИ, т. VI, ч. 2, с. 36, 49; АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 36, л. 3.
[54] Там же, л. 4, 6. См. также: PINGAUD A. Op. cit, p. 115.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Летом 1915 г., когда англо-французские войска проводили второй этап Дарданелльской операции, Россия уже решилась послать в район черноморских проливов на помощь союзному десанту отряд из Владивостока. С идеей отправки русского отряда в район Проливов выступал и генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов, заявивший в июне 1915 г., что он, «...как русский человек, не может допустить мысли, что, при взятии Константинополя, не будет русских войск». «Это вопрос политический, а не военный», — очень четко заметил он[55]. В июне-июле и октябре 1915 г. Россия намеревалась отправить на Дарданеллы для помощи союзникам некоторую помощь (сначала речь шла об отряде общей численностью до 6,0 тыс. чел, потом о стрелковой бригаде), но из-за различных причин (технического и политического характера) войска на Дарданеллы так и не прибыли. В итоге в Дарданельской операции с русской стороны участвовал лишь крейсер 1 ранга «Аскольд» (хотя кораблю довелось принять эпизодическое участие, его моряки заслужили похвалу союзников)[56].

В мае-июне 1915 г. Россия вынашивала план отправки русских военных контингентов и в город Бургас нейтральной Болгарии (вступит в войну на стороне Германии в октябре того же года), но, не желая провоцировать Софию против Антанты и из-за технической неподготовленности русских войск к этой экспедиции, русское командование отказалось от проекта[57].

Как и в начале войны, в конце 1915 г. Франция, как и Англия, продолжала пребывать в состоянии твердой уверенности, что Россия, несмотря на огромные потери, сведения о которых Петроград предоставлял в распоряжение Парижа, «располагает значительными людскими ресурсами» и рассматривала Россию в качестве неисчерпаемого источника людских резервов. Вместе с тем сама

---

[55] Ставка и министерство.., № 2 (27), с. 30.

[56] АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 474/494, л. 9, 13, 20; там же, ф. 323, оп. 617, д. 57, л. 15; там же, д. 63, л. 2; там же, ф. 187, оп. 524, д. 3222, л. 125, 134-136; РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 10, 11, 14, 21; МОЭИ, т. X, с. 200; КАРХАНИН М.В. Русские войска, с. 4; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 128, 152. С 19 февраля 1915 г. по 9 января 1916 г. англо-французские войска провели т.н. Дарданелльскую операцию, закончившуюся неудачно; в операции приняли участие части Иностранного легиона, в которых сражались наши соотечественники, — РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 88, л. 2.

[57] ЧИНЯКОВ М.К. Переговоры союзников с Россией об отправке русских войск на Западный фронт и на Балканы (1914—1916 гг.) // Вопросы истории, 2005, № 11, с. 40; МОЭИ, т. VIII, ч. 1, с. 101-103, 283. См. также: АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 478/498, л. 10; там же, д. 482/503, л. 11-12, 19, 47; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 89, 126.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Франция находилась в тяжелом экономическом и военном положении: ее северо-западная часть была оккупирована, войска понесли тяжелые потери, на заводах не хватало квалифицированных рабочих рук. Игнатьев признавал, что осенью 1915 г. для французской военной промышленности из-за нехватки рабочей силы пришлось возвращать солдат с фронта. О нехватке рабочих рук сообщал в ноябре 1915 г. и А. Тома в отношении на имя Извольского. Французские промышленники готовы были принять даже русских неквалифицированных рабочих, лишь бы только они приехали. Однако Петроград ответил отказом, как и на все последующие просьбы из Парижа[58].

Поэтому, учитывая оккупацию немецкими войсками северо-западной части Франции, где крупные промышленные предприятия оказались во вражеских руках, обеспокоенность Парижа в плане спасения своего отечества была более чем понятна. (Просьбу об отправке русских войск во Францию предлагалось сделать для России более заманчивой, предложив Николаю партию винтовок, что и было сделано.) Однако французы совершенно «забыли» про одно важное обстоятельство: в течение всего 1915 г. Россия в одиночку выдержала натиск Германии, перебросившей с Западного фронта на Восточный солидные подкрепления, и понесла серьезные потери.

В конце 1915 г. в деле многочисленных планов посылки русских войск в Европу произошло важное событие — 20 ноября в Петроград через Англию, Северное море, Швецию и Финляндию из Парижа отправился французский сенатор, член сенатской комиссии по военным вопросам Поль Думер, бывший генерал-губернатор Индокитая, бывший председатель Палаты депутатов, часто посещавший Петербург до войны. В конце 1915 г. он исполнял должность помощника по гражданской части военного министра генерала Ж.-С. Галлиени и был отцом, потерявшим на этой войне всех своих четырех сыновей. (В 1931 г. Думер станет президентом Франции, а через год его убьет бывший подданный Российской империи.) Именно с именем Думера и связана предыстория отправ-

[58] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 604; РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 45; АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3258, л. 3, 3об, 5, 6, 7, 9.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ки русских бригад во Францию и Грецию. О его прибытии А. Бриан сообщил во французское посольство в России заблаговременно, 12 ноября, т.е. за восемь дней до начала вояжа эмиссара. В тот же день посол во Франции Извольский отправил в МИД России телеграмму под грифом «совершенно секретно» о цели миссии Думера, который должен был приехать в столицу России 4 декабря. Соответственно, у военно-политического руководства России было время для подготовки предстоящих переговоров.

Впрочем, Париж не делал никакой тайны из миссии Думера. Так, накануне своего отъезда Думер встречался с Игнатьевым, который во время встречи довольно резко оборвал французского сенатора, когда тот стал сравнивать русских с аннамитами (вьетнамцами), и Извольскому, третьему участнику этой встречи, пришлось перевести разговор на другую тему[59]. После этой встречи, т.е. до прибытия Думера в Россию, в ноябре 1915 г. Игнатьев написал на имя нового начальника штаба Верховного Главнокомандующего (с августа 1915 г.) генерала от инфантерии М.В. Алексеева специальное письмо, в котором высказывал собственное мнение относительно французских предположений об отправке русских войск во Францию. Со своей стороны, Игнатьев все-таки признавал, что французская просьба о присылке русских войск «не может, казалось бы, не быть признана справедливой», т.е. соглашался с французским предложением. Он предлагал использовать наши войска крупными боевыми единицами (лучше всего — в качестве бригады), с французским вооружением, под командованием наших же начальников, чтобы создавать для солдат «наиболее разумную атмосферу».

Вместе с тем Игнатьев предполагал использование и русских рабочих во французской промышленности, которые должны были прибыть в «военной форме, в составе рот и батальонов, под начальством наших престарелых запасных или раненых офицеров», делая большой упор на обеспечение военного быта рабочих. (В марте 1916 г. Франция наметит «некоторые меры для использования бельгийских, итальянских и сербских рабочих» на французских военных

[59] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 605.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

заводах, а Италия передаст Парижу в качестве рабочей силы «своих» австрийских военнопленных.) Иными словами, Игнатьев высказывался за предложение Думера, но придавая большое значение созданию благоприятного морально-психологического климата для солдат, если бы им пришлось оказаться бы на чужбине. Игнатьев особенно прозорливо подчеркивал, что «недостаточное знакомство наших военных властей с условиями быта, духа и дисциплины французской армии и условий жизни страны, могло бы быть причиной самых прискорбных ошибок»[60].

Итак, «цель приезда сюда [в Россию. — М.Ч.] Думера... заключилась в том, чтобы получить согласие государя императора и его начштаба на посылку русских солдат во Францию; французы указывают на страшную свою убыль в людях, в среднем 140.000 человек в месяц; на ограниченное количество людского материала во Франции... и на роковое значение не только для самой Франции, но и для четверного союза [Антанты. — М.Ч.] прорыва французской линии... (...) ...французы нам дают ружья, мы же будем давать им людей»[61].

Думер предлагал послать во Францию 400,0 тыс. русских солдат (иногда указывается — даже в документах той поры — менее достоверная цифра в 300,0 тыс. человек), в обмен на поставку из Франции военного снаряжения для русской армии. Солдат намеревалось отправлять во Францию как нечто обездушенное: из них французы предполагали сформировать некие особые ударные роты французских пехотных полков под командованием французских же офицеров, — «20 000 тонн человеческого мяса»[62].

Проекту Думера не сочувствовали даже во французской Главной квартире из-за больших технических трудностей исполнения задуманного; более того, для некоторых членов французского правительства план Думера оказался даже неприятным сюрпризом. Против этой идеи выступил и французский посол в России М.-Ж. Палеолог, высказавший лично Думеру свои соображения: во-

---

[60] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 43, 47-50об., 51-52, 53; АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 133, л. 19-20; там же, д. 154, л. 38-39; ADAM R. Histoire des soldats Russes., p. 213; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 261.

[61] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 18; Дневник министерства.., № 6 (31), с. 40-41. См. также: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 19.

[62] КЕРСНОВСКИЙ А.А. Указ. соч., с. 25.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

первых, из-за технических причин (трудности переброски войск в зимний период и в налаживании их нормального жизнеобеспечения), психологических причин («русский мужик чувствует себя не в своей тарелке, когда он не по своей воле оказывается в чужеземных условиях, когда он не ощущает русской земли под ногами, а за спиной нет его избы») и, по словам Палеолога, «еще одно соображение тактического порядка», заключающееся в легкости отступления русских войск на немыслимые для Европы расстояния. Однако, как метко заметил посол, «упрямого не переубедишь». Находившийся в Париже британский посол лорд Ф. Берти высказал те же сомнения, назвав проект французского эмиссара из-за технических проблем — из-за трудностей отправки такого количества войск из России во Францию — «абсурдным»[63].

Тем не менее Думер пользовался полной поддержкой генерала Ж.-С. Галлиени, недавно занявшего пост военного министра в правительстве Бриана (октябрь 1915 г.), и самого премьер-министра. Кроме того, сама инициатива о посылке русских войск на Западный фронт исходила не из военных кругов, а именно от парламентских политиков, желавших за счет русских солдат уменьшить бремя, возложенное войной на французский народ.

Архивы сохранили нам интересный документ: инструкции либо французского правительства, либо французского военного министерства для военных миссий, отправляющихся в Россию. К сожалению, как и авторство, точная дата составления документа (и дата его перевода) неизвестна. Из этого документа (под грифом «особо конфиденциально») становится очевидным, насколько серьезно некоторые лица в Париже относились к отправке русских войск во Францию. Начальнику французской военной миссии (скорее всего, имелся в виду начальник французской военной миссии при Ставке генерал Ж.-П. По), которого надлежало снабдить «всеми полномочиями и правами посла», предписывалось склонить русскую Ставку к посылке войск во Францию «...через посредство созыва особого совещания, в котором принимали бы участие представители русских законодательных учреждений и общественных организаций.

---

[63] ПАЛЕОЛОГ М. Указ. соч., с. 399-401; БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 98.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

На таком совещании начальнику новой французской миссии пришлось бы сделать доклад о положении Франции в отношении запасов людей и затем просить совещание обсудить всесторонне те способы, которыми Россия могла бы оказать помощь Франции»[64]. Как известно, эти проекты так и остались на бумаге.

По прибытии в Петроград (4 декабря 1915 г.) Думер встречался с председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным, военным министром А.А. Поливановым, морским министром И.К. Григоровичем, министром иностранных дел Сазоновым, которые к отправке войск во Францию отнеслись отрицательно, хотя оказали эмиссару весьма «куртуазный прием». В 12 часов 7 декабря Думер был удостоен аудиенции у самого Николая II.

Переговоры Думера с Николаем — весьма любопытная страница истории, но подробных письменных материалов о них не сохранилось (если даже они вообще существовали). Остается только два главнейших, но противоречивых источника: свидетельства самого французского эмиссара и русского царя. Так, в отличие от Николая, в дневнике которого сохранились лаконичные фразы, Думер не оставил воспоминаний (за исключением пары работ, посвященных его пребыванию на посту генерал-губернатора Индокитая в 1897-1902 гг.). За 7 декабря император записал: «После Поливанова принял француза Поля Думера и затем Игнатьева», и за 12 декабря: «К завтраку приехал Думер, с кот[орым]. говорил днем»[65].

В отчете о встрече 7 декабря Думер докладывал Бриану, что переговоры идут хорошо, и он согласился на просьбу Николая прислать для Русской Армии 450,0 тыс. ружей (из которых добрую половину составляли устаревшие однозарядные винтовки сист. Гра обр. 1874 г.). По сведениям Палеолога, Думер также заявлял, что первая его встреча с Николаем прошла «чудесно» («à merveille»)[66]. Думер яркими красками описал царю бедственное положение Франции, которая «понесла огромные жертвы, как ни одно государство в мире», и нуждается в помощи людьми «для проведения решительных наступлений». Император, по

[64] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 33, л. 2, 3.
[65] Дневники императора Николая II, с. 559, 560.
[66] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 20.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

словам Думера, согласился с его доводами и в конце аудиенции, уклонившись от окончательного ответа, высказал двусмысленную фразу: «Дела сложатся вполне удачно, если мы не столкнемся с непреодолимыми трудностями»[67] и пригласил Думера прибыть к нему в Ставку (с августа 1915 г. Николай стал Верховным Главнокомандующим, сменив на этом посту Николая Николаевича). Думается, Николай «тянул время», ибо трудно предположить, что если бы он сразу принял положительное решение по данному вопросу, вряд ли у него возникла необходимость призывать эмиссара в Ставку в Могилев, за 700 километров от столицы, как будто там Думер мог сказать что-либо другое. Весьма вероятно, что царь хотел, чтобы Думер лично узнал отрицательное мнение Алексеева как начальника штаба Верховного Главнокомандующего, т.е. намеревался заручиться весомым голосом против французского предложения. Николай всегда был принципиальным противником отправки русских войск за границу.

Так, когда в ноябре 1915 г. генерал Лагиш попытался снова добиться от царя и русского Генерального штаба обещания отправить русские войска на Балканы, они ответили категорическим отказом. Особенно Лагиш отмечал позицию царя, который был настроен весьма решительно («très net») против этой отправки, равно как и Алексеев[68]. Поэтому утверждение (не подтвержденное фактами), что Николай, в отличие от правительства, на отправку войск за границу был настроен «благожелательно»[69], представляется не совсем верным.

Несмотря на сомнительные результаты, Думер, как уже выше говорилось, почему-то счел переговоры успешными, и в отчете, направленном им в Париж в тот же день, 7 декабря, говорил о согласии Николая, которого «смущали только трудности технического характера»[70]. К сожалению, до сих пор остаются не выясненными детали встречи Думера с царем 12 декабря, о которой говорил сам Николай. К тому же в «Дневнике министерства иностранных дел» за это число стоит только одно-единственное предложение: «Отъезд г-на Поля

[67] PINGAUD A. Op. cit., p. 870-871.
[68] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 19.
[69] ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы., с. 21; он же. Франко-русские переговоры.., с. 129.
[70] Цит. по:ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 20.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Думера на царскую Ставку»[71]. Если в этом «Дневнике...» стоит запись об аудиенции Николая с Думером за 4 декабря, почему отсутствует такая же запись за 12 декабря? Остается предположить два логичных варианта: либо встреча состоялась, либо не состоялась (ошибся ли Николай: случайно или нет, и если не случайно, то почему?). Если встреча все-таки состоялась, опять можно смело предположить два варианта: либо на этой аудиенции снова поднимались вопросы о посылки русских войск, либо о них вообще не ничего не говорилось.

После аудиенции у Николая в Петрограде сенатор Думер уверенно заявил Пуанкаре, что добился отправки во Францию русских воинских частей с командным составом из французских офицеров. Думер полагал, что между 1 и 15 января 1916 г. через Архангельск будет отправлена одна бригада, а затем «...последуют по 40 тысяч ежемесячно. Это очень хорошо, но я [Пуанкаре. — М.Ч.] поневоле отношусь к этому несколько скептически»[72]. Сомнения президента были небеспочвенны: во «Всеподданнейшей докладной записке» военного министра Поливанова (от 18 декабря) прямо указывалось: «Ваше императорское величество позволили признать на личном моем о сем докладе 24 ноября [7 декабря нов. ст. — М.Ч.] цифру в 300 000 [так в тексте. — М.Ч.] для нас неприемлемой»[73]. Весьма возможно, что император, не желая прямо отказывать Думеру, ограничился лишь общими фразами, которые последний истолковал в свою пользу, поскольку в Дневнике министерства иностранных дел за 7 декабря стоит запись о встрече Николая с Думером, в ходе которой «...государь не высказался определенно и, ограничившись тем, что оказал вообще Думеру весьма милостивый прием, сказал ему приехать через неделю на ставку...»[74].

Вышеупомянутый Кокфилд утверждает, что Николай очень холодно отнесся к идее Думера еще и потому, что боялся повторить опыт известного восстания 14 декабря 1825 г., поскольку одной из причин выступления декабристов на Сенатскую площадь было увлечение «западными свободами», с которыми будущие офицеры-декабристы познакомились в Европе во время Заграничных

[71] Дневник министерства.., с. 45.
[72] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2., с. 261.
[73] Русские солдаты на Западном фронте.., с. 153.
[74] Дневник министерства.., № 6 (31), с. 42.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

походов Русской армии 1813-1814 гг.[75] Данное утверждение весьма спорно, поскольку вряд ли в конце 1915 г. руководство Российской империи стало бы так глубоко заглядывать в будущее.

Прибыв утром 13 декабря в Ставку в Могилев, Думер «...был приглашен к высочайшему завтраку, после чего имел отдельный разговор с его величеством, который направил его к генералу Алексееву»[76]. Сам Алексеев отозвался о предложении Думера весьма недовольно (что и следовало ожидать), о чем говорилось в письме директора дипломатической канцелярии при Верховном Главнокомандующем Н.А. Кудашева к Сазонову от 14 декабря 1915 г.: «Это предложение торга бездушных предметов на живых людей особенно покоробило генерала Алексеева, и без того мало сочувствующего посылке наших солдат отдельными партиями в далекие и загадочные экспедиции. ...его [Алексеева. — М.Ч.] особенно мучит моральная ответственность перед теми людьми, которых предполагается послать сражаться среди чужих людей, на чужой земле под начальством иностранных начальников...»[77]. Во время своей единственной встречи с Думером Алексеев дал согласие только на отправку одного-двух полков (т.е. одной бригады). В тот же день, 13 декабря, в телеграмме № 625, генерал Алексеев говорит Беляеву: «Повторяю, что это [отправка русских войск во Францию. — М.Ч.] крайность, на которую можно идти только в силу особой необходимости и желания сохранить добрые отношения [с союзниками. — М.Ч.]»[78]. О том же Алексеев сообщает Кудашеву (о чем тот передает в письме на имя Сазонова от 14 декабря 1915 г.): «...вероятно придется все-таки что-нибудь для наших союзников сделать, — по всей вероятности придется послать одну нашу дивизию во Францию, — но что этим и ограничится наша помощь людьми»[79]. В той же «Всеподданнейшей записке» (от 18 декабря) Поливанов снова указывает на желание Алексеева отправить во Францию только одну бри-

---

[75] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 27-28.
[76] Дневник министерства.., с. 45.
[77] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 18-19, 20-21. См. также: Русские солдаты на Западном фронте.., с. 153.
[78] Цит. по: ВАЛЕНТИНОВ Н. Указ. соч., с. 8.
[79] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 19, 21.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

гаду, «...чтобы обеспечить за собою в будущем получение нами из Франции заказанных предметов боевого снабжения»[80].

Уже спустя десять дней после встречи с Думером, 23 декабря, Кудашев еще раз свидетельствует о категорическом несогласии Алексеева с идеями Думера: «Он [Алексеев. — М.Ч.] считает в принципе недопустимым, чтобы русские солдаты сражались в иностранных частях, и с жаром возражал против доводов Думера»[81].

Надо отдать должное Пуанкаре, который, находясь в Париже, прозорливо догадался (если, конечно, верить его воспоминаниям) о нежелании Петрограда предоставить войска Франции и не доверял радостным отчетам Думера. Президент сомневался не зря: когда Палеолог, опираясь на предоставленные ему сведения отбывшего во Францию Думера, уверенного по непонятной причине в полном успехе своей миссии, сказал Сазонову о решении императора отправить во Францию русские войска по 40,0 тыс. человек в месяц, русский министр иностранных дел удивился, что «ему представляется невероятным, чтобы император или верховное командование» могли согласиться на это предложение. Палеолог тотчас попросил генерала По добиться подписания специального договора, о чем Пуанкаре снова отозвался скептически, грустно заявив, что, судя по всему, Россия пришлет только одну бригаду (6,0 тыс. человек без оружия)[82].

22 декабря 1915 г. министр иностранных дел Сазонов официально заявил Палеологу: «Стремясь однако доказать свою готовность удовлетворить, в пределах возможности, пожелания своих союзников, императорское правительство решило послать во Францию... в виде опыта одну бригаду»[83]. На следующий день, 23 декабря, Сазонов снова отправляет тому же адресату очередную теле-

---

[80] Русские солдаты на Западном фронте.., с. 153.
[81] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 21.
[82] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 268; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 26.
[83] МОЭИ, т. IX, с. 624-625. См. также: АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 336/339, л. 1, 8-9, 10-10об.; там же, д. 353/355, л. 6-6об. Если верить Палеологу, в декабре 1915 г. Сазонов сказал: «Когда русский солдат не чувствует под ногами землю собственной страны, он ничего не стоит; он тут же полностью теряет бодрость духа», — ПАЛЕОЛОГ М. Указ. соч., с. 567.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

грамму, в которой высказал мнение о невозможности отправить во Францию требуемые ею 400,0 тыс. человек[84].

Об этом вряд ли знали во французском военном министерстве (или были уверены, что Россия согласилась на предложение Думера о службе русских солдат под командованием иностранных офицеров?), ибо в недрах этого ведомства существует один рапорт от 24 декабря 1915 г., где, в частности, говорилось о том, что французские офицеры, командовавшие плохо говорившими по-французски туземцами колониальных войск, «...утверждают, что включение русских солдат [в состав французской армии. — М.Ч.] не представит никакой трудности [для нее же. — М.Ч.]»[85].

Итак, можно сделать предварительный вывод. В ходе переговоров в Ставке, с согласия Думера, было решено отправить отдельную воинскую часть (предположительно одну пехотную бригаду), но сам Думер истолковал итог встречи по-своему, т.е. Николай после отправки первой бригады якобы даст согласие на отправку требуемых Францией 400,0 тыс. человек, о чем сенатор сообщает в Париж от 15 декабря и Сазонову и Пуанкаре 16 декабря[86].

Весьма вероятно, что Думер стал жертвой обычного приема Николая, который, как известно, часто давал посетителям надежду на выполнение их просьбы, но затем действовал по-другому. Напротив, Ж. Пенго, один из французских исследователей истории дипломатии во время Первой мировой войны, уверенно утверждает (правда, без ссылок на какие-либо документы), что Россия дала согласие на отправку «в виде опыта» одной бригады, затем согласилась и на 400,0 тыс. солдат, но затем «обманула» Францию[87].

Но не могло ли получиться так, что Думер, не добившись ни от Ставки, ни от Петрограда никаких твердых обещаний, не желая признавать свой проигрыш своему правительству (эмиссар был ближайшим соратником только что назначенного военного министра в только что назначенном правительстве), рапорто-

---

[84] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 26-27.
[85] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes., p. 14.
[86] Дневник министерства.., с. 46; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 261; Русские солдаты на Западном фронте.., с. 153; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 25. См. также: АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 336/339, л. 11; МОЭИ, т. IX, с. 380.
[87] PINGAUD A. La mission de M. Doumer.., p. 871-872.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

вал об успехе, намереваясь в будущем свалить все неудачи в переговорах о посылке русских войск во Францию на Николая II, т.е. сознательно ввел Пуанкаре и правительство в заблуждение (или в союзе с кем-то из членов правительства или с самим Пуанкаре), зная, что французское общественное мнение, традиционно недоверчивое к России, полностью поддержит его версию? Не хотел ли сенатор «уберечь» новое правительство от возможной критики в адрес ее премьер-министра? Так, 14 декабря, после посещения Ставки, в разговоре с Сазоновым Думер признался, что «...достигнутое им [соглашение с Алексеевым. — М.Ч.] не вполне оправдывает его надежды, он тем не менее старался показать, что будто он в общем доволен и этим, делал вид, что верит осуществимости главной своей мысли после того, как предположенный опыт [отправки одной бригады. — М.Ч.] увенчается успехом»[88]. До сих пор нельзя с точностью говорить о факте подписания какого-либо официального соглашения между Францией и Россией по итогам результатов переговоров Думера с Николаем в декабре 1915 г., что тоже наводит на определенные размышления. Об этом соглашении говорят многие исследователи, занимавшиеся историей Особых бригад, но ни один из них ни разу не публиковал его и ни разу не ссылался на его точный текст, предпочитая общие выражения. Французский историк, занимавшийся историей пребывания Особых бригад во Франции Р. Адан, изучивший парижский военный архив и архивы французского же министерства иностранных дел, вообще ни словом не обмолвился о подписании кого бы то ни было документа в ходе миссии Думера. Скорее всего, обещание отправить войска во Францию были сделаны царем (или Алексеевым) в устной форме.

Удивительно, но если верить Пуанкаре, по прибытию в Париж (где Думер получит официальные поздравления правительства за блестяще выполненную миссию) французский сенатор был полностью уверен, что «царское правительство после опыта с первой бригадой будет ежемесячно посылать нам войска»[89]. Когда в Париже окончательно выяснилось, что Петроград не собирается от-

---

[88] Дневник министерства.., с. 46.
[89] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2., с. 298.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

правлять во Францию требуемое количество солдат, «скифская хитрость» вызвала негодование. Во Франции так были уверены в успехе предприятия, что Пуанкаре буквально кипит от злости (22 декабря 1915 г.): «Что стало с теми великолепными *обещаниями* [выделено мной; т.е. речь не идет об официальных документах. — М.Ч.], которые были даны Полю Думеру? Россия вручила нашему посланцу кусок “шагреневой кожи”»[90] (не забудем, что сначала сам же Пуанкаре, по его же словам, относился к «победоносным» заявлениям Думера о выполнении им своей миссии скептически).

Как известно, об отправке русских войск во Францию будут вести переговоры другие люди — министр юстиции Р. Вивиани и министр вооружений А. Томà. Таким образом, несмотря на постигшее разочарование, Париж собирался и дальше добиваться своего. Уже 1 января 1916 г. во французском МИДе снова поднимается вопрос о необходимости добиться от России отправки войск на Западный фронт.

Французское правительство и командование оказались весьма разочарованными провалом миссии Думера и Вивиани с Томà, но раздосадованные Пуанкаре, Фош, тот же Думер и никто другой даже и мысли не могли допустить, что через полтора года они будут благодарить судьбу за то, что Россия отказалась предоставить им требуемое количество «серых шинелей», ибо трудно представить себе, что произошло бы во Франции в 1917 г., во время развала Русской Армии, когда вместо 15,0 тыс. человек 1-й Особой пехотной дивизии, отказавшихся подчиняться своим начальникам в военном лагере Ля-Куртин, оказалось хотя бы одна сотня тысяч русских солдат.

В связи с тяжелой ситуацией на Балканах весной 1916 г. французский Генштаб решил отправить в Македонию русскую бригаду, сняв ее с франко-германского фронта (на который она еще не успела прибыть). Проект был настолько близок к осуществлению, что в конце марта 1916 г. французское во-

[90] Там же, с. 272.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

енное министерство составило расчеты по высадке 1-ой Особой бригады в Греции и снабжению ее обозов мулами[91].

В России генерал Алексеев решительно возражал против подобного плана, справедливо полагая, что офицеры и солдаты готовились воевать только во Франции, а отправка в Македонию понизит их боевой дух. Взамен Алексеев предложил сформировать 2-ю Особую бригаду и направить ее именно в Македонию. На данном проекте особенно настаивали представители французского правительства, прибывшие 5 мая 1916 г. в Россию — Вивиани и Томà[92]; на следующий день они получили аудиенцию у Николая II. Французское правительство считало, что прибытие русских войск на Балканы может сильно поднять дух славянских народов, повлиять на болгар (союзников Германии) для снижения их боеспособности и заставить нейтральную Румынию выступить против Германии. Подобного мнения придерживался и русский посол во Франции Извольский.

Несмотря на твердое желание представителей французского правительства Вивиани и Томà, находящихся в Петрограде, настаивать перед Николаем об отправке 400,0 тыс. человек во Францию, Палеолог в ходе первой же беседы с ними в стенах французского посольства сразу заявил эмиссарам, что их просьба не будет удовлетворена, за исключением «посылки нескольких бригад»[93]. Вместе с тем истинные цели Вивиани и Томà в отношении отправки русских войск во Францию не совсем ясны: действительно ли они намеревались требовать от Николая отправки 400,0 тыс. человек? Об этом мы знаем только со слов Палеолога, на которые, кстати, ссылается и Адан, и Кокфилд[94], но не имеем под рукой письменных инструкций для эмиссаров (при условии, разумеется, если они вообще существовали). Пуанкаре, в свою очередь, накануне отъезда Вивиани и Томà указал им три главные темы, на которых следовало «настаивать» в Петро-

---

[91] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 30.
[92] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 48-49. О просьбах Парижа поскорее отправить бригаду в путь см.: АВПРИ, ф.134, оп. 473, д. 154, л. 40, 57, 65.
[93] ПАЛЕОЛОГ М. Указ. соч., с. 503.
[94] ADAM R. Op. cit., p. 21; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 48.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

граде: «...о снаряжении, контингентах и Румынии»[95]. Причем не совсем ясно, о каких контингентах идет речь: то ли о 400,0 тыс. русских войск, то ли о помощи России Франции живой силой вообще, то ли о чем-то третьем, неизвестном. Базили, например, 10 мая 1916 г. написал Сазонову, что, по мнению генерала Беляева, требования французов теперь являются «гораздо более скромными, чем пожелания г-на Думера» и ограничиваются отправкой нескольких бригад, а Пуанкаре сказал, что по приезду из России Вивиани был «очень доволен своей поездкой»[96].

Итак, 11 мая 1916 г. в Могилеве представители французского правительства Вивиани и Тома, с одной стороны, и генерал Алексеев, с другой, подписали соглашение, по которому Россия обязывалась послать во Францию и Македонию — помимо 1-й и 2-й бригад (формирование последней начнется 24 мая) — еще пять общим количеством всего в 50,0 тыс. человек плюс подкрепления в 10,0 тыс. человек, а не призрачные 400,0 тыс. человек. Все расходы по перевозке, вооружению и содержанию бригад брало на себя французское правительство[97]. Все пять бригад первоначально предназначались для французского фронта, но впоследствии главнокомандующий французскими армиями Ж.-Ж.-С. Жоффр решил отправить часть бригад во Францию, другую — на Балканы. К сожалению, детали переговоров Вивиани с Тома и Николаем пока остаются неизвестными.

Однако, заранее уведомив французское правительство, Россия отправила за границу из обещанных пяти бригад всего две (3-ю и 4-ю Особые пехотные бригады). Во-первых, из-за больших потерь на русском фронте и необходимости их восполнения. Во-вторых, сказалась и небезопасность плавания из-за действия германских подводных лодок в Белом море. В-третьих, в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты вступила Румыния. Боевые действия она вела неудачно, и в декабре был образован Румынский фронт, на который перевели

---

[95] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 441.
[96] Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 48, 49. ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 483.
[97] 3-я Особая бригада должна была отправиться из Архангельска 14 августа, 4-я — 14 сентября, 5-я — 14 октября, 6-я — 14 ноября, 7-я — 14 декабря 1916 г. — Ставка и министерство.., № 3 (28), с. 49, 50. См. также: АВПРИ, ф. 323, оп. 617, д. 60, л. 50-50об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

русские части с Северного и Западного фронтов, а вместо них отправили 5-ю, 6-ю и 7-ю Особые пехотные бригады, приготовленные к отправке во Францию. К отказу Петербурга от посылки обещанных бригад Париж, разумеется, отнесся отрицательно. Так, еще в июле 1916 г. (когда в России формировалась еще только 3-я Особая бригада), по прибытию в Париж Беляева с наградами для французской армии, Пуанкаре ядовито заметил: «Их легче послать, чем солдат»[98]. Думается, Берти был близок к истине, когда 26 апреля 1916 г. записал в дневнике: «Присутствие одной русской дивизии [Берти имел в виду одну бригаду. — М.Ч.] во Франции является лишь политическим жестом, своего рода детской игрой в солдатики»[99]. Всего, по данным французского Генштаба, в 1916 г. во Францию и на Балканы к ноябрю 1916 г. было отправлено 745 офицеров и 43.547 нижних чинов[100].

Несомненно, что предложение Думера об отправке на французский фронт русских солдат как «пушечное мясо» с нашей точки зрения выглядело и выглядит более чем цинично. С другой стороны, сам Думер и французское правительство прилагали все усилия для спасения своей страны, своей родины. Было бы, по крайней мере, странным, если бы Париж заботился о благополучии другой державы в ущерб собственных интересов. Поэтому Думер боролся всеми силами за независимость и благополучие собственного государства, собственного отечества, придерживаясь принципов «державного эгоизма». В начале 1915 г., когда Париж, Лондон и Петроград еще договаривались о предполагаемом послевоенном разделе «турецкого наследства», французский президент сказал мудрую фразу: «Мы [Франция. — М.Ч.] знаем устремления России и желаем, чтобы они могли осуществиться, но мы не можем принести при этом в жертву свои устремления»[101].

С другой стороны, в самом факте отправки русских войск на чужбину не было ничего трагического и неординарного. Так, в 1799 г. для борьбы с рево-

---

[98] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 514.
[99] БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 98.
[100] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 45; GOROKHOFF G. Op. cit., p. 6; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 59.
[101] ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 1, с. 501. Точно также Берти пытался решить вопрос о присоединении Испании к Антанте не за счет уступок Лондона Мадриду, а за счет уступок Парижа Мадриду, — БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 112.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

люционной Францией Павел I в разное время отправил три экспедиционных корпуса (хотя тогда Россия не имела общей линии фронта с противником, т.е. Францией): в Италию (во главе с А.В. Суворовым), в Голландию (под командованием генерала И.И. Германа в составе англо-русского экспедиционного корпуса) и Швейцарию (во главе с генералом Нумсеном, которого сменит А.М. Римский-Корсаков)[102]. Более того, во время Первой мировой войны за пределами России (на Кавказском театре военных действий) с ноября 1915 г. уже сражались русские части — Экспедиционный корпус в Персии генерала Н.Н. Баратова (к апрелю 1916 г. его численность достигала св. 25,0 тыс. чел, т.е. не меньше, чем будет на французском или Салоникском фронтах), а в самой России воевали против общего врага английский, французский и бельгийский автодивизионы (численность которых, разумеется, была несопоставимой с численностью Особых бригад: так, в бельгийском автодивизионе насчитывалось около 350 человек)[103].

На Западно-Европейском театре военных действий уже находились и будут находиться не только русские войска (около 20,0 тыс. чел). К весне 1916 г. во Франции сражались, помимо пяти английских армий (св. 2 млн. чел), 80,0 тыс. бельгийцев (оказавшихся на французском фронте по объективным причинам — после вероломного нападения Германии на Бельгию войскам короля Альберта пришлось сражаться, отступая, естественно, во Францию) и воинские контингенты, прибывшие с других континентов: с сентября 1914 г. — индийцы (общая численность составит 2 пехотные и 2 кавалерийские дивизии — 70,0 тыс. чел), с декабря 1914 г. — канадцы (450,0 тыс. чел). За пять дней до прибытия первого эшелона 1-й Особой пехотной бригады, в том же Марселе высадилась 1-я пехотная бригада из Южно-Африканского Союза (к концу войны численность войск этой страны на Западном фронте вырастет до 50,0 тыс. чел), а несколько дней спустя после прибытия наших войск во главе с генералом Н.А. Лохвицким

[102] Суворов, как известно, выиграл Итальянскую кампанию 1799 г., но при Цюрихе (25-26 сентября 1799 г.) Римский-Корсаков был разбит будущим наполеоновским маршалом А. Массеной, и Суворову, шедшему к нему на соединение (Швейцарский поход), пришлось отступить в Россию. Судьба англо-экспедиционного корпуса оказалась еще более трагической: в первом же бою Герман был взят в плен, а затем, после ряда поражений, корпус разложился.

[103] ЧИНЯКОВ М.К. Указ. соч., с. 48.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

в Марсель прибудут войска из Австралии и Новой Зеландии (их общая численность составит св. 300,0 тыс. чел). То есть во Францию прибыли сотни тысяч солдат и офицеров из Северной Америки, Африки, Азии и Австралии, не знавшие климатических условий Северной Франции. Правда, в отличие от России, ни одна из этих стран (за исключением небольшой Бельгии) не имела с державами германского блока общей линии фронта, но вместе с тем нельзя не отметить, что расстояние до дома, например, индийцев и австралийцев, от Франции, несопоставимо больше по сравнению с расстоянием от России до Франции.

В дальнейшем в составе союзных армий на Западном фронте будут воевать: с февраля 1917 г. — португальцы (2-дивизионный Португальский экспедиционный корпус, — св. 40,0 тыс. чел), с июня 1917 г. — американцы (к 11 ноября 1918 г. их численность составит 2 млн. чел, в т.ч. 14,0 тыс. индейцев), с января 1918 г. — поляки (летом будут созданы две пехотные дивизии, — всего св. 17,0 тыс. чел) и чехи со словаками (к концу войны — 7-тысячная бригада), с апреля 1918 г. — итальянцы (один армейский корпус)[104]. Причем итальянцы, как известно, имели общую линию фронта с Австро-Венгрией, главнейшим союзником Германии.

Принято считать, что одной из причин согласия Николая на отправку русских войск во Францию сыграл экономический фактор, т.е. экономическая зависимость России от Франции и Англии, хотя не следует забывать, что Россия играла равную с ними роль в военном плане, поскольку располагалась на одном из флангов самого главного и опасного противника Центрального союза — Германии: без России Германия быстро бы расправилась с Парижем, но без Парижа и Лондона Германия не менее быстро разгромила бы и Россию. (Иногда мы забываем, что, выполняя союзнический долг до самого конца, Россия тем самым спасала не только Париж и Лондон, но и самое себя, поскольку в случае поражения французских и английских армий следующей жертвой Германии оказалась бы именно Россия, которая не смогла бы ничего противопоставить мощному врагу, в несколько раз превосходившего ее в качестве живой силы и в

[104] SEGRETAIN F., HERVET P. Op. cit., p. 12-65.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

технике.) Думается, во время войны Петроград имел теоретические возможности для увеличения своего веса на международной политической арене, но он не смог (не хотел?) их реализовать. Вспомним, как торговалась Италия или Румыния за выгоды для своей страны перед объявлением войны державам Центрального союза, хотя об отсталости экономики этих государств по сравнению с ведущими западными державами — особенно Румынии, где господствовал аграрный сектор — и говорить не приходится[105]. Поскольку в этих странах господствовал германский капитал, как в России французский, следовало ожидать, что они неминуемо присоединятся к Германии, как Россия к Антанте, но Рим (в котором была хорошо поставлена прогерманская пропаганда) и Бухарест, наоборот, занимают выжидательную позицию. Более того, Италия, исходя из тех же принципов «державного эгоизма», перед объявлением войны (которую в мае 1915 г. объявила Австро-Венгрии, и только в августе 1916 г. Германии), занималась настоящим шантажом в отношении обоих враждебных лагерей[106]. (Не забудем и об Японии, потребовавшей от Антанты в обмен на солдат льгот и привилегий для своей страны.)

Вместе с тем и Румыния прекрасно чувствовала собственную важность: когда Петроград спросил мнение Бухареста относительно прохода русских войск через его территорию, тот отреагировал весьма жестко: только после того, как Румыния войдет в состав Антанты и при условии выдвижения к ее границам русской армии — «в размерах, ею [Румынией, — М.Ч.] указываемых» (телеграмма Сазонова царю от 23 октября 1915 г.). Причем, как указывал 4 марта 1916 г. Алексеев Сазонову, Румыния старается руками 250,0 тыс. русских солдат захватить для себя Трансильванию и Буковину[107]. Разве Испания, — страна, чья экономика находилась на низшем, по сравнению с французской, уровне, — ставила какие-либо подобные условия Франции, когда, будучи, как и Румыния,

---

[105] ЧИНЯКОВ М.К. Указ. соч., с. 49.

[106] История дипломатии, т. 3, с. 9. Запись в дневнике британского посла в Париже за 11 октября 1914 г.: «...Италия ждет, кто ей предложит больше», — БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 34.

[107] Ставка и министерство.., 1928, № 3 (28), с. 9 (прим.), 15; АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 363/368, л. 6об, 7. См. также: ПАЛЕОЛОГ М. Указ. соч., с. 493; ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 184; ЕМЕЦ В.А. Указ. соч., с. 63. ПАЛЕОЛОГ М. Указ. соч., с. 501. О политическом давлении на Румынию со стороны Антанты с первых же дней войны см.: VESA V. Op. cit., p. 95-117.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нейтральной страной, разрешила пропустить через свою территорию португальские войска? (Португалия, находившаяся с начала XVIII в. в сфере влияния Англии, вступила в войну только в марте 1916 г.)

Соответственно, наличие слабой экономики в каком-либо государстве не всегда означает подчиненность этого государства интересам других, более развитых держав. В данном случае, т.е. на примерах Италии и Румынии, очевидно, что широко распространенный тезис о подчиненности России в Первую мировую войну ведущим странам только из-за ее экономической отсталости не совсем точен и требует всестороннего и глубокого анализа.

Как известно, с начала войны вплоть до лета 1917 г. Россия, как правило, выполняла стратегические «заказы» Парижа и Лондона. О какой самостоятельной роли России во время Первой мировой войны может идти речь, когда даже военное руководство в лице Алексеева уже заранее ставило себя в зависимое положение, совершенно недвусмысленно заявляя об «особой необходимости и желания» сохранить «добрые отношения» с союзниками. Предъявляя столь унизительное для Петрограда требование отправить русских солдат на французский фронт, совершенно не считаясь ни с какими моральными принципами (впрочем, в политике иначе и не бывает), Париж, — может быть, как ни парадоксально, — даже не беспокоился порвать союзнические отношения с Петроградом, и не опасался, что это весьма циничное предложение может способствовать переходу России во вражеский лагерь, или, как минимум, создать натянутые отношения между обеими странами.

С другой стороны, в декабре 1916 г. — начале мая 1917 г. Франция практически первый и последний раз встретила серьезную и единодушную оппозицию со стороны царя, Ставки и правительства России. Вместо требуемого 400-тысячного контингента Николай дал согласие сначала на одну, потом на вторую пехотную бригаду с русским офицерским командным составом, а 11 мая 1916 г. подписал соглашение об отправке воинского контингента (пяти бригад) в пять раз меньшего, чем требовала Франция в лице Думера (из расчета 80,0 тыс. солдат, включая 1-ю и 2-ю Особые пехотные бригады), и на принципиаль-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

но иной основе, т.е. в качестве самостоятельной воинской единицы, а не как «говорящие орудия». К тому же три Особые бригады не были отправлены за границу вообще (хотя и в силу объективных причин), т.е. в действительности Россия отправила во Францию и на Балканы около 45,0 тыс. человек, — в девять раз меньше, чем требовал Париж. Получается, что для царя и его правительства все-таки существовала некая грань, за которую он не собирался выходить, выполняя требования союзников, — нашел же Николай политическое мужество и решимость не согласиться в октябре 1916 г. на предложение Бьюкенена на присылку в Россию японских войск в обмен на Северный Сахалин и отказать Парижу дважды (в декабре 1915 г. и в мае 1916 г.) в 400,0 тыс. солдат, а в августе 1916 г. — в посылке трех бригад. (Хотя во второй половине 1916 г. ГУГШ всерьез рассматривало вопрос о развертывании во Франции Особого пехотного корпуса, дальше переписки по данной проблеме дело не двигалось.)[108] Более того, в мае 1916 г. Вивиани и Томà, скорее всего, уже не настаивали на посылке 400,0 тыс. чел, что тоже можно записать в актив внешнеполитической линии Николая. Более того, вопрос об отправке русских войск во Францию в 1917 г., который предлагалось обсудить в конце 1916 г., больше никогда не будет подниматься Парижем, о чем «забывали» советские исследователи. На предложение прислать во Францию русских рабочих 26 февраля 1916 г. МИД России известил Извольского, чтобы тот передал французам «в наиболее мягкой форме и с указанием, насколько для нас прискорбно, что мы не можем оказать им просимой союзнической услуги». Более того, послу велели передать «добрый совет» Парижу: «Может быть, французское правительство сочтет возможным прибегнуть к той же мере привлечения [рабочих на заводы. — М.Ч.] китайцев, либо сербских беженцев»[109]. Так может, Николаю следовало уменьшить пределы своей политической терпимости к предложениям-приказам союзников?

---

[108] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 30. Более того, Лохвицкий, оставаясь последовательным сторонником преобразования 1-й Особой бригады в дивизию, не исключал возможности развертывания этой дивизии «...при дальнейшей присылке войск, в корпуса и даже армию», — там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 27об.

[109] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3258, л. 7.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Бесспорно, что борьба за собственные интересы любой страны — особенно в самые сложнейшие периоды ее истории — дело более чем трудное, но вряд ли наличие разнообразных трудностей может послужить серьезным поводом для того, чтобы не бороться с ними вообще, тем более, когда речь идет о национальных интересах и национальном суверенитете. Как совершенно справедливо заметил известный советский военный теоретик А.А. Свечин, «честное соглашение не может заставить забыть о здоровом государственном эгоизме»[110]. По этому же поводу «железный канцлер» О. фон Бисмарк говорил: «В борьбе за существование между великими державами выполняемость всех договоров *условная. Ни одну великую нацию нельзя побудить принести свое существование в жертву на алтарь союзнической верности* [выделено мной. — М.Ч.]»[111].

Итак, оказавшись не в силах противодействовать политическому давлению Франции, Николай II был вынужден согласиться на отправку русских войск на Западный фронт, хотя нельзя сказать, что эта отправка была фатальной и неизбежной. В итоге сложился интересный парадокс: отправляя русские войска за границу, т.е. потерпев на первый взгляд поражение в переговорах, Николай и его правительство все-таки сумели выиграть эту дипломатическую дуэль, поскольку в Европу было отправлено меньшее количество солдат, чем ожидал Париж. Поэтому весьма вероятно, что в условиях Первой мировой войны Николай II вполне обладал возможностями для осуществления политики, более отвечающей интересам России, и войска могли быть отправлены за границу на самых выгодных для Петрограда условиях.

---

[110] СВЕЧИН А.А. Стратегия, с. 115.
[111] Цит. по: МАРТЫНОВ Е.И. Указ. соч., с. 147.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§2. Формирование Особых бригад, их отправка на французский фронт, организация тыловых структур

В данном параграфе изучению подлежит проблемы, связанные с формированием Особых бригад, их социальным составом, комплектованием, количественным составом, структурой, особенностями рядового и офицерского составов, а также процессом отправки войск.

* * *

В ходе переговоров 13 декабря 1915 г. в Ставке французского сенатора П. Думера с русским военным руководством в лице Алексеева, последним была высказана мысль отправить во Францию один-два полка «преимущественно из добровольцев», затем бригаду, а вскоре Алексеев заявил о готовности отправить во Францию максимум одну дивизию. В результате было решено сформировать бригаду из запасных частей. Сначала 1-я Особая пехотная бригада даже не имела номера, что, как справедливо предположил полковник М.В. Карханин, говорило о нежелании командования отправлять за границу русские воинские контингенты[112]. 19 декабря 1915 г., на следующий день после того, как на «высочайшее имя» была подана подготовленная Кархaниным «Всеподданнейшая докладная записка» военного министра Поливанова, царь указал: «Бригаду готовить можно», а 16 января 1916 г. вышел приказ по «Особой пехотной бригаде» №1, в котором ее формирование до назначения командира бригады (им стал генерал-майор Лохвицкий) возлагалось на командующего Московского военного округа. По этому же приказу от 16 января временно исполняющим обязанности начальника бригады был назначен генерал для поручений при командующем этим округом генерал-майор М.Ф. Пигулевский. В силу этого же приказа предполагалось «сформировать пехотную бригаду особого назначения» в составе: управления бригады, двух пехотных полков 3-батальонного состава (по четыре пехотные роты в каждом батальоне) и одного 6-ротного маршевого (запасного) батальона. (У каждой роты имелась собственная полевая кухня.) В си-

[112] Ставка и министерство.., 1928, № 3 (28), с. 18; КАРХАНИН М.В. Русские войска во Франции.., с. 9. Отечественный исследователь Марков неверно называет Особые пехотные бригады стрелковыми, — МАРКОВ О.Д. Указ. соч., с. 90.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

лу соглашения (точный текст которого установить пока не удалось), подписанного 25 декабря 1916 г. между главой французской миссии в России генералом По и Беляевым, личный состав Особой бригады (с маршевым батальоном) по штатам состоял приблизительно в 7.600 солдат и 60 офицеров. В конце января — начале февраля 1916 г. численность бригады увеличилась до 8,5 тыс. чел из-за включения в ее состав солдат и офицеров для пулеметных рот[113]: к каждому батальону, как во французской армии, была причислена одна пулеметная рота (в состав маршевого батальона вошли две пулеметные запасные роты). Эти пулеметные роты (по четыре взвода в каждой) будут сформированы только по прибытию бригады во французский лагерь Майи. Структура частей бригады уже была необычна: по штатам Русской Армии полк состоял из четырех батальонов[114].

По данным Карханина, непосредственно перед отправкой во Францию в Особую бригаду (с маршевым батальоном) входили: 188 штаб- и обер-офицеров и военных чиновников, 8.762 нижних чина, из которых 97 офицеров и чиновников и 185 солдат французской службы. Позднее временная франко-русская комиссия по устройству русских войск, созданная в Париже из представителей французского военного министерства, русского Генерального штаба и военного агента Игнатьева, выработала новые штаты бригады, где было решено сократить количество офицеров и солдат французской службы более чем в два раза. В итоге штаты 1-й Особой бригады составили: 113 офицеров и чиновников (из них 28 человек — французской службы) и 9.533 нижних чина (соответственно 40 человек)[115]. В дальнейшем, с формированием в составе Особых бригад новых частей штаты изменялись в сторону увеличения. Так, по высочайше утвержденным штатам от 16 мая 1916 г. (по военному составу), в управ-

---

[113] ПАВЛОВ А.Ю. Указ. соч., с. 26.

[114] КАРХАНИН М.В. Русские войска во Франции.., с. 7; РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 1; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 57; там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 85; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 63. Непонятно утверждение авторов одной статьи о том, что Особые бригады ничем не отличались от обычных, — ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ В.В. Указ. соч., с. 70.

[115] КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому..., с. 45. По данным Данилова (которые повторил Тарусский), в штаты 1-й Особой бригады первоначально входили 180 офицеров и 8.762 нижних чина, из которых 96 офицеров и 185 солдат французской службы (ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 27; ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч., № 2, с. 5). Французский военный исследователь настаивает на 110 офицерах и 8.762 солдатах, — CHABANIER J. Op. cit., p. 126.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ление бригады входили 8 офицеров (5 русской службы и 3 — французской), 110 нижних чинов и 2 чиновника; в полк — 60 офицеров (соответственно 32 и 28), 3464 нижних чина (3340 и 124) и 11 чиновников и священников (6 и 5); в пулеметную роту — 3 офицера (1 и 2) и 143 нижних чина (131 и 12); в маршевый батальон — 29 офицеров, 1657 нижних чинов и 4 чиновника и врача[116]. Итого, в результате подсчета можно установить следующую численность 1-й Особой бригады по штатам от 16 мая 1916 г.: 295 офицеров, 16.481 нижний чин и 50 чиновников, в т.ч. врачи и священники. Напротив, 14 декабря 1916 г. военный представитель Верховного командования при Главной квартире французских армий Ф.Ф. Палицын сообщает, что по штатам в 1-й Особой бригаде (ссылаясь на те же штаты от 16 мая 1916 г.) должно быть 167, а в 3-й Особой — 129 офицеров[117], что не может не вызвать вопросов о причинах столь заметной разницы в численности двух бригад (38 офицеров) и по отношению к официальным штатам.

В строевом и дисциплинарном отношении военнослужащие французской службы, входившие в состав частей Особых бригад, должны были состоять в непосредственном подчинении русских офицеров, под начальством которых они находились по роду своей службы, но по отношению к французам могли применяться уставы только французского образца. По решению франко-русской временной комиссии французским офицерам необходимо было выдать «...пособие на обмундировку по наивысшему тарифу», чтобы они могли самостоятельно приобрести русскую форму[118]. Однако данных о том, что французские офицеры носили русскую форму, нет. В этой связи несколько непонятны мотивы комиссии: вряд ли уважающий себя офицер какой-либо страны согласится носить мундир чужого государства.

Штаб и 1-й полк Особой бригады формировался в Москве, 2-й — в Самаре, маршевый батальон — в Иркутске, частично за счет местных гарнизонных рот; команды для формирования прибывали также и из Казанского, Одесского и

---

[116] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 2, л. 1-10.
[117] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 3.
[118] Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 2, л. 66.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Петроградского военных округов. По социальному составу в 1-м полку преобладал фабрично-заводской элемент, во 2-м полку — крестьянский. Как правило, нижние чины бригады набирались из запасных батальонов, т.е. из малообученных и не участвовавших в боях солдат. «Нью-Йорк Таймс» в номере от 21 апреля 1916 г. скажет, что русские комплектовали свою бригаду «с бору по сосенке» («picked men»)[119].

В качестве критериев отбора нижних чинов и офицеров в бригаду русское военное командование выдвинуло следующие параметры: прежде всего требовалось быть православным, образованным, т.е. знать письмо и уметь читать, а также иметь хорошее здоровье, обладать высокими служебными и нравственными качествами. При зачислении в полки нижних чинов учитывались и чисто внешние данные, как при приеме в гвардию: 1-й полк состоял из шатенов с серыми глазами, 2-й полк — из блондинов с голубыми глазами[120].

Требования к кандидатам на отправку во Францию соблюдались строго: из одного гарнизона, насчитывающего около 30,0 тыс. человек, командование отобрало только 260 рядовых и унтер-офицеров[121]. «Все эти люди были рослые, крепкие, красивые, грамотные. Особое внимание обращалось на вероисповедание — кроме православных никого не принимали, несмотря на все физические достоинства. (...) Все мы, отобранные, прошли на следующий день тщательный медицинский осмотр. Тех, у кого обнаружили хотя бы незначительный физический недостаток, браковали, заменяли другими». («Ребята были все подобраны, как один, рослые, здоровые и молодые».)[122] По воспоминаниям Рыхлинского, участвовавшего в отборе нижних чинов, «отказники» «с грустью отходили»[123]. В составе 1-го Особого полка, точнее, начальником первого пулемета первого взвода 4-й пулеметной команды этого полка оказался пока никому не извест-

---

[119] Цит. по: COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 29. См. также: Возрождение, 1934, № 3139.

[120] GOROKHOFF G. Op. cit., p. 5-6; РЫХЛИНСКИЙ В. Указ. соч., с. 18. В нижние чины лейб-гвардии Преображенского полка подбирались высокие блондины, в лейб-гвардии Семеновский – высокие шатены без бород и т.д., — МАРКОВ О.Д. Указ. соч., с. 20.

[121] КАРЕВ П.Ф. Экспедиционный корпус, с. 17.

[122] Там же, с. 17, 19; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 15. См. также: ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 87. В частности, 1-я Особая бригада была укомплектована из нижних чинов 24-го Сибирского стрелкового, 11-го Кавказского стрелкового, 100-го Островского, 331-го Орского и Черногорского пехотных полков, — РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 3, л. 2.

[123] РЫХЛИНСКИЙ В. Указ. соч., с. 18.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ный ефрейтор 1-го пулеметного запасного полка Родион Яковлевич Малиновский — будущий Маршал Советского Союза и министр обороны СССР, геройски проявивший себя в начальный период Первой мировой войны и уже заслуживший Георгиевский крест 4-й степени[124], т.е. бригаду частично комплектовали и из небольшого числа лиц, уже участвовавших в боях. Так, по воспоминаниям Дьяконова, часть унтер-офицерского состава 2-го полка подбиралась из числа раненых на фронте[125].

После прибытия во Францию Особые полки пополнились небольшим количеством русских военнослужащих и врачей, находившихся к апрелю 1916 г. в рядах французской армии и волонтеров Иностранного легиона, чьи просьбы о дальнейшей службе вместе с соотечественниками французское и русское военное командование решило удовлетворить, а также из лиц, находящихся в запасе и застигнутых войной во время их пребывания во Франции[126]. Также в 1916 г., по решению франко-русской временной комиссии, в 1-ю Особую бригаду на русскую воинскую службу могли приниматься офицеры, подданные Российской империи, сражавшиеся к моменту прибытия во Францию бригады в рядах французской армии. 5 декабря 1916 г. Лохвицкий прямо говорит об этом, когда просит Палицына разрешить оформлять награды для этих офицеров как для русских подданных, а не как для иностранцев[127], а также другие лица. Например, русские подданные, воевавшие в канадской, австралийской и английской армиях и русские эмигранты из Америки, желавшие вступить в ряды русских войск, находящихся во Франции. В русское посольство в Париже приходили просьбы даже из Алжира (7 июня 1917 г.) от «русскоподданных» «...отбывать воинскую повинность в рядах русских войск во Франции»[128]. Однако в последнем случае речь может идти о русских военнослужащих Иностранного легиона, старавшихся поскорее исправить таким образом их жизненную ошибку, заключавшуюся в подписании контракта на службу в легионе.

---

[124] Родион Яковлевич Малиновский, с. 15.
[125] ДЬЯКОНОВ П.П. Указ. соч., №13, с. 1.
[126] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 28об.; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 25.
[127] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 28об. См. также: там же, д. 2, л. 66.
[128] Там же, л. 106, 76, 122; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 16; АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3379, л. 40.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

При формировании в России в начале 1916 г. 1-й Особой пехотной бригады к подбору офицерского корпуса старались относиться строго. Кандидатуры командиров полков, батальонов и рот, кроме кандидатов на должности младших офицеров, одобрялись Главным управлением Генштаба (ГУГШ), а командира бригады (по другим сведениям, и командиров полков) утверждал лично Николай. Несмотря на жесткость отбора офицеров, участников боевых действий среди них в 1-ой Особой бригаде оказалось немного. Набранный со всех концов России офицерский состав оказался случайным, «...не имел определенного лица свойственного старым полкам, а разделился на партии, бесконечно враждовавшие между собою»; как сказал неизвестный респондент, «у них отсутствовала единая офицерская семья»[129]. Ни одного младшего офицера, как вспоминал Дьяконов, назначено не было, т.к. по его утверждению, имелся соответствующий приказ, по которому младшие офицеры комплектовались бы из «числа русских запасных офицеров, застигнутых войной заграницей»[130].

В тех же воспоминаниях Дьяконов, как бывший командир 2-го Особого полка, не раз подвергал критике процесс формирования и делает вывод: «Формирование производилось из рук вон плохо». Он утверждал, — возможно, справедливо, — что ГУГШ занималось созданием бригады «...чисто формально, придавая этому формированию мало значения и считая его вынужденной уступкой настойчивым просьбам наших союзников о присылке русских войск на западный фронт» (что лишний раз может подтвердить факт пренебрежения высшего военного руководства России к собственным же солдатам). Однако Дьяконов тут же добавляет, что солдаты и офицеры под его руководством все-таки «...оказались на должной высоте и быстро сплотились в единую, дружную полковую семью»[131]. Налицо стремление Дьяконова показать себя в выигрышном свете в качестве талантливого руководителя, что вполне естественно: вряд

---

[129] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 18, л. 90. См. также: Возрождение, 1934, № 3139. В составе 1-го Особого полка в конце 1917 г. служил некий капитан Вадим Маслов, ставший возлюбленным более чем известной танцовщицы Маты Хари, обвинявшейся в шпионаже, и выступавший на суде по ее делу в качестве свидетеля защиты. Однако 15 октября Мата Хари была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна. Расстрел произвел большое впечатление на капитана, и остатки дней он провел в монастыре.

[130] ДЬЯКОНОВ П.П. Указ. соч., №13, с. 1. См. также: КАРХАНИН М.В. Русские войска.., с. 8.

[131] ДЬЯКОНОВ П.П. Указ. соч., с. 1.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ли кто из мемуаристов вообще любил акцентировать внимание читателей на своих ошибках и промахах.

С первых дней формирования 1-й Особой бригады в начале 1916 г. сразу стало очевидным, что русское командование уделяло больше внимания строевой подготовке, чем боевой. Желание показать как можно лучше русские части с чисто внешней стороны сквозило во всем. Так, по личному указанию Николая II был создан прекрасный оркестр; художник Соломко преподнес Особой бригаде походный иконостас (позже был передан в церковь общества галлиполийцев в Париже); в бригаду были включены секретари, повара, кузнецы, инженеры, фотографы; во Францию вместе с частями бригады было отправлено несколько автомобилей и даже несколько швейных машинок[132]. Со стороны, вероятно, могло показаться, что 1-ю Особую пехотную бригаду готовили не к предстоящим сражениям, а только с целью произвести впечатление на французов. Весьма любопытны строки воспоминаний Вавилова: «Мы думали, что мы, русские, будем размещены и разосланы по городам для несения гарнизонной службы, для караулов»[133]. По крайней мере, у Вавилова странная логика — неужели солдат везли через Тихий и Индийский океан, чтобы в чужой стране поставить гарнизоном, вдали от передовой?

Менее чем за месяц (в течение двух недель — с 15 по 30 января) формирование Особой бригады закончилось. Это оказалась действительно пехотная бригада — на данный момент штаты инженерных и артиллерийских частей отсутствовали. Естественно, данный факт никак не мог сказаться положительным образом на боевых качествах бригады, что умаляло ее боевую ценность. Нехватку саперов и артиллеристов будет испытывать не только 1-я, но и последующие три Особые бригады. В полной мере данный недостаток так и не удастся ликвидировать. Поэтому в силу острой необходимости командованию бригад (особенно 1-й) приходилось брать на себя инициативу и формировать части, не входящие в штаты, за счет «внутренних резервов». Так, к концу 1916 г. в 1-й

---

[132] КАРХАНИН М.В. Русские войска.., с. 9. COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 33.
[133] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 26-27.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

бригаде существовала батарея минометов, 37-мм траншейных орудий и саперная полурота. Кроме того, при штабе полков были созданы должности особых офицеров, заведующих разведкой и организацией борьбы с газовой атакой[134]. К июлю 1917 г. в состав каждой бригады (уже сведенных в одну дивизию) по штатам входили: одна траншейная батарея, рота инженерных войск, прожекторный взвод, команда дивизионных носильщиков, санитарный автомобильный взвод и вспомогательные службы[135].

7 февраля 1916 г. началось движение первых эшелонов управления 1-й бригады и частей 1-го полка по Сибирской железной дороге до города Дайрена (Дальний, совр. Далянь); путь занял 22 дня (эшелоны 2-го полка выступят 13 февраля). Маршрут движения бригады на французский фронт из-за плохих навигационных условий на Белом море русское руководство, возможно, выбрало не самый лучший, но зато самый оптимальный. Первоначально войска должны были прибыть на Дальний Восток, потом через Желтое, Южно-Китайское моря, Сингапур, Индийский океан и Суэц в Средиземное море, прежде чем прибыть в Марсель (Франция); общая длина маршрута составляла 19,0 тыс. миль.

Хотя потребности 1-й Особой бригады должны были составлять шесть-семь транспортов среднего тоннажа, Франция предоставила три судна малого тоннажа — пароходы «Лятуш-Тревиль», «Гималаи» и «Сантай» (для «разгрузки» транспортов в Суэце дополнительно прислали французский вспомогательный крейсер «Лютеция»). Из-за нехватки мест бригада разместилась на специально зафрахтованных для этой цели двух русских пароходах — «Тамбове» и «Ярославле». Тем не менее, транспорты были перегружены. Так, «Лятуш-Тревиль» был рассчитан на 1,6 тыс. чел, а на него посадили 1,8 тыс. чел (18 офицеров, в т.ч. управление и штаб бригады, и 1790 нижних чинов); «Гималаи» — соответственно 2,4 тыс. и 2,5 тыс. чел (17 офицеров и 2490 нижних чинов); «Сантай» — 2,4 тыс. и 2,5 тыс. чел (21 офицер и 2533 нижних чина); «Тамбов» — 770 и 1000 чел (14 офицеров и 989 нижних чинов), и «Ярославль» — 773 и

---

[134] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 2.
[135] Ordre de bataille de la 1ère Division russe (6 juillet 1917), — Архив Ю.В. Копылова.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

930 чел (11 офицеров и 921 нижний чин). Тем не менее, без места оказалось почти 1,5 тыс. чел, которых распределили по всем пароходам дополнительно, т.к. больше пароходов ни Россия, ни Франция не смогли выделить[136]. «На некоторых транспортах из-за недостатка места нельзя было вести никаких занятий в пути», — докладывал начальнику Морского штаба лейтенант флота Довконт, состоявший в распоряжении Лохвицкого на всем протяжении пути до Марселя[137]. Во время последующих отправок трех бригад количества прибывших пароходов, а также прибывших в Архангельск, продолжало оставаться недостаточным. Впрочем, скученность солдат на пароходах могла происходить, во-первых, действительно из-за желания французов уместить как можно бо̀льшое количество солдат на имеющихся пароходах (вероятно, из-за нехватки самих транспортных средств или из присущего им любви к экономии), во-вторых, из-за желания командиров рот или батальонов «...посадить их людей теснее, но всех вместе»[138].

Условия, в которых осуществлялась перевозка бригады, оказались не совсем благоприятными[139]. Если верить воспоминаниям Карева, во время всего пути следования офицеры мало заботились о подчиненных; больных часто не лечили, за неповиновение или другие нарушения солдат постоянно наказывали, из-за чего неоднократно вспыхивали неприятные инциденты[140]. К его мнению не присоединяются другие участники этого плавания: Малиновский, Лисовенко, Власов, Скворцов и Козлов (также участвовавшие в этом плавании) и Афиногенов (служивший в 3-й бригаде, и прибывший во Францию из Мурманска) не приводят никаких данных о несправедливом отношении к ним со стороны офицерства, делая акцент на тяжелых условиях переезда (плохое качество пищи, недомогание от непривычных климатических условий, непроветриваемые

---

[136] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д.1, л. 1; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 23. О количестве войск на транспортах А.Ю. Павлов, ссылаясь на другой источник, приводит практически те же данные, с незначительными изменениями, — ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы, с. 28.

[137] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д.1, л. 1.

[138] КАЗИМИРОВ М.В. Указ. соч., с. 77-78.

[139] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 25; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 35, 30, 31. См. также: ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 88.

[140] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 30; ГОРОДИСКИЙ П. Указ. соч., с. 11-30.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

помещения и т.п.[141]). О трудностях переезда вообще умалчивают Дьяконов с Рыхлинским, но молчание командира 2-го Особого полка вполне объяснимо — вряд ли он стал бы упоминать какие-либо неприятности, даже если бы они и произошли. Лишь только один Вавилов ни на что не пожаловался. Зато офицеры во время морского путешествия вряд ли испытывали какие-либо трудности: Рыхлинский, которого трудно обвинить в предвзятости к офицерскому корпусу вообще, сообщает: «Шампанское лилось рекой за каждым обедом». Во время двухдневной вынужденной стоянки на Никобарских островах (в Индийском океане) русские армейские офицеры приглашали в гости армейских французских, которые в долгу не оставались; морские русские офицеры — наших армейских[142].

Судя по докладу Довконта, санитарное состояние войск «было отличным, так например в 1-м полку было оставлено за все время пути в береговых госпиталях 0,9%...»[143]. Вместе с тем Довконт ни словом не обмолвился о количестве умерших, о которых сообщают нам авторы воспоминаний: Карев говорит об 11 умерших в пути в период движения транспортов от Дайрена до Цейлона, Малиновский — об одном (умер в карцере от теплового удара), Вавилов — об одном-двух солдатах, а по данным Рыхлинского двое солдат скончались от «скоротечной чахотки»[144]. Возможно, условия переезда русских войск во Францию, несмотря на многочисленные недостатки, не отличались чем-то особенным от существовавших в то время норм военного времени (по крайней мере, с точки зрения русского военного командования).

Куда больше нареканий вызвали действия представителей пароходных компаний, не упустивших случая извлечь выгоду. Так, они заключили с французским военным министерством контракт, по которому маршрут следования транспортов зависел «от усмотрения компании», а транспорты могли «прини-

---

[141] КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 12; СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 14; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 163-173; ЛИСОВЕНКО. Указ. соч., с. 22-29; ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ В.В. Указ. соч., с. 75.

[142] РЫХЛИНСКИЙ В.А. Указ. соч., № 52, с. 12, 13. Существует специальный фотоальбом, посвященный переезду 1-й Особой бригады, — ЧИНЯКОВ М.К. Русские войска во Франции и Греции в 1916—1918 гг. (по материалам ЦМВС) // Информационно-методический сборник ЦМВС. М. 1998, вып. 3, с. 17.

[143] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д.1, л. 1об.

[144] РЫХЛИНСКИЙ В.А. Указ. соч., №53, с. 14; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 24; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 24; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 165.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

мать частные грузы». Соответственно, офицеры на борту пароходов находились в полной зависимости от желаний этих представителей и, возможно, этим можно хотя бы частично объяснить негативные моменты, которые действительно происходили на пароходах. Так, капитан «Лютеции» отказал нижним чинам в матрасах «для спанья», и только энергичное вмешательство французского лейтенанта флота Жана О'Нейля, сопровождавшего бригаду, заставило капитана выполнить требование русских[145]. Впоследствии действия французского лейтенанта были одобрены французским военным министром, а Николай II повелел наградить О'Нейля орденом.

Утром 20 апреля 1916 г. в порт Марселя вошли транспорты «Гималаи» и «Лятуш-Тревиль» (28 апреля — пароходы со 2-м Особым полком, и последние транспорты — 2 мая). (Войска спускались по трапам, которые поставили немецкие военнопленные.) Таким образом, весь переход первых эшелонов 1-й Особой бригады занял 56 дней.

Встреча русских войск марсельцами и вообще во всей Франции оказалась самой душевной и доброжелательной. «Все балконы и окна домов украшены гирляндами разноцветных флажков союзных Франции стран, но больше гирлянд из русских и французских флажков... (...) ...на балконах и окнах висят роскошные ковры. На тротуарах сплошь народ. Люди рванулись бы к русским солдатам, но их сдерживают канаты»[146]. Из воспоминаний капитана Э.Э. Шульца: «Я убежден, что все мы — 1-я Особая бригада, до конца дней не забудем тех сильных переживаний и душевных волнений, которые, несомненно, испытывали все до последнего мы, дефилировавшие по улицам Марселя, буквально запруженным народом... Эти моменты не забываются. Из всех окон, раскрытых, сыпались цветы прямо нам под ноги. Энтузиазм был никогда в жизни невиданный, по силе, яркости выражений. ...многие из толпы жали руки

---

[145] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д.1, л. 1об.-2. См. также: ЛИСОВЕНКО. Указ. соч., с. 23, 25. О деятельности О'Нейля Лисовенко отзывается пренебрежительно, — там же, с. 28.

[146] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 184, 186; См. также: КАРЕВ П.Ф. Экспедиционный корпус, с. 40-41; АЛЕШИН И. Указ. соч., с. 24-25; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 24-25; ДЬЯКОНОВ П.П. Указ. соч., № 14, с. 4-5; ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 613; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 31-32; КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 12; RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 116. О торжественной встрече транспортов в г. Брест 3-й Особой бригады см.: СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 25-26.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

солдат, не покидавших своих рядов, хватали их, было масса трогательных поцелуев, благословений. (...) Это был хаос душевных переживаний»[147].

В Марселе войска прошли церемониальным маршем под восторженные крики французов. При проведении парада чуть было не произошел конфуз — все офицеры пропали кто куда, разбежавшись по городу, и их невозможно было разыскать. Выручила, как всегда, русская смекалка — разные роты поручили возглавлять одним и тем же офицерам, оказавшимися более дисциплинированными. Прапорщик Рыхлинский, адъютант командира 2-го Особого полка, вспоминал, как ему пришлось «обежать бегом дома, чтобы стать во главе, кажется, 3-й роты, командир которой был в числе "пропавших без вести"». Потом Рыхлинский заменил командира 7-й, 8-й роты и т.д. Когда он проходил в третий раз, то услышал разговоры среди зевак: «Как все русские офицеры похожи друг на друга!»[148].

Вместе с войсками во Францию прибыл 5-месячный медведь по кличке «Мишка», купленный за 45 руб. двумя офицерами 1-й роты 1-го Особого полка в Екатеринбурге (иногда неверно указывается, что медведь был куплен офицерами 5-го полка 3-й Особой бригады) и прошедший всю войну (после распада 1-й Особой дивизии вошел в состав Русского Легиона Чести); одним из самых любимых лакомств у Мишки стал коньяк и апельсины. Медведь стал неким символом Особых бригад и постоянно вызывал неподдельное восхищение и колоссальный восторг у французов (все четыре полка имели своих «маскотт де режиман», как называли их солдаты, — «полковых талисманов» — собак или козликов)[149]. По неведомым причинам Мишка любил зеленую форму русских

---

[147] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 73. РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 26. Наше слово, 22.04.1916. Не менее торжественно французы встречали солдат и офицеров 4-й Особой бригады, прибывших в октябре-ноябре 1916 г. в Брест, где горожане устроили им радостную встречу (РГАСПИ, ф. 71, оп. 44, д. 67, л. 16). В такой же торжественной обстановке прошла встреча жителями Бреста военнослужащих 2-й Особого инженерного батальона, прибывшими в Брест в *августе-сентябре* 1917 г., о чем вспоминал солдат этого батальона Г.Д. Обичкин, — Там же, д. 4, л. 38.

[148] РЫХЛИНСКИЙ В.А. Указ. соч. № 53, с. 15. Во французском варианте воспоминаний Рыхлинского этот эпизод отсутствует. В июле 1916 г. во Францию прибудут вместе с эшелонами 2-й Особой бригады 30 офицеров и 576 нижних чинов, — ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч., № 2, с. 5.

[149] Там же, №4, с. 5; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 89. Когда Мишку дарили в Зоосад, дарители уверяли его руководство, что медведь любит союзников и «особенно Францию». Кокфилд уверяет, что Мишку похоронили на кладбище в Мурмелоне (COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 333). Однако подтверждения этому слуху не найдено.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

солдат и не выносил синюю форму французов. Во время газовых атак в начале 1917 г. медведь отравился хлором и лечился; врачи-ветеринары назначили ему специальный рацион. Во время куртинских событий Мишка находился в лагере и пострадал от злых солдат, которые намеренно обварили шерсть несчастного животного кипятком. После расформирования Особых бригад Мишка вместе с Русским легионом «участвовал» в боях, а после окончания Первой мировой провел остаток дней в парижском Зоологическом саду.

Сразу с пароходов части 1-й Особой бригады французы отправили в лагерь Мирабо под Марселем, а оттуда — в лагерь в Шампани Майи (в 30 км от г. Шалон-сюр-Марн), считавшийся образцовым, в который Особая бригада прибыла 25 апреля. Этот лагерь превратился в настоящий «русский городок»[150], — сюда прибывали подкрепления, части отводились на отдых после боев на передовой, здесь войска проходили обучение. В Майи, при поддержке главного священника (grand aumônier) французской армии, была сооружена русская церковь[151]. Примечательно, что Париж уделял большое внимание религиозному фактору — так, в местах наиболее компактного проживания колониальных частей и работников из колоний по инициативе французов для аннамитов была построена пагода, а для мусульман — мечеть; со стороны официальных властей выказывалось самое благожелательное отношение к религиозным чувствам солдат и работников из французских колоний[152].

В силу соглашения от 11 мая 1916 г. Россия приступила к формированию очередных бригад; 3-я Особая пехотная бригада во главе с генерал-майором В.В. Марушевским, предназначалась для французского фронта. Структура этой бригады была такой же (но шесть пулеметных рот были сформированы сразу в России), что и у 1-й, но штаб и 5-й полк формировался в Екатеринбурге, 6-й — в Челябинске. Ввиду изменения в сезоне погоды, эти бригады уже отправлялись через Архангельск.

---

[150] КАРХАНИН М.В. Русские войска во Франции.., с. 47.
[151] АВПРИ, ф. 323, оп. 617, д. 60, л. 60.
[152] MICHEL M. Op. cit., p. 402. Например, французы выказывали особое уважение к самым почитаемым праздникам у мусульман — например, к мулуду, т.е. ко дню рождения пророка Мухаммеда, — Ibidem.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Полки 3-й Особой бригады формировались частью путем выделения целых рот из действующих полков (3 роты в каждом полку), большей же частью — из тех же запасных батальонов (остальные 9 рот), т.е. комплектование этой бригады разительно отличалось от комплектования 1-й бригады. Формирование бригады (28 мая — 6 августа) совпало по времени с Брусиловским наступлением в Галиции (Юго-Западный фронт) летом 1916 г., где русские войска понесли большие потери, что сказалось на качестве и темпах комплектования. Из-за нескольких подрывов на морских минах русских и английских пароходов у Архангельска погрузка войск в порту была приостановлена, и возобновлена 18 августа. На следующий день три английских парохода со штабом бригады и 5-м Особым полком отправились в направлении французского города Брест и прибыли в пункт назначения практически без всякого охранения. 31 августа из Архангельска вышли пароходы с последними частями бригады и высадились в Бресте и Нанте 1-10 сентября 1916 г.

Организация русских войск во Франции (и на Балканах) до логического конца не была проработана. Не было продумано создание единого русского командования. Так, 5 декабря 1916 г. Лохвицкий сообщает Палицыну: «Вследствие подчинения бригад ГУГШ, эти войска оторваны от подчинения Ставке и не получают даже важнейших распоряжений»[153]. Полномочия находящегося в Париже представителя Верховного Командования при французских армиях генерала от кавалерии Я.Г. Жилинского были ограничены, хотя он «...пользовался по отношению к ним [к русским войскам. — М.Ч.] дисциплинарными правами главнокомандующего фронта»[154]; генерал также имел право только награждать личный состав и разрешать вопросы только общего характера. Более того, Жилинский не имел своего управленческого аппарата. Не случайно 29 июля 1916 г. (вероятно, недовольный какими-то действиями Жилинского), Игнатьев поинтересовался у начальника Генерального штаба Беляева полномочиями представителя русского верховного главнокомандования. Нельзя не воспроизвести ла-

[153] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 27об.
[154] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 618.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

коничный ответ отвлеченного характера Беляева Игнатьеву на следующий день: «Полагаю лучше сохранить существующий порядок вещей»[155].

Вопрос о более четком определении функций представителя Ставки был поставлен Палицыным, прибывшим в сентябре 1916 г. во Францию вместо Жилинского. Даже 22 мая 1917 г., незадолго до ухода с поста, Палицын жаловался на отсутствие четкой организации руководства войсками: хотя «представитель Верховного командования [т.е. сам Палицын. — М.Ч.] служит связью по оперативным вопросам со Ставкою и по положению не касается наших войск... именно к нему приходят как к старшему с проблемами, а отказать он не может»[156]. Разрешение этой проблемы сдвинулось с мертвой точки только при генерал-майоре М.И. Занкевиче, назначенного в конце мая 1917 г. представителем Временного правительства при Главной квартире французских армий (он сложит с себя полномочия в пользу Лохвицкого 2 февраля 1918 г.). В его ведение входили: оперативно-разведывательная часть, инспекторская, хозяйственные и санитарные части русских войск[157].

В течение всего пребывания на французском фронте Лохвицкий неоднократно высказывался за развертывание двух Особых бригад в полнокровную пехотную дивизию 2-бригадного состава, как во французских армиях. Так, уже 26 июля 1916 г. Лохвицкий обращается с донесением к Жилинскому «Об организации управления русской дивизии во Франции», подготовленным его начальником штаба Генерального штаба полковником И.И. Щолоковым. В первых же строках донесения выдвигается предположение о предстоящем «развертывании 1-й Особой пехотной бригады в дивизию, в случае, если этот вопрос будет решен в положительном смысле...» Управление будущей дивизии предполагалось сформировать также по французскому образцу[158].

20 августа 1916 г. французское командование еще верило в отправку шести бригад (5-й, 6-й, 7-й и 8-й) на Западный фронт, т.к. в этот день Жоффр предос-

---

[155] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 2, л. 90, 91. См. также: ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 50.

[156] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 76, л. 9. Еще в январе 1917 г. Палицын просил снять его с поста представителя русской Ставки при французской Главной квартире, — там же, оп. 5, д. 2, л. 29, 39, 40.

[157] Там же, оп. 14, д. 120; там же, оп. 8, д. 45, л. 47; там же, оп. 2, д. 170, л. 13, 50. КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому..., с. 46-47.

[158] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 4, 4об-5.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тавил генералу Жанену свои соображения по поводу развертывания предполагаемых трех русских дивизий. В состав дивизии, по мнению главнокомандующего французскими войсками, должны были входить две бригады пехоты по два полка 5-батальонного состава (в каждом батальоне — три роты); в каждом полку — не менее одной пулеметной роты. Полковое депо (эквивалент маршевому батальону в Русской Армии) состояло из 5 рот и входило в состав дивизионного депо[159]. Итого, с учетом военно-хозяйственных служб, для каждой дивизии требовалось прислать из России дополнительно не менее св. 100 офицеров и св. 3,5 тыс. чел, что для трех дивизий составляло почти 350 офицеров и св. 10,5 тыс. солдат. Даже сам Жоффр (будучи изначально убежденным противником отправки русских войск на Западный фронт) высказывал в этом же документе сомнения в способности России предоставить данный контингент (без учета кавалеристов и присылки подкреплений для комбантантов дивизий).

Позднее предполагаемые штаты русских дивизий были уточнены. Всего в дивизии должно было входить 357 офицеров и 13.254 солдат при 3.969 лошадях[160]. Выдвигая предложения о развертывании каждой из двух Особых бригад в дивизию, французы наверняка пытались увеличить количество русских войск во Франции, — если не до требуемого количества в 400,0 тыс. чел, то хотя бы на какую-то часть. В заслугу русского военного командования можно поставить тот факт, что в силу либо объективных, либо субъективных обстоятельств, но оно отказало Парижу.

В сентябре 1916 г., когда уже стало окончательно ясно с количеством отправленных бригад за границу, французское верховное командование обратилось к Игнатьеву с просьбой сформировать как можно быстрее две Особые дивизии на основе уже имеющихся четырех Особых бригад — одну на французском, другую — на Салоникском фронте. Несомненно, Игнатьев проинформировал Алексеева, который не замедлил согласиться с этим предложением, хотя 13 августа высказывался против развертывания бригад в дивизии[161]. Однако

---

[159] Там же, л. 12-13.
[160] Там же, л. 52-53.
[161] Там же, л. 11-11об., 14; там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 97, 99.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

процесс формирования дивизий явно затягивался, хотя русское командование стало всерьез рассматривать формирование на французском (как и на Салоникском) фронте полнокровной дивизии, поскольку 26 октября 1916 г. Жилинский получил из Петрограда телеграмму, где говорилось о возможной высылке во Францию солдат и офицеров для артиллерийских частей будущей 1-й Особой дивизии[162].

К концу ноября — началу декабря 1916 г., казалось, проблема формирования во Франции дивизий, частично разрешилась. Так, 5 декабря ГУГШ заявило, что в данный период «вопрос о сведении Особых бригад в дивизии будучи решен в принципе в положительном смысле, может быть однако осуществлен не ранее весны 1917 г. вследствие закрытия навигации и невозможности таким образом прислать из России необходимые контингенты кавалерии, артиллерии, инженерных и санитарных войск»[163]. Однако из документа неясно, о каких дивизиях идет речь — то ли сформированных из каждой бригады, то ли сведенных из уже имеющихся двух в одну.

Генерал Палицын, прибывший в сентябре 1916 г. вместо Жилинского, поддержал мнение Лохвицкого о развертывании каждой бригады в полнокровную дивизию, а Ставка (и прежде всего Алексеев) была за сведение двух бригад в одну дивизию. Так, 19 декабря Лохвицкий предоставляет на имя Палицына рапорт на его имя под названием «Записка о переформировании 1-й Особой пехотной бригады в дивизию», которая начинается словами: «Согласно выраженному вашим высокопревосходительством пожеланию, представляю краткие предположения о развертывании 1-й Особой пехотной бригады в 1-ю Особую пехотную дивизию...» французского образца. Казалось, Ставка прислушалась к мнению Палицына и Лохвицкого. Так, первый 22 декабря 1916 г. сообщил второму, что «вопрос о создании Русских дивизий во Франции предполагается разрешить не путем сведения двух отдельных бригад в одну дивизию, а путем

---

[162] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 24.
[163] Там же, л. 31.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

развертывания каждой бригады в самостоятельную 3-полковую дивизию [т.е. французского образца. — М.Ч.]»[164].

2 января 1917 г. Палицын сообщает в Петроград, что для развертывания двух бригад в две дивизии требуется прислать дополнительно только для одной дивизии 175 офицеров и около 8,0 тыс. нижних чинов. Следовательно, для двух дивизий Палицын просил Генеральный штаб прислать 350 офицеров и около 16,0 тыс. нижних чинов[165], что, учитывая принципиальную позицию Ставки, было практически нереально.

Со своей стороны, Ставка вернулась к прежнему проекту и начала разрабатывать штаты будущей дивизии на основе простого сведения двух бригад в одно целое явно без учета пожеланий русского военного руководства во Франции (и на Балканах). 10 февраля 1917 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ Занкевич пишет Палицыну: «Штаты управлений Особых дивизий с дивизионными учреждениями, а равно артиллерийских и инженерных частей для этих дивизий внесены уже в Военный совет»[166].

16 февраля 1917 г., Военный Совет, заслушав представление ГУГШ №498 от 9 февраля этого же года, принял решение: сформировать две дивизии — одну во Франции, другую — на Балканах. В состав 1-й Особой пехотной дивизии должны были войти уже находившиеся во Франции части и части, которые должны были прибыть из России:

- 1-й, 2-й, 5-й и 6-й Особые пехотные полки;
- 1-я Особая артиллерийская бригада;
- 1-й Особый артиллерийский парковый дивизион;
- 1-й Особый пехотный маршевый батальон (из двух маршевых батальонов 1-й и 3-й бригад);
- 1-й Особый инженерный батальон и
- маршевая инженерная рота для Особых инженерных батальонов[167].

---

[164] Там же, л. 41. В начале войны французская дивизия состояла из четырех полков, но к 1916 г. их количество уменьшилось до трех.
[165] Там же, д. 17, л. 18.
[166] Там же, д. 8, л. 180.
[167] Там же, л. 68, 73, 75об., 86, 89-90об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Дивизия должна была возглавляться генерал-лейтенантом, бригады — генерал-майорами. Хотя окончательное решение о формировании Особой дивизии было принято в феврале, вакансии ее командира и командиров бригад и полков оставалась предметом для споров. Так, только в мае 1917 г. на должность командира 1-й дивизии был утвержден Марушевский, которому из-за сильных трений с Отрядным комитетом русских войск во Франции (т.е. с дивизионным комитетом) пришлось не только оставить пост, но и уехать в Россию, и вторым командиром (и последним) стал Лохвицкий. (Поскольку в ходе реорганизации 3-я Особая пехотная бригада стала называться 2-й Особой пехотной бригадой, в дальнейшем тексте будет оставлено прежнее ее наименование.)

26 февраля, т.е. спустя десять дней, Занкевич сообщает Палицыну об окончательном решении проблемы, что 1-я и 3-я бригады сводятся в 1-ю Особую пехотную дивизию, поскольку «переформирование 1-й и 3-й бригады в две дивизии осуществить не представляется возможным»[168]. Решение встретило явное несогласие Палицына, который на следующий же день отправил начальнику Генерального штаба Беляеву донесение, что сведение двух бригад в одну дивизию «произведет здесь [во Франции. — М.Ч.] нежелательное впечатление». Даже спустя почти два месяца, в начале апреля, Палицын сообщает генерал-квартирмейстеру штаба Верховного Главнокомандующего А.С. Лукомскому «для пользы дела» развернуть две бригады в две дивизии даже без артиллерии, «которую наверное как постоянную дадут французы»[169].

Поскольку в мае 1917 г. в русских частях начались сильные брожения, французское военное руководство отнеслось к сведению двух бригад в одну дивизию весьма скептически, т.к. 30 мая 1917 г. Пенлеве утверждал, что он рассматривает две бригады не как одну дивизию, а как группировку (groupement) из двух бригад с единым командованием[170].

Еще 28 января 1917 г., до внесения представления ГУГШ № 498, ГУГШ внес на утверждение Военному Совету представление № 262, в котором пред-

---

[168] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 184. См. также: Там же, ф. 2003, оп. 1 д. 1151, л. 91.
[169] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 189; там же, ф. 2003, оп. 1 д. 1151, л. 100об.
[170] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 428.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

лагалось утвердить при будущих 1-й и 2-й Особых дивизиях штаты 1-го и 2-го инженерных батальонов и двух Особых маршевых инженерных рот. Рассмотрев представление ГУГШ, 1 февраля 1917 г. Военный Совет утвердил проект, добавив, чтобы всему личному составу Особых инженерных батальонов отпустить второй комплект обмундирования, сапог и снаряжения. 18 февраля предложения Военного Совета были «высочайше утверждены» (за незначительными исключениями)[171].

Однако 5 августа 1917 г., в связи с решением французского правительства и начавшимся процессом распада 1-й Особой пехотной дивизии после апрельских боев 1917 г. и революционных событий в России, ГУГШ внесло предложение на утверждение Военному Совета «...расформировать 1-й Особый инженерный батальон, намечавшийся к отправке во Францию», несмотря даже на то, что оба батальона с маршевыми ротами были уже сформированы[172]. Поскольку общая ситуация не только с русскими Особыми дивизиями на французском и Салоникском фронте, но и общая военно-политическая ситуация на Русском фронте и в самой России ухудшалась день ото дня, 26 сентября 1917 г. Военный Совет утвердил предложение ГУГШ[173]. В связи с решением о сформировании 1-й Особой пехотной дивизии в России приступили к образованию инженерных и артиллерийских частей (материально-техническую часть должны были предоставить французы). 1 февраля 1917 г. Военный Совет одобрил формирование 1-й и 2-й Особой артиллерийской бригады (соответственно для французского и Салоникского фронтов). По «высочайше утвержденным» штатам 1-й бригады ее численность составила (в т.ч. с маршевым батальоном): 73 офицера, 7 военных чиновников и 3.130 нижних чинов[174]. 2-я бригада была сформирована в Луге и готова к отправке, но формирование 1-й, проходившая в Новом Пе-

---

[171] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 48, л. 15-22.
[172] Там же, л. 25-25об.
[173] Там же, л. 28. Однако один отряд инженерных войск (16 офицеров, один из которых полковник, и 270 солдат) 2-го Особого инженерного батальона для 2-й Особой дивизии в первых числах октября 1917 г. успел прибыть во Францию, — Там же, л. 29. Судя по сообщению военного агента в Греции генерала В.Л. Артамонова, последний эшелон «саперного батальона» был доставлен на пароходе «Адмирал Чихачев» в Салоники 21 октября 1917 г., — там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 91. Скорее всего, речь идет о 2-м инженерном батальоне.
[174] Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 147, 147об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тергофе, было приостановлено из-за появившихся в ней брожений. Поскольку французское правительство настаивало на отправке артбригады во Францию, а не на Балканы, 13 июня ГУГШ приняло решение о расформировании 1-й бригады, о переименовании 2-й бригады в 1-ю и о начале формирования 2-й Особой артиллерийской бригады в Орле из частей местного конно-артиллерийского дивизиона для отправки на Балканы[175]. Однако из-за разворачивающихся в России революционного движения части 2-й бригады менее чем за месяц оказались на стадии полного разложения, и ГУГШ отказалось от идеи отправки артиллеристов на Салоникский фронт и, вопреки мнению Парижа, требовавшего отправить артбригаду на Балканы, решило переименовать 1-ю Особую артиллерийскую бригаду обратно во 2-ю и отправить ее на Салоникский фронт[176], что и было исполнено.

Проблемы по созданию централизованного тылового аппарата русское командование решало медленно. Решение данной проблемы было возложено на временную франко-русскую комиссию по устройству русских войск, где главную роль, как уже отмечалось выше, играл Игнатьев, успешно занимавшийся, кроме того, практически в одиночку с самого начала войны, вопросами, связанными с закупками вооружения для России во Франции. Именно он решал все хозяйственные и организационные проблемы, связанные так или иначе с вопросами, входящими в компетенцию тылового аппарата. Сам Игнатьев откровенно вспоминал, что он «...без всяких распоряжений из России превратился в начальника тыла на чужой земле, отвечая решительно за все, вплоть до уплаты хронически недополучаемого на фронте жалованья». Не случайно 30 апреля 1917 г. Лохвицкий напишет Игнатьеву: «Не знаю как благодарить вас за хлопоты о нашем благополучии»[177].

Фактически прообраз Тылового управления был создан к началу 1917 г., но легитимное оформление оно получило только в начале лета 1917, т.е. когда ак-

---

[175] Там же, л. 157. См. также: Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 8.

[176] Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 161-161об.

[177] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 617; РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 2. Более того, Игнатьев проявлял не меньшую заботу и о других Особых бригадах. Так, в одном из отношений в адрес командира 4-й Особой бригады он интересуется обеспечением всех чинов бригады теплой одеждой, — ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 144.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тивные боевые действия со стороны Особых бригад уже прекратились. Только 2 июля 1917 г. выходит долгожданный приказ № 11 по русским войскам во Франции, в §1 которого говорится: «Для объединения деятельности тыловых органов формируется Тыловое Управление в составе отделений: Инспекторское, Интендантское, Санитарное». 21 июня 1917 г. начальником управления назначался полковник Карханин, подчинявшийся Занкевичу[178]. До прибытия Карханина (убыл во Францию 19 июля) и остальных офицеров, назначенных на должности Инспекторского, Интендантского, Санитарного отделений, были временно назначены следующие лица: начальником Управления подполковник Пац-Помарнацкий и (соответственно по подразделениям): капитан Пардигон (замещенный в начале июля на Генерального штаба полковника Кругина), капитан В.И. Копылов и доктор Рубакин. В феврале-марте 1918 г. Тыловое управление было ликвидировано и его функции по постановлению французского правительства №30235 от 24 декабря 1917 г. перешли к Русской базе (La Base Russe) в г. Лаваль (департамент Майенн, в 65 км западнее г. Ренн), находившейся в подчинении французского военного министерства. В Лаваль должны были направляться русские военнослужащие, оставшиеся по тем или иным причинам неиспользованные ни в одной из категорий трияжа. Здесь должен быть открыт госпиталь для лечения солдат из русских добровольческих отрядов, сражавшихся на фронте. Русские военные из числа рабочих должны были лечиться во французских лечебных учреждениях, находящихся в пунктах поблизости от места их работы. Для русских военнослужащих, находившихся в Греции, создали базу в Салониках, подчинявшейся базе в Лавале (база в Салониках в конце апреля 1919 г. была переведена «со всеми делами» на базу в Лаваль).

Первым начальником базы должен был стать генерал Занкевич, но Париж вдруг передумал и на эту должность в первых числах января 1918 г. был назначен Лохвицкий; его начальником штаба — полковник французской службы Баржонэ, подчинявшийся напрямую французскому военному министерству, т.е.

[178] РГВИА, ф. 15234, оп. 3, д. 3, л. 78; там же, ф. 15304, оп. 8, д. 45, л. 78, 85; там же, оп. 3, д. 91, л. 27.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

начштаба не находился в подчинении у русского генерала, как и все офицеры французской службы, числившиеся на базе в Лавале, что создавало определенные трудности в деле организации работы базы.

Занкевич протестовал против подобного решения, настаивая на подчинение офицеров французской службы базы русскому генералу. Собственное мнение по данной проблеме он излагает в рапорте военному министру, где пишет, что если его соображения не будут приняты, он уйдет в отставку. Разумеется, в январе 1918 г. на русских уже смотрели как на собственность французского правительства, и никто не замечал подобные акции. Поэтому 2 февраля Занкевич подал в отставку. Его уход являлся закономерным обстоятельством. Русские войска перестали быть русскими войсками — три категории трияжа подпадали под действие французских законов и уставов. Даже воевавшие на фронте летом 1918 г. были переодеты во французскую военную форму. Подобное положение явно являлось ненормальным. Но если учесть, что французское руководство подчинило все русские военные контингенты и рассматривало их как свою собственность, становится ясно, что ничего экстраординарного здесь нет. Назначение русского генерала являлось чистой формальностью.

11 июня 1918 г. за Занкевичем последовал Лохвицкий, и с 22 июня до ее расформирования Русскую базу возглавлял дивизионный генерал Брюляр (Баржонэ стал его помощником). Уход генерала Лохвицкого отрицательно сказался на русских, понизил их моральный настрой, с его отставкой расстроился административный аппарат, имевший целью поддержать настроение среди русских военнослужащих и являться стимулом притока новых волонтеров в Русский легион. 1 апреля 1920 г. Русская база была расформирована.

Безусловно, радость французов при виде весной 1916 г. русских солдат была искренней, и прибытие русского военного контингента очень благотворно повлияло на моральное состояние французов, потери которых из 6,6 млн. мобилизованных к апрелю 1916 г. составили 1,1 млн. убитыми, 300,0 тыс. ранеными и больными, 420,0 тыс. пленными[179], т.е. общие потери составили 1,8 млн. чел

[179] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3509, л. 180.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

или почти 28%. Однако можно предположить, что французы рассматривали прибывшие русские войска не как отдельную бригаду (бригады), а как авангард тех миллионных войск, о которых французы мечтали с самого начала войны. Возможно, поэтому высадка в Марселе войск из Австралии и Новой Зеландии через несколько дней после прибытия частей 1-й Особой бригады прошла обыденно, даже отдаленно не напоминая триумфа, которым встретили марсельцы русских солдат[180]. Возможно, именно из-за этого разочарования французское общественное мнение в 1917 г. будет настроено более чем отрицательно по отношению к нашим войскам, которые они так бурно встречали, и в которые они так верили.

Вместе с тем не стоит представлять радушную встречу французами русских солдат и офицеров как нечто необычное и уникальное во всей истории Франции (по крайней мере, на период Первой мировой войны). Не менее искренне французы встречали и войска других народов и народностей, прибывших во Францию защищать ее. Так, русский волонтер Иностранного легиона Лебедев вспоминает применительно к событиям 1914-1915 гг.: «...парижане были в каком-то бреду. Им [французским колониальным войскам. — М.Ч.] швыряли цветы, кричали приветствия, и целовали, и зацеловывали...»[181].

В деле отправки русских войск в Европу французы выглядели с точки зрения этики и морали не с лучшей стороны. Пароходные компании, перевозившие 1-ю Особую бригаду, не забывали заботиться о собственной коммерческой выгоде. Более того, по заключенному между Россией и Францией соглашению от 11 мая 1916 г., вторая обязывалась взять на себя все расходы, связанные с данным мероприятием и вооружить русские войска. Однако несмотря даже на достигнутые договоренности, Париж попытался было взять с царского правительства 618,0 тыс. франков, потраченные «Французским обществом железных дорог» на проезд русских войск. Между Парижем и Петроградом завязалась оживленная переписка, в ходе которой последнее слово осталось за русским

---

[180] Illustration, 1916, №3819.
[181] ЛЕБЕДЕВ В.И. Указ. соч., с. 44.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

правительством, поскольку эта французская просьба «...является необоснованной, т.к. в помянутом соглашении [от 11 мая 1916 г. — М.Ч.] прямо указывается, что все расходы по перевозке от порта отправления [до места назначения. — М.Ч.] берет на себя французское правительство»[182].

Отправка русских войск за границу оказалась более чем поспешной, не продуманной и не проработанной до логического конца. Об этом справедливо сказал командир 2-й Особой бригады генерал-майор М.К. Дитерихс (будущий герой Белого движения) в донесении под названием «Общие выводы по формированию и отправки бригады на фронт союзных армий»: «Спешка формирования бригады... спешка отправления из России... вызывало то, что многие вопросы остаются не выясненными, многие положения не разрешенными и все первые дни жизни бригады проходят в решении многих серьезных обстоятельств наспех, кое-как, со многими серьезными упущениями»[183]. Хотя эти слова относились ко 2-й Особой бригаде, предназначенной для Салоникского фронта, их можно в полной мере отнести и к отправке не только 1-й и 3-й Особых бригад, но и всех четырех бригад в целом. Полковник Карханин вторит Дитерихсу: «Организация этих четырех бригад не была закончена... Такое положение обрекало их на распыление среди союзных армий, понижало их боевую ценность и не соответствовало величию России»[184]. Достаточно вспомнить перегрузку транспортов для 1-й Особой бригады: уже вызывает удивление тот факт, что ни русское (что особенно важно!), ни французское военное руководство не смогли предоставить для них необходимое количество пароходов. Или можно поставить другой вопрос: а было ли вообще рассчитано русским командованием точное количество солдат и офицеров бригады? Если да, были ли отправлены эти данные в Париж?

Итак, отправляя войска во Францию, русское военное руководство весьма поверхностно решало вопросы их жизнедеятельности (или просто было не в состоянии их решить), что явно свидетельствует о косности и медлительности

---

[182] АВПРИ, ф. 323, оп. 617, д. 60, л. 49об.
[183] «Много придирчивости во всем», с. 173. ЧИНЯКОВ М.К. Они сражались во Франции за Россию // Колесо времени, 1998, №2, с. 85.
[184] КАРХАНИН М.В. Русские войска, с. 13-14.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

русского верховного командования. Так, вопрос о формировании во Франции 1-й Особой пехотной дивизии характеризовался явной нерешительностью и отсутствием четкой позиции военного руководства по данному вопросу. Не была проработана структура бригад, наиболее полно отвечающей боевым задачам, а также структура централизованного тылового аппарата. При комплектовании частей был допущен ряд ошибок, заключавшихся в слишком неоднородном их социальном и боевом составе (1-я Особая бригада комплектовалась из новобранцев, а 3-я — из боевых солдат). Таким образом, невольно создавалась питательная среда для возникновения между частями двух бригад разнообразных конфликтов.

Конечно, часть ошибок и недоработок в плане формирования и отправки русских войск во Францию (и в Европу вообще) можно списать на срочную необходимость отправки воинских контингентов в кратчайшие сроки. Вместе с тем не следует забывать, что Петроград, несомненно, все-таки решал (по крайней мере, пытался решить) проблемы, связанные с содержанием Особых бригад во Франции (и на Балканах), но опираясь на имеющуюся у него структуру — безусловно, структуру весьма неповоротливую, но другой на тот момент в России просто не существовало.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§3. Военный быт Особых бригад

В данном параграфе процессу изучения подлежат проблемы, касающиеся повседневной жизни (быта) рядового состава, взаимоотношений между ними и офицерским корпусом, взаимоотношения между русскими и союзными (в т.ч. и французскими) солдатами, между русскими солдатами и французским гражданским населением (в т.ч. и женщинами), снабжения войск боеприпасами, продовольствием, обмундированием, денежным довольствием, а также медицинского обслуживания, связью с тылом.

* * *

Аспект повседневной жизни солдат и офицеров Особых бригад исследовать весьма непросто. Авторы воспоминаний, изданных в СССР и за рубежом, как правило, не акцентировали свое внимание на описании деталей повседневной жизни. Неизвестными (или недоступными) на сегодняшний момент остается переписка русских военнослужащих с родными, близкими и знакомыми, а также аналитические записки французской военной цензуры (commission de côntrole postal des armées), созданной только летом 1917 г. (во французских армиях цензура была введена 1 декабря 1916 г.) и занимавшейся перлюстрацией русской корреспонденции. В понятие военный быт входят следующие составляющие: «*боевое снабжение и техническое обеспечение войск* [здесь и далее выделено автором. — М.Ч.] (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), *жилье*, *бытовое снабжение* (продуктами питания и обмундированием), *санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание*, *денежное довольствие*, а также *связь с тылом* (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска)»[185].

К прибытию русских войск по инициативе П. Думера был организован «Комитет друзей русских солдат» («Comité des amis des soldats russes»), который должен был заниматься широкомасштабной работой по поддержанию среди солдат морального и боевого духа. Почетными членами комитета стали посол России во Франции Извольский и представитель Верховного Командования

[185] СЕНЯВСКАЯ Е.С. Указ. соч., с. 75.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

при французских армиях генерал Жилинский. В совет комитета входили 60 человек, в т.ч. сам Думер, сенатор Э. Эррио (в 1924 г. возглавит правительство и добьется признания Францией СССР), Ж. Нуланс (будущий посол Франции в России, активный сторонник свержения большевиков и представитель союзного командования при А.В. Колчаке) и др.; в исполнительный комитет — Думер, военный агент Игнатьев, советник российского посольства М.М. Севастопуло и др.

Целью комитета провозглашалось: «...окружить солдат союзной нации, прибывшей сражаться в рядах французской армии, симпатией любви и дружбы, в надежде хотя бы частично заменить им родину и семью»[186]. С этой целью предполагалось публиковать периодические бюллетени на русском языке, знакомящих «наших товарищей по борьбе», т.е. русских солдат, с жизнью в России и с военными действиями в Европе, Африке и Азии, где сражались их «братья по оружию», а также всесторонне облегчать связи русских солдат с родными и близкими, обеспечивать их не только почтовыми карточками на русском и французском языках, но и посылкой в их адрес разнообразных подарков (продукты, теплые вязаные носки, табак, сувениры), стараясь поддержать моральный дух солдат, проводящих все время «в траншеях, в опасности сражений и вдали от дома»[187].

Комитет занимался изданием различных брошюр патриотического характера, а также еженедельной «Военной газеты для русских войск во Франции» («Journal militaire pour les troupes russes en France»), которая позже превратится в официальный орган русского штаба Особых бригад. Однако газета была скучной и непонятной для простого солдата, несмотря на то, что ее редакторы вели специальную страничку, где постоянно публиковали франко-русский разговорник[188]. Для решения проблемы с языковым барьером комитет специально издавал русско-французский разговорник «Как говорить с французами не зная французского языка», на первой странице которого прямо указывалось: «Мы

---

[186] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3325, л. 234.
[187] Там же.
[188] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 71; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 45.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

хотели лишь дать ему [русскому солдату. — М.Ч.] возможность при случае обратиться к нашим доблестным союзникам с несколькими словами на французском языке».

Однако создание и функционирование «Комитета друзей русских солдат» не стоит воспринимать как уникальный опыт. Напротив, подобного рода организации начали создаваться французами после того, как стало ясно, что война не окончится в 1914 г., и во Францию стали прибывать в большом количестве военнослужащие и работники из колоний — негры, аннамиты, арабы и др. Так, во Франции были созданы «Комитет помощи "чернокожим войскам"» («Comité d'Assistance aux Troupes Noirs»), «Комитет помощи индокитайским войскам» («Comité d'Assistance aux Troupes Indochinoises») и др. — представители этих организаций обучали выходцев из колонии грамоте (т.е. французскому языку), посещали раненых, дарили прибывшим во Францию подарки, организовывали для иноземцев выздоровительные центры (institutions de convalescence), строили специальные центры досуга, в т.ч. своеобразные «мусульманские культурные центры» («foyers musulmans») и национальные кафе[189].

Примечательно, что «Комитет друзей русского солдата» был создан по инициативе Думера, а не русского командования. Несомненно, что не случайно у истоков создания Комитета стоял Думер, бывший генерал-губернатор Индокитая, поскольку во время ведения колониальных войн французы придавали значительную роль поддержанию морального и боевого духа среди своих войск.

Большую роль «Комитет друзей русских солдат» возлагал на добровольный порыв французских женщин, которые «смогли бы распространить свою великодушную и бескорыстную любовь на мужественных сыновей великой империи, их Родины, поддержать в их солдатских сердцах бодрость духа и самопожертвование и возместить теплоту их семей, от которых они уехали»[190]. Поэтому Комитет обратился к уже эффективно зарекомендовавшей себя во

---

[189] MICHEL M. Op. cit., p. 402.
[190] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3325, л. 234-234об. См. также: COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 39-40.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Франции системе «солдатских крестных матерей» («marraines de guerre» в отличие от обычной «крестной матери» — «marraine»), когда француженка через государственные и общественные организации налаживала переписку с каким-нибудь военослужащим (в т.ч. и находившимся в плену) и брала над ним своеобразное шефство, в т.ч. и финансовую помощь (по мере своих возможностей). Комитет не ошибся: многие француженки решили поддержать русских солдат, прибывших из далекой России. (Для англичан и туземцев, прибывших из колоний, института «крестных матерей» не существовало.)

У многих русских солдат имелась собственная «крестная мать» из числа сердобольных француженок, старавшихся поддержать солдата, приехавшего защищать Францию из далекой России. И солдаты действительно чувствовали на себе заботу француженок. Например, 23 января 1917 г. рядовой 1-й Особой бригады В.А. Замыслов недвусмысленно пишет домой: «...не думайте, что мы здесь без тех, кто бы о нас заботился»[191]. Связи «крестных матерей» с солдатами были хорошо налажены и регулярны. Так, Карев вспоминает, что он с другом (непонятно, была ли крестная мать одна на двоих или у каждого из них собственная) каждую неделю получал из Ниццы белье, сигареты, носки, шоколад[192]. Тот же Замыслов 27 августа 1916 г. пишет домой матери о посылке, которую получил от «одной молоденькой француженки, с которой я познакомился при проезде из Марселя на позицию»: девушка прислала солдату свою фотокарточку и посылку с подарками: «5 плиток шоколада, 1 коробка бисквита, 1 коробка торта, 1 коробка ириса и конфеты». «Но мне была не так интересна посылка, как карточка [фотокарточка. — М.Ч.], потому что такие посылки мы получаем часто (sic!)»[193]. Как правило, в эти посылки вкладывалась почтовая карточка, которую солдат должен был отправить отправительнице, чтобы «таким путем каждая крестная мать будет знать, что ее посылка дошла по назначению», — на этот факт русское командование делало особый упор[194].

---

[191] Архив Р.В. Соколовой.
[192] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 48.
[193] Архив Р.В. Соколовой.
[194] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 64.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Подобные письма на фоне писем с русского фронта выглядят настоящим контрастом. Так, приблизительно в это же время пулеметчик П. Антипов с Кавказского фронта пишет домой: «Варят нам один день только сухую воблу один день варят селедку... Какая может быть пища вареная селедка». Некий Михаил из 137-го пехотного запасного батальона свидетельствует: «Едим из общего, огромного жестяного таза, какие имеются в бане для мытья. (...) ...ты не думай, что я все преувеличиваю, наоборот, я тебе пишу одну десятую часть того, что у нас творится». Солдат А.С. Мурашкинцев — П. Мурашкинцеву: «...не хватает ничего, вы бы посмотрели чем нас кормят у вас наверное свиней лучше кормят как нас». Солдат А.Е. Селезнев — А.Е. Селезневой: «Когда такую сварят пищу собака и то не ест суп»[195]. Вавилов и Власов также жаловались на плохую пищу во время пребывания в России до отправки войск во Францию[196]. Впрочем, даже французские солдаты в составе Восточной армии на Балканах (т.е. вдали от родины) не были обеспечены продовольствием в достаточной мере. Так, 5 февраля 1918 г. командующий Восточной армией генерал А.-М.-Л. Гийома пишет военному министру весьма проникновенные строки: «Нельзя пренебрегать вопросами продовольствия, здоровья и боевого духа... Необходимо найти другие способы снабжения Восточной армии, и чем быстрее, тем лучше»[197].

Француженки очень удивляли солдат. «Я вот в Шалоне с одной сговорился, а подступить боюсь. Не наша баба. И шляпка на ней, и все говорит, говорит... Небось ее не облапишь»[198]. Отношения между француженками и русскими солдатами еще не до конца изучены, но можно с уверенностью сказать, что эти связи были очень хорошо налажены. Эти связи не исчезли «автоматически» после распада 1-й Особой пехотной дивизии. Так, в декабре 1917 г. неизвестный солдат пишет: «Дорогая marraine [так в тексте. — М.Ч.]! Письмо Ваше я получил и сердечно вас благодарю. (...) ...теперь я успокоился и с нетерпением жду

---

[195] Царская армия.., с. 38, 39, 41, 46, 51, 52. См. также: Солдатские письма.., с. 123-124, 132, 135-137.
[196] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с, 14. СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 8.
[197] РГВА, ф. 198, оп. 8, д. 92, л. 2. Поэтому французским солдатам в свободное от несения боевой службы время приходилось заниматься возделыванием собственных огородов (jardins divisionnaires), — FACON P. Op. cit., p. 388, 390. См. также: MIQUEL P. Op. cit., p. 58.
[198] ЭРЕНБУРГ Э. Указ. соч., с. 73.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

самого скорого с Вами свидания»[199]. Известны многочисленные письма француженок, писавших солдатам уже осенью 1917 г., т.е. после подавления мятежа в Ля-Куртин и несмотря на общую нетерпимость французов к русским в данный период, проникнутые самыми теплыми чувствами: «Я до сих пор помню Ваш нежный поцелуй на моих сладострастных губах (lèvres avides), и чувствую, что мое сердце осталось там... на железнодорожном перроне номер три. (...) Вы мне не пишете, и я не хочу верить, что вы позабыли обо мне. При одной только мысли, что вы сейчас обнимаете другую женщину, я начинаю завидовать ей... Ах, как это ужасно!» Из другого письма: «Я не могу передать вам на словах всю глубину моих чувств к вам». Из письма одной француженки «моему Мишеньке» («à mon petit Michel»): «Пожалуйста, напиши мне. Я буду безумно рада»[200].

Некоторые солдаты впоследствии женились, в т.ч. и на своих соотечественницах, с которыми познакомились во Франции, — уже в четвертом параграфе приказа по 1-й Особой бригаде № 219 от 15 ноября 1916 г. указывается, что нижние чины, желающие жениться, должны обращаться «по команде» (ранее запрещалось вступать в брак, кроме вдовых и «сверхсрочнослужащих»), следовательно, число таких желающих неуклонно возрастает, иначе подобные строчки вообще не появились[201]. Вступив в брак, некоторые солдаты пытались получить французское гражданство или наоборот, хотели вывезти свою жену-француженку в Россию. Даже в середине 1920 г. солдаты, по-прежнему остававшиеся во Франции, высказывали намерение жениться на француженках[202] — скорее всего, это были люди, не желавшие возвращаться в Советскую Россию.

Почтовые службы, призванные поддерживать прочную связь солдат с домом, работали плохо. Они заслужили справедливую критику в свой адрес уже в середине 1916 г. Так, 5 декабря 1916 г. Лохвицкий подвергал критике их медленную работу, поскольку письма в Россию шли очень долго — от шести не-

---

[199] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 31, л. 2.
[200] Там же, л. 38, 234, 481-482, 552, 555, 577-578, 579-580, 582-583.
[201] Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 125; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 146, 176; там же, ф. 15222, оп. 1, д. 6, л. 1об.
[202] ГАРФ, ф. Р-6211, оп. 1, д. 2, л. 11, 16, 26.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

дель до двух месяцев[203]. Офицеры также не скрывали своего неудовлетворения плохой работой почтовой службы[204]. Однако нельзя забывать о двух объективных факторах: наличии военного времени и большого расстояния от Франции до России (учитывая маршрут почтовых транспортов, которые должны были следовать кружными путями, это расстояние заметно увеличивалось).

Вместе с тем нельзя не заметить, что расстояние до дома у австралийцев, новозеландцев и индийцев, не говоря о французских колониальных войсках, никогда не поднимавших мятежей подобно Куртинскому кризису, сражавшихся на том же французском фронте, было еще большим. Ничего подобного не происходило и среди французских частей Восточной армии, находившихся на Балканах в ужасных условиях[205].

Работу по поддержанию боевого духа солдат прежде всего должно было вести духовенство (каждому полку полагалось по одному священнику), но и оно оказалось неспособным выполнить эту функцию. Несмотря на организацию массовых молебнов, производивших на французов огромное впечатление[206], глубокого религиозного почитания в солдатской массе не наблюдалось. Из-за отсутствия традиции индивидуальной работы с паствой и выполнения церковных обрядов в принудительном порядке подлинно духовного сближения солдат и военных священников в Русской Армии (в Особых бригадах в частности) достичь не удалось. Так, накануне апрельского наступления в 1917 г. военный корреспондент Семенов вспоминает, что лица солдат, участвовавших в пасхальной заутрене, были мрачные и недоброжелательные. «И крестились мало»[207]. Кроме того, батюшкам Русской Армии вменялось в обязанность выполнение целого ряда полицейских функций[208].

К тому же образ полковых священников не способствовал поднятию их авторитета. Например, Вавилов вспоминает, как еще в Дайрене на борту одного

---

[203] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 28об. См. также: Донская волна, 1919, № 4 (32).
[204] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с.77.
[205] FOCON P. Op. cit., p. 390.
[206] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 54. BARTHAS L. Op. cit., p. 341, 373.
[207] Возрождение, 1934, № 3146. «...духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск», — ДЕНИКИН А.И. Указ. соч., с. 105.
[208] ПОРШНЕВА О.С. Указ. соч., с. 259-260.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

из пароходов произошла «схватка» между пьяными священником 2-го Особого полка протоиереем о. Николаем Окуневым и одним из офицеров этого полка. Даже прапорщик Рыхлинский отзывался о том же священнике как о «предводителе наших симпатичных кутил». Такие священники, как отец Соколовский, потерявший руку во время одной ночной вылазки[209], были скорее исключением, чем правилом.

Эпизодические мероприятия по поддержанию боевого духа нижних чинов Особых бригад (например, присылка подарков солдатам 1-й Особой бригады из Нижнего Новгорода вряд ли могли оказать существенное значение на подъем морального духа[210].

Как для любой воинской части (особенно крупной), двум Особым бригадам требовалось создать систему тыловых служб, занимавшихся вопросами лечения больных и раненых, проблемами обмундирования, снабжения войск питанием, боеприпасами и т.п. Часть проблем по обеспечению Особых бригад необходимым решили следующим образом: «Все имущество (вооружение, обоз и проч.), а также животные (лошади, мулы) должны быть отпущены французским правительством безвозмездно.

Что же касается содержания бригады, то на средства русского Правительства должно быть отнесено только содержание русских чинов бригады (жалование и довольствие).

Чины же французской армии должны содержаться на средства своего правительства, которое принимает на себя также и расходы по содержанию животных и разного рода имущества, которое привезено войсками из России.

Расходы по содержанию и лечению во французских госпиталях больных и раненых, должны быть приняты на счет французского правительства»[211].

Со стрелковым вооружением проблем практически не было. Личный состав Особых бригад вооружили ружьями и пулеметами французского образца. Это было связано с понятными затруднениями отправки из России боеприпасов, ес-

---

[209] ЛИСОВСКИЙ Г.Ю. Указ. соч., с. 264.
[210] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 86; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 69; CHABANIER J. Op. cit., p. 126; РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 172об.
[211] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 2, л. 75.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ли бы бригады вооружали по месту их формирования. Русские солдаты имели на вооружении практически один образец французских винтовок того времени — 8-мм 3-зарядный Лебель М1886/93 (пулеметчики — карабин и бебуты, привезенные из России), в то время как некоторые французские колониальные части уже были вооружены более совершенной винтовкой — 5-зарядным Лебелем М1907/15 (позднее — М1916), а также 8-мм пулеметы Гочкиса обр. 1914 г., французские пушки, минометы и др.

Проблем с боеприпасами не существовало. Так, ротный командир Шульц писал, что «питание всеми боевыми припасами и всем потребным материалом для боевой готовности участка производится без малейших пререканий и незамедлительно»; «везде имелись колоссальные запасы боевых припасов, т.е. патронов». Рыхлинский вспоминал, что как только войска прибыли на передовую, солдаты, обрадованные обилием патронов, начинали вести немотивированную стрельбу по противнику, которая перепугала немцев, заподозривших начало французской атаки и открывших ответный огонь[212].

Вопрос с обмундированием русских войск оказался довольно сложным. Перед отправкой во Францию 1-я Особая бригада получила превосходную форму — ее подгоняли почти для каждого солдата; им предназначалось два комплекта — в одном они прибыли во Францию, а второй – «про запас»[213]. Для ведения боевых действий двух комплектов явно было недостаточно, и между русским и французским интендантствами возникли некоторые разногласия — где и из чего шить летние и зимние комплекты обмундирования. В результате появилось три вида: военная форма, сшитая в России, сшитая во Франции из французских тканей и сшитая во Франции из русских тканей[214]. Обмундирование русских военнослужащих (в т.ч. и офицеров) до конца войны останется пе-

---

[212] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 70; RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 120; ГОРОДИСКИЙ Н.А. Указ. соч., с. 59; GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 162, 164.

[213] КАРЕВ П.Ф. Указ. соч., с. 19, 20; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 27; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 158; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 37; ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 87.

[214] GOROKHOFF G. Op. cit., p. 8-9.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

строй, и подчас нововведения в деталях униформы мирно соседствовали со старыми, отмененными[215].

Одной из самых актуальных и насущных проблем на фронте является своевременное обеспечение качественным питанием солдат и офицеров. Специально для русских, учитывая их национальные особенности в пище, французы сформировали особый продовольственный паек: вместо кофе в солдатский рацион вошел чай; существовал и дополнительный отпуск крупы для каши, хлеба для кваса (во время формирования 1-й Особой бригады для приготовления этого напитка было решено каждой роте выдать по одной 200-литровой бочке). В день солдату полагалось 750 гр. хлеба, 400 гр. мяса, 800 гр. свежих овощей, в то время как французскому солдату полагалось те же 750 гр. хлеба, но 500 гр. свежего мяса и 30 гр. свиного сала и всего 100 гр. сухих овощей или риса (вино, сахар и водка были во французской армии в изобилии)[216]. Хотя на фронте даже французский солдат не всегда получал установленную норму: так, офицер-пехотинец А. Дезаньо свидетельствовал, что хлеба в траншее получали менее 600 гр., мяса — не более 400 гр., овощей — не более 60 гр.[217].

По данным Вавилова, на передовой солдатам полагалось красное вино (0,5 л), входившее в рацион французского солдата, но которое выпивали офицеры[218]. Поскольку с 1908 г. в России выдача водки (или его допустимого эквивалента — виноградного вина или пива) и его продажа нижним чинам была запрещена, а с 1913 г. в России действовал «сухой закон», выдача «винной порции» (т.е. водки) могла рассматриваться как серьезная послабление войскам, которое, возможно, было недостаточно продумано.

Солдатские воспоминания, прошедшие даже политическую советскую цензуру 20-30-х гг., не свидетельствуют о голоде среди солдат Особых бригад. Так, Афиногенов из 3-й Особой бригады — в предисловии к книге которого сказано, что он повествует «...о тех мытарствах и ужасах, которые пришлось пережить русским полкам, обманно отправленным во Францию» — пишет: «Пайки выда-

[215] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 55, 148.
[216] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 64. MIQUEL P. Op. cit., p. 168.
[217] DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 68.
[218] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 28.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

вали нам обильно», белый хлеб был «роскошный», а черный, который выдавали раз в неделю, «никто не ел». Младший унтер-офицер 1-го батальона 2-го полка Карев, которого также трудно упрекнуть в отсутствие «политкорректности», сообщает: «Кормили на фронте нас очень хорошо»[219]. С другой стороны, Вавилов, служивший в том же полку, но во 2-м батальоне, с неприязнью вспоминает: «...питались мы одними консервами»[220]. Возможно, в данном случае речь может идти о неравномерном снабжении частей, к тому же сам Вавилов не подвергает резкой критике пайки во Франции. Даже хвалит обед, который давали ему еще в Самаре[221]. На этом фоне весьма странно выглядит заявление советского исследователя Г.М. Деренковского (приводившего в качестве доказательства статью в газете «Солдатская правда», контролировавшуюся большевиками) о том, что русских солдат кормили хуже, чем французских[222].

В дни полковых и ротных праздников солдатам устраивался праздничный стол. Например, даже в лагере Курно в октябре 1917 г., т.е. после подавления мятежа в Ля-Куртин и во время развала 1-й Особой дивизии, по приказу № 86 по 1-му Особому полку командир приказал выдать каждому солдату 1 лимон, несколько килограмм яблок, 100 гр. грецких орехов, 5 конфет и пачку папирос. По особому указанию, перед празднованием Нового, 1917 года, французское правительство сделало нижним чинам 1-й Особой бригады (скорее всего, и нижним чинам 3-й бригады) новогодний подарок, выделив каждому солдату по 100 гр. «вядчины», две пачки папирос, два сухих бисквита и два апельсина[223].

Тем не менее некоторые русские военнослужащие (не исключено, что и некоторые офицеры) практически с самого начала пребывания во Франции позволяли себе, как и сами французские военнослужащие, рыбную ловлю браконьерскими способами или охоту этими же способами, что строжайше воспрещалось.

---

[219] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 182, 206. Французский капрал Бартà вспоминает, что он встречал русских в одном из селений около Мурмелона, где они «бродили целыми вечерами», хотя должны были находиться на позициях, — BARTHAS L. Op. cit., p. 339.

[220] СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 30; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 48; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 29.

[221] «Славно мы пообедали, а затем на отдых, на бок. Кто затягивает песню, кто подтягивает песне своим сонным храпом», — там же, с. 20.

[222] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 71. См. также: ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ В.В. Указ. соч., с. 71; АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО В.И. Указ. соч., с. 764.

[223] РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 160; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 161.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Так, в приказе по 1-й Особой бригаде № 161 от 24 сентября и в № 201 от 26 октября 1916 г. настоятельно говорилось о строжайших запретах, введенных во французских войсках против лиц, занимавшихся таким родом деятельности. Тем не менее браконьерство по-прежнему продолжалось. В приказе по 5-му Особому полку № 260 от 14 августа 1917 г. также говорилось о запрете на охоту[224]. Французский офицер-пехотинец вспоминал о частых патрулях, занимавшихся борьбой с браконьерством (когда рыбу глушили гранатами): «на следующий день наверх посылается рапорт, что в районе все спокойно, но вскоре все начинается снова»[225].

Несмотря на недостатки в формировании и отправке бригад, денежное содержание русских солдат и офицеров оказалось значительно лучшим, чем во французской армии. Так, русский капитан получал во Франции 1.577 франков (капитан французской службы — 689 фр.), соответственно подпоручик — 804 и 472 франков, рядовой — 50 (не считая надбавки за Георгиевский крест или Георгиевскую медаль) и 7.50 франков[226]; поскольку в среднем франк по тому курсу равнялся около 40 коп., русский рядовой получал на руки 18,75 руб. при 75 коп. ежемесячного жалованья военного времени на русском фронте, т.е. в 25 раз больше, а с 1 мая 1917 г. денежное содержание русским солдатам повысилось. Еще накануне отправки во Францию во время пребывания нижних чинов 1-го полка в московских Спасских казармах рядовой уже получал 12 руб. 50 коп, т.е. в 16 раз больше[227]. Соответственно денежное содержание русских офицеров превышало денежное содержание офицеров французской армии в среднем в два раза, а нижних чинов по сравнению с французским рядовым составом — в среднем в шесть раз.

---

[224] Там же, л. 41, 99; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 2, л. 54; там же, ф. 15226, оп. 1, д. 3, л. 2об. То же самое происходило и среди русских войск на Балканах, — РГАСПИ, ф. 71, оп. 44, д. 67, л.

[225] DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 66. См. также: MEYER J. Op. cit., p. 159-160.

[226] ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч., № 5 (267), с. 3; MEYER J. Op. cit., p. 178. По другим данным, русский рядовой получал 57 франков, унтер-офицер — 85-111 франков (РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 61). По данным Малиновского солдат получал 12 руб., младший унтер-офицер — 15 руб., старший унтер-офицер — 18 руб.; надбавка за Георгиевский крест (которым был награжден Малиновский) составляла 3 руб. (МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 206). По данным Афиногенова, рядовой получал 35 франков (СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 30). По данным Рыхлинского, подпоручик (sous-lieutenant) получал 700 франков, французский су-лейтенант (младший лейтенант), соответствовавший чину подпоручика Русской армии — 250 франков (RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 118).

[227] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 21; МАРКОВ О. Д. Указ. соч., с. 60; РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 4, л. 22.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Офицеры и солдаты, заботящиеся о своих семьях, постоянно высылали домой различные суммы. Так, 3 августа 1916 г. мать подпоручика Митрофанова откровенно пишет сыну: «Большим подспорьем служат твои деньги при настоящей дороговизне»[228]. С другой стороны, не все военнослужащие оказывались столь хозяйственными людьми. Например, солдат А.А. Арапов довольно откровенно пишет домой: «Когда получили денги, то гуляли хорошо некоторые. Что и на другой день опохмелится не на что»[229].

Совершенно очевидно, что в финансовом плане части Особых бригад были обеспечены гораздо лучше не только русских войск, но и французских. Примечательно, что в воспоминаниях солдат Особых бригад мы не найдем упоминаний об их бедственном финансовом положении, что уже может служить косвенным подтверждением данного утверждения. Основной акцент авторы воспоминаний делали на то, что офицеры пропивали солдатское жалованье в ресторанах, что еще требует уточнения. Например, вышеупомянутый Арапов пишет: «А суточные недали, [но. — М.Ч.] дали нам по 20 франков [как уже упоминалось выше, денежное содержание французского солдата составляло 7,5 франков. — М.Ч.]»[230]. В докладе Временному правительству, составленном летом 1917 г. редакционной комиссией и президиумом 1-го съезда представителей 2-й Особой пехотной дивизией, говорилось, что «денег даже заслуженных, ни *офицерам* [выделено мной. — М.Ч.], ни солдатам часто отпускаемо не было...»[231]. Что касается задержек выплаты денежного и иного содержания («хронически недополучаемого на фронте»[232]), нельзя забывать, что речь шла все-таки о военной, а не о мирной жизни. Вряд ли какая-либо армия во время Первой мировой войны могла похвастаться, например, своевременной выплатой денежного довольствия. К тому же задержки выплаты денег иногда происходили из-за нахождения солдата в госпитале, подчас никому неизвестном, в т.ч. и самому начальству. Даже офицер — например, командир 10-й роты 3-го ба-

[228] РГВИА, ф. 15304, оп. 1, д. 191, л. 201.
[229] ЦМВС. Художественный фонд. №12/Б-2161/17. См. также: СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 9, 31.
[230] ЦМВС. Художественный фонд. №12/Б-2161/17. См. также: ГОРОДИСКИЙ. Указ. соч., с. 36, 39.
[231] К пребыванию русских войск во Франции, с. 229. Несмотря на название, в публикуемом докладе речь идет только о 2-й Особой дивизии, находящейся на Балканах.
[232] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 617.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тальона 1-го Особого пехотного полка Н.А. Костомаров — мог оказаться не в парижском госпитале, а в бордоском[233]. Утверждения некоторых мемуаристов о том, что деньги пропивались офицерами, можно объяснить существовавшей во время издания их воспоминаний политической конъюнктурой: если нельзя написать (т.е. придумать), что солдат держали впроголодь (о чем не упоминает ни один мемуарист), то тогда можно утверждать, что их деньги якобы тратили офицеры. Судя по косвенным данным, солдаты постоянно имели деньги. Так, Малиновский вспоминает, как он играл в карты, постоянно выигрывая большие суммы[234], — т.е. этот факт также явно указывает на то, что у солдат деньги были. С другой стороны, возможно, что присваивание денег офицерами имело место, но пока остается неизвестным, в каких размерах и с какой регулярностью.

Выбор досуга солдата во время пребывания в тылу или тем более на фронте был невелик. В лагере Майи работал кинематограф — не только для французских частей, но и для русских, сеансы для которых устраивались в вечернее время по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям[235]. Солдаты с широким кругозором старались проводить часы досуга наиболее плодотворнее. Например, Малиновский занялся фотоделом, как и другие «пуалю», купив недоступный на русском фронте ценный предмет — фотоаппарат «кодак»[236].

Одним из вариантов проведения досуга — как одного из апробированных способов снятия психологического стресса на войне — было посещение домов терпимости, о которых без ложного стыда рассказал Малиновский (единственный из всех мемуаристов)[237]. Дома терпимости продолжали свою работу в Майи даже в июне 1917 г., о чем говорилось в приказе по лагерному сбору в Майи №24 от 8 июня, который регламентировал работу этого заведения: по воскресеньям и праздничным дням, как в будни, с 17.30 до 21.30[238].

Безусловно, русские солдаты коренным образом отличались в лучшую сторону по сравнению с американскими солдатами, прибывшими во Францию.

---

[233] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3379, л. 21.
[234] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 55; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 206-207.
[235] Там же, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 69. См. также: КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 49.
[236] Фотоаппарат «Vest Pocket Kodak» стоил 65 франков, — MEYER J. Op. cit., p. 154.
[237] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 200.
[238] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 8, л. 24.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Так, 25 октября 1918 г. некий французский почтовый служащий сообщал о повседневной жизни Нанта, в котором стояли американские части: «...каждый вечер или в любой праздничный день на городских улицах можно было увидеть их [американских солдат. — М.Ч.] прогуливающихся под руку не только со зрелыми женщинами и юными девушками, но и с мальчиками 14-16 лет»[239].

Самым желанным проведением досуга являлось увольнение в близлежащие города и тем более отпуск на несколько дней. Однако русское военное командование очень неохотно отпускало нижних чинов куда бы то ни было вне расположения части, опасаясь их вероятных знакомств с представителями революционной эмиграции. (Даже когда солдат приходилось отправлять в санаторий для прохождения курса выздоровления после ранений или болезней, Лохвицкий специально предписывает организовать там наблюдение за нижними чинами, а лучше всего поместить их в «...каком-нибудь небольшом городе вне условий шумной жизни»[240].) Между французскими и русским частями даже выставлялись особые посты.

Тем не менее с нуждами солдат все-таки приходилось считаться, и солдаты могли уходить в увольнительную в близлежащие населенные пункты, а увольнительная в Мурмелон на целый день с боевых позиций рассматривалась почти наградой[241]. Впоследствии начальство стало отпускать солдат даже к «маренам» (во время пребывания войск в тылу — по 50 чел от бригады), заранее проверяя подчиненных на политическую благонадежность[242]. (К сожалению, о конкретных мерах этой проверки ничего неизвестно.)

С конца 1916 г. до мая 1917 г. нижним чинам разрешили даже иногда прибывать в Париж, где они могли посещать кафе, рестораны, театры, но, разумеется, при наличии ряда ограничений. Офицерам в Париже, в отличие от нижних чинов, предоставлялось даже право носить штатское платье[243]. С марта 1917 г. Лохвицкий разрешил солдатам убыть в семидневный отпуск (не считая време-

---

[239] KASPI A. Op. cit., p. 331 (note).
[240] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 171об.
[241] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 217.
[242] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 171. Карев вспоминает, как он ездил в месячный отпуск к «марене» в июне 1917 г., — КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 73.
[243] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 137-138.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ни проезда к месту отпуска, например, в Ниццу) в количестве не более пяти человек от роты (т.е. около 150 чел на бригаду), «отличного поведения и только лицам, заведомо порядочным и любящим Россию»[244].

После Февральской революции, точнее, во время начала брожения частей 1-й Особой пехотной дивизии в конце июня 1917 г. Занкевич, — не исключено, что своей властью, — разрешил «с первым отходящим пароходом» убыть в отпуск в Россию двум сотням солдат[245].

Офицеры, в силу своего положения, имели больше возможностей для личного времяпровождения. Так, в конце 1916 г. было решено отправлять в Россию в отпуск на шесть-восемь недель одновременно не более двух офицеров на бригаду (т.е. один офицер на полк), проведших на фронте определенное количество месяцев, и с разрешения начальников бригад. Проведение отпуска в России рядовому составу было отказано[246].

Для разнообразия досуга нижних чинов уже в декабре 1916 г. Лохвицкий предложил ГУГШ создать для них «климатическую станцию для отдыха» и организовать присылку русских газет и книг, особенно в госпитали. Однако на предложение генерала ГУГШ ответило, что «устройство климатических станций для нижних чинов при настоящих условиях не признается необходимым». Единственно, что оно согласилось улучшить — сроки доставки писем[247].

Одной из самых больших проблем данной темы являются отношения между французами и русскими — между русскими и французскими солдатами и между русскими солдатами и французским мирным населением. Отношения между ними складывались непросто: от взаимных симпатий до ненависти. Наверное, ближе всех к истине был корреспондент газеты «Биржевые ведомости» И. Эренбург, утверждавший, что сначала русские относились к французам бла-

---

[244] Там же, ф. 15224, оп. 1, д. 1, л. 23; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 171об.; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 4, л. 7.
[245] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 134.
[246] Там же, д. 8, л. 29, 41; там же, д. 17, л. 127, 128, 129, 131; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 175.
[247] Там же, д. 8, л. 29, 43.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

гожелательно, но потом, почувствовав высокомерие и презрение с их стороны, резко изменили свое отношение[248].

Отношение французов к русским было искренним (достаточно вспомнить прибытие русских войск в Марсель), но к началу 1917 г. оно уже начало ухудшаться, и летом 1917 г., в период распада Особой дивизии (особенно после прихода к власти большевиков, выступавших за немедленное прекращение войны), французы стали относиться к русским резко отрицательно. Так, 9 июня 1917 г. поверенный в делах во Франции пишет в МИД: «Не могу скрыть от вас, что в настоящее время во французском обществе и печати замечается сильное раздражение против России и русских»[249].

В русско-французских отношениях на бытовом уровне произошло столкновение двух совершенно различных и отличных друг от друга различных культур — по крайней мере, на русских солдат. На глазах простых крестьян и рабочих происходили вещи, которые в России они даже представить себе не могли. «Зайдешь в лавочку — сейчас тебе "мосье". Приятно! У нас я хоть на сто целковых куплю, никто такого слова [вежливого. — М.Ч.] не скажет.

Сами они [русские солдаты. — М.Ч.] заражались этой учтивостью. Любили заходить в кафе компанией и угощали друг друга по очереди кофием. (...) Пили и благодарили друг друга: "мерси"»[250].

Причем столкновение культур явно имело формы курьезов. Так, в приказании по 1-му Особому полку от 13 мая 1917 г. говорится: «Предупредить людей и принять меры, чтобы купающиеся солдаты выбирали места не ближе 100 саженей [св. 200 м. — М.Ч.] от жилых мест и вообще принимали меры против купания в открытую перед женщинами, которые заявляли претензию на купание людей...»[251].

Вместе с тем русские солдаты показывали себя самым лучшим образом в экстраординарных ситуациях. Так, один французский генерал выразил благо-

---

[248] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 72. О положительном отношении французов к русским см.: ГОРОДИСКИЙ. Указ. соч., с. 42.

[249] АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 658/686, л. 7. См. также: БУРМИСТРОВА Т.Ю. ЛИТВИН А.А. Указ. соч., с. 70-71.

[250] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 73.

[251] РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 2, л. 76об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

дарность русским солдатам 5-го Особого полка, участвовавших 7 июня 1917 г. в тушении пожара, возникшего в церкви местечка Сен-Блен: «доблестные войска... приняли самое большое участие в тушении пожара, грозившему причинить большие бедствия. (...) ...пренебрегая грозившей им опасности, они выказали самые высокие качества отваги и живой симпатии французскому населению потерпевшей местности»[252].

Русских солдат в двух Особых бригадах было слишком мало, чтобы оказать влияние на чужую культуру (около 20,0 тыс. чел); наоборот, находясь во Франции («Хранции», как часто они говорили), русские солдаты вольно или невольно впитывали французскую и чужую культуру вообще, в той или иной мере, в соответствии с духом и настроениями каждого из солдат и офицеров. Даже 2-миллионная американская армия, воевавшая на французском фронте, как указывают современные французские исследования, не оказала значительного влияния на французскую культуру, хотя и оставила в местах своего пребывания определенный след, заключавшийся, например, в постройке тех или иных зданий[253].

В процессе взаимоотношений обе стороны познакомились с положительными и отрицательными сторонами друг друга, не вникая в их суть, и не стараясь понять побудительные мотивы тех или иных поступков противоположной стороны. В результате общения русских и французов происходило столкновение не менее двух культур, не менее двух религий (католичества и православия), усугублявшееся существенным фактором — насильственным вовлечением в чужую среду обитания большого массива русских людей, что уже априори, в соответствующих условиях, могло вызвать у них естественное явление отторжения инородного менталитета, обычаев и традиций. Оказавшись практически в «культурной изоляции» от привычного им мира, русские солдаты, в определенной мере привыкнув к действительности, постоянно чувствовали себя чужими, что в немалой степени способствовало не только наличие непонятных им

---

[252] Там же, ф. 15226, оп. 1, д. 1, л. 56.
[253] KASPI A. Op. cit., p. 323, 327.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

устоев, но и языкового барьера, осложнявшего контакт с французами (как мирным населением, так и солдатами) вообще. Эта изолированность должна была в итоге породить чувство обособленности и замкнутости русских солдат. Однако никоим образом нельзя утверждать, что против русских войск была развернута какая-то антирусская пропаганда со стороны французских властей.

Очень удивляли русских солдат отношения между французскими солдатами и офицерами. Об этом свидетельствовали еще бывшие русские волонтеры Иностранного легиона, переведенные во французские регулярные части. Так, 8 августа 1915 г. некий «солдатик Е.М.» пишет: «По улицам полно солдат, никакой офицер, ни сержант не пристает чево ходит по улицам. Даже в моих собственных глазах один капрал был пьян, и начал приставать к другим, увидел капитан, и велел его убрать и уложить спать, но никто не начал его за это бить. Музыка играет каждый вечер во время отдыха, и устраивают концерты, когда весь полк на отдыхе»[254]. Афиногенов отмечает, что у французских солдат нет привычки «есть глазами начальство», и вообще отношение французского солдата к своим командирам и их жизнь «...была так не похожа на нашу, что невольно бросалось резкой разницей в глаза». Когда на параде частей 1-й Особой бригады в честь прибывшего командующего IV-й армии генерала А.-Ж.-Э. Гурò, генерал, проходя мимо выстроенных солдат, протянул руку правофланговому унтер-офицеру, тот так растерялся от неожиданности, что даже выронил винтовку[255].

Было бы логичным предположить наличие фронтового братства между простыми французскими и русскими солдатами, и, возможно, отрицательное отношение к последним со стороны французского военного командования. Тем более что оно пренебрежительно относилось к солдатам Особых бригад. Так, в начале января 1917 г. французское интендантство предоставило на передовую частям 3-й Особой бригады солому, уже использовавшуюся марокканцами. Од-

---

[254] РГВИА, ф. 15220, оп. 1, д. 2, л. 87.

[255] СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 32; RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 117; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 45; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 188; РЫХЛИНСКИЙ В.А. Указ. соч., №52, с. 18.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нако этот вопрос является очень сложным для решения, отмечает Р. Адан[256]. Можно предположить, что общее пребывание на фронте в одних и тех же траншеях, не сплотило союзников, и прежде всего из-за различия в менталитете и культуре.

Во время пребывания на фронте русские солдаты практиковали необычный способ «общения» с врагом: посредством ругани и брани (причем иногда обе стороны даже вылезали из окопов). Когда среди немцев оказывался польский элемент, умеющий говорить по-русски некоторые характерные для данного случая слова и специальные идиоматические выражения, «диалог» сразу приобретал необычайную живость. На негодующий вопрос французского офицера, увидевшего это зрелище, почему русские не стреляют, ему следовал ответ: «Нельзя, потому [поскольку. — М.Ч.] мы ругаемся»[257]. И французы с недоверием относились к русским. К тому же, как сообщает неизвестный нижний чин, написавший в Москву некоей М.Ф. Шекеровой, «французы настолько чувствительны ко всякой вещи, выходящей из строгой институтской жизни, что из мыши делают слона и сейчас [тотчас. — М.Ч.] доводят до сведения Парижа. Вообще с укладом русской жизни не считаются, а наши всеми силами стараются услужить им и в этом направлении действуют и офицеры русские, живущие все время во Франции и ругают наших русских солдат как париев...»[258].

Вместе с тем контакты между русскими солдатами с французскими и других национальностей могли налаживаться и на общей религиозной почве, — речь идет об отношениях башкир-мусульман Особых бригад (особенно среди нижних чинов 5-го и 6-го полков, комплектовавшихся уже целыми ротами) с мусульманами, служившими, например, во французских колониальных частях.

Общение происходило не только с французскими солдатами, но и с солдатами других стран, с которыми приходилось встречаться русским людям. Если верить Эренбургу, лучше всего отношения у русских солдат складывались между арабами и неграми, т.е. представителями «низших рас», ощущавших на се-

---

[256] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 46.
[257] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 72.
[258] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 26, л. 29.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

бе в полной мере презрение со стороны французов; Малиновский тепло отзывался о бельгийцах. О бельгийцах положительно отзывался и Лисовский[259].

В ходе межличностных контактов среди русских солдат происходили такие печальные события, как драки. Некоторые из них заканчивались трагически: так, вечером 18 января 1917 г. в районе расположения на французском фронте 3-й бригады в Мурмелоне на улице Канробер рядовой 6-го полка Михаил Поляков в состоянии сильного алкогольного опьянения убил ударом ножа в горло в ссоре Михаила Калинина, рядового музыкантской команды. Другие драки заканчивались куда спокойнее[260]. В конце 1916 — начале 1917 г. драки между русскими нижними чинами, видимо, стали приобретать масштабный характер, что дало повод Марушевскому в приказе по бригаде №10 от 8 января 1917 г. указать следующее: «Я буду предавать полевому суду мерзавцев, занимающихся ссорами и драками в то время, когда все силы и помыслы наши должны быть направлены на Священное дело, которое мы делаем [т.е. воюя против Германии и ее союзников. — М.Ч.]»[261].

Не обходилось и без случаев краж — причем русские воровали даже у французских солдат. Известен случай с неким солдатом Зуевым, осужденным в мае 1917 г. за мошенничество по отношению к французским гражданам и русским солдатам и, скорее всего, выданного французским судебным властям[262].

Из отрицательных черт повседневной жизни русских войск нельзя не упомянуть об неумении русского человека ограничить себя в употреблении спиртных напитков. Как вспоминает Карев, накануне прибытия в Марсель солдаты на одном из пароходов, перевозившем 2-й Особый полк, устроили массовую попойку. «На палубе, в трюмах валялись опрокинутые бочки, помятые котелки. Пьяные лежали на каждом шагу, спали не раздеваясь. Горнист 2-й роты как-то

---

[259] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 74; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 201; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 264. О дружбе русских солдат и сенегальцев свидетельствует солдат 2-й Особой бригады, — ПОГОРЕЛОВ М. Указ. соч., с. 40-43.

[260] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 4, л. 7, 11; там же, д. 43, л. 7; там же, ф. 15304, оп. 2, д. 29, л. 62-64; там же, ф. 15226, оп. 1, д. 1, л. 66; там же, д. 3, л. 2об.; там же, л. 38-38об.; там же, ф. 15226, оп. 1, д. 1, л. 7об.; там же, ф. 15304, оп. 2, д. 29, л. 77-78.

[261] Там же, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 7.

[262] Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 37, 118; АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3530, л. 2, л. 4; ГАРФ, ф. Р-6211, оп. 1, д. 2, л. 342. См. также: РГВИА, ф. 15225, оп. 1, д. 2, л. 55; ЧИНЯКОВ М.К. Мятеж в Ля-Куртин // Вопросы истории, 2004, № 3, с. 61.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

сумел запутаться ногами в цепях подъемной лебедки и висел вниз головой. Из бочки с выбитым дном торчали четыре ноги: две в сапогах и две босых. Санитар Храмов привязал себя веревкой к главной мачте и спал сидя, держа в руках спасательный пояс. Рядовой 1-й роты Кривопалов спал в шинели, которую прибил к палубе гвоздями, чтобы не свалиться в море. Кашевар Юшкин сидя уснул в большой кастрюле с фасолью. Младший унтер-офицер Костяев нагой, но почему-то в сапогах и фуражке, закусив зубами конец брезента, так в него завернулся, что его нашли и освободили в Марселе, за что он был потом разжалован в рядовые»[263]. При этом русские солдаты искренне удивлялись культуре распития спиртных напитков у французов: пьют не меньше русских, а пьяных не видно. «Возвышенное устройство! Меня возьми — выпью, так тошно станет, беспримерно полезу драться. А он пьет и песенки поет — и ему весело, и глядеть одно удовольствие...»[264]. Между тем не все случаи употребления спиртными напитками французов оканчивались у них столь мирно, — между пьяными французскими солдатами могли вспыхивать крупные драки[265].

С конца 1916 г. факты употребления спиртных напитков группами только увеличиваются, поскольку солдаты могли легко приобрести спиртные напитки (бутылка вина стоила 1 франк). Суровые наказания за употребление алкоголя (например, 25 розог) не останавливали солдат[266]. Приказы по 3-й Особой пехотной бригаде с января 1917 г. практически пестрят массовыми примерами. Причем если в приказе №17 от 29 января 1917 г. рядовой, который «напился до нетрезвого состояния», арестован на 20 суток (sic!)[267], то впоследствии подобного рода меры не практиковались, хотя солдаты продолжали злоупотреблять употреблением спиртных напитков. Так, сам Марушевский лично подобрал в районе расположения его бригады (во время нахождения этой воинской части

---

[263] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 21, 41-42. В последующем издании воспоминаний Карева этот эпизод не вошел в книгу.
[264] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 73.
[265] BARTHAS L. L Op. cit., p. 341-342.
[266] СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 31.
[267] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 11.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

на передовой) пьяного солдата и вынес в приказе №24 от 3 февраля 1917 г. *порицание* русскому коменданту лагеря под Мурмелоном[268].

На этом фоне обвинения некоторых авторов солдатских мемуаров в адрес офицеров, которые все время пьянствовали[269], выглядит не столь вызывающим и шокирующим. (К тому же и среди французских офицеров встречались сильно пьющие люди[270].) Некоторые русские офицеры не делали тайны из своего времяпрепровождения. В конце лета 1917 г. подполковник Н.В. Шинкаренко, кавалер Георгиевского оружия, прибывший в командировку во Францию в конце весны — начале лета 1917 г., довольно откровенно рассказывает о своем быте в Фельтене и Курно: об игре в карты, о посещении дорогих ресторанов[271].

После окончания Первой мировой войны, когда начался процесс расформирования Русского Легиона Чести, под Плёром-на-Марне, солдаты бывшей Особой дивизии, пытаясь разнообразить свой досуг, играли в футбол, приглашая играть местные команды и команду города Фер-Шампенуаз (все игры «легионеры чести» выиграли), в шахматы, а в самом Плёре организовали театр[272]. Этот театр, размещавшийся в бывшем американском бараке, имел большой успех среди местной публики. Один из актеров этого «русского театра» (как его тогда прозвали), М.А. Костин, в июне 1960 г. написал министру обороны СССР Малиновскому теплое письмо, на которое тот сразу же откликнулся[273]. (Еще ранее, в августе-сентябре 1917 г., в парижском госпитале Мишле уже действовал самодеятельный театр, в котором играли русские солдаты.)[274]

Возможно, одним из самых сложных вопросов для верховного русского командования оказался вопрос о лечении больных и раненых во французских госпиталях. Перед отправкой Особых бригад за границу русское командование не позаботилось об учреждении собственных стационарных госпиталей во Франции (и на Балканах); только к середине 1917 г. были приняты меры по ор-

---

[268] Там же, л. 14.
[269] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 22-23; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 66, 76, 89; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 35-36; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 47, 105.
[270] DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 64, 101.
[271] ЦМВС, ф. 4, оп. «Родина», ед. хр. 47423/1, л. 230.
[272] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 416.
[273] Родион Малиновский.., с. 42-43, 46-47.
[274] ГАРФ, ф. Р-6167, оп. 1, д. 1, л. 82.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ганизации лечебных учреждений с русскими врачами и русским медперсоналом. Впрочем, к середине 1916 г. в Париже существовал Крестовоздвиженский госпиталь, созданным для лечения русских подданных, сражавшихся с самого начала войны во французской армии и в качестве волонтеров Иностранного легиона.

Уже в течение 1916 г. Лохвицкий обращал внимание вышестоящего начальства на возникавшие у русских солдат проблемы, связанные с отсутствием русского медперсонала. Так, 5 декабря этого года он говорил об отсутствии руководства в санитарной части и требовал прислать бригадного или дивизионного врача, критиковал неэффективную работу санитарной части, говорил об отсутствии взаимопонимания между врачами и пациентами из-за наличия языкового барьера. Лохвицкий выступал (по крайней мере, в письменном виде) за централизованное и более или менее своевременное снабжение раненых обувью, бельем, суточными и жалованьем[275].

Ранения легкой степени тяжести лечились в Майи, средней и тяжелой — в госпиталях по всей Франции: от Парижа (где находился большой госпиталь Мишле) до Ниццы (где с начала войны находился Дом русского солдата для русских волонтеров Иностранного легиона и существовала многочисленная русская община). В Ницце, например, имелась больница, специализирующаяся по офтальмологическим и венерическим болезням. В Бретани нижние чины проходили курс выздоровления, а в Монпелье находилась «школа для увечных воинов», где инвалиды с искусственными конечностями могли обучаться разным видам ремесла («...вплоть до приготовления искусственных ног и рук для своих товарищей»), письму левой рукой и грамоте, в т.ч. французскому языку[276]. Эта разбросанность русских раненых и больных по всей Франции признавалась специальной комиссией самой серьезным недостатком в работе русских медицинских служб[277].

---

[275] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 27об-28.
[276] GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 391-394; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 47; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 32.
[277] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 33об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Раненые и больные офицеры, соответственно их рангу, лечились в значительно лучших условиях. Так, мэр знаменитого курортного города Биарриц в юго-западной Франции написал Извольскому весьма изысканное и учтивое письмо, где заверял нашего посла о полной готовности города принимать по 20 русских офицеров — больных, раненых и выздоравливающих. При этом мэр обещал принимать офицеров прямо на железнодорожном перроне. Впоследствии в Биаррице лечились даже русские офицеры с Салоникского фронта[278].

Состояние медицинского обслуживания русских войск имело много просчетов, допущенных как русскими, так и французскими военными властями. Так, сначала русское командование включает в штаты 1-й Особой бригады медицинский персонал, затем отказывается, т.к. необходимое количество врачей должно было находиться во Франции, но потом все-таки занимается отправкой врачей и санитаров, словно нельзя было заранее их продумать. За организацию фронтовых и тыловых госпиталей для русских войск отвечало сразу семь человек. Как сказала специальная комиссия, разбиравшая жалобы солдат на плохое с ними отношение, «у семи нянек дитя без глазу»[279]. Впрочем, состояние медицинского обслуживания французских частей, находящихся вне Франции, например, на Балканах, также было невысокого уровня. Так, в Восточной армии свирепствовали различные болезни, например, малярия, косившая всех союзных солдат без различия национальностей, и французы, в частности, оказались неготовыми бороться с ней. От различных болезней французские части Восточной армии потеряли умершими 10,0 тыс. чел, а во время ведения боевых действий — около 6,5 тыс.[280].

Если солдат или офицер погибал на поле боя, его хоронили неподалеку от места гибели, если умирал в госпитале, — на местном кладбище, а его вещи отсылались в Майи (после образования в апреле 1918 г. Русской базы — в Лаваль), а оттуда — на его родину. (На расходы по организации похорон выделя-

---

[278] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3379, л. 6-8, 12; РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 170; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 48. См. также: Донская волна, 1919, № 4 (32).
[279] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 33об.
[280] FOCON P. Op. cit., p. 390-391.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

лись специальные средства.[281]) Данные об убитых и умерших военнослужащих собирались из госпиталей и частей и поступали через Осведомительное бюро (Bureau des Renseignement) французского Генерального штаба в санитарное отделение Управления военного агента (с мая 1917 г. — в санитарное отделение Тылового управления), которое пересылало их в ГУГШ[282]. В конце 1917 г. Занкевич своей властью приказал: «Ввиду затруднительности перевозок в Россию и малого вероятия, что отправляемые вещи [убитых и умерших солдат. — М.Ч.] дойдут по своему назначению... (...) ...продавать оставшиеся... вещи и вырученные от продажи деньги отсылать ближайшим родственникам умерших»[283].

С ростом безвозвратных потерь среди русского контингента последнее пристанище для убитых в бою было определено под Мурмелоном, неподалеку от Реймса, где в октябре 1916 г., с помощью французской бойскаутской организации «элереров», был возведен первый памятник погибшим русским воинам на французской земле. Эскиз модели памятника лично набросал командир 1-го Особого пехотного полка Нечволодов. На торжественной церемонии по установлению мраморной плиты прибыли Лохвицкий, прикомандированный к штабу бригады королевич Черногорский Петр Николаевич и французские офицеры. В 1917 г. здесь был воздвигнут монумент в честь павших бойцов 2-го Особого пехотного полка: «Дети Франции! Когда враг будет побежден, и вы сможете спокойно собирать цветы на ваших полях, вспомните о нас, ваших русских друзьях, и возложите сюда цветы».

Желая увековечить память павших русских офицеров и солдат на поле брани Союз офицеров Экспедиционного корпуса (основанный в 1923 г.) купил летом 1934 г. рядом с военным кладбищем в 4 км от города Мурмелон, в Сент-Илер-лё-Гран, участок земли (на сегодняшний день — 3412 км²), на котором при помощи всей русской общественности во Франции в 1937 г. был воздвиг-

---

[281] РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 2, л. 3-3об. Для распознавания тяжело раненых и убитых в русских войсках были введены «смертные медальоны» («смертники»), которые, вопреки приказаниям начальства, носили не все солдаты (там же, ф. 15222, оп. 1, д. 6, л. 1; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 125). По некоторым данным, это был браслет, который надлежало носить на правой руке, — КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 61; ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 7.

[282] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3379, л. 15, 68-68об.

[283] Там же, л. 111.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нут Храм-памятник во имя Воскресения Христова[284]. Сент-Илер — единственное русское воинское кладбище во Франции (в других местах страны русских военнослужащих хоронили на военных участках местных кладбищах или в отдельных могилах) и, возможно, во всей Европе.

Проект храма-памятника, получившего название во имя Воскресения Христова, создал А.А. Бенуа, представитель известной династии русских художников, архитекторов и искусствоведов. В апреле 1936 г. храм был заложен, а 16 мая 1937 г. освящен митрополитом Евгением. Храм был построен по типу новгородско-псковских церквей XV в. Данную композицию в 1938-1939 гг. Бенуа использует и для храма Успения Божьей Матери на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

На стене храма Воскресения Христова в Сент-Илер-ле-Гран золотой смальтой выложена надпись по-французски: «Русским солдатам, павшим на поле славы во Франции в 1916-1918». Внутри храма существует даже небольшой музей — макет местности около села Оберив, боевые награды русским полкам от французского командования, военные реликвии; на специальной памятной доске выбиты имена погибших в боях Первой мировой — 4,0 тыс. чел. За храмом — кладбище с останками 1.029 русских воинов, павших за Францию в 1914-1918 гг. (454 человека покоится в отдельных могилах, 575 — в общих)[285].

Кладбище посещается редко, но раз в году, на Троицу в воскресение, в Сент-Илер съезжается много людей, в т.ч. потомки солдат и офицеров Особых бригад, а в храме устраивается большая поминальная служба по русским воинам, павшим за Францию. 11 ноября 1988 г., в день 70-летия окончания Первой мировой войны, кладбище посетил су-префект города Шалона-на-Марне, а в начале 1998 г. (вероятно, в честь приближающегося 80-летия со дня завершения Первой мировой войны) — государственный секретарь министерства обороны

---

[284] ЛОБЫЦЫН В.В. Указ. соч., с. 43; Русские войска во Франции.., с. 19; ЧИНЯКОВ М.К. «Забытые войска» // Перезвоны, 2004, № 2, с. 62-63; КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому.., с. 55; SOUDAIGNE J.-P. Op. cit., p. 48-49; PETIT P. Op. cit., p. 27-28; СМИРНОВ В. Верные долгу, с. 30-31; КОЛОТИНСКИЙ В. Указ. соч., с. 14-17; В.О. Указ. соч., с. 19-20; Паломничество на могилы русских воинов, с. 22; ГУТОРОВИЧ Ж. Указ. соч., с. 119-120; CHABANIER J. Op. cit., p. 128; ЕВЛОГИЙ (митрополит). Указ. соч., с. 568, 570-571; Луч, 1920, 29.06, № 9.

[285] PETIT P. Op. cit., 27. По некоторым данным, — 915 чел., — SOUDAGNE J.-P. Op. cit., p. 49; SEGRETAIN F., HERVET P. Op. cit., p. 43.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Франции Ж.-П. Массерэ и посол Российской Федерации во Франции Ю. Рыжков[286]. Остается только сожалеть, что пока ни одно официальное лицо из Министерства обороны Российской Федерации не почтило память русских солдат, сражавшихся в Первую мировую войну во Франции за Россию.

Общее количество убитых и похороненных русских солдат и офицеров, по Пети, составляет 7.396 человек, из которых 5.078 человек похоронены в отдельных захоронениях на общегородских кладбищах и 2.318 – на военных кладбищах[287]. Из св. 45,0 тыс. чел, отправленных в составе четырех Особых бригад, во Франции осталось только 3,5 тыс. чел[288].

Как пишет Карханин, Февральская революция не дала возможности осуществить все задуманное, т.е. провести ряд мероприятий по усилению русского воинского контингента в Европе[289]. Чувства полковника вполне понятны, однако он упускает из вида, что с начала 1916 г. до Февраля 1917 г. прошло не менее года, и за этот срок царскому военному руководству можно было сделать очень многое. Разумеется, при условии, если это руководство действительно хотело что-то изменить.

В заключение параграфа хотелось бы отметить, что «Комитет друзей русских солдат» не справился со своей задачей, оказавшись не в состоянии поддержать моральный дух русских солдат. Комитет так и не смог «хотя бы частично заменить им родину и семью» — в преддверии и после Февраля 1917 г. Комитет показал себя полностью неэффективным противодействовать антивоенной пропаганде и не смог хотя бы частично восполнить чувство тоски по родине у солдат.

Вместе с тем не стоит обвинять французские власти в недостаточном внимании к русским солдатам. Безусловно, в лице создания «Комитета друзей русского солдата» была сделана попытка наладить контакт между русскими и французами, но попытка эта оказалась неудачной. Впрочем, обвинять француз-

---

[286] PETIT P. Op. cit., p. 30. Независимая газета, 5.06.1998.
[287] PETIT P. Op. cit., p. 28.
[288] GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 20. См. также: РСГФ, 1919, № 441, 442; НАСЕДКИН Дм. Указ. соч., с. 82-83; Луч, 1920, 27.06, № 13.
[289] КАРХАНИН М.В. Русские войска во Франции.., с. 46.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ское правительство и командование в том, что оно мало беспокоилось о моральном состоянии иностранных войск, находившихся на ее территории (именно такими войсками и были Особые бригады), вряд ли было бы правильным. Если само русское командование практически ничего не делало для своих же собственных солдат, — т.е. то, что оно просто было обязано делать, — почему эти функции должно было выполнять чужестранные власти?

Русское военное руководство практически ничего не делало для поддержания боевого духа среди своих подчиненных, рассматривая их не как людей, а как солдат, наипервейшая обязанность которых состоит в выполнении воинского долга. Поэтому русские солдаты оказались как бы предоставлены сами себе, что должно было вызвать тревогу у русского командования, чего, к сожалению, не произошло, за исключением обычных запретов без устранения причины возникновения тех или иных конфликтов.

К недостаткам военного быта можно отнести вопрос об эффективности работы медицинской службы, которая не пользовалась пристальным вниманием со стороны командования Особых бригад и военного руководства России, а также вопрос о прочной почтовой связи. Поэтому тесного контакта с родиной у солдат (и офицеров) Особых бригад не существовало, что вносило определенный элемент раздражения и вызывало вполне естественное чувство ностальгии.

Напротив, в плане снабжения боеприпасами и провиантом (т.е. того, без чего ведение боевых действий нельзя представить) русские войска были обеспечены наравне с французской армией, а с финансовой точки зрения — и того лучше. Вместе с тем наличие достаточно большого денежного содержания у нижних чинов находилось в полном противоречии с запрещением начальства на употребление спиртных напитков, и в значительной мере способствовало предстоящему разложению русских частей. Можно, конечно, сожалеть о принятии командованием решения о преследовании нижних чинов за употребление коньяка, вина и пр., но алкоголь, играющий во время мирного времени несколько иную роль, заключающуюся, в частности, в искусственном поднятии жизненного тонуса, на войне приобретает совершенно другое значение. В усло-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

виях боевой обстановки алкоголь является одним из эффективнейших способов снятия психологического стресса человека, который он получает во время военных действий. Поэтому все запреты на его употребление будут изначально неэффективными, и, скорее всего, речь должна была идти об умелом его ограничении, чем о полном запрете.

В итоге можно сказать, что в дальнейшем при рассмотрении вопроса о созданном для чинов Особых бригад условий военного быта необходимо учитывать несколько основополагающих факторов: во-первых, наличие военного времени; во-вторых, пребывание русских войск вдали от России (т.е. не только от родины, но и вдали от привычной среды обитания) и, в-третьих, не забывать, что русские войска были далеко не единственными иностранными войсками на территории Франции, которые также имели много проблем, связанных с военным бытом (основываясь на данных §1 главы 1 численность двух Особых бригад от общего количества иностранных войск на французском фронте в среднем составляла около 0,5%). Поэтому в целом, несмотря на многие недоработки и упущения в ходе формирования и организации тыловых служб, для частей Особых бригад (в т.ч. благодаря работе временной франко-русской комиссии и лично Игнатьеву) для русских войск были созданы обычные условия, позволяющие вести боевые действия.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§4. Командный состав Особых бригад

В настоящем параграфе анализируется личные характеристики командиров 1-й и 3-й Особых бригад, командиров 1-го, 2-го, 5-го и 6-го Особых пехотных полков, их профессиональная подготовка, черты характера.

* * *

В состав 1-й и 3-й Особых пехотных бригад по штату входило по одному генералу. Первым командиром 1-й Особой пехотной бригады по приказу по бригаде № 4 от 25 января 1916 г. стал генерал-майор Лохвицкий Николай Александрович. Лохвицкий родился 19 октября 1867 г. и происходил из дворян С.-Петербургской губернии, православный. Имел двух сестер — Надежду Александровну (ставшую известной писательницей под псевдонимом Тэффи) и Мирру Александровну, в будущем — известная поэтесса. По некоторым данным, прадед Николая Александровича Лохвицкого был связан с известным государственным деятелем России периода царствования Александра I М.М. Сперанским, а отец Николая Александровича был известным преподавателем в Санкт-Петербургском и Московском университетах[290].

Образование Лохвицкий получил в 4-м Московском кадетском корпусе (1887) и 2-м военном Константиновском училище (1889), после чего в ноябре 1890 г. был зачислен в списки прикомандированных к лейб-гвардии Измайловскому полку «для испытания и перевода в этот полк впоследствии»[291]. 14 июня 1891 г. Лохвицкий высочайшим приказом был переведен в этот полк, где командовал разными ротами и был произведен в поручики (сентябрь 1893 г.). Спустя едва два месяца, 10 ноября, был зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба и 10 октября 1895 г. окончил курс академии двух классов по 2-му разряду[292]. Со следующего года до 1906 г. Лохвицкий проходил военную службу в Павловском военном училище в разных должностях (библиотекаря, квартемистра, заведующего хозчастью, адъютанта училища). 19 декабря

---

[290] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 33.
[291] РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/сп. 5241 (1907), л. 1об. См. также: ВОЛКОВ Е.В., ЕГОРОВ Н.Д., КУПЦОВ И.В. Указ. соч., с. 129.
[292] РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/сп. 5241 (1907), л. 3-3об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1906 г. Лохвицкий был произведен в полковники и отправлен в 145-й пехотный Новочеркасский полк.

За этот период Лохвицкий был неоднократно награжден: орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени, св. Станислава 3-й и 2-й степени, несколькими медалями и нагрудными знаками 100-летнего юбилея Павловского военного училища и в честь 200-летнего юбилея Морского кадетского корпуса как «приветный преподаватель названного корпуса». Кроме того, Лохвицкому, во время службы в Павловском училище в должности адъютанта училища, 13 сентября 1899 г. было «Высочайше разрешено принять и носить пожалованным кавалерским крестом французского ордена Почетного легиона»[293]. Причины этого награждения до сих пор не выяснены, и представляют особый интерес, поскольку непонятно, за какие заслуги 32-летний штабс-капитан мог получить такую высокую иностранную награду.

Во время прохождения службы в Павловском военном училище Лохвицкий женился на дочери Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина девице Анне Николаевне (1875-1958). От этого брака у них родилось две девочки — Анна (1900 г.) и Наталья (1903 г.)[294], сведений о которых и их потомстве (при условии его наличия вообще) к настоящему времени не имеется.

К началу Первой мировой войны Лохвицкий командовал 95-м пехотным Красноярским полком, в феврале 1915 г. был произведен в генерал-майоры, а с мая стал командиром бригады 24-й пехотной дивизии. По высочайшему приказу от 22 июня 1915 г. был награжден 4-й степенью ордена св. Георгия и Георгиевским оружием за отличия в должности командира 95-го полка. Во время пребывания на французском фронте Лохвицкий был награжден Военным крестом с пальмовой ветвью (приказ командующего французской IV-й армии № 659 от 18 октября 1916 г.) и командорским крестом ордена Почетного легиона[295]. Но ко-

---

[293] Там же, л. 5об., 6об.
[294] Там же, л. 8об.
[295] ЧИНЯКОВ М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках). М., 1997, с. 25; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 260; ЗАЛЕССКИЙ К.А. Указ. соч., с. 153; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 63; PETIT P. Op. cit., p. 27-28. На ленточке Военного креста находились разные отличия в зависимости от приказа, по которому производилось награждение. В приказе по армии на ленточку полагалась пальмовая ветвь, по корпусу – позолоченные звездочки, по бригаде – бронзовые, по дивизии – серебряные.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

мандорский крест этого ордена является третьей степенью — после кавалерского креста (которым он был награжден в 1899 г.) и офицерского креста. Поскольку награждения во всех армиях следуют, как правило, от младшей степени к старшей, Лохвицкий должен был иметь еще и офицерский (который генерал мог получить практически сразу при приезде во Францию). В дальнейшем, в период распада 1-й Особой пехотной дивизии, 18 августа 1917 г., за отличия в должности командира 1-й Особой бригады Лохвицкий был награжден орденом св. Георгия 3-й степени[296]. В этом же году он стал генерал-лейтенантом.

С июня 1917 г. по январь 1918 г. Лохвицкий командовал 1-й Особой пехотной дивизией. Поскольку в мае в русских частях уже начались сильные брожения, французское военное руководство первоначально отнеслось к генералу как к временному командиру двух бригад, о чем говорится в отношении военный министр Пенлеве Игнатьеву от 14 июня 1917 г.[297].

После окончания Первой мировой войны, в апреле 1919 г. Лохвицкий для борьбы против большевиков уехал к А.В. Колчаку. По его ходатайству Колчак отдал приказ о подготовке во Франции кадров русских офицеров и унтерофицеров для формирования особой части в Омске, но этот проект осуществить не удалось[298]. В течение двух месяцев (июль-октябрь) Лохвицкий командовал 2-й армией и участвовал в Сибирском Ледяном походе (Великом Сибирском Ледяном походе).

После разгрома Колчака Лохвицкий стал командующим Дальневосточной армией (май-сентябрь 1920 г.) и одновременно начальником штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины генерал-лейтенанта Г.М. Семенова. 14 октября 1920 г. из-за разногласий вышел с частью войск из подчинения атамана Семенова и признал единственным главнокомандующим российскими вооруженными силами генерала барона П.Н. Врангеля[299].

---

[296] Военный орден.., с. 615; Возрождение, 1934, № 3203.
[297] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 428.
[298] ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРДТ В.Г. Указ. соч., с. 179-180.
[299] ВОЛКОВ Е.В., ЕГОРОВ Н.Д., КУПЦОВ И.В. Указ. соч., с. 129.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

На январь 1922 г. во Владивостоке состоял членом общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Около 1923 г. (по другим данным, он уже жил во Франции с декабря 1920 г.) уехал в Париж, где очень бедствовал. Впоследствии Лохвицкий стал играть большую роль в эмигрантских кругах. С 1927 г. он стал председателем Общества монархистов-легитимистов, председателем Совета по военным и морским делам при великом князе Кирилле Владимировиче (принявшего титул Местоблюстителя российского престола в изгнании) и одновременно служил в военно-исторической комиссии французского Военного министерства[300]. Однако написанием воспоминаний и научных работ (кроме двух, опубликованных еще в 1905 г. и 1911 г.), Лохвицкий, похоже, не занимался, хотя выступал с несколькими научными докладами (об убийстве царской семьи, о русских национальных интересах на Дальнем Востоке, об истории русских войск во Франции и др.)[301]. Кроме того, генерал состоял в Корпусе императорской армии и флота (КИАФ), составлявший серьезную конкуренцию РОВСу. В начале 30-х гг. получил чин генерала от инфантерии. Будучи в КИАФе, стремился к сотрудничеству с РОВСом[302].

5 ноября 1933 г. генерал Николай Александрович Лохвицкий умер практически в полной нищете в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа[303].

На настоящий момент нельзя быть уверенным в полководческих талантах Лохвицкого или подвергать их сомнению. Однако факт его награждения крестом Св. Георгия 3-й степени (за всю войну им наградили всего немногим более 50 чел) должен утвердить нас скорее в первом предположении, чем во втором. Однако если принять точку зрения, что Лохвицкий был способным генералом и отличным офицером, становится непонятной его «малоактивная» роль во время

---

[300] ВОЛКОВ С.В. Офицеры Российской гвардии, с. 288; ЗАЛЕССКИЙ К.А. Указ. соч., с. 154; КЛАВИНГ В.В. Указ. соч., с. 117-118; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 332.

[301] Русское зарубежье, т. 1, с. 297, 300, 350, 200; т. 2, с. 41, 104, 112, 269, 427, 427.

[302] ВОЛКОВ С.В. Офицеры Российской гвардии, с. 289; ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРДТ В.Г. Указ. соч., с. 180.

[303] ГРЕЗИН И. Указ. соч., с. 228. Чичерюкин-Мейнгардт неверно указывает дату смерти Лохвицкого 5 ноября 1935 г., хотя речь может идти об элементарной опечатке, — ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРДТ В.Г. Указ. соч., с.181.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Куртинского кризиса. Самым активным представителем высшего офицерского состава в деле разрешения этого кризиса стал генерал Занкевич.

Места в воспоминаниях солдат и офицеров, служивших под началом Лохвицого, уделено ему совсем немного. Более того, они не испытывают к нему ни ярой ненависти, ни плохо скрытых упреков. Наоборот, многие из мемуаристов (даже Дьяконов, опубликовавший свои воспоминания спустя около двух лет после его смерти) практически вообще не упоминают о его существовании или, если солдаты вспоминают о нем, то только в контексте общей нетерпимости к офицерскому составу. Так, Власов и Лисовенко ограничились кратким описанием генерала[304]. Скорее всего, подобное молчание можно объяснить тем, что солдатам, т.е. нижним чинам, приводилось редко видеть своего генерала, чтобы составить о нем какое-либо мнение. Игнатьев, которому, наоборот, приходилось постоянно встречаться с Лохвицким, отзывается о нем весьма отрицательно[305]. Игнатьев критикует Лохвицкого за любовь к муштре и за его нежелание изучать новую пехотную тактику, разработанную на Западном фронте. По свидетельству того же Игнатьева, Лохвицкий не видел ничего отрицательного в телесных наказаниях нижних чинов[306].

Просьба Палицыну отдать приказ французским офицерам, прикомандированным к бригаде, носить русскую форму[307] явно характеризует генерала как человека с ограниченным кругозором. Тем не менее, как говорилось выше, Лохвицкий прилагал некоторые усилия, направленные на улучшение условий пребывания солдат во Франции, — так, в декабре 1916 г. командир бригады просил ГУГШ создать для нижних чинов «климатическую станцию для отдыха» и организовать присылку русских газет и книг, особенно в госпитали[308].

Совсем неожиданный образ, в духе лубков Эпиналя, рисует нам французская пресса, в частности, популярная газета «Иллюстрасьон» (впрочем, в нали-

---

[304] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 9; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 18. См. также: АРДАШЕВ М. Указ. соч., с. 59-60.
[305] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 611. Лисовенко так и говорил, что Лохвицкий «редко показывался солдатам», — ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 28.
[306] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 613, 614.
[307] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 28об.
[308] Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 116об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

чие определенного социального заказа со стороны французских властей сомневаться не приходится): «От генерала веет отеческой доброжелательностью, мудростью, осмотрительностью, но никак не слабостью. Это великолепный командир, одновременно добрый и строгий, — но более строгий по отношению к самому себе, чем к кому-либо другому, — способен внушать окружающим невиданное обаяние. (...) Сквозь многочисленные выразительные жесты и под его явной сдержанностью исконного дворянина легко угадывается мягкость любящего и пылкого сердца»[309]. Положительный образ генерала представляет военный корреспондент капитан В. Семенов, который, будучи прикомандированным к штабу 1-й Особой бригады во время апрельского наступления 1917 г. (он был единственным русским военным корреспондентом во время этих событий), пишет о любви солдат к генералу[310]. Однако сведения Семенова априори можно подвергнуть сомнению, поскольку, во-первых, его статья посвящена памяти на тот момент покойного генерала и, во-вторых, симпатии корреспондента, по понятным причинам, были на стороне Лохвицкого. Думается, что генерал ничем особенно не отличался от подавляющего большинства других русских генералов, хотя действительно можно поверить в него как «человека непритворной личной храбрости»[311].

Командиром 3-й Особой пехотной бригады 16 июля 1916 г. был назначен Генерального штаба генерал-майор Марушевский Владимир Владимирович. Марушевский родился 24 июня 1874 г. и происходил из потомственных дворян С.-Петербургской губернии, православный. Образование Марушевский получил в 6-й классической Санкт-Петербургской гимназии и в 1893 г. поступил в Николаевское инженерное училище «юнкерским рядового звания на правах вольноопределяющегося», где окончил курс трех классов по 1-му разряду и в этом же 1896 г., получив чин подпоручика, был зачислен в 1-й саперный батальон[312].

---

[309] Цит. по: ADAM R. Op. cit., p. 51. См. также: Illustration, 1916, 3817.
[310] Возрождение, 1934, № 3149.
[311] ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 267.
[312] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 358-797, л. 116об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

13 августа 1899 г. Марушевский, проходя службу в должности батальонного адъютанта (высочайший приказ по 1-й саперной бригаде №2 от 26 июля 1898 г.), получил чин поручика и через несколько дней был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба «для держания вступительного экзамена»[313], который он успешно сдал и, по данным отечественного исследователя С.В. Волкова, в 1902 г. окончил ее[314], т.е. Марушевский должен был учиться четыре года, в то время как академический курс был рассчитан на два года (третий год давался как поощрение).

Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, «всемилостивейших рескриптов и высочайших благоволений не получал»[315]. В походах и боях не участвовал.

На период составления послужного списка (середина 1899 г.) женат не был.

В 1908 г. был капитаном и помощником старшего адъютанта окружного штаба Управления Петербургского округа, а в 1910 г. — подполковником в должности штаб-офицера для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа[316]. В декабре 1913 г. служил начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады.

Во время Первой мировой войны стал командиром 7-го Финляндского стрелкового полка.

До назначения на пост командира 3-й Особой бригады 3 апреля 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за отличия на посту начальника штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады[317]. Приказ по 3-й бригаде № 5 от 17 января 1917 г. свидетельствует о том, что Марушевский был награжден командорским крестом ордена Почетного легиона. Соответственно, Марушевский должен был иметь кавалерский крест этого ордена (т.е. 4-ю степень). В приказе № 54 по той же бригаде от 3 марта того же года, Марушевский говорит о том, что за отличия в боях на Западном фронте он был

---

[313] Там же, л. 117об.
[314] ВОЛКОВ С.В. Белое движение, с. 330.
[315] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 358-797, л. 118об.
[316] Общий список... (по 1.01.1908), стб. 48; Общий список... (по 1.01.1910), стб. 48.
[317] Военный орден.., с. 630.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

что за отличия в боях на Западном фронте он был удостоен Военного креста с «пальмой»[318].

16 июля 1916 г. Марушевский был назначен командиром 3-й Особой пехотной бригады. К концу мая 1917 г. (т.е. когда части Особой дивизии уже не представляли боевую единицу) решился вопрос и о дивизионном и бригадных начальниках: 23 мая 1917 г. генерал И.П. Романовский сообщает Игнатьеву, что Генкварверхом на должность командира дивизии утвержден Марушевский, а Лохвицкому предписывалось отправиться в Россию. Однако между Марушевским и Отрядным комитетом Русских войск возникло некое «недоразумение», — причины которого до сих пор не выяснены, — и Палицын предложил Марушевскому уехать в отпуск (из которого он не вернется) в Петроград, а новым начальником стал Лохвицкий[319]. Как сообщил 22 мая 1917 г. Палицын в Петроград, «до крайности обострившиеся солдат к генералу Марушевскому вынудили меня освободить его от командования формируемой дивизии»[320]. По некоторым данным, против Марушевского выступили даже офицеры[321]. (Впрочем, в середине мая сам Лохвицкий изъявлял свое желание стать командиром 1-й Особой дивизии, предприняв некоторые шаги[322].)

В июле-сентябре 1917 г. Марушевский находился в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа; некоторое время был исполняющим обязанности начальника Генерального штаба. 3 декабря 1917, вместе с бывшим главнокомандующим генералом Духониным был арестован по постановлению СНК по обвинению в переговорах, направленных против советской власти и саботаже перемирия с Германией и помещен в «Кресты». 14 декабря был освобожден под честной слово и бежал в Финляндию.

В дальнейшем Марушевский принял активное участие в Гражданской войне. В ноябре 1918 г. прибыл в Архангельск, приняв временно (до прибытия генерала Е.К. Миллера) должность генерал-губернатора и командующего вой-

---

[318] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 3, 48.
[319] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 192. КАРХАНИН М.В. Русские войска во Франции, с. 14.
[320] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 7, л. 20.
[321] Донская волна, 1919, № 5 (33).
[322] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 38.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

сками Северной области. Одновременно вошел в состав Временного правительства Северной области, заведовал отделами внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфов. Провел большую организационную работу и сформировал Северную армию. В январе 1919 г. передал функции генерал-губернатора Миллеру и стал помощником генерал-губернатора по военной части и помощником командующего войсками Северной области. На 21 марта 1919 г. Марушевский был командующим русскими войсками Северной области (12 июня стал генерал-лейтенантом) — фактически до августа этого же года. В том же месяце отправлен с миссией в скандинавские страны; жил в Швеции, Югославии. Скончался в 1951 или 1952 г. в Загребе (совр. Хорватия)[323].

К отбору на должность командиров бригад (особенно 1-й Особой бригады) русское военное командование и политическое руководство подошло весьма тщательно. Так, Лохвицкий и Марушевский имели не только благородное происхождение, но и боевой опыт: оба были награждены самым почетным военным орденом Российской империи — орденом Св. Георгия. Оба командира бригад имели высшее военное образование, поскольку окончили Николаевскую академию Генерального штаба (пусть даже Лохвицкий окончил ее по 2-му разряду, как отметил Игнатьев).

Начальником штаба 1-й Особой пехотной бригады был назначен Генерального штаба полковник Щолоков Иван Иванович. Щолоков родился 8 февраля 1872 г. и происходил из почетных потомственных граждан Бакинской губернии, православный. Образование получил в Тифлисском кадетском корпусе и в сентябре 1889 г. поступил в 1-е военное Павловское училище. По окончании «курса наук» в августе 1891 г. был зачислен в Терско-Дагестанскую артиллерию, а в июне 1899 г. — в Свеаборгскую крепостную артиллерию, откуда был командирован для учебы в Николаевскую академию, в которую был зачислен 21 октября того же года. За достижения в учебе в течение двух классов Щолокова отправили учиться на третий, дополнительный год, который также успешно окончил, и за «отличные успехи в науках» 9 июня 1902 г. был произведен в

[323] ВОЛКОВ С.В. Белое движение, с. 330; КЛАВИНГ В.В. Указ. соч., с. 122-123; Донская волна, 1919, № 5 (33).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

чин капитана, на следующий день причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Финляндского военного округа. (При выпуске из академии получил 300 руб. «на первоначальное обзаведение лошадью со всею принадлежностью»[324].)

В дальнейшем Щолоков проходил службу в 8-м Финляндском стрелковом полку, в штабе 54-й пехотной дивизии, в штабе 31-й пехотной дивизии, при штабе 10-го армейского корпуса, в штабе Киевского военного округа и накануне Первой мировой войны служил делопроизводителем ГУГШ в чине полковника Генерального штаба, который получил 23 апреля 1911 г. (В 1910 г., когда Щолоков служил помощником делопроизводителя, его начальником был полковник А.С. Лукомский — будущий герой Белого движения.)

Щолоков был женат на дочери действительного статского советника Иванова, девице Наталье Владимировне. От этого брака на март 1918 г. у них родилась девочка Тамара; и жена, и дочь были православного вероисповедания.

До Первой мировой войны в чине капитана Генерального штаба при штабе 54-й дивизии Щолоков участвовал в русско-японской войне, за которую был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и медалью в память русско-японской войны. Перед Первой мировой войной был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и двумя медалями[325].

6 августа 1914 г. Щолоков был назначен штаб-офицером для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. 8 февраля 1916 г. был назначен начальником штаба 1-й Особой пехотной бригады, а к штабу бригады прибыл 21 февраля и на следующий день вступил в должность. 30 сентября этого же года Щолоков был назначен в распоряжение начальника Генерального штаба и 12 декабря сдал должность подполковнику Ракитину[326].

По прибытию в Россию в апреле 1917 г. Щолоков был назначен командиром 11-го Сибирского стрелкового полка, вместе с которым держал оборону в

---

[324] РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/сп. 372-559 (1918), л. 2.
[325] Там же, л. 1об.
[326] РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/сп. 372-559 (1918), л. 5-6; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 146.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Лифляндской губернии, а 27 июля был назначен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа с прикомандированием к штабу армий Северного фронта. Через два дня Щолоков был переведен в резерв чинов Петроградского военного округа, а 31 декабря 1917 г. был назначен начальником Управления по демобилизации при штабе армий Северного фронта.

В течение Первой мировой войны до отправки на Западный фронт Щолокову было объявлено два раза высочайшее благоволение (август 1914 г. и декабрь 1915 г.), получил от императора «...за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий подарок по чину» (февраль 1915 г.), был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени (без мечей) и светло-бронзовой медалью за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации. По прибытии во Францию был награжден орденом Почетного легиона (вероятно, самой низшей — кавалерским крестом). Во время службы в 1-й Особой бригаде был награжден французским Военным крестом с «пальмой» (7 октября 1916 г.) «...за то, что в деле организации 1-й Особой пехотной бригады и ознакомления ее с особенностями Французского фронта проявил выдающуюся энергию высокие военные качества; блестяще подготовил оборону сектора, полученного этой бригаде, особенно в смысле управления действиями войск в различных боях, имевших место в этом секторе»[327]. Кроме того, Щолоков был награжден командорским крестом черногорского ордена Данилы и черногорской медалью «За храбрость»[328]. Эти две необычные награды Щолоков мог получить только от его королевского высочества Черногорского королевича Петра Николаевича (из династии Петровичи-Негош, родной брат Милицы и Анастасии, соответственно жен великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича-младшего), состоящего при штабе 1-й Особой бригады.

Сведений о его характере, личной жизни и о его дальнейшей судьбе после 1918 г. не обнаружено.

---

[327] Там же, ф. 409, оп. 1, п/сп. 372-559 (1918), л. 5; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 260. См. также: там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 73.

[328] Там же, ф. 409, оп. 1, п/сп. 372-559 (1918), л. 1об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Командиром 1-го Особого пехотного полка был назначен полковник Нечволодов Михаил Дмитриевич. Нечволодов родился 22 февраля 1867 г. (на восемь месяцев был старше Лохвицкого) и происходил из потомственных дворян Екатеринославской губернии, православный. Имел старшего брата, Нечволодова Александра Дмитриевича (1864-1938), — генерала, общественного деятеля, писателя и историка.

Образование Михаил Дмитриевич Нечволодов получил во 2-м кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище по 1-му разряду (1886), после чего в этом же году был зачислен подпоручиком в 90-й пехотный Онежский полк, где, прослужив десять лет, в октябре 1898 г. перешел служить в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, где стал капитаном (16 февраля 1902 г.), командовал разными ротами, а после получения чина подполковника (17 марта 1905 г.) — и батальонами. С июня 1908 г. Нечволодов продолжил службу в 8-м Восточно-Сибирском полку, но в декабре следующего года был уволен со службы «по болезни в отставку полковником с мундиром и пенсией»[329]. Однако в мае 1910 г. снова вернулся в строй, в чине подполковника, в прежний полк — 12-й Восточно-Сибирский. К февралю 1912 г. Нечволодов исполнял должность командира 2-го батальона этого полка. В начале 1912 г. пытался перевестись в пехотный полк на территории Европейской части России — возможно, что в феврале-марте этого года был временно зачислен в 131-й пехотный Тираспольский полк[330].

В отличие от обоих командиров бригад и остальных командиров полков, Нечволодов имел богатый боевой опыт. В составе 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в 1900 г. участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания (или русско-китайской войне, или Китайской экспедиции). В составе 12-го Восточно-Сибирского — во время русско-японской войны (1904-1905); ранен и контужен не был.

---

[329] Там же, ф. 400, оп. 9, д. 34243, л. 134.
[330] Там же, л. 141, 148.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

За отличную службу Нечволодов был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» (с 1913 г. эта награда стала называться Георгиевским оружием), орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, св. Анны 2-й степени с мечами, св. Станислава 2-й степени с мечами, а также иностранными: кавалерским крестом ордена Почетного легиона (Франция), орденом Восходящего Солнца (Япония), кавалерским крестом ордена Леопольда (Бельгия), 4-й степенью ордена Красного Орла (Пруссия) и орденом Двойного Орла 3-й степени 1-го класса (Китай). По прибытию во Францию Нечволодов был награжден орденом Почетного легиона (неустановленной степени)[331].

К моменту составления краткой записки о службе подполковника Нечволодова (7 февраля 1912 г.) в браке он не находился.

О боевой деятельности Нечволодова в 1914-1915 гг. известно очень мало. В декабре 1914 г., возможно, командовал 175-м пехотным Батуринским полком, а 1 июня 1915 г., за отличия в 132-м пехотном Бендерском полку, которым командовал в тот период, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени[332].

Во время формирования 1-й Особой пехотной бригады 2 февраля 1916 г. был назначен командиром 1-го Особого пехотного полка. 9 октября 1916 г. был произведен в чин генерал-майора. По приказу командующего французской IV-й армии № 659 от 18 октября 1916 г. был награжден Военным крестом. Высочайшим приказом от 26 февраля 1917 г. был назначен командиром 1-й бригады 45-й пехотной дивизии, но полк сдал только 4 мая, и по неизвестным причинам 28 сентября все еще находился в Париже, хотя собирался убыть в Россию как раз в мае 1917 г.[333].

Об участии Нечволодова в Гражданской войне неизвестно, но в Советской России он жить не стал и эмигрировал во Францию. В начале 30-х гг. Нечволо-

---

[331] Там же, ф. 400, оп. 9, д. 34243, л. 134, 139; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 260. Орден св. Владимира Нечволодов получил за отличия в кампанию 1900 г., а «Золотое оружие» (которое Тарусский ошибочно называет на тот период Георгиевским) — в русско-японской войне, — ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч., №3, с. 3.

[332] Военный орден.., с. 662.

[333] АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3379, л. 77; РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 8, л. 195; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 1, л. 27; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 94; там же, 15224, оп. 1, д. 2, л. 40-41.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

дов читал две лекции о судьбе России в монархических обществах[334]. Предположительно Нечволодов умер 10 января 1951 г.

Солдатские мемуары, в которых упоминается Нечволодов, настроены к нему крайне отрицательно. Самый негативный образ приводится у Власова[335].

Малиновский, напротив, о своем полковом командире отзывался положительно, хотя пристрастие Нечволодова к шумным застольям действительно имело место. Даже французский журналист газеты «Иллюстрасьон» написал о командире 1-го полка как любителе шумных застолий: он был «столь гостеприимен, что казалось, что воинственные настроения умирают на пороге его дома»[336].

По некоторым данным, Нечволодов был монархистом. Так, 4 декабря 1917 г. он заявил: «Россия всегда была монархией, и только император мог бы остановить крах страны и положить конец хаосу, возникшим в ходе революции. Только император с божественным происхождением и опираясь на широкую поддержку народа, способен стать сейчас настоящим хозяином всех людей русских»[337].

Командиром 2-го Особого пехотного полка был назначен полковник Дьяконов Павел Павлович. Дьяконов родился 4 февраля 1878 г., православный. Общее образование получил в Московской Практической академии коммерческих наук, военное — в Казанском пехотном юнкерском училище и в Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду. Командный ценз прошел в должности командира роты, служил обер-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа, где ему дали положительную характеристику[338]. Затем Дьяконов служил старшим адъютантом штаба 15-й кавалерийской дивизии и с 24 марта 1911 г. — помощником делопроизводителя ГУГШ. В 1912 г. Дьяконову дают аттестацию на занятие должности делопроизводителя ГУГШ: «Он в высшей степени дисциплинированный и тактичный офицер, пре-

---

[334] Русское зарубежье.., т. 2, с. 119, 159.
[335] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 55, 81.
[336] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 612, 613; Illustration, 1916, № 3837.
[337] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 284.
[338] РГВИА, ф. 409, оп. 3, д. 2649, л. 1об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

красного характера. Вполне здоров. В общем он очень способный и полезный офицер Генерального штаба. Отличный [это слово в тексте даже напечатано прописными (крупными) буквами. — М.Ч.]». Однако Дьяконову отказали, поскольку в ноябре 1913 г. он снова пытается получить должность делопроизводителя ГУГШ[339].

Сведения о награждениях Дьяконова отсутствуют. В августе 1914 г., уже во время войны, Дьяконова назначают помощником военного агента в Лондон, где он пробыл недолго, и по собственной просьбе был назначен в действующую армию на должность старшего адъютанта штаба 2-й армии. Перед назначением на должность командира 2-го Особого пехотного полка был начальником штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии, и за отличия на этом посту 4 июля 1915 г. был награжден Георгиевским оружием. По прибытию во Францию Дьяконов был награжден орденом Почетного легиона (неустановленной степени), а по приказу командующего французской IV-й армии в сентябре 1916 г. был награжден Военным крестом[340].

По окончании командования полком (20 мая 1917 г.) был командирован из Франции в распоряжение начальника штаба Верховного Главнокомандующего. В сентябре 1917 г. снова стал помощником военного агента в Великобритании (где, вероятно, и получил чин генерал-майора, поскольку существует документ от 12 июня 1918 г., где Дьяконов фигурирует в чине генерала)[341]. В мае 1920 г., после закрытия военной агентуры в Лондоне, переезжает на жительство во Францию. Однако пожелал вернуться на родину и предложил свои услуги советской военной разведке по освещению деятельности белой эмиграции. С 1924 г. активно сотрудничал с Иностранным отделом ГПУ. По некоторым сведениям, принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова[342]. Был близок с неким Богговутом-Коломийцевым (проживавшим в 30-е гг. в Париже и занимавшимся литератур-

---

[339] Там же, л. 3, 5об.
[340] Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 86; Военный орден.., с. 505; ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 260; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 175.
[341] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 159.
[342] АЛЕКСЕЕВ М. Указ. соч., с. 482.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ной деятельностью), которым интересовалась французские службы госбезопасности «Сюрте насьональ»[343]. Весьма вероятно, что Дьяконов пользовался доверием эмигрантских кругов, ибо в одном донесении немецкого агента от 13 июня 1927 г. говорится: «Группе великого князя Николая Николаевича после долгих усилий все-таки удалось найти в Лондоне поддержку. Решающую роль в этом сыграла поездка в Лондон генерала Дьяконова. Денежные средства, которые привез Дьяконов, были предоставлены в распоряжение лично Николая Николаевича, а не генерала Врангеля, как предполагалось ранее»[344].

В период Гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда со специальными разведывательными заданиями. После захвата Парижа немцами Дьяконов, которого германская разведка знала как агента ГПУ[345], был арестован. 43 дня провел в фашистском застенке, надеясь на помощь советского посольства, которая вскоре пришла. Дьяконов получил советское гражданство, и в конце мая 1941 г. с дочерью вернулся в СССР. Пять недель спустя арестован как иностранный шпион. В октябре 1941 г. вышел на свободу. Затем проживал в Ташкенте, потом в г. Кара-Су (Киргизия). Работал в райпотребсоюзе. В ноябре 1942 г. выехал с эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге тяжело заболел и был помещен в больницу, где 28 января 1943 г. скончался[346].

Несмотря на отзывы о Дьяконове как о дисциплинированном офицере, воспоминания очевидцев представляют его как завзятого пьяницу[347]. Кроме того, Рыхлинский утверждает, что все офицеры в полку знали Дьяконова как завзятого карьериста и грубого человека[348].

После того, как Дьяконова отозвали с его поста командира 2-го Особого пехотного полка, на его место заступил полковник Готуа Георгий Семенович, приехавший во Францию в качестве командира 2-го батальона 2-го полка. Готуа родился 13 января 1871 г., из дворян Кутаисской губернии, православный,

---

[343] РГВА, ф. 453к, оп. 1, д. 50, л. 4.
[344] Там же, ф. 772к, оп. 1, д. 97, л. 91.
[345] Там же, д. 98, л. 71; там же, ф. 501к, оп. 3, д. 495а, л. 2.
[346] АЛЕКСЕЕВ М. Указ. соч., с. 482.
[347] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 26; РЫХЛИНСКИЙ В.А. Указ. соч., №52, с. 19.
[348] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 124.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

грузин-гуриец. Общее образование Готуа получил в Кутаисской гимназии, и в мае 1889 г. поступил вольноопределяющимся в 135-й пехотный Кубанский полк. После окончания курса полковой учебной команды и присвоения ему чина младшего унтер-офицера, Готуа отправили в Тифлисское пехотное юнкерское училище, которое он окончил по 2-му разряду. В училище Готуа не выказал больших способностей, поскольку один раз в младшем классе его оставили на второй год (хотя он был отличным стрелком, получив в августе 1891 г. знак за отличную стрельбу). В сентябре 1893 г., окончив училище, был направлен в 256-й Гунибский резервный батальон в чине подпрапорщика[349].

В дальнейшем проходил службу в том же батальоне, был прикомандирован к 16-му гренадерскому Мингрельскому полку, служил в 8-м Красноводском резервном батальоне, исполнял различные должности, но чаще всего заведующего оружием. В декабре 1906 г. он был назначен даже начальником школы прапорщиков, что весьма удивительно, если вспомнить, что в Тифлисском училище Готуа оставляли на один год. Вместе с тем, когда его в июне-июле 1908 г. отправили для изучения саперного дела, Готуа проявил способности, поскольку вернулся он оттуда с документом об окончании учебы, в котором значилось: «очень хорошо» [350].

С ноября 1910 г. Готуа проходил службу в 19-м стрелковом Туркестанском полку и 8-м стрелковом Туркестанском полку, где и получил чин капитана в январе 1913 г.

За время службы Готуа был неоднократно награжден: орденом Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени, Бухарским орденом Восходящим звезды серебряной 2-й степени и одной медалью.

Был женат первым браком на дочери коллежского асессора девице Е.И. Мисенко. Имел четверых детей: Георгия (1905 г. рождения), Елену (1907 г.), Нину (год рождения не указан) и Тамару (1911 г.); все православного вероисповедания. Об их судьбе ничего не известно.

---

[349] РГВИА, ф. 409, оп. 1, н/сп. 3031 (1913), л. 2.
[350] Там же, л. 3об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

К Первой мировой войне в боях и походах не участвовал. «В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличной беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку»[351].

Первую мировую войну Готуа встретил в чине капитана 8-го Туркестанского полка, ибо 31 августа 1915 г. за отличия в этом полку получил Георгиевское оружие. По приказу командующего французской IV-й армии в сентябре 1916 г. был награжден Военным крестом[352]. Чин полковника Готуа получил, скорее всего, за отличия в ходе апрельского наступления 1917 г., поскольку в ходе подавления Куртинского мятежа, в котором он принял активное участие, он уже значится таковым.

В ноябре-декабре 1917 г. Готуа вместе с Лохвицким стал инициатором создания Русского легиона (французы прозвали его «черным полковником», скорее всего из-за цвета его кителя[353]) и первым его командиром.

В начале 1919 г. Готуа уже находится в Вооруженных Силах Юга России: сначала во 2-м армейском запасном батальоне, а с 16 ноября того же года — командир 7-го запасного батальона; получил чин генерал-майора. После поражения Деникина оказался в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Скончался Готуа 13 января 1936 г. в Белграде, похоронен на Новом кладбище. По данным одной из его дальних родственниц, Е.В. Готуа, проживающей ныне в Белграде, у нее дома хранятся награды Готуа — орден Св. Георгия, офицерский крест ордена Почетного легиона и Военный крест. (Штабс-капитан Васильев В.А. ошибочно указывает, что Готуа погиб в рядах белых армий.)[354]

Личность Готуа оставила в некоторых воспоминаниях солдат большой след. Так, Малиновский вспоминал: «Это был очень требовательный *к себе и к подчиненным* [выделено мной. — М.Ч.] офицер. Ходил он по траншеям один,

---

[351] Там же, л. 6об.

[352] Военный орден.., с. 473; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 86.

[353] КЕРСНОВСКИЙ А.А. Указ. соч., т. 4, с. 215. Существует фотография во французской газете «Экзельсиор» от 13 сентября 1917 г., в которой Готуа запечатлен в черном кителе, — ГАРФ, ф. Р-6167, оп. 1, д. 52, л. 174.

[354] ВОЛКОВ С.В. Белое движение, с. 139; Русский некрополь в Белграде, с. 23; ГОТУА Е.В. Указ. соч., с. 58, 59; ВАСИЛЬЕВ В. Русский Легион Чести, с. 114. Тем не менее факт получения Готуа ордена Св. Георгия справочником его кавалеров не подтверждается. С другой стороны, в статье Е.В. Готуа приведена фотография человека, похожего на Готуа, с орденом Св. Георгия на кителе.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

без сопровождающих, в своих мягких кавказских сапогах и, как кошка, подкрадывался к постовому наблюдателю. И горе тому, кто задремал на посту — Готуа бил свою жертву обухом клинка или плашмя»[355]. Однако Готуа был человеком большой храбрости, — тот же Малиновский подтверждает, что несмотря на его зверства по отношению к подчиненным, никто из солдат никогда не устраивал на него покушений (тем самым Малиновский косвенно подтверждает факт покушений на офицеров вообще).

Однако храбрость Готуа была своеобразна: не жалея себя, он не жалел и подчиненных. Так, Рыхлинский рассказывает, как в сентябре 1916 г., единственно ради обещания, данного командиру полка, что он произведет смену батальонов на передовой линии в определенное время, Готуа осуществил ее, невзирая на внезапно начавшийся сильный артиллерийский обстрел позиций его батальона. В результате передовые укрепления оказались в руках у немцев, бросившихся в атаку, которых пришлось выбивать; в итоге 2-й полк потерял 130 убитых и раненых и 8 пленных[356].

Первым командиром маршевого батальона 1-й Особой пехотной бригады стал подполковник Севенард Владимир Владимирович. Севенард родился 26 октября 1874 г. и происходил из потомственных дворян Московской губернии, православный. После окончания уездного училища в январе 1891 г. «в службу вступил» вольноопределяющимся 8-го гренадерского Московского полка, успешно выдержал экзамен в полковой учебной команде, произведен в унтерофицеры и в сентябре 1893 г. командирован в Казанское пехотное юнкерское училище «для прохождения курса наук». Окончив училище в чине подпрапорщика, 2 ноября 1895 г. был зачислен в 25-й пехотный Смоленский полк, а на следующий день произведен в офицерский чин подпоручика. В полку командо-

---

[355] «Но и тут не обошлось без солдатской хитрости. Вот подкрадется Готуа к дремлющему наблюдателю — хлоп его шашкой что есть силы. А это — чучело! Аж завизжит Готуа от злости», — МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 211.

[356] Командир полка Дьяконов не хотел докладывать о пленных и предложил считать их убитыми, поручив о. Николаю Окуневу отпеть их как погибших на поле брани. Справедливости ради надо сказать, что священник отказал полковнику, а некоторое время спустя немцы подбросили русским свои газеты, где были сфотографированы русские солдаты, взятые в плен на франко-германском фронте, — RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 122-123. О твердости Готуа см.: РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 70.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

вал различными ротами, исполнял должность батальонного, потом полкового адъютанта, даже состоял в комиссии «по приему лошадей от населения»[357].

За этот период Севенард был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, а также ему было «высочайше разрешено носить знак за заведование военно-конским учетом в губерниях Варшавского генерал-губернаторства» (28 октября 1910 г.), а также «за безвозмездные труды, по управлению полковым церковным хором Святейший Правительственный Синод преподал Благословение с “грамотами”» (20 ноября 1910 г.)[358].

Во время службы в полку женился на дочери купца девице Екатерине Георгиевне. От этого брака у них родились дети — сын Георгий (Юрий) (1903 г.) и дочка Любовь (1907 г.). Юрий Владимирович Севенард, проживавший в Ленинграде (беспартийный и преподаватель Лодейнопольского механического техникума) был арестован в августе 1937 г. и расстрелян 1 ноября 1937 г.[359].

О дочери Любови Владимировне Севенард сведения отсутствуют.

Первую мировую войну Севенард встретил в чине штабс-капитана того же 25-го пехотного Смоленского полка. Будучи в чине подполковника 17-го Сибирского стрелкового полка высочайшим приказом от 20 декабря 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. По некоторым данным, по прибытии войск во Францию был награжден орденом Почетного легиона (неустановленной степени)[360].

Сведения о дальнейшей судьбе до 1937 г., в т.ч. периода командования маршевым батальоном 1-й Особой бригады, отсутствуют. Ни в чьих воспоминаниях сведений о нем не имеется. Известно, что по приказу 1-й Особой пехотной бригады № 229 от 10 декабря 1916 г. подполковник Севенард был переведен в 17-й Сибирский стрелковый полк; дата его убытия в Россию неизвестна. К моменту ареста 29 сентября 1937 г. работал старшим бухгалтером Лодейнопольского отделения Ленинградского завода «Вена» и проживал в г. Лодейное Поле Ленинградской области. «Особой тройкой УНКВД ЛО 31 октября 1937 г.

---

[357] РГВИА, ф. 409, оп. 1, п/сп. 1973 (1912), л. 3.
[358] Там же, л. 1об, 3об.-4.
[359] Ленинградский мартиролог, с. 369.
[360] Военный орден.., с. 745; ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 260.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

приговорен по ст. ст. 58-7-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 5 ноября 1937 г.»[361]

В настоящее время в г. Бремен (Германия) проживает прямой потомок Севенарда — Дмитрий Севенард.

Первым командиром 5-го Особого пехотного полка 3-й Особой пехотной бригады был назначен Нарбут Владимир Станиславович. Нарбут родился 21 января 1872 г., дворянин Витебской губернии, сын офицера, православный. Общее образование получил в Ловичском реальном училище и по его окончании в августе 1891 г. поступил в 1-й стрелковый полк на правах вольноопределяющегося. В сентябре того же года был командирован в Московское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду, по окончании которого в августе 1893 г. был определен подпоручиком в 4-й Финляндский стрелковый полк. В июне-июле 1897 г. пытался поступить на курсы восточных языков, но не поступил и вернулся обратно в полк[362]. Нарбут сменил много должностей — командира роты, заведующего музыкальной командой, делопроизводителя полкового суда, заведующим полковым лазаретом, а в июне 1903 г. был прикомандирован к управлению 1-й Финляндской стрелковой бригады «для письменных занятий»[363]. С июня 1904 по июнь 1906 г. занимал должность штаб-офицера при Управлении этой же бригады. 14 февраля 1906 г. получил чин капитана.

Имел награды: Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степени и две медали.

На период составления послужного списка (январь 1907 г.) женат не был, в боевых действиях не участвовал.

В 1908-1910 гг. служил в 3-м Финляндском стрелковом полку в чине капитана[364]. В 1912 г. в составе группы офицеров посетил Францию с целью ознакомления с условиями службы во французской армии. В Первую мировую войну вступил в чине подполковника с 3-м финским стрелковым полком. Во время командования 5-м полком указом Президента Французской республики от 14

[361] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 137. Ленинградский мартиролог, с. 369.
[362] РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 4733, л. 3об.
[363] Там же, л. 4об.
[364] Общий список... (по 1.01.1908), стб. 425; Общий список... (по 1.01.1910), стб. 445.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

января 1917 г. был награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона[365], а также, по некоторым данным, Нарбут был удостоен Георгиевского оружия и Военного креста с «пальмой»[366]. В мае 1917 г. стал командиром 3-й Особой бригады.

Сведений о его характере, личной жизни и этапов прохождения службы не обнаружено.

После распада 1-й Особой пехотной дивизии отбыл в Вооруженные Силы Юга России, затем служил начальником штаба генерала Щербачева, военного представителя русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, в Париже. По его инициативе был образован Союз Офицеров Участников Войны на французском фронте. Скончался в Париже, 16 июля 1929[367].

После назначения Нарбута на должность командира 2-й Особой бригады (бывшей 3-й бригады) командиром 5-го полка стал подполковник Киселев Сергей Петрович, православный.

Послужного списка не обнаружено; год рождения, происхождение и образование неизвестны. Службу начал во 2-м гренадерском Ростовском полку. В 1908-1910 гг. проходил службу в 221-м пехотном резервном Троицко-Сергиевском полку (в Москве); в 1910 г. уже был в чине штабс-капитана[368].

В начале Первой мировой войны служил в 12-м гренадерском Астраханском полку. За отличия в этом полку 15 июня 1915 г. был награжден орденом св. Георгия 4-й степени[369]. Кроме того, во время войны был удостоен следующих орденов: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами «за отличия в боях против неприятеля» в период с января по июнь 1915 г., Св. Станислава 2-й степени с мечами, а также ему была выражена личная благодарность Николая II «...за отличие в бою против неприятеля у деревни Яблоново»[370]. (До войны, в 1913 г., был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени за отличия по

---

[365] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 4, 10.
[366] Полковник В.С. Нарбут, с. 31.
[367] Там же. ВОЛКОВ С.В. Белое движение, с. 353.
[368] Общий список... (по 1.01.1908), стб. 478; Общий список... (по 1.01.1910), стб. 497.
[369] Военный орден.., с. 557.
[370] РГВИА, ф. 409, оп. 4, д. 2959, л. 1об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

службе.) В конце 1915 г. был представлен к чину капитана и ордену Св. Анны 2-й степени «за отлично-усердную службу и труды понесенные в текущую кампанию...»[371].

На 21 января 1916 г. был командиром 2-й пулеметной запасной роты. Во время формирования 1-й Особой пехотной бригады подполковник Киселев стал начальником хозчасти 1-го Особого полка, временно исполнял должность коменданта в Тулоне[372]. Участвовал в боях на Западном фронте и 29 августа 1916 г. заслужил Георгиевские оружие[373]. В мае 1917 г. возглавил 5-й Особый полк с присвоением очередного звания. По некоторым данным, во время боев на французском фронте был награжден Военным крестом и крестом ордена Леопольда (Бельгия)[374].

После окончания войны некоторое время работал простым рабочим. В последнее время проживал в Ницце, где и скончался в конце 1928 г.

Итак, к моменту отправки бригад во Францию 1-й и 3-й Особых пехотных бригад русское верховное военное командование и политическое руководство старались подобрать отборный командный состав, и — по крайней мере, с внешней точки зрения, — цель была достигнута в отношении командиров полков. Так, командир 1-го Особого полка (Нечволодов) был кавалером 4-й степени ордена Св. Георгия, командир 2-го Особого полка (Дьяконов) — Георгиевского оружия. Однако к отбору командиров полков 3-й бригады, отправленной летом 1916 г., русское руководство уже относилось менее внимательно: так, командир 5-го полка (Нарбут), в отличие от командира 6-го полка (Г.И. Симонова), награжденного 4-й степенью ордена Св. Георгия, не имел ни этого ордена, ни Георгиевского оружия. Самым большим боевым опытом должен был обладать Нечволодов: единственный из всех полковников и офицеров участник Китайской кампании 1900 г. (В дальнейшем должности командиров полков занимали уже офицеры, выходцы из низших слоев российского общества — например, во главе 1-го полка стал сын фабриканта полковник В.Ф. Гренроз.)

---

[371] Там же, л. 1об.
[372] Там же, л. 1об.; там же, ф. 15221, оп. 1, д. 3, л. 16; там же, д. 1, л. 174.
[373] Военный орден.., с. 557.
[374] Полковник С.П. Киселев, с. 31.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Боевые качества командиров полков, т.е. их умение командовать вверенными им полками, пока остаются под знаком вопроса, учитывая к тому же, что командирам пришлось принять участие фактически один раз в крупномасштабном сражении — в апреле 1917 г. на весьма непродолжительный срок (несколько дней).

Однако даже если можно было найти еще более достойные кандидатуры (скорее всего, такие должны и обязаны были существовать), они все равно не смогли бы в полной мере стать подлинными авторитетами для нижних чинов и, возможно, для подчиненных офицеров своих бригад. Четыре полка (две бригады) были новыми воинскими частями, которым следовало в условиях военного времени, в чужой стране и нахождения на передовой превратиться в боевую единицу. Следовательно, на офицерский состав возлагалась намного бо̀льшая нагрузка, чем на офицерство старых полков.

Думается, нельзя поставить в вину русскому руководству, что командиры Особых бригад (особенно Лохвицкий) и полков из-за нехватки времени не смогли сплотить войска, и оказались неспособными противодействовать развалу частей, что стало одно из главных причин распада русских войск во Франции. Нельзя не заметить, что на русском фронте разлагались полки и бригады с многолетней (или даже с многовековой) историей существования, командный состав которых, как оказалось, также был не в состоянии бороться с антивоенной пропагандой.

В заключение главы можно сделать некоторые выводы. Вынужденная подчиняться политическому давлению Франции, России пришлось против своей воли отправить в Европу четыре Особых пехотных бригады без всяких условий и политических гарантий, позволивших бы Николаю II надеяться на разумную компенсацию при послевоенном переустройстве мира (что в известной мере напоминает отправку 30-тысячного корпуса генерал-лейтенанта князя В.Н. Репнина в 1748 г. против Франции во время войны за Австрийское наследство). Сама идея отправки русских войск за границу не представляла какой-то катастрофы. Истории известны случаи отправки экспедиционных корпусов, в т.ч. и

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

самой Россией. Но посылка Особых бригад во время Первой мировой войны не была подготовлена ни с политической точки зрения, ни с военной.

Формирование бригад проходило с большими недостатками, коренные причины которых лежали не только в нехватке времени и военного времени (объективные условия), но и — невзирая на причины — в недостаточно профессиональном подходе к делу соответствующих должностных лиц (субъективные).

К вопросам военного быта высшее военное руководство России отнеслось поверхностно и небрежно, не акцентируя внимания на таких важных составляющих победы, как укрепление и подержание боевого духа, явно не придавая решающего значения морально-психологическому фактору.

В итоге отправка двух бригад на французский фронт соответствовала политике, проводимой Россией во время Первой мировой войны.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Глава 2. Особые бригады на Западно-Европейском театре военных действий (1916-1917)

§1. Боевая деятельность Особых бригад во время позиционной войны (июнь 1916 — март 1917 гг.)

В настоящей главе предлагается рассмотреть проблемы, касающиеся участия Особых бригад во время боевых действий на Западном фронте в указанный период, выявить степень их участия, поведение русских войск во время боев, размер их потерь.

* * *

К весне 1916 г. военно-стратегическая обстановка, сложившаяся на Западном фронте, отличалась крайней нестабильностью и напряженностью. После того, как в кампанию 1915 г. германским войскам не удалось вывести Россию из войны, Берлин вновь сосредоточил все усилия на Западном фронте, намереваясь, как и раньше, разгромить Францию. Для своего удара германское командование выбрало узкий участок фронта в районе Верденского укрепленного района. Однако Верденская операция (февраль-декабрь 1916 г.) свелась к изнурительным и кровопролитным боям на небольшом клочке территории и к методическому преодолению позиционной обороны. Ко времени высадки русских войск во Франции (апрель-май 1916 г.) Верденская операция все еще продолжалась, но без кардинальных успехов для нападавших.

Поскольку в районе Вердена шли самые напряженные бои, можно было бы предположить, что французское командование сразу направит сюда русские войска. Однако Париж прежде всего отправил бригаду в тыловой лагерь Майи (около г. Шалон-на-Марне) для обучения, поскольку русским войскам (как нижним чинам, так и офицерам) предстояло осваивать не только новое оружие, но и новую тактику боя (последние части 1-й Особой бригады прибыли в Майи 7 мая). Например, на французском фронте, являвшимся классическим с точки зрения позиционной войны, — в отличие от Восточного фронта, где линия фронта постоянно менялась, — каждый дюйм земли ценился куда выше, и отход войск на Западно-Европейском театре военных действий на огромные для

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Европы расстояния, как в России, был просто невозможен. В силу тех же причин французские траншеи были оборудованы намного сложнее в техническом отношении, чем русские окопы: стенки траншей были обтянуты проволочной сеткой, на дне лежали деревянные решетки. По дну специальных ответвлений траншей проходила даже «рельсовая дорога» с тележками для подвоза на передовую продовольствия и эвакуации в тыл раненых. Командные пункты роты представляли собой настоящие подземные сооружения, где могли находиться даже ванны и кое-где бильярдные столы. Так, командир 8-й роты 2-го полка Шульц откровенно признавался, что для русских офицеров, участников боевых действий на русском фронте, «обилие техники, всех видов огня, сигнализации, обилие материалов, организация быстрой подачи их, — все это раньше увы нам не было знакомо»[375].

По прибытии в лагерь (находившегося в расположении IV-й армии Гуро) все подразделения бригады получили предусмотренное штатом число офицеров и нижних чинов французской службы и материальную часть. Решались и другие не менее важные организационные вопросы. 28 апреля по IV французской армии генерала Гуро выходит приказ о зачислении 1-й Особой бригады в состав XVII-го корпуса генерала Ж. Дюма (потомка знаменитого писателя-романиста), входившего в IV-ю армию. Гуро сразу оказал частям бригады всестороннюю поддержку; более того, почти во время каждого визита в Майи генерал даже посещал русскую походную церковь, что дало повод французской прессе окрестить Гуро клерикалом[376].

По прибытию во Францию части Особой бригады (состоявшие, как уже говорилось, из новобранцев) сразу приступили к учебной и боевой подготовке для выступления на фронт. Для них была разработана специальная программа. Для основной массы войск предусматривались практические занятия на полигоне, учебные стрельбы, знакомство с французскими траншеями. Для этого около Майи был специально выбран полигон, как можно лучше напоминающий

---

[375] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 61, 63-64, 70; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 47; СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 29-30, 32; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 202, 205-206.

[376] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 117.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

местность, в которой бригаде предстояло занять линию фронта[377]. Поэтому утверждение Лисовенко, что солдат ничему не обучали, отличается от действительности[378].

Насколько была степень добросовестности во время подготовки к этим занятиям со стороны чинов бригад (в т.ч. и офицеров), установить не удалось, но можно предположить, что подготовка проходила с серьезными изъянами, о чем, например, говорил Шульц[379]. Игнатьев прямо говорил в своих воспоминаниях: «Было ясно, что офицеров больше интересовали прелести Парижа, чем тонкости ведения окопной войны»[380]. Кстати говоря, Шульц не называет виновников плохой боевой подготовленности войск, что косвенно может свидетельствовать о его вольном или невольном недовольстве руководством полка или даже бригады. Вместе с тем Шульц не высказал недовольства в адрес французского военного руководства, — но даже если он что-то и высказывал по данному поводу, вряд ли эта критика могла попасть в «Военный сборник», являвшийся официальным изданием, а не «левой» газетой, поскольку в данном случае можно предположить о нежелании русской стороны портить союзнические отношения.

Одной из главных причин недостаточной боевой подготовки можно назвать психологические особенности русского характера офицерского и рядового состава бригады, в частности, отсутствие внутренней дисциплины. Таким образом, можно было избежать напрасных жертв среди военнослужащих Особых бригад, которые иногда погибали просто из-за отсутствия собственной дисциплинированности (достаточно вспомнить об использовании коробок для противогазов в качестве сосудов для хранения алкогольной продукции). К тому же нельзя не учитывать и психологический фактор. Можно предположить, что офицеры сами не проявляли желания учиться воевать по-настоящему, поскольку обучение наравне с нижними чинами унижало бы офицеров в их собствен-

---

[377] Rapport général GOURAUD, commandant la IVe Armée (21.06.1916), — Архив Ю.В. Копылова. См. также: РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 31, 37; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 25, л. 5; RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 117-118.

[378] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 37, 38.

[379] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 63, 70, 74.

[380] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 614.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ных глазах перед подчиненными, особенно тех офицеров, кто уже имел боевой опыт, но, разумеется, на русском фронте. С другой стороны, известно, что переучиваться всегда труднее, чем просто учиться.

Нахождение на фронте требовало от русских войск ежедневно большого внимания и напряжения, что при отсутствии должного внимания со стороны русского военного командования к морально-психологическому настрою нижних чинов, должно было породить, по крайней мере, психологический дискомфорт, особенно учитывая серьезный фактор, заключавшийся в том, что Особые полки в подавляющем большинстве состояли из новобранцев, которым еще требовалось создать боевое содружество, фронтовое братство.

Но вот строевой подготовке русское командование уделяло много внимания. Так, за один месяц 1-я Особая бригада участвовала в 18 парадах, на которых присутствовали либо Жилинский, либо генерал Гуро, либо президент Франции Пуанкаре. Даже ротный командир Шульц откровенно говорил, что смотры и парады «измучили нас»[381]. Один батальон из 1-го Особого полка во главе с самим Лохвицким прошел даже церемониальным маршем в Париже вместе с английскими и бельгийскими частями по случаю празднования национального праздника Франции — 14 июля (что лишний раз поддержало и убедило французское общественное мнение в скором прибытии многомиллионных русских войск ради спасения Франции)[382].

Во время пребывания в лагере Майи русские войска потратили на строевую подготовку много времени, но совершенно избежать участия в парадах и смотрах было невозможно, поскольку им придавали явно политический характер. Например, Парижу (впрочем, как и Петрограду) требовалось всячески подчеркнуть тесную связь союзников по Антанте, а русское военное командование при этом с незапамятных времен придавало строевой подготовке войск некий сакральный характер.

---

[381] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 118; ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 74; ЧИНЯКОВ М.К. Русские войска..., с. 21. О посещении Пуанкаре Майи 26 мая см.: ПУАНКАРЕ Р. Указ. соч., т. 2, с. 475-477.

[382] АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 154, л. 81. См. также: РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 18, л. 91.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Еще до прибытия русских войск во Францию французское командование стало прорабатывать вопрос о том, на какой участок фронта направить Особую бригаду. В итоге Париж счел необходимым поставить бригаду на относительно спокойный участок фронта, вопреки предложениям Думера конца 1915 г. использовать русские войска как «пушечное мясо». Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что идея привлечь русские войска на французский фронт была для Парижа изначально не стратегической, а тактической целью, либо, в связи с неуступчивостью Петрограда в плане отправки русских войск в Европу, прежняя точка зрения «а ля Думер» была коренным образом изменена. Вместе с тем Париж, если бы он продолжал придерживаться мнения Думера, мог отправить бригаду сразу на самый опасный участок фронта Западно-Европейского театра военных действий — под Верден и без предварительного обучения. Так, 12 апреля 1916 г. (за восемь дней до прибытия первых эшелонов 1-й Особой бригады) командующий обороной Вердена генерал А.-Ф. Петэн сообщил главнокомандующему французскими войсками Жоффру: «Отправка подкреплений более чем необходима. Я настойчиво прошу присылки новых частей, но отобранных среди тех, которые еще не участвовали в боях под Верденом»[383]. Однако французское командование не отправило туда Особую бригаду, как и не привлекло русскую часть к операции на Сомме, разрабатывавшуюся еще с января 1916 г. и проходившую в июле-ноябре 1916 г. Наоборот, французское командование отправило русские войска в учебный лагерь.

Данилов полагает, что французы не стали отправлять бригаду под Верден, т.к. они считали его оборону делом национальной чести, поскольку под Верденом принимали участие только французские части[384] (в т.ч. и колониальные, но не союзнические). Предположение не лишено смысла, но нельзя не учитывать общие принципы управления французскими войсками: практически ни одна часть не отправлялась на фронт без предварительного обучения, поскольку французское военное командование ценило человеческий материал[385].

---

[383] Цит. по: KOELTZ L. Op. cit., p. 313-314.
[384] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 61.
[385] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 123.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

На французском фронте 1-я, затем и 3-я Особые бригады не являлись отдельной самостоятельной частью из-за малочисленности и недостаточной технической укомплектованности. Они входили в состав французской армии, и подчинялись в оперативном отношении командующему фронтом, в юридическом — представителю Верховного Главнокомандующего во Франции: «...где бы ни находились русские войска, они подчиняются русским военным законам»[386].

25 июня 1916 г. части 1-й Особой пехотной бригады выступили на фронт и временно вошли в состав группы войск под командованием командира II кавалерийского корпуса генерала М.-А. де Митри (с 7 июля — XVII-го корпуса генерала Дюма). Первым траншеи занял 1-й Особый полк, вошедший в состав 152-й французской пехотной дивизии генерала Андрье (среди офицеров штаба дивизии находился лейтенант Пети). Один русский полк сразу сменил два французских — 114-й и 125-й пехотные полки.

Сектор, занимаемый частями 1-й Особой бригады, находился к востоку от города Реймса, примыкая своим правым флангом к реке Сюипп, близ села Оберив, неподалеку от фермы Эсперанс, находившейся в руках немцев. «Ставка» генерала Лохвицкого находилась на шоссе из г. Мурмелон в с. Оберив; этот город находился в тылу русских позиций, и там русские солдаты располагались на временный отдых после их смены французскими частями.

Расстояние, разделяющее наши передовые линии от немецких, составляло всего 70-80 м, поэтому постоянно приходилось быть начеку. Все четыре месяца, которые русские войска провели на передовой, прошли для них днем в постоянных, но обычных, перестрелках с врагом, а ночью — в земляных работах по укреплению своих позиций. Боевое крещение 1-я Особая бригада получила сразу же по прибытию на фронт. Когда 27 июня, после мощной артподготовки, немцы внезапно бросились в атаку, и части 1-го полка, не выдержав натиска, дрогнули и бросились в отступление, беглецов остановил подпоручик Быковский из пулеметной роты 1-го полка, который случайно оказался здесь, с

[386] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 2, л. 29.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

одним стеком в руках. Проявив завидное хладнокровие в подобных обстоятельствах, Быковский остановил беглецов, собрал вокруг себя и отбил вражеское нападение. После этого подвига подпоручик стал первым офицером из всей бригады, который был отмечен в приказе по IV-й армии, и получил орден Св. Анны 4-й степени[387]. Однако в первое время подобные случаи были редкостью.

Как правило, боевая деятельность в первый период пребывания русских войск на французском фронте сводилась не только к наблюдению за врагом и отражению неприятельских вылазок, но и к участию в «*coup de main*» (русские солдаты так и называли их: «кудемены») — боевых разведывательных рейдах. Так, младший унтер-офицер Г. Котов и ефрейтор А. Калмыков из 2-го Особого полка с группой товарищей совершили боевую вылазку к немцам, в результате которой захватили двух пленных, две винтовки с боеприпасами и два ящика ручных гранат. Все участники вылазки были удостоены Георгиевских крестов (первыми в полку), Калмыкову присвоено звание младшего унтер-офицера, а его трем боевым товарищам — звание ефрейтора. Героев даже принял лично генерал Лохвицкий и французское начальство; более того, солдат возили даже в Париж. Французы были крайне удивлены поведением русских солдат, поскольку «кудемены» обычно предваряла тщательная разведка и артиллерийская подготовка[388]. Так, по подсчетам одного французского артиллериста, на один «кудемен» снарядов расходуется по 300-350,0 тыс. франков[389].

В один из самых ожесточенных боев, 16 июля, русской штыковой атакой двух взводов 2-й роты 1-го батальона 1-го Особого полка были отбиты две атаки противника, стоившая ему, по мнению Данилова, до 100 человек убитыми и ранеными и 10 человек пленными. (По данным французского командования, которое оперировало сведениями от штаба Особой бригады, — 20-30 убитых и 3 раненых.) С нашей стороны тоже имелись немалые потери — 13 убитых

---

[387] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 122. Во французской армии одним из видов награды является упоминание (citation) военнослужащего или какой-то части в приказе по армии, корпусу, бригаде, полку. Самым почетным, разумеется, являлось упоминание в приказе по армии.

[388] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили., с. 47; РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 55.

[389] «И каков результат? Захватить одного-двух пленных и расквасить физиономию часовому?», — BARTHAS L. Op. cit., p. 482. О «кудеменах» см.: MEYER J. Op. cit., p. 135-136.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

(плюс один солдат французской службы) и 36 раненых, из них 2 офицера. Командир XVII-го корпуса генерал Ж. Дюма с большой похвалой отозвался об общем управлении контратакой и о мужественном поведении чинов 1-й Особой бригады в этот день[390].

29 сентября вышел приказ № 646 по IV-й армии, отмечающий заслуги 3-го батальона 2-го Особого полка: «18 сентября 1916 под командованием своего командира подполковника Верстаковского, будучи яростно атакован 6-ю ротами германцев, которые наступали под прикрытием сильной артиллерии, встал, как один из окопов, бросился в штыки и своим неудержимым порывом, отбросил неприятеля до его линии, нанеся при том ему сильные потери». По этому приказу фаньону (батальонному значку) 3-го батальона от генерала Гуро был пожалован Военный крест с «пальмой»[391]. До сегодняшнего времени несколько непонятен факт награждения фаньона боевым орденом, поскольку фаньон представлял обычное полотнище, не играющее никакой священной роли в глазах как русской, так и французской армии. Потеря батальонного значка ничем никогда не каралась и просто подлежала замене другим таким же значком.

16 октября 1916 г. полки 1-й Особой бригады, сменяя друг друга на передовой, отошли на отдых и на дальнейшую учебу в Майи, а их место заняли полки 3-й Особой бригады. В приказе по 1-й Особой бригаде № 174 от 4 октября 1916 г. была приведена телеграмма от генерала Дюма: «Шлю самые сердечные поздравления храбрым войскам и их храбрым начальникам», а командир VII-го французского корпуса (которому была переподчинена после корпуса Дюма вошла 1-я Особая бригада) генерал де Базелер сказал: «...русские остаются по-прежнему мастерами штыкового боя»[392].

16 октября 1916 г. 3-я Особая бригада, — первые эшелоны которой прибыли в Майи 17 сентября, пробыв в лагере Майи меньше месяца (до 11 октября), что вызвало неудовлетворение у Марушевского, — заняла место 1-й бригады. Во время пребывания на передовой 3-я Особая бригада совершила не меньшее

---

[390] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 75. По данным Игнатьева, потери русских войск составили 34 убитых и раненых, — РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1151; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 25, л. 86.
[391] Французские боевые награды полкам, с. 32.
[392] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 76.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

количество разведывательных рейдов, чем 1-я бригада, но самым известным стал рейд 15 декабря, проводившийся младшим лейтенантом 4-й роты Богуславским, захватившего ценные трофеи и уничтожевшего вражеских блиндаж[393].

Высокую оценку французского командования получили действия трех команд из трех рот 5-го полка под командованием командира 5-й роты штабс-капитана А.К. Прачека, командира 6-й роты штабс-капитана М.К. Иордана и командира 8-й роты 3-го батальона того же полка поручика В.Н. Черняка. Ворвавшись в немецкие окопы после предварительного артиллерийского обстрела, они в течение получаса удерживали позиции, а затем отошли, захватив пленных и богатые трофеи. Некоторые участники этого рейда получили Военные кресты[394].

Вместе с тем на участке 3-й бригады, как и в секторе, занимаемым 1-й бригадой, ни французы, ни немцы активных боевых действий не проводили. Так, в приказе по 3-й бригаде № 6 от 20 января 1917 г. Марушевский говорил, что на его участке ежи «...вросли в землю от долгого неподвижного стояния на месте или захвачены растительностью настолько, что быстрое их перемещение будет затруднительно»[395].

31 января 1917 г. 3-я Особая бригада первой из русских войск на французском фронте подверглась газовой атаке противника. С 16 час на позиции 6-го Особого полка и соседних французских частей пошли волны бесцветного газа, затем — облака хлора. Под прикрытием газа и артиллерии немцы пытались атаковать, но, получив отпор, отступили. Только в 22 часа войскам разрешили снять противогазы[396].

Особенно большие потери понес 6-й Особый полк — все умершие на месте 22 человека служили именно в этом полку, как и 285 чел из 306 человек, эва-

---

[393] PETIT P. Op. cit., p. 13.
[394] ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции.., с. 94.
[395] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 5, л. 2.
[396] Там же. Описание газовой атаки см.: СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 34-40.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

куированных в тыл с разной степенью отравления[397]. По данным Павлова, потери 6-го полка 31 января составили 34 убитых и умерших солдата, отравленных газами – 3 офицера и 224 солдата и 30 раненых и контуженных, — всего 291 чел. По сведениям начальника штаба 3-й бригады — в результате артиллерийского обстрела 16 человек были убиты, 24 ранены и 12 контужены; 139 чел были отравлены (из которых 10 чел позднее скончались)[398]. Итого на всем участке фронта, подвергнутого немецкой газовой атаке, из 10,0 тыс. человек пострадало 1.982, т.е. около 20% французских и русских военнослужащих. По данным Пети, союзнические потери от газовой атаки составляли: 250 умерших, 277 серьезно пострадавших, 1.017 легко пострадавших и 438 пропавшими без вести (вероятно, все они попали в плен)[399].

О трагических последствиях 31 января говорилось в приказе от 2 февраля по 1-й Особой бригаде, где обращалось внимание на меры по защите личного состава от газовых атак. Отметим, что о подобных мерах говорилось еще, по крайней мере, с ноября 1916 г., в частности, был назначен особый офицер специально ответственный за проведение мероприятий по отражению газовых атак. Думается, что далеко не все серьезно относились к противогазам — они недавно появились в войсках и, возможно, русские солдаты просто недооценивали серьезность газовой атаки. Еще в декабре 1916 г. в 1-й и 3-й Особых бригадах отмечались случаи отсутствия противогазов даже при торжественных смотрах, устраиваемых бригадным начальством, несмотря на приказы, где постоянно говорилось о том, что следует беречь противогазы (маски, как их тогда называли)[400].

Предпринятая ответная газовая атака французскими подразделениями на немецкие позиции в ночь на 17 февраля успехом не увенчалась: газовое облако

---

[397] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 81. Его данные повторяют другие авторы: ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч. № 7 (269), с. 3. КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому.., с. 48.

[398] ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции.., с. 94. РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 33, л. 7. По другим данным, 21 чел погиб, 48 раненых и 198 чел отравились разной степенью тяжести, — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 60.

[399] PETIT P. Op. cit., p. 13. Сведения Пети подтверждает Данилов, — ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 81.

[400] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 4, л. 106, 148, 177, 179об.; там же, ф. 15222, оп. 1, д. 1, л. 43, 46, 106.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

частично вернулось обратно. Пострадало 13 русских и 120 французских военнослужащих (все 120 человек входили в состав газовой роты)[401].

Первую боевую службу 3-я Особая бригада закончила в марте 1917 г., когда ее сменила 185-я французская территориальная бригада (состоящая из 75-го и 78-го территориальных полков), а русские части были выведены в тыл на берега реки Марны.

В ноябре 1916 г. части 1-й бригады снова выступили на фронт, но теперь заняли позиции у форта «Ла Помпель», где, сменив части 97-й территориальной дивизии, простояли до марта 1917 г. Здесь активных боевых действий не велось, за исключением взаимных обстрелов и «кудеменов». Так, в ночь с 24 на 25 декабря 1916 г. рядовые 7-й роты 2-го батальона 2-го полка Борис Чернышев и Степан Воробьев захватили в плен двух немцев, за что им были вручены по 100 франков от штаба французского корпуса, а 27 декабря произошло их награждение Военным крестом, которые лично прикрепил им на грудь сам командующий V-й армией генерал Мазель (в подчинение которого перешли русские части)[402]. В то время как на фронте, где стояла 3-я бригада, противник действовал несколько активнее[403].

Во время боевых действий в течение 1916 г., по данным военного атташе во Франции полковника Игнатьева, потери 1-й Особой бригады составили 2 офицера и 103 солдата убитыми и умершими от ран, 2 офицера и 130 солдат ранено. В 3-й Особой бригаде соответственно 1 офицер и 67 солдат, 3 офицера и 404 солдата. Итого потери обеих бригад составили 3 офицера и 170 солдат убитыми и 5 офицеров и 534 солдат ранеными (всего — 712 чел)[404], что составило, исходя из условной численности бригад в 12-14,0 тыс. чел (по 3,5 тыс. чел в каждом полку) — почти 6% от общих потерь обоих бригад. Рыхлинский оценивает общие потери только 1-й Особой бригады в 500-600 человек[405], что

[401] ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч. № 7 (269), с. 3; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 80-81.

[402] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 25, л. 103об.; там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 60. Денежные награды за пленных считалось обычным делом во французской армии. Однако с 7 сентября 1916 г. главнокомандующий французскими армиями принял решение денежные премии за пленных больше не выплачивать, за исключением особых случаев (Там же, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 41). Таким образом, денежную выплату Чернышеву и Воробьеву можно было считать особой наградой.

[403] Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 63.

[404] Там же, л. 87; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 90. На Салоникском фронте потери обеих бригад в указанный период были выше, — ВАЛЕНТИНОВ Н. Указ. соч., с. 13.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нивает общие потери только 1-й Особой бригады в 500-600 человек[405], что при общей численности бригады в 113 офицеров и чиновников и 9.533 нижних чина (к июню 1916 г.) составляет около 6 %. Если допустить общие потери 3-й бригады (с учетом оживления боевых действий в период ее нахождения на передовой) приблизительно немного выше (7-8%), следовательно, общие потери 1-й и 3-й бригад составят не более 15%, что противоречит мнению о том, что бригады поставили на один из самых опасных участков фронта, о чем, например, утверждает Деренковский (ссылаясь на ту же газету «Солдатская правда»)[406].

В июне 1916 г. — марте 1917 г. русские войска показали себя с лучшей стороны, но отношение к боевой деятельности на фронте, во время войны, уже изначально страдало у некоторых солдат какими-то изъянами, трудно поддающиеся объяснениям. Так, Вавилов (который, как говорилось выше, был уверен в том, что по прибытию во Францию их отправят в тыловой гарнизон) пишет о первых впечатлениях после занятия траншей: «В первые часы никому из нас особенно страшно не было. Мы думали, что постреляем немножко, да и пойдем спать, как дома или как в лагерях. Но дело обстояло совершенно не так, как мы предполагали»[407]. Того же мнения придерживается солдат И. Алешин[408]. Складывается впечатление, что, по мнению Вавилова и Алешина, русских солдат командование должно было привезти во время войны на другой театр военных действий неважно для чего, но только не для того, чтобы отправить их на фронт.

Состояние дисциплины среди русских войск в течение 1916 г., судя по воспоминаниям Шульца, не располагала к грядущим потрясениям. Как сказал Шульц, «мною, да и другими [возможно, речь идет о других ротных командирах. — М.Ч.], за 10 месяцев не было наложено ни одного взыскания. Люди [нижние чины. — М.Ч.] слушались доброго слова и силы убеждения»[409]. О настроениях русских войск во Франции к концу 1916 г. можно судить по сведени-

---

[405] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 123.
[406] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ соч., с. 71. См. также: Восстание русских солдат, с. 53.
[407] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 28.
[408] АЛЕШИН И. Указ. соч., с. 25.
[409] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 77.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ям, предоставленным 23 декабря 1916 г. Палицыну от исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова, опирающегося на данные русской военно-полевой цензуры, т.е. занимавшейся перлюстрацией писем нижних чинов на родину. Признавая, что тон писем продолжает носить «жизнерадостный характер» («...их хорошо кормят и дают вина; в санитарном отношении на французском фронте замечается полная предусмотрительность...»), в письмах «...проскальзывают и темные стороны: среди войск царит разврат и пьянство. (...) В другом письме говорится, что отношения между французским населением и нашими солдатами ухудшилось, в виду того, что последние позволили себе ограбить огороды и лавочки французов...»[410]. Иными словами, настроение войск, несмотря на некоторые неприятные инциденты, происходящие во время всех войн (например, конфликты с местным населением), не предвещали ничего серьезного и, скорее всего, носили локальный характер. Подобного рода конфликты происходили и у французских солдат с французским же населением, особенно когда военные не могли заплатить за квартиры[411].

Точно также среди русских войск на французском фронте случались вполне обычные нарушения, происходящие во время ведения любых боевых действий[412]. Во французской армии, например, во время зимнего периода военнослужащие так закутывались в теплые (т.е. «неуставные») вещи, что невозможно было отличить рядового от офицера. Как сказал один из авторитетных французских ученых по истории Первой мировой войне П. Микель, «в грязи [траншей. — М.Ч.] исчезали все признаки субординации»[413].

Несмотря на мнение Думера и французского военного руководства, рассматривавших в конце 1915 г. русские войска как колониальные части, которым первоначально отводилась роль своеобразных «ударных частей», по прибытию во Францию отношение к ним заметно меняется. Русские войска отправляют не

[410] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 26, л. 27.
[411] DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 107.
[412] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 55, 125, 131.
[413] MIQUEL P. Op. cit., p. 166.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

на фронт, а на полуторамесячную подготовку к участию в боевых действиях. Более того, — скорее всего, во имя высших политических интересов, — 1-ю (потом и 3-ю) Особую бригаду отправляют, по крайней мере, не на самые опасные участки французского фронта, как можно было бы предложить. Поэтому, если французское военно-политическое руководство и продолжало рассматривать русские войска как колониальные, можно констатировать, что делало оно это несколько иначе, чем предполагали Алексеев и др. после переговоров с Думером. Из-за недоступности французских архивных данных о причинах такого изменения можно пока только догадываться и оперировать только предположениями. Например, либо французы сами изначально (т.е. в момент формирования бригады, а не во время переговоров Думера с Николаем) не предполагали использовать Особую бригаду в качестве «пушечного мяса»; либо неуступчивость русского военно-политического руководства к отправке русских войск за границу дала понять Парижу, что Петроград не потерпит использования Особых бригад как второсортных войск; либо французы просто не доверяли русским войскам; либо французы первоначально планировали соблюсти приличия уважительного отношения к союзникам, а затем постоянно ставить их в места прорыва вместо французских войск (например, 3-я бригада, в отличие от 1-й, пробыла в Майи меньше месяца). Логичное предположение, что Франция не желала ссориться с союзником, представляется не совсем верным, поскольку, если Париж заранее относился к Петрограду как к равноправному союзнику, он вряд ли поднял бы вопрос об отправке русских войск за границу, а если бы и поднял, то не в столь циничной форме, как это сделал Думер (например, к японцам, как было сказано выше, французы и англичане относились с бо́льшим уважением). Таким образом, совершенно очевидно, что подлинные причины, повлиявшие на решение французского военно-политического руководства поставить русские войска в относительно спокойный боевой сектор, остаются пока невыясненными.

Итак, прибыв во Францию, русские войска после курса обязательной боевой подготовки были отправлены на фронт, где проявили себя самым достой-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нейшим образом, заслужив похвалы и награды французского командования. Поскольку участок фронта, который (в разное время, по мере прибытия во Францию) заняли две Особые бригады, был одним из самых спокойных, процент потерь Особых бригад оказался невысоким.

Вместе с тем во время ведения боевых действий у частей Особых бригад выявился ряд недостатков, связанных не столько с объективными (военное время), сколько с субъективными условиями (недостаточная дисциплина чинов бригад, нехватка собственных артиллерийских, инженерных и медицинских служб). С другой стороны, эти недостатки не были столь вопиющими или чем-то отличались, если бы Особые бригады оказались бы на русском фронте.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§2. Боевая деятельность Особых бригад во время наступления Р.-Ж. Нивеля (апрель 1917)

В данном параграфе предстоит определить причины наступления Нивеля и его провала, степень участия русских войск в этих боевых действиях, их потери и общие выводы по участию Особых бригад в течение боевых действий на французском фронте с июня 1916 по апрель 1917 гг.

* * *

К 1917 г. военно-стратегическая обстановка на фронтах изменилась мало, но превосходство Антанты над Центральными державами уже становится все более очевидным, хотя в течение 1916 г., несмотря на огромные потери в живой силе, ни одной из сторон не удалось добиться коренного перелома в войне.

Внутриполитическая обстановка в странах-участницах войны в целом являлось далеко не благополучной. Около двух с половиной лет непрерывно шла война с применением новых видов вооружений: кровопролитные сражения на реке Сомма и под Верденом («верденская мясорубка») никому не принесли решающего успеха. Тем не менее можно сказать, что неудача союзников на Сомме компенсировалась в известной мере стойкостью французских войск под Верденом, где стороны понесли огромные потери; Верден по праву стал навсегда символом мужества и отваги французского солдата.

В тылу Антанты и Центрального союза падал жизненный уровень и зрело недовольство, — особенно остро данная проблема чувствовалась в Австро-Венгрии и Германии. Но и во Франции нарастал социальный кризис: по данным аналитических записок французской военной цензуры, в конце 1916 г. — начале 1917 г. рабочие и крестьяне как никогда проявляли свое недовольство войной, что вызывало серьезные опасения у Парижа[414].

По данным тех же аналитических записок, с конца 1916 г. во французском обществе и армии постоянно обсуждались две темы: ожидание большого наступления союзников весной 1917 г. и надежда на скорую победу, которая положит конец затянувшейся войне с многочисленными человеческими жертва-

[414] FACON P. NICOT J. Op. cit., p. 280.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ми. В начале 1917 г. во французском обществе и армии идея т.н. французского мира (т.е. победоносного) явно превалировала над идеей «германского мира» (т.е. добытого любой ценой, в т.ч. и путем переговоров, а не на поле боя)[415]. На фронте практически все безоговорочно верили в успех будущих операций. (Возможно, не столько из-за уверенности в собственные силы, а сколько из-за желания закончить войну вообще.) Как свидетельствуют аналитические записки, французские солдаты искренне верили в скорую победу во время предстоящих боевых действий, начало которой они априори относили на весну 1917 г.: «ударим, погоним врага и вернемся домой». Именно эти мысли были превалирующими в начале 1917 г., когда в письмах с фронта все чаще говорилось о «последнем усилии» («effort suprême») ради близкой победы[416].

Слухи о скором наступлении против союзников были не так уж и далеки от истины. В ноябре 1916 г. на междусоюзной конференции было решено нанести мощный удар на всех фронтах по Германии — самому главному врагу Антанты. Главный удар намечался на Западном фронте. С этой целью вместо главнокомандующего Жоффра был назначен герой Вердена решительный и энергичный генерал Р.-Ж. Нивель, убежденный сторонник стратегии решительного наступления. Это сражение и вошло в историю под названием «наступление Нивеля» или «бойня Нивеля» (9 апреля — 5 мая 1917 г.).

По разработанному французским военным руководством плану все французские армии фронта на участке между Реймсом и Суасоном делились на три части: Северную, Центральную и Резервную группы армий (последняя и должна была нанести главный удар). В состав ударной группировки входили две русские бригады, которые составляли часть 5-й армии генерала Мазеля. Включить их в состав наступающих войск предложил командующий Резервной группой армий генерал Мишле еще в конце января 1917 г.[417].

О масштабности наступления говорят следующие цифры: на участке в 80 км было сосредоточено 9 французских и 3 британских армии (90 пехотных и 10

---

[415] Ibidem., p. 276, 282. См. также: DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 121.
[416] FACON P. NICOT J. Op. cit., p. 282-283; MIQUEL P. Op. cit., p. 324.
[417] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 95.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

кавалерийских дивизий); у одних только французов было 1,4 млн. чел, 5,0 тыс. орудий (для которых было заготовлено 33 млн. снарядов), 1000 самолетов и 200 танков. Германское командование на направлении главного удара французов располагало двумя армиями (27 пехотных дивизий), 2431 орудием и 640 самолетами[418].

Тем временем на фронте линия позиций продолжала оставаться практически прежней. 1-я Особая бригада была включена в состав VII-го корпуса генерала де Базелера (3 марта 1917 г.), в который входили 14-я, 37-я и 41-я французские пехотные дивизии. Боевой участок — напротив деревень Курси и Луавр — бригада заняла 11-13 марта, сменив полки 152-й бригады 41-й пехотной дивизии. 3-я бригада, входившая в состав XXXII-го корпуса, была поставлена в армейский резерв (первоначально ее планировали использовать вместе с 1-й бригадой) и находилась западнее Реймса.

По-прежнему русские войска испытывали недостаток в инженерных войсках, артиллерии. Из ситуации пытались выходить разными путями. Например, средствами 1-й Особой бригады была сформирована полурота саперов, но этого явно не хватало. Данную проблему пытались разрешить с помощью французов, но последние вместо требуемой саперной роты прислали несколько инструкторов. Отсутствие собственной артиллерии кое-как восполняли за счет французских орудий и созданием своего небольшого подразделения из 12 траншейных 58-мм орудий (батарея появилась на фронте с 17 марта)[419].

Как рассматривали предстоящее наступление русские войска, какие были их настроения перед наступлением? На этот вопрос пытался ответить советский исследователь С. Бантке, но свою версию он целиком и полностью строит на идее подъема «революционного движения» среди солдат Особых бригад и французской армии[420], следовательно, его подход к данной проблеме является тенденциозным и односторонним.

---

[418] ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Указ. соч., с. 635; История Первой мировой войны, с. 334-335; PETIT P. Op. cit., p. 14. См. также: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 84-85; MIQUEL P. Op. cit., p. 311.
[419] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 101; ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч. № 8 (270), с. 5.
[420] БАНТКЕ С. Указ. соч., с. 172-174.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Нельзя отрицать, что в частях Особых бригад к апрелю 1917 г. произошли серьезные перемены. После того, как солдаты узнали о Февральской революции и о том, что «его императорскому величеству государю императору угодно было отказаться от престола и передать манифестом святой престол великому князю Михаилу Александровичу»[421], они сразу потребовали от командования свобод, объявленных в знаменитом приказе № 1 от 14 марта 1917 г. Генерал Палицын запрашивает Ставку о подтверждении приказа о создании армейских комитетов, но его запрос игнорируется. Для успокоения солдат генералу Лохвицкому пришлось своей властью объявить о создании временных комитетов[422]. (Подобные случаи, когда комитеты возникали по указанию начальства, известны и на Восточно-Европейском театре военных действий — на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах.)[423] Однако их деятельность не была кардинально значимой уже в силу объективных причин: даже самые незначительные изменения нельзя сразу ввести с какого-то определенного числа или часа. Для этого требуется время — больше или меньше, в зависимости от произошедших изменений. Тем более, когда речь идет о *подлинно революционных* изменениях в жизни любого общества. Именно это и имел в виду полковник военно-судебной части Лисовский, когда говорил, что «революционная пропаганда» «...еще не успела окончательно отравить русских воинов к этому времени, а оставшаяся по “инерции” старая дисциплина и личный пример Лохвицкого... дала им возможность с честью выполнить трудную боевую задачу»[424].

К тому же нельзя не учитывать того факта, что Особые бригады находились среди французских войск, где продолжала существовать прежняя дисциплина, и в какой-то мере этот фактор, возможно, оказывал соответствующее сдерживающее воздействие на русские войска. На Восточно-Европейском театре военных действий, по понятным причинам, этот фактор отсутствовал.

---

[421] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 54.
[422] Там же, д. 18, л. 97; WATT R.M. Op. cit., p. 208. См. также: «Мы пережили здесь свою революцию...», с. 22.
[423] МИЛЛЕР В.И. Указ. соч., с. 56.
[424] ЛИСОВСКИЙ Г.И. Указ. соч., с. 267.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Слабая активность солдатских комитетов Особых бригад объясняется и объективной причиной. Так, по мнению исследователя деятельности солдатских комитетов на русском фронте В.И. Миллера, на первоначальном этапе существования в большинстве комитетов, возникших на русском фронте, большое влияние принадлежало эсерам и меньшевикам, стоявшим за продолжение войны, а влияние большевиков было не столь сильным, как позднее. Более того, в первые месяцы после свержения Николая II комитеты на русском фронте в вопросы боевой жизни частей вмешивались «осторожно»[425].

Тем не менее, накануне апрельского наступления французское и русское командование не могли быть уверенными в предстоящем участии русских войск в операции. Особенно после того, как вопрос об участии русских войск был поставлен на голосование.

Лучше всего о настроении солдат в связи с предстоящим наступлением сказал председатель ротного комитета Малиновский, когда принес решение бригадного комитета, высказав свое мнение: оно «…не внесли воодушевления в настроение пулеметчиков, но и не встретили какого-либо осуждения. Все чувствовали себя как-то обреченно, понимали, что хотят они этого или не хотят, а в наступление идти придется»[426].

Итак, несмотря на Февральскую революцию и последующую трансформацию сознания солдат (как и офицеров), в целом настроение русских войск, являлось вполне управляемым.

Начало предстоящего наступления русские войска должны были не только чувствовать, но и знать: во время пребывания в тылу они не только по-прежнему тренировались, совершенствуя свои навыки, но и занимались уточнением расположения немецких войск, разведкой подходов к германским позициям, созданием проходов в проволочных заграждениях, выявлением и уничтожением с помощью артиллерии вражеских огневых точек[427]. Иными словами, как и в мае-июне 1916 г., французское руководство, перед тем, как поставить

[425] МИЛЛЕР В.И. Указ. соч., с. 162, 259.
[426] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 234.
[427] RYCHLINSKI V. Op. cit., p. 123; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 58; ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы.., с. 43.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

русские войска на передовую, старалось обучить их и подготовить к ведению военных действий, а не просто бросить в атаку. Правда, генерал Базелер об уровне подготовки отзывался отрицательно, утверждая, что части Особых бригад по-прежнему маневрировали слишком большими массами[428]. Вместе с тем Э. Людендорф, исполнявший в то время должность 1-го генерал-квартирмейстера, критиковал французскую пехоту с той же позиции: в апрельском наступлении 1917 г. она «...наступала плотной массой и понесла чрезвычайно большие потери»[429].

План апрельского наступления для Резервной группы армий генерала Мишле предусматривал прорыв немецкой линии обороны в течение одного дня. V-я армия (вместе с 1-й и 3-й Особыми бригадами) должна была действовать на правом фланге группы армий: VII-й корпус (в который входила 1-я бригада) должен был в течение первого дня наступления захватить форт Бримон, находившийся в 3,5 км от линии фронта; XXXII-й корпус (в который входила 3-я бригада) — высоту 108 (северо-западнее Бримона). 1-я Особая бригада должна была захватить селение Курси и укрепленные пункты вокруг него, особенно большое значение придавалось немецким укреплениям восточнее селения. В первый же день наступления французская 41-я пехотная дивизия, наступавшая слева от бригады, должна была обойти Бримон (находившийся северо-западнее Курси) с западной стороны (т.е. с левого фланга), в то время как части 1-й Особой бригады — захватив Курси, выйти на Бримон с восточной стороны (правого фланга)[430].

В 6 часов утра 16 апреля три батальона 1-го полка и 2-й батальон 2-го полка (два других батальона 2-го полка остались в бригадном резерве) при поддержке приданных им артиллерийских частей двинулись в наступление на 4-километровом участке фронта. В атаку на Курси шел 1-й батальон 1-го полка, слева ему помогал 2-й батальон того же полка; 3-й батальон того же полка атаковал группу немецких укреплений под названием «Свиная голова» («Tête de

---

[428] BERNÈDE A. Op. cit., p. 13.
[429] ЛЮДЕНДОРФ Э. Указ. соч., с. 424.
[430] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 28; Les Armées françaises, t. V, vol. 1, p. 641-642.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Cochon»), а 2-й батальон 2-го полка, действуя на левом фланге, захватывал немецкие траншеи между Курси и Энским каналом.

Первоначально ответный вражеский огонь был слабым, но по мере продвижения атакующих он стал усиливаться, и части бригады оказались под жестоким вражеским огнем. К полудню первого же дня 1-му батальону 1-го полка (затем ему помог с левого фланга 2-й батальон того же полка, понесший самые большие потери в полку — около 76%) удалось захватить Курси (которое затем пришлось «зачищать» от продолжавших оказывать сопротивление окруженных групп противника), в то время как французским частям, которые должны были атаковать Бримон с левого фланга, не удалось продвинуться вперед[431]. Людские потери становились очень серьезными; передовые части оставались без боеприпасов и гранат.

Тем временем в ходе наступления на «Свиную голову» 3-й батальон 1-го полка захватил часть укреплений, но при атаке на центральный пункт обороны понес большие потери, поскольку французская артиллерия не смогла разрушить его.

В первый же день в плен русские войска захватили 635 чел, из них 11 офицеров[432]. Потери бригады составили 28 офицеров и 50% солдат[433] (среди раненых оказался и Малиновский).

Хотя наступление развивалось не совсем по плану, союзным войскам к концу 16 апреля удалось достичь определенных успехов, и Нивель, скорректировав цели, решил продолжать наступление во чтобы то ни стало. Русские войска, заняв Курси, отражали настойчивые попытки врага отбить селение[434], в то время как 3-й батальон 2-го полка (пришедший из резерва) попытался захватить укрепленный пункт Карре, находившееся восточнее Курси, но, встреченный

---

[431] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 28; там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 183; Les Armées françaises, t. V, vol. 1, p. 644. См. также: Возрождение, 1934, № 3149; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 59-60.

[432] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 114; Les Armées françaises, t. V, vol. 1, Annexes, vol. 2, p. 976. По другим данным, в плен попало 800 солдат и 22 офицера, — РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 18, л. 95.

[433] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 114. Карханин приводит те же данные, но, скорее всего, заимствует их у Данилова (КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому.., с. 48-49; Les Armées françaises, t. V, vol. 1, Annexes, vol. 2, p. 976). Адан говорит о том, что эти потери понес один батальон (ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 87), но, скорее всего, речь идет о неправильном переводе книги Данилова (изданной только на русском языке), поскольку в одном батальоне по штату должно было насчитываться 18 офицеров.

[434] Возрождение, 1934, № 3200.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

мощным пулеметным огнем, батальон был вынужден отступить (к 1-му батальону 1-го полка Сперанскому, держащего оборону в Курси, для поддержания боевого духа солдат, невзирая на обстрел, прибыл лично Лохвицкий с офицером для поручений, солдатом из команды связи и самим Семеновым). Однако немцы не стали долго оборонять Карре и, пользуясь выпавшим густым туманом, 18 апреля оставили укрепление (3-й батальон 2-го полка захватил 20 пленных), и роты батальона установили связь с частями 151-й пехотной дивизией, действовавшей на правом фланге 1-й Особой бригады[435]. Задача бригады была выполнена. В ходе наступления 1-я бригада выдвинулась намного дальше, чем французские соседние части (Курси так и останется у французов), что дало уверенность генералу Мазелю в скором захвате форта Бримона — основной задаче армии[436].

Затем, в течение двух ночей (на 19-е и на 20-е), бригаду сменили на французскую 152-ю пехотную дивизию и поставили в армейский резерв. Данилов указывает, что частые смены — вполне обычная практика у французов[437]. Однако в отводе 1-й Особой бригады сказалась и другая причина. Потеряв почти половину личного состава (в боевом журнале 1-й бригады так и было сказано: «все части понесли серьезные потери»[438]), в бригаде упал боевой дух, начались волнения, и, желая не допустить эмоционального взрыва, французы решили вывести русских с передовой. Постепенно бригада сосредоточилась в Парньи, 8-10 км юго-западнее Реймса. На этом участие 1-й бригады в апрельских боях 1917 г. закончилось.

Принимала участие в наступлении Нивеля и 3-я Особая бригада, которая ко времени наступления находилась в армейском резерве. Но поскольку ход наступления постоянно требовал подкреплений (уже в 9 час 30 мин Мазель попросил Нивеля придать ему 3-ю Особую бригаду, но главнокомандующий отказал), в первый же день наступления (16 апреля) 1-й и 3-й батальоны 6-го Особого полка под общим командованием полковника Бромова ушли на подкрепле-

[435] РГВИА, ф. ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 28об. Во время боев Лохвицкого два раза контузило.
[436] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 103.
[437] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч.. с. 117.
[438] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 87.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ние 40-й французской пехотной дивизии (из XXXII-го корпуса) и приняли участие в боях за высоту 108. В 18 часов этого же дня части 6-го полка пошли в атаку на высоту и, несмотря на жестокие климатические условия (ветер, снег) и огонь неприятеля, заняли высоту. К вечеру немцы выбили атакующих со всех только что занятых ими позиций, за исключением высоты 108, где держались батальоны 6-го полка[439].

В тот же день (16 апреля), когда 1-й и 3-й батальоны 6-го полка отправились на усиление 40-й французской пехотной дивизии, 2-й батальон 6-го полка и три батальона 5-го полка были направлены в распоряжение 37-й пехотной дивизии генерала Гарнье-Дюплесси (VII-й корпус). Однако в пути практически все роты трех батальонов 5-го полка заблудились и плутали практически всю ночь (некоторые роты потеряли проводников), заняв свои позиции только под утро, а некоторые роты — к полудню 17 апреля[440]. 2-й батальон 6-го полка был отправлен севернее батальонов 5-го полка.

Задача 37-й пехотной дивизии Гарнье-Дюплесси заключалась в захвате укрепленной немцами господствующей в районе высот Мон-Спен и Сапиньёль для последующего захвата Бримона. Атака дивизии, которая должна была начаться 17-го, из-за неподготовленности войск и плохой погоды (сильный ветер, непрекращающиеся дождь и снег) была перенесена на 17-е, потом на 18-е и, наконец, на 19-е апреля. Таким образом, противник имел три дня для подготовки отражения повторного нападения французов, во время которых он иногда и бросался в наступление. Так, в 20 часов 18 апреля, в ответ на действия двух французских полков, немцы предприняли сильную контратаку на участок, занимаемый батальонами 5-го полка. Нападение было отбито, но полк потерял 200 человек убитыми и ранеными[441]. Вечером того же дня на командный пункт 5-го полка прибыл генерал Марушевский.

---

[439] Ibidem., p. 89. Данилов, подробно описывая действия частей 1-й и 3-й бригад, совершенно не рассказывает о боях за высоту 108 (ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 111-122). По неизвестной причине Кокфилд считает, что 3-я бригада не участвовала в боях до 19 апреля, — COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 103.

[440] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 119; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 98; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 89.

[441] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 120.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

В 15 часов (или в 13 часов) 19 апреля, в соответствии с планом, началось наступление 5-го полка. 1-й батальон, невзирая на потери и, преодолевая практически не уничтоженные французской артиллерией ряды колючей проволоки, при поддержке французских частей, занял три линии немецких траншей.

3-й батальон 5-го полка (2-й батальон того же полка стоял за ним в резерве) действовал не менее геройски и, после штыкового боя, также занял свою боевую задачу, захватив высоту Мон-Спен. Более того, на обратном склоне 3-й батальон атаковал немецкую батарею, осуществив, по словам французского командования, «блестящую» («brillante») атаку[442]. Однако 3-й батальон слишком вырвался вперед, не получив поддержки французов, и немцы чуть было не отрезали его от главных сил[443]. В соответствии с полученным приказом к 17 часам (или к 18 час 30 мин) батальон отступил. Высота Мон-Спен осталась в руках противника.

1-му и 2-му (который понес большие потери при переправе через Энский канал) батальонам 5-го полка также пришлось отступить перед подавляющим превосходством противника в живой силе. К 19 час 30 мин оба батальона, преодолевая сильное сопротивление неприятеля с флангов, вернулись к своим исходным позициям. Судя по взятым ротами 5-го полка пленным, его преследовали части не менее трех полков[444].

2-й батальон 6-го полка, атакуя на своем участке, юго-восточнее Сапиньёля, с трудом занял первую линию неприятельских окопов, а затем, понеся жестокие потери, также отошел на исходные позиции.

В ночь на 20 апреля и в течение этого же дня части ослабленной 3-й бригады, как и 1-й, были выведены в тыл. На этом участие в апрельском наступлении 1917 г. 3-й Особой бригады завершилось.

Французские военачальники воздали должную дань уважения к смелости и отваге русских войск. В силу приказа № 166 от 25 апреля 1917 г. по V-й армии генерал Мазель пожаловал на знамена 1-го и 2-го Особых полков Военный

---

[442] PETIT P. Op. cit., p. 17.
[443] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 7, л. 4-5.
[444] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 122.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

крест с «пальмами»[445]. По достоинству французское командование оценило и заслуги 5-го и 6-го полков 3-й Особой бригады. Тот же генерал Мазель, в силу приказа по V армии № 174 от 1 мая 1917 г. наградил знамена 5-го и 6-го Особых полков 3-й Особой бригады Военным крестом с «пальмой»[446]. Эти награждения являются редчайшим случаем награждения полковых знамен Русской Армии иностранными орденами.

По мнению Керсновского, это награждение иностранными орденами русских полковых знамен стало вторым случаем в Русской Армии после 1813 г., после того, как в этом году, по просьбе принца Оранского, Александр I даровал одному пехотному и одному егерскому полкам (впоследствии ставшим также пехотным) серебряные трубы за освобождение Амстердама. «С точки зрения национальной этики мы должны решительно осудить принятие чужестранных знаков отличия: иностранный главнокомандующий не может присваивать себе право награждать русские полки». Как считает Керсновский, Гуро мог только сделать нашей Ставке представление к коллективной награде отличившихся русских полков георгиевскими знаменами, георгиевскими трубами и знаками за отличие, как это сделал принц Оранский[447]. Однако в приказе по Русским войскам во Франции от 24 октября 1916 г., изданным Жилинским, говорилось следующее: «Государь император... высочайше соизволил [согласиться. — М.Ч.] на принятие и ношение французского Военного креста и нижних чинов 2-го Особого пехотного полка 1-й Особой пехотной бригады. Высочайшее соизволение распространяется и на все последующие случаи награждения французским Военным крестом, чинов и отдельных частей Особых пехотных бригад во время нахождения их в составе французских армий»[448].

Обе бригады были удостоены упоминания в приказах главнокомандующего. Например, в приказе № 22.522 от 24 апреля 1917 г. о 1-й бригаде и в приказе

---

[445] Французские боевые награды.., с. 32; Русские войска во Франции, с. 20; Литературная Россия. 1991, № 5; Возрождение, 1934, № 3203.
[446] Литературная Россия. 1991, № 5; Русские войска во Франции, с. 20-21; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 125.
[447] КЕРСНОВСКИЙ А.А. Указ. соч., с. 214-215.
[448] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 1, л. 103об.; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 4, л. 8.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

№ 270.210 от 29 апреля 1917 г. о 3-й бригаде[449]. (О действиях бригад высоко отзывался и Пенлеве[450].)

1-я и 3-я Особые бригады понесли серьезные потери. Так, по отчетам бригады, в 1-м полку 1-й бригады из 2.342 чел (в т.ч. пулеметные команды) потери составили к 22 апреля 20 офицеров и 1.474 солдат. Во 2-м полку (без пулеметных команд) — 21 офицер и 1.222 чел. Итого в 1-й Особой бригаде общие потери составили — 41 офицер и 2.696 солдат[451]. По сведениям Адана (который не считает их точными), — 29 офицеров (один из которых — штаб-офицер) и 3.054 солдат[452]. По данным Палицына (отправившего 24 апреля 1917 г. сводку в Петроград): 41 офицер и 3,0 тыс. солдат[453] (немного ниже Палицын пишет, что точные данные по 1-й бригаде он вышлет позже).

В 3-й Особой бригаде потери составили (по Данилову): в 5-м полку – 8 офицеров убито, 7 ранено и 2 пропали без вести; солдат — соответственно 155 чел, 783 чел и 331 чел. В 6-м полку: 4 офицера убито и 13 ранено; солдат — 103 убито, 657 ранено, 125 пропали без вести. Итого в 5-м полку потери составили: 163 человека убитых (в т.ч. 8 офицеров), 690 ранеными (в т.ч. 7 офицеров), 313 без вести пропавшими (в т.ч. 2 офицеров); в 6-м полку соответственно 107 (4), 670 (13) и 125 (ни одного) чел. Общие потери 3-й бригады составили 34 офицера и 2.034 солдат[454]. По сведениям Адана — 37 офицеров и 2.701 солдат[455]. По данным Палицына (от 24 апреля 1917 г.): 29 офицеров и 1.263 солдат (при этом потери 1-й и 3-й бригад без вести пропавшими составили 207 человек)[456].

По его же данным (от 24 апреля 1917 г.) суммарные общие потери обеих бригад составили: 70 офицеров и 4.472 солдат (эти же цифры приводили Вален-

---

[449] Там же. Эти строки Данилова частично цитирует и Адан (ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 91. См. также: PETIT P. Op. cit., p. 18; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 106). В апрельском наступлении, возможно, участвовал связист-переводчик Иосиф Прут, будущий известный советский сценарист и драматург. В воспоминаниях о своем участии в рядах русских войск во Франции он приводит многочисленные неточные и противоречивые сведения (в т.ч. касательно встречи с Малиновским), — ПРУТ И. Указ. соч., с. 94-97.

[450] Революционное движение.., с. 280.

[451] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 33, л. 10-11; там же, д. 17, л. 183-184.

[452] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 92.

[453] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 7.

[454] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 123. О потерях полков 3-й бригады Тарусский приводит данные по Данилову, — ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч., № 10 (272), с. 4.

[455] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 92.

[456] РГВИА, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 7.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тинов, Пети и Кокфилд)[457]. Однако, по данным Кокфилда и Карханина, потери обеих бригад на май 1917 г. составили 5.183 чел[458]. Тем не менее в июне 1917 г. 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем И.П. Романовский жаловался Занкевичу, что Лохвицкий, несмотря на настойчивые требования ГУГШ, до сих пор не сообщил «определенных и подробных» сведений о потерях[459].

В итоге будет весьма разумным принять общие данные потерь обеих бригад в ходе «бойни Нивеля» 16-19 апреля 1917 г. (за четыре дня) в 5,0 тыс. человек, что составляет приблизительно половину от условной их численности в 10,0 тыс. чел (известно, что в наступлении участвовало немногим св. 5,0 тыс. чел двух полков 1-й Особой бригады[460]).

Огромную убыль в личном составе бригад после наступления Нивеля практически невозможно было пополнить — подкрепления из России не приходили, а маршевые батальоны таяли с каждым днем. К 22 мая 1917 г. в 6-ти ротах маршевого батальона 1-й Особой бригады было 338 человек, а в 7-ми ротах маршевого батальона 3-й Особой бригады — 166 человек[461]. Марушевский просил для своей бригады подкрепления в 60 офицеров и 2,8 тыс. солдат, Лохвицкий — 50 офицеров и 3,0 тыс. солдат. Сначала Ставка вроде бы согласилась с просьбами Палицына отправить подкрепления и отдало приказ ему разработать план отправки солдат и офицеров во Францию, но не раньше июня. Неизвестно, насколько Ставка реально относилась к проекту отправки столь значительных подкреплений на французский фронт, но из-за дальнейших событий (т.е. распада 1-й Особой дивизии) Ставка отказалась от этого проекта[462]. Из-за огромных потерь боевой дух в русских войсках начать падать.

Некоторые авторы солдатских воспоминаний обвиняли в больших потерях французскую артиллерию, которая якобы намеренно стреляла по русским вой-

---

[457] Там же; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 7, л. 19; ВАЛЕНТИНОВ Н. Указ. соч., с. 14; PETIT P. Op. cit., p. 18; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 105.
[458] Ibidem. КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому.., с. 49.
[459] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 3.
[460] Там же, ф. 15304, оп. 3, д. 17, л. 183об., 184; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 33, л. 10, 11. См. также: CHABANIER J. Op. cit., p. 126.
[461] РГВИА, ф. 15221, оп. 1, д. 3, л. 147, 149.
[462] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 110.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

скам, либо якобы специально не стреляла, подставляя русские войска под огонь неразрушенных вражеских укреплений[463]. Один Власов пошел дальше всех и утверждал (что является полной его выдумкой), что русские войска шли в атаку, имея сзади себя некие заградотряды[464].

Желание Карева, Афиногенова, Власова и Лисовенко показать классовую ненависть французской буржуазии к русским революционно настроенным солдатам вполне понятно. Действительно, настоящий огневой вал перед частями Особых бригад отсутствовал (о чем, например, пишет сторонний свидетель — один лейтенант из частей тяжелой артиллерии V-й армии[465]), но мемуаристы (не исключено, что и намеренно) упускают из вида, что подобные трагические случаи происходили во время любых войн и сражений, и апрельские бои — не исключение. Более того, в одной из книг о революционном движении среди французских войск в 1917 г., изданной до появления в свет книг Карева и Лисовенко (и на которую ссылается последний, но по другому поводу) приводятся многочисленные свидетельства французских офицеров о том, как своя артиллерия во время апрельского наступления 1917 г. обстреливала их позиции[466].

Некоторые солдаты были уверены, что русское и французского командование якобы намеренно бросило Особые бригады в наступление, чтобы «обезвредить русские части» (т.е. истребить их в бою)[467]. Но зачем тогда французам надо было уделять время на подготовку русских войск к боям? К тому же перед наступлением Нивелю отказали в подкреплениях, на которые он надеялся, и

---

[463] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 31; СТЕПНОЙ П. Указ. соч., с. 32; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 76. Похожую точку зрения высказывает и французский журналист Ш. Штебер, утверждая, что русские войска под Бримоном были специально подвергнуты обстрелу французов и германцев. При этом он ссылается на свидетельства русских солдат, с которыми он беседовал лично (Patrie humaine, 23.11.1934). Можно подумать, что эти солдаты были осведомлены самими французскими и немецкими командирами, чтобы делать такие выводы.

[464] ГОРОДИСКИЙ П. Указ. соч., с. 78. Власов высказывал также и недовольство в адрес французских артиллеристов, — там же, с. 79, 80.

[465] Революционное движение.., с. 280. См. также: MIQUEL P. Op. cit., p. 326, 335-336.

[466] Революционное движение.., с. 280, 281, 282. См. также: MIQUEL P. Op. cit., p. 326; RATINAUD J. Op. cit., p. 264; DESAGNEAUX H. Op. cit., p. 66, 76, 78.

[467] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 75; КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 14; КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 33; Русские солдаты во Франции. М., 1919, с. 5.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ему пришлось задействовать все то, что имелось под рукой, в т.ч. и русские войска[468].

Вне всякой критики остается мнение Бантке, утверждавшего, что русское командование решило «выбить из солдатской головы революционную дурь», сформировав из частей Особых бригад некую «летучую бригаду» (наподобие «батальонов смерти», существовавших на русском фронте). Эту «летучую бригаду» якобы посылали в атаки без предварительной артиллерийской подготовки, «бросая с одного опасного участка фронта на другой»[469]. Источников в подтверждение своей версии Бантке не приводит. (Не говоря уже о том, что Бантке не сообщает, в каких боях участвовала эта «летучая бригада» — либо до апреля 1917 г., либо во время апрельского наступления.)

Итоги наступления Нивеля были неутешительные. Надежды Нивеля на прорыв германского фронта не оправдались. Французы потеряли только убитыми и ранеными 180,0 тыс. человек, англичане — 160,0 тыс. Потери германской армии составили 163,0 тыс. человек, из них 29,0 тыс. пленными. Французское наступление, веденное густыми массами, захлебнулось, причем удалось захватить только первую и отчасти вторую линии укреплений, а третья и четвертая оказались неразрушенными[470]. При атаке союзные части были встречены массой пулеметов, от которых они несли тяжелые потери, в т.ч. и русские войска. Прямым последствием неудачной апрельской операции было открытое возмущение во французской армии. Так, аналитические записки французской военной цензуры свидетельствуют, что настроения французских солдат изменились в худшую сторону. Пенлеве говорил, что «...из всех войсковых частей, участвовавших в наступлении, несется сплошной крик негодования»[471].

---

[468] MIQUEL P. Op. cit., p. 307.

[469] БАНТКЕ С. Указ. соч., с. 173. Похожую точку зрения высказывает и французский репортер Ш. Штебер, утверждая, что русские войска были посланы в наступление Нивеля именно для того, чтобы «уничтожить в них революционные идеи» («anéantir l'idée révolutionnaire en la noyant dans le sang»), — Patrie humaine. 23.11.1934. См. также: ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 89.

[470] История первой мировой войны, с. 338; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Указ. соч., с. 638. По данным военного министра Пенлеве на май 1917 г. общие потери наступающих составили 96.125 чел (в скобках итогового документа министра было добавлено: «в т.ч. русские и сенегальцы») (COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 105). О пренебрежении к русским солдатам (упоминая их наравне с немцами) свидетельствовал и Пуанкаре, — POINCARÉ R. Op. cit., p. 122.

[471] FACON P. NICOT J. Op. cit., p. 284; Революционное движение.., с. 79.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Генерал Нивель был смещен со своего поста и заменен Петэном, в обязанности которого вменялась задача усмирения французских солдат и восстановления боеспособности армии. Тыл тоже отреагировал на неудачу, поскольку из писем с фронта узнал не только о провале наступления как таковом, но и о масштабах потерь: волна забастовок прошла на военных заводах Франции, в швейной промышленности, на стройках, в крупных городах, в т.ч. в Париже. Аналитические записки даже свидетельствуют, что недовольство тыла было еще серьезнее, чем недовольство армии[472].

Французское общество и армия, ожидавшие от наступления крупных успехов, и, конечно же, окончания войны, оказались глубоко разочарованными. Именно поэтому апрельская неудача стала катализатором для серьезнейшего политического кризиса 1917 г. во Франции. Думается, неудача «наступления Нивеля» заключалась не столько в военном плане (как и в сражении на Сомме: войска не выполнили поставленных целей и задач, захватив очень высокой ценой лишь небольшие территории, но, с другой стороны, они ничего и не потеряли), сколько в морально-психологическом, поскольку предвкушение будущей победы, на которую возлагались огромные надежды, не завершилось желаемыми результатами.

Провал наступления окончательно доказал всем воюющим сторонам, что одного героизма и мужества, т.е. того, что имелось, например, у русских солдат, уже было недостаточно. Для успеха требовалось прежде всего применение в массовом количестве артиллерии, танков, авиации, — тех частей, которых у бригад либо вообще никогда не было, либо если имелось, то в недостаточном количестве (русскому командованию бригад постоянно приходилось постоянно «занимать» у союзников артиллерию).

Итак, несмотря на события Февральской революции 1917 г., во время наступления на французском фронте Особые бригады проявили лучшие боевые качества (особенно части 1-й Особой бригады), хотя у них появляются комитеты как первые признаки начала разложения войск. Иными словами, по сравне-

[472] История первой мировой войны, с. 339; FACON P. NICOT J. Op. cit., p. 285-286.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нию с русскими войсками на Восточно-Европейском театре военных действий Особые бригады на Западно-Европейском выглядели намного предпочтительнее, поскольку Особые полки представляли боевую единицу. На русском фронте в марте-апреле 1917 г. никакое наступление просто было бы невозможно. В ходе наступления вырвавшимся вперед остальных союзных частей русским войскам, оставшимися без поддержки со стороны французов (попадая иногда и под огонь союзной артиллерии), даже приходилось отходить, оставляя занятые неприятельские позиции (например, Мон-Спен). После наступления, подавленные невиданными потерями по сравнению с относительно спокойным прошлым годом, моральный дух русских войск пребывал в нестабильности и требовал серьезной работы для его поддержания, восстановления или даже «перестройки».

Ничто не дает оснований заявить о том, что русские войска находились на самом опасном участке наступления, в то время как французские части наступали на наиболее слабоподготовленную противником линию обороны. Русские войска находились в равном положении с французскими.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что с июня 1916 г. по апрель 1917 г., когда недостатки русских войск в тылу и на передовой были не столь заметны, не столь вопиющими, чем недостатки собственно французских или других союзных частей, или вообще отсутствовали, Особые бригады продемонстрировали французскому командованию лучшие свои боевые качества. Однако после первого же настоящего крупномасштабного наступления русские войска не смогли найти внутренние силы для продолжения дальнейшей борьбы, которое нашлось у других союзных войск, — например, французских, переживших после «бойни Нивеля» не менее серьезный кризис, но сумевших выйти из него. Более того, французские части участвовали в наступательных операциях до середины мая, т.е. в тот период, когда русские войска уже было невозможно вывести на передовую из-за начавшегося процесса их распада.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Глава 3. Мятеж в Ля-Куртине (май-сентябрь 1917)

§1. Причины мятежа

В данной главе представляется необходимым выявить комплекс причин, приведших к мятежу в лагере Ля-Куртин, противоречия и своеобразия Куртинского кризиса, причины его разрешения, его последствия и дальнейшее значение в истории Особых бригад, а также потери обеих сторон в результате штурма Ля-Куртин. Не менее важным представляется рассмотреть Куртинский кризис на фоне антивоенных событий во французской армии после провала апрельского наступления 1917 г.

* * *

Одной из самых важнейших причин возникновения Куртинского кризиса являются взаимоотношения и противоречия между офицерским корпусом и рядовым составом Особых бригад. Воспоминания солдат об офицерах, изданных в СССР, как можно уже предвидеть, сохранили больше плохого, чем хорошего. Однако находились редкие офицеры, заслуживавшие уважения этих мемуаристов (в т.ч. и командир 8-й роты 2-го батальона 2-го полка капитан Шульц)[473].

Между офицерами и солдатами Особых бригад (как и в Русской Армии вообще) вспыхивали конфликты (разной степени серьезности), причиной которых служило, с одной стороны, традиционно пренебрежительное обращение офицеров к нижним чинам, с другой — недовольство нижних чинов отношением к себе со стороны воинских начальников, проявлявшееся в открытой форме особенно после употребления солдатами в большом количестве спиртных напитков. Так, Карев вспоминает об одном из таких характерных случаев, произошедшем с неким рядовым 2-го взвода 1-й роты 1-го батальона 2-го Особого полка Семеном Петрыкиным, когда накануне прибытия в Марсель на борту «Сонтая» вспыхнул бунт против командира полка и офицеров. После того, как в ответ на две пощечины рядовой Петрыкин ударил командира 2-го полка Дьяконова, офицеры, не решившись привести солдат к порядку, заперлись в каютах, предоставив подчиненных самим себе. Ни о каких массовых наказаниях за

[473] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 20; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 24.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

это нарушение воинской дисциплины Карев не вспоминает. Сам Петрыкин после высадки войск в порту сбежал из части, и с тех пор никто никогда его больше не видел.

Возникший мятеж (бунт) Карев объясняет существовавшей царской дисциплиной, построенной на мордобитии[474]. Тем самым Карев, думается, хотел противопоставить возникшие беспорядки на «Сонтае» дисциплине, существовавшей, по его словам, в самом Куртине во время Куртинского кризиса, когда «царскую дисциплину» заменила новая, покоящаяся на «революционном сознании» куртинцев.

Весьма примечательно, что об этом случае мятежа упоминает только Карев (сам Дьяконов, по понятным причинам, умолчал об этом событии). Даже Лисовенко, автор самой крупной работы об истории Особых бригад советского периода и сам солдат 1-й бригады, не обмолвился о Петрыкине и словом, хотя первое издание воспоминаний Карева вышло в свет за 23 года до книги Лисовенко, а второе издание — за три года. Учитывая наличие минимума литературы по истории Особых бригад, Лисовенко просто был обязан знать мемуары Карева (которые единственные из всех мемуаров по истории Особых бригад выдержали два издания).

Из этого неординарного события («дела Петрыкина»), произошедшего перед прибытием 2-го полка в Марсель, можно сделать несколько далеко идущих выводов. Во-первых, отсутствие внутренней дисциплины и достаточного самосознания у солдат, чтобы жить без контроля над собой со стороны начальства как такового, обладающего правом налагать наказания. Во-вторых, совершенно очевидно, что причинами этого события стала обычная разнузданность людей, предоставленных самим себе, с невысоким интеллектом и ограниченным кругозором[475]. (Не совсем понятно, как объяснил бы подоплеку «дела Петрыкина» Адан, который, к сожалению, не владеет русским языком, и книгу Карева не

---

[474] Там же.

[475] Речь не идет об умалении боевых качеств русского солдата, а о характерной черте подавляющей части любой солдатской массы любой армии — отсутствие образованности. Например, капрал Барта упрекал в невежестве новобранцев, не знавших маршала А. Тюренна — одного из самых знаменитых героев военной истории Франции первой половины XVII в., — BARTHAS L. Op. cit., p. 381.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

читал.) В-третьих, солдаты должны были почувствовать свою власть над офицерами (пусть даже и не осознанно) и уверенность в собственном превосходстве, поскольку никаких наказаний не последовало. В-четвертых, эти события можно в определенной мере экстраполировать на дальнейшие события и, в частности, на внутреннюю жизнь солдат в лагере Куртин после ухода оттуда всех офицеров. В-пятых, сомнению подвергается тезис о жесточайшей советской политической цензуре, если вспомнить, что в первое издание (1937 г.) вошли некоторые моменты, «вырезанные» во втором (1957 г.). Более того, можно априори предположить, что Карев специально издал свои воспоминания в Иваново и Куйбышеве (все другие мемуары издавались исключительно либо в Ленинграде, либо в Москве), желая дать читателю — наравне с «правильными» политическими моментами, например, описанием встречи с В.И. Лениным после прибытия автора в Советскую Россию, — более или менее объективную картину, происходившую среди русских войск во Франции.

Но самый серьезный конфликт между солдатами и офицерами Особых бригад (хотя в данном случае речь пойдет о частях 2-й Особой бригады), имевший большой резонанс среди всех частей четырех Особых бригад (и не только), произошел 15 августа 1916 г. в военном лагере Ларме (или в лагере Эгалад) в Марселе: солдаты убили офицера, подполковника Маврикия Краузе, временно назначенного командиром 3-го батальона 4-го полка 2-й бригады в третьем эшелоне той же бригады (3500 солдат и 26 офицеров) под общим командованием подполковника Крылова.

Подробно эти события из солдатских мемуаристов осветили только Козлов и Лисовенко; некоторые (например, Малиновский), ограничились лишь констатацией этого факта[476]. Из мемуаристов-офицеров об убийстве Краузе рассказал Игнатьев, принимавший непосредственное участие в его расследовании, и полковник Карханин.

С точки зрения Лисовенко, подробно рассмотревшего убийство, его причины крылись прежде всего в жестоком обращении Краузе с солдатами: во

[476] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 251; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 40-41.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

время следования на пароходах в Брест подполковник подвергал солдат за малейшие нарушения серьезным наказаниям. Козлов, следовавший на борту вместе с Краузе, наоборот, умалчивает об этом, как и солдат И.Н. Костяев, прибывший во Францию в составе пехотной части в качестве пополнения для 2-го Особого полка[477].

В первых числах августа эшелон прибыл в Марсель, где войска разместились в лагере неподалеку от города. 14 августа 1916 г. начальник эшелона частей 2-й Особой бригады Крылов запретил солдатам покидать лагерь, отказал им в выплате всей суммы причитающегося им денежного содержания (ограничившись выдачей только его части), что в совокупности послужило серьезной причиной для массового недовольства. Несмотря на запреты, «солдаты большими партиями» стали уходить в Марсель в самоволку. Утром 15 августа несколько групп солдат были задержаны в городе без увольнительных записок и препровождены на лагерную гауптвахту. Однако недовольство росло, и дежурный офицер подпоручик Беляев (возможно, в силу молодого возраста и неопытности) вечером отпустил всех задержанных. В это время, к вечерней поверке, в лагерь неожиданно прибыл Краузе; кроме него и Беляева, в лагере офицеров больше не было. Узнав о беспорядках, Краузе попытался было пресечь их, но был убит[478].

По версии Лисовенко, личность Краузе представляет собой типичного «царского офицера», реакционера, которого «...за резкость и грубость недолюбливали не только солдаты, но и подчиненные ему офицеры»[479]. Однако Игнатьеву удалось выяснить следующее: Краузе был «кадровым офицером, исправным подтянутым служакой, всегда одетым с иголочки», заботящимся о дисциплине и внешнем виде[480].

В итоге судебного разбирательства военно-полевому суду были преданы 26 солдат и унтер-офицеров, а 21 августа прошло его заседание в лагере Майи. Восемь человек «с лишением всех прав состояния» были приговорены к рас-

---

[477] Архив Н.Р. Малиновской.
[478] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 619; РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 26, л. 27.
[479] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 52.
[480] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 620.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

стрелу, остальные за недостаточностью улик — освобождены. В три часа утра 8 сентября «расстреляние» было произведено 5-й ротой 4-го Особого полка (о чем умолчал Лисовенко) в присутствии двух батальонов и 3-й пулеметной роты (к которой принадлежало большинство виновных) этого же полка. Четыре офицера (в т.ч. Беляев и Крылов и два ротных командира) и несколько десятков нижних чинов (в т.ч. Георгиевские кавалеры) были отправлены в Россию «для предания их военно-окружному суду» (виновных отправили в Московский гарнизон, где некоторые из них были зачислены «в 85-й запасный полк в Лефортово в штрафную роту при 8 роте»); 19 унтер-офицеров были разжалованы в рядовые[481].

Причины возникновения «дела Краузе», в отличие от причин «дела Петрыкина», несмотря на внешнюю схожесть, заметно отличались друг от друга. Расследование по делу об убийстве подполковника выяснило, что против Краузе действительно имелось брожение, начавшееся именно на пароходе «Екатеринослав», но благодаря агитации матросов парохода против Краузе[482]. Именно против Краузе, поскольку тот, возможно, единственный из всех офицеров на борту парохода носил характерную немецкую фамилию. Этот фактор стал не случайным, а закономерным и типичным в течение 1915-1916 гг. на фоне развития усиливающегося синдрома недоверия русского общества и армии к власти и попыток поиска внутри страны причин военных неудач и поражений, в которых обвинили «немца» как главного врага России в войне. Соответственно, именно немцы и все немецкое во время указанного периода стало объектом ненависти к себе со стороны подавляющей части русского общества[483].

Если можно установить формальную причину недовольства солдат к Краузе как к носителю немецкой фамилии, остается невыясненным, проводились ли соответствующие розыскные действия военно-судебных частей в отношении команды «Екатеринослава», поскольку не совсем понятны мотивы (и люди), подвигнувшие матросов на пропаганду против Краузе. Почему неприязнь к

---

[481] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 160-161; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 10, л. 6-7, 20; Архив Н.Р. Малиновской. (После Февраля штрафная рота была расформирована.)
[482] ГАРФ, ф. Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 155об.; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 10, л. 21.
[483] АСТАШОВ А.Б. Указ. соч., с. 81.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

этому офицеру вдруг возникла именно на борту «Екатеринослава», а не какого-либо другого парохода, перевозившего части Особых бригад, хотя и там хватало офицеров с нерусским происхождением (как и во всей Русской Армии вообще)? (Кстати, среди частей той же 2-й Особой бригады на Салоникском фронте опять возникнет брожение, но без серьезных последствий, против самого Дитерихса, которого левые агитаторы пытались обвинить из-за его фамилии в том, что он был немецким шпионом.)

Несмотря на частичную выплату 14 августа нижним чинам денежного содержания (которое подполковник Крылов, вероятно, опасался выдавать в полной мере из-за возможного использования солдатами этих денег на посещение увеселительных заведений, что могло оказать отрицательное воздействие на дисциплину), полученных денег (по данным Лисовенко, 6 франков 50 сантимов на солдата[484], т.е. приблизительно месячное денежное довольствие французского солдата) было достаточно, чтобы уйти в самоволку и приобрести там, более чем вероятно, алкогольную продукцию (нельзя не учитывать и дружеское отношение местного населения к русским солдатам, которых марсельцы могли угостить за свой счет, что было не редкостью). Предпринятая попытка сохранить дисциплину была логичной. Так, прибывшие в декабре 1916 г. в Салоники солдаты 4-й Особой бригады, которым выдали денежное содержание за плавание (приблизительно по 36 франков), и которым разрешили уйти в увольнительную, отправились тратить деньги: «*Большинство солдат* [выделено мной. — М.Ч.], — вспоминал неизвестный автор воспоминаний, — рады были отвести душу и гуляли во всю ширь русской натуры»[485].

Полковник Карханин (не будучи свидетелем трагических событий во Франции в августе 1916 г., поскольку прибыл во Францию только в июле 1917 г.), подтверждает, что «вино, от которого за время войны отвыкли наши солдаты и которое во Франции продавалось свободно, сыграло немалую роль в этом событии». Далее Карханин предполагает, что убийство Краузе «...не обошлось

---

[484] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 54.
[485] РГАСПИ, ф. 71, оп. 44, д. 67, л. 27, 28.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

без участия эмигрантов анархического направления, коими в это же время изобиловал юг Франции»[486].

Напротив, военно-полевой суд революционного следа в этом деле не нашел, но был «...установлен факт восстания нижних чинов против начальника»[487]. Однако мнение Карханина представляет немалый интерес. У арестованных солдат, по данным проживавшего в то время в политической эмиграции во Франции и издававшего свою газету «Наше слово» Л. Троцкого (ссылавшегося на свидетельства русских журналистов, говоривших с офицерами, следовавших с Краузе), был найден один и тот же номер этой газеты. Этот номер некий Виннинг (которого Троцкий называет агентом-провокатором), «...рассовывал во время возмущения... всем, кто хочет и кто не хочет. Только поэтому газету нашли у арестованных, которые не могли успеть и прочитать ее». Более того, Троцкий утверждает, что мятеж среди солдат, который привел к убийству Краузе, возник «не без участия Виннинга»[488]. Иными словами, этот Виннинг, не имевший ничего общего с редакцией газеты и с самим Троцким, по мнению последнего, способствовал возникновению мятежа, пока солдаты находились в городе, что теоретически можно предположить. К тому же «Наше слово», судя по отношению известного политического деятеля М.Н. Покровского начальнику парижского Департамента полиции пользовалась большим авторитетом среди левых[489].

Таким образом, мнение Карханина о политической подоплеке «дела Краузе» на первый взгляд находит подтверждение. Однако, как было сказано выше, военно-полевой суд не нашел признаков, указывающих на революционное движение среди нижних чинов. Не исключено (если встать на точку зрения Троцкого), что газету у виновных действительно нашли, но русское военное руководство решило не подвергать огласке этот факт, опасаясь возможных политических «неудобств». Однако нельзя не заметить, что этот факт был бы от-

---

[486] КАРХАНИН М.В. Русские войска.., с. 12.
[487] ГАРФ, Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 157.
[488] ТРОЦКИЙ Л. Моя жизнь, с. 249. В итоге французские власти закрыли газету (15 сентября 1916 г.) и выслали Троцкого из страны.
[489] РГАСПИ, ф. 147, оп. 1, д. 4, л. 1.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ражен в какой-либо переписке между ответственными лицами хотя бы косвенно; вполне логично предположить, что эта переписка, которая отсутствует, была бы весьма обширна. На сегодняшний день в переписке Игнатьева и Дитерихса друг с другом и Игнатьева с Петроградом не найдены упоминания о наличии газеты «Наше слово» у арестованных солдат. Более того, при упоминании факта закрытия газеты «Наше слово» в статье о работе Ленина и парижской группы большевиков отсутствует хотя бы малейший намек на присутствие во Франции русских войск[490].

Итак, до нахождения новых данных можно выдвинуть следующую версию событий: французское политическое руководство, желая закрыть «Наше слово», действительно выбрало «дело Краузе» как более чем прекрасный предлог, о чем и пишет Троцкий, но Париж, думается, просто ввел Троцкого в заблуждение (т.е. газету у солдат не нашли), — в чем тот и не сомневался, утверждая свою непричастность к убийству Краузе. Остается лишь непонятным, что это были за офицеры, сообщившие русским журналистам (и что это были за журналисты вообще) данные о наличии в карманах арестованных солдат экземпляров газеты. Тем не менее, политическая подоплека «дела Краузе» на сегодняшний день не имеет четких оснований[491].

Вместе с тем между «делом Краузе» и «делом Петрыкина» действительно имелись общие черты. Прежде всего — отсутствие должной социальной устойчивости русских солдат и их недисциплинированность вкупе с их пристрастием к спиртным напиткам, т.е. в основе обеих конфликтов лежала бытовая причина, а не т.н. революционное сознание солдат Особых бригад, о котором французский исследователь Адан очень высокого мнения. Вместе с тем возникает вопрос: почему имевшие общие корни два конфликта закончились со столь различными результатами: «дело Петрыкина» — простой дракой, а «дело Краузе»

---

[490] ТРЕМБИЦКАЯ А.А. Указ. соч., с. 89-90.

[491] Интересна и позиция Троцкого, который при написании мемуаров за границей по прошествии определенного времени отказывается от своей причастности (посредством газеты) к убийству царского офицера, к которым он как профессиональный революционер питал ненависть, не требующую доказательств. С другой стороны, марсельский инцидент Троцкий изобразил как провокацию со стороны царского правительства по отношению к собственной персоне, что, вероятно, было еще выгоднее для Троцкого, чем косвенное участие в убийстве офицера.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

— убийством офицера. Можно предположить, что в данном случае речь может идти скорее о субъективных, чем об объективных причинах. Например, совершенно очевидно, что Дьяконов признал свое поражение и не стал усугублять ситуацию, отказавшись от наведения порядка жесткой рукой — возможно, в силу знания психологии русского человека, либо в силу собственной слабости духа. В любом случае, даже по прибытии во Францию, Дьяконов не стал искать виновных и наказывать их (о чем Карев обязательно сообщил бы), не желая, возможно, придавать огласку этому инциденту, в котором он выглядел не в лучшем свете. Краузе, как человек авторитарного склада (о чем утверждает Игнатьев), судя по всему, решил добиться восстановления порядка и дисциплины жесткими мерами; не исключено, что он мог пообещать солдатам применить к ним расстрел и, вполне вероятно, не сдержавшись, мог и ударить кого-либо кулаком, о чем, например, сообщает швейцарская левая газета «Сантинель»[492].

Изучая «дело Краузе», справедливости ради надо заметить, что желание познакомиться с иностранным городом, в котором оказались солдаты, было вполне объяснимо с психологической точки зрения: вряд ли кто-то из них бывал в крупных российских городах, а уж за границей — и подавно.

В данных условиях от русского командования требовалось вводить не запретительные меры, а ограничительные. Но прежде всего требовалась твердая воля по поддержанию дисциплины, чего не произошло. Так, в докладе Временному правительству, составленном редакционной комиссией и президиумом 1-го съезда представителей 2-й Особой пехотной дивизии, в качестве основной причиной бунта в Марселе в августе 1916 г. указывался именно запрет русским солдатам уходить в город[493]. Думается, в августе 1916 г. из всего офицерского состава только один Краузе старался сохранить дисциплину (о том, *как* он добивался этого — вопрос другой). Его сослуживцы-офицеры отнеслись к своим обязанностям менее серьезно, чем того требовала обстановка и исполнение воинского долга.

---

[492] ADAM R Histoire des soldats Russes, p. 36.
[493] К пребыванию русских войск во Франции, с. 229.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Взаимоотношения солдат с офицерской массой не представляли никакой разницы по сравнению с отношениями офицеров и солдат на русском фронте и вообще в Русской Армии. Как уже было сказано (глава 1 §3), Петроград сразу отверг предложение Лохвицкого о создании для нижних чинов «климатической станции для отдыха», а телесные наказания и рукоприкладство в Особых бригадах были обычным делом. Как уже говорилось выше (глава 1 §4), Лохвицкий, ссылаясь на секретный приказ бывшего главнокомандующего Николая Николаевича, даже и не думал о том, чтобы отменить телесные наказания для рядового состава. Порки нижних чинов начались еще в России и не прекращались во Франции практически до начала 1917 г. Если, конечно, не доверять фактам порки у Карева, Власова, Афиногенова, Малиновского и Игнатьева (при этом Вавилов, Козлов, Егерев и, что очень удивительно, даже Лисовенко, не упоминали о телесных наказаниях)[494], существовало «...введенное с 1915 года [с июля 1915 г. — М.Ч.] официально дисциплинарное наказание розгами»[495] (но не более 25 розог), которое могло применяться только «как мера исключительная... в отношении особо порочных нижних чинов, и в случаях, не терпящих отлагательств для примера другим»[496]. Именно об этом и говорит командир 3-й бригады Марушевский в отношении от 8 мая 1917 г., направленного французскому военному руководству, — телесные наказания (châtiments corporels) были уставными (réglementaires) и действительно применялись, но «за самые серьезные проступки, которые могли стать причиной рассмотрения их в трибунале» и к тем солдатам, «на которых другие виды наказания не могли оказать должного воздействия»[497].

Ненависть солдатской массы Особых бригад к офицерам была очевидна, и доходила до такой степени, что во время сражений солдаты могли стрелять офицерам в спину. Так, проживавший во Франции бывший офицер Г. Замотин (Zamotine) говорил французскому журналисту Л.-И. Жилу́, что половина офи-

---

[494] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 22, 29, 56; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 36; ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 75-76; СТЕПНОЙ Н. Указ. соч., с. 28, 31; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 189, 192-193, 216.
[495] ДЕНИКИН А.И. Указ. соч., с. 126.
[496] Цит. по: ЛЕОНОВ О. УЛЬЯНОВ И. Указ. соч., с. 202.
[497] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 53.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

церов во время апрельского наступления 1917 г. была убита в спину своими же подчиненными. Однако подобного рода свидетельства солдатских мемуаристов редки: например, только Власов приводит единственный случай: он утверждает, что 16 апреля 1917 г. штабс-капитан Янушкевич был убит в затылок своим денщиком за жестокое с ним обращение[498].

Малиновский и Карев утверждают, что накануне апрельского наступления 1917 г. офицеры предпочитали под любыми предлогами уклониться от сражения, а Карев добавил, что в его батальоне остались только два офицера. Более того, ниже Карев утверждает, что все старшие офицеры (кроме Готуа), начиная с ротных командиров, не участвовали в боях: «Они находились в землянке командира бригады генерала Лохвицкого и пьянствовали»[499]. Однако известно, что в апрельском наступлении 1917 г. во время нахождения на передовой Лохвицкий получил две контузии[500].

Таким образом, если в некоторых ротах не было ни одного офицера вместо четырех по штату от 16 мая 1916 г., а в батальоне, в котором служил Карев, осталось только 2 офицера вместо 18 (по штату), получается, что в наступление 16-19 апреля солдат наравне с частью офицеров вели фельдфебели и старшие унтер-офицеры, что при факте выполнения батальонами 1-го и 2-го полков (в которых служили Карев и Малиновский) боевых задач, требующих определенных знаний и умений руководства такими относительно крупными воинскими единицами, как роты и батальоны, очень сомнительно. Если убийства солдатами офицеров действительно происходили в таком масштабе, как нас уверяет Замотин, вполне возможно, что они обязательно появились бы в солдатских воспоминаниях как факт, подтверждающий «революционность» солдат и жестокое обращение дворян к обычным крестьянам и рабочим.

Несмотря на существование «демократических отношений» между солдатами и офицерами французской армии, во время пребывания на передовой вторые не всегда являлись образцом для подражания первым и вполне могли не

---

[498] Ibidem., p. 92; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 91-92.
[499] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 236; КАРЕВ П.Ф. Указ. соч., с. 63, 66. См. также: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 390.
[500] РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1215, л. 28.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

участвовать в сражении, особенно генералы, проводивших больше времени в тылу в соответствии со своей должностью, и именно из-за этого не пользующихся популярностью среди солдат. Так, французский капитан-пехотинец Дезаньо высказывает недовольство младшими офицерами, которые «...поддакивают своим капитанам» и «проводят время в попойках и игре в карты». Генералы, по мнению того же Дезаньо, приезжают на передовую только когда там спокойно[501]. «Наши командиры не очень любили появляться в передовых траншеях», — вторит Дезаньо капрал Бартà[502].

Вместе с тем даже не все офицеры, заслужившую дурную славу у солдат, могли быть убиты ими. Например, Малиновский пишет о погибшем подпоручике Блофельде, отправившегося с разведчиками за «языком», как «первом мордобойце», но офицер пошел в «кудемен», не испугавшись выстрела в спину, и погиб от осколков немецкой гранаты[503] (или Блофельд не был этим «мордобойцем»?). Готуа, жестоко обращавшийся с солдатами, тем не менее не боялся ходить в атаки вместе с подчиненными; более того, во время Куртинского кризиса был выбран командиром 2-го Особого пехотного полка.

Эти примеры *могут* свидетельствовать о том, что за храбрость на поле боя солдаты (по крайней мере, в апреле 1917 г.) могли простить некоторым офицерам, занимавшихся рукоприкладством, их действия (по крайней мере, терпимо относиться к ним). Тем более что в данном случае речь идет об отношениях солдат с офицерами в условиях войны (т.е. в специфических условиях), а не в тылу, как в Петрограде в Феврале 1917 г. (т.е. при отсутствии боевой спайки между солдатами и офицерами). Соответственно, из этого можно сделать вывод, что солдаты могли воспринимать жестокое к себе обращение некоторых офицеров, как нечто разумеющееся, но в ограниченных размерах и за действительно какие-то серьезные проступки, а не по одной прихоти начальника.

Бесспорно, что офицеры, имевшие подлинный авторитет среди солдат, были редкостью. Между ними существовала более чем глубокая дистанция, кото-

---

[501] DESAGNEAU H. Op. cit., p. 64, 65, 75.
[502] BARTHAS L. Op. cit., p. 357.
[503] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 214. GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 218.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

рую и имел в виду Карев: «Между офицерами и солдатами проходила такая пропасть, что ни один мост не был в состоянии их соединить. Это были два совершенно разных мира. В одном мире — небольшая кучка людей привилегированного сословия, иного воспитания. Они считали только себя настоящими людьми, которым испокон веков дано право приказывать и распоряжаться, избивать и издеваться над людьми другого мира. Они никак не хотели понять того, что солдат тоже человек, что он также может мыслить, творить, может быть очень способным и полезным в самых важных моментах как в мирной обстановке, так и в военное время. (...)

В другом мире — другой класс людей, воспитанных в бедных крестьянских хатах и в полутемных подвальных рабочих квартирах»[504]. Однако когда пришла соответствующая эпоха, солдаты «почему-то» забыли, что офицер — «тоже человек, что он также может мыслить, творить, может быть очень способным и полезным в самых важных моментах как в мирной обстановке, так и в военное время». Если до Февраля 1917 г. офицеры считали зазорным для собственного достоинства считать нижних чинов равными себе, то солдаты после Февраля считали вполне нормальным проявлять такое же отношение к офицерам (даже в худшей степени); соответственно, нельзя сказать, что после Февраля отношение солдат к офицерам отличалось чем-то в лучшую сторону, по сравнению с отношением офицеров к солдатам до Февраля.

Изучение «дела Краузе» выводит нас к исследованию новой проблемы, которую постарались не замечать военные мемуаристы-эмигранты (Карханин), либо вообще не упоминать (Лисовский); к последнему можно причислить и Данилова как самого крупного исследователя Русского Зарубежья истории Особых бригад. Их молчание может косвенно подтверждать мнение Игнатьева о том, что офицерские распри сыграли отрицательную роль в возникновении «дела Краузе». По данным военного агента (которым нет причин не доверять, поскольку все его основные тезисы, представленные в мемуарах, подтверждаются его перепиской, хранящейся в РГВИА и ГАРФ), офицеры эшелона были

[504] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 38.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

настроены против Краузе, который действовал весьма жестко (скорее всего, слишком жестко) в отношении подчиненных ему не только нижних чинов, но и офицеров[505]. Более того, Игнатьев (принявший активное участие в расследовании трагедии) обвинил офицеров эшелона 4-го полка в том, что они спровоцировали солдат «на выступление против чересчур строго начальника»[506]. Об отношении офицеров к Краузе и о халатном отношении их к своим прямым обязанностям (практически все офицеры, как и нижние чины, ушли 14-15 августа в самоволку в город, бросив вверенные им части) Игнатьев говорит и в телеграмме Дитерихсу. Более того, Игнатьев пишет, что «самовольные отлучки» офицеров продолжались «даже после преступления»[507]. (Выше уже цитировались строчки воспоминаний Рыхлинского: по прибытии русских войск в Марсель все офицеры разбежались кто куда, и Рыхлинскому пришлось заменять командиров нескольких рот.) Как доносил Игнатьев в Петроград, «офицеры, опасаясь продолжения беспорядков, не выказали должного негодования и стремления помочь начавшемуся дознания [так в тексте. — М.Ч.]»[508].

Таким образом, взаимоотношения между самими офицерами не отличались монолитностью и корпоративностью. Как уже говорилось выше об офицерском составе 1-й Особой бригады (глава I, §2), он оказался случайным, «...не имел определенного лица свойственного старым полкам, а разделился на партии, бесконечно враждовавшие между собою»; «у них отсутствовала единая офицерская семья». Игнатьев во время расследования убийства Краузе прямо назвал офицерство «разлагающимся»[509]. (Невысокого мнения об офицерах был и командир той самой 2-й бригады Дитерихс[510].) Не случайно Занкевич сказал: «Одна из главных причин печального состояния наших войск во Франции —

---

[505] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 620.
[506] Там же, с. 623.
[507] ГАРФ, Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 156.
[508] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 10, л. 6-7, 21. Из телеграммы Дитерихса Игнатьеву от 22 августа 1916 г.: «С большим возмущением прочел известие о беспорядках третьего эшелона 4-го полка и особенно негодую на поведение офицеров, не проявивших ни товарищества, ни долга присяги. Передайте им эту телеграмму дословно добавив, что позор их бездействия, ненаходчивости и должной твердости может быть искуплен только их жизнями и кровью на поле брани», — ГАРФ, Р-6399, оп. 1, д. 1, л. 153.
[509] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 623.
[510] По прибытию в Салоники Дитерихс начал критиковать офицерский состав своей бригады, — ЧИНЯКОВ М.К. Русские войска.., с. 32.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

офицерский состав частью неудовлетворительный, частью деморализованный»[511].

Офицерский корпус, как и подавляющая часть российского общества, оказался абсолютно не готовым к событиям Февраля. Более того, он не могло объяснить солдатской массе то, что происходило в России. Так, неизвестный фельдфебель 5-го Особого полка спрашивает одного из офицеров: «Разъяснил ли нам хоть один офицер значение происходящих событий?»[512]. («Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить... Необходимо разъяснить и внушить массе, что свобода дана всем».)[513]

Как совершенно верно сказал Лисовский, офицеры «...сами растерялись не меньше солдат, причем эта растерянность была тем заметнее, чем старше был офицер по возрасту и служебному положению»[514]. Временно исполняющий обязанности командира 1-го Особого полка полковник А.Н. Сперанский откровенно признавался, что в марте 1917 г. с брожением в своей части и оставлением солдатами боевых позиций для митингов в тылу он боролся ничем иным, как «путем убеждений», никаких наказаний не накладывал, поскольку «виновных обнаруживать было трудно»[515]!

С другой стороны, когда некоторые офицеры Особых бригад пытались проводить агитационную работу среди подчиненных им солдат, взывая к их воинскому долгу и патриотизму, на все призывы офицеров о продолжении борьбы с Германией, оккупировавшей Родину, многие солдаты спокойно отвечали: «Ну и что? Разве у нас мало земли? Да ее всем хватит! А зачем мне свобода, если меня убьют?» В некоторых письмах проводились похожие мысли: «Нам не хватает земли, свободы и равенства. Мы не хотим больше воевать»[516].

Как уже выяснено на сегодняшний момент, к 1917 г. русское офицерство как некая закрытая каста с устойчивым менталитетом и традициями перестает

---

[511] Там же, с. 39.
[512] Голос солдата. 10 (23) мая 1917 г. № 5.
[513] ДЕНИКИН А.И. Указ. соч., с. 361.
[514] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 263; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 99-100. См. также: ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 219.
[515] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 9, л. 1.
[516] Цит. по: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 391.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

существовать из-за ее пополнения и «разбавления» пришлым элементом — из унтер-офицеров и гражданских лиц, прибывших на военную службу во время войны[517]. Но не только «новые», но и «старые» офицеры уже не отвечали предъявляемым им в прошлом требованиям, и они начинали выпускать из-под контроля солдатскую массу. Во время расследования «дела Краузе» (точнее, сразу после его убийства) Игнатьев подметил, что ввиду только что произошедших событий офицеры — впрочем, вполне обоснованно, — начали опасаться нижних чинов[518].

Таким образом, во время войны русский офицерский корпус (частью которого были и офицеры Особых бригад) претерпел не только количественные, но и, соответственно, качественные изменения. И именно этому кардинально обновленному офицерскому корпусу, лишенной «офицерской семьи» еще во время его комплектования в России, и пришлось столкнуться с невиданным размахом распада не только отдельных воинских частей, но и всей Русской Армии в целом. Офицерский корпус, который должен был адекватно реагировать на происходившие в мире события, не стал достойным примером дисциплины и порядка. Во время встречи представителей Временного правительства с офицерами-делегатами от 1-й Особой дивизии в Петрограде в конце июля 1917 г. говорилось о том, что «неприличное поведение» некоторых офицеров Особых бригад «бросает тень на офицерскую среду»[519].

Очень редкие офицеры Особых бригад могли похвастаться порядком в подразделении, да и то даже в «примерных» ротах возникало неповиновение, превращающееся в анархию. Более того, по наблюдению полковника Лисовского, «появились офицеры, стремившиеся сделать “революционную карьеру” и искавшие “популярности” среди солдат, открыто выступая с речами на солдатских митингах, причем в этих речах неизменно обливались грязью старшие начальники, на которых без стеснения возводились всякие небылицы.

---

[517] ВОЛКОВ С.В. Трагедия русского офицерства, с. 9-14.
[518] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 623.
[519] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 79об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Часть офицеров, не зная, что делать, и не умея ничего делать в подобное необычное время, коротало время по местным ресторанам, и также отдавала должную дань Бахусу»[520]. О том же говорил и Деникин: «Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же... не умело приспособиться сразу... спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать».[521] Один офицер с Русского фронта написал некоему А.Г. Алексееву: «Авторитет офицеров сведен к нулю. (...) Откровенно говоря, большинство офицеров не служат, а дослуживают»[522]. Необхрдимо добавить, что офицеры, стремившиеся сделать «революционную карьеру», принадлежали, как правило, к обер-офицерам, т.е. получили свои чины во время войны и, следовательно, не только не знали традиций и обычаев довоенного офицерского корпуса, но и не знали их нравственных устоев.

Один из самых крупных скандалов в частях 1-й и 3-й Особых бригад разразился в связи с т.н. делом прикомандированного к 6-му полку полковника 3-го стрелкового Туркестанского полка М.Н. Бромова, который настраивал офицерский состав полка против командира полка полковника Сименова, командира 1-й бригады Лохвицкого, военного представителя Верховного командования при Главной квартире французских армий Занкевича, комиссара дивизии Раппа (особенно после раскола дивизии 8 июля) и «...стремился склонить офицеров и солдат вышеназванной дивизии [1-й Особой пехотной дивизии. — М.Ч.] к насильственному устранению всех упомянутых лиц, от занимаемых им должностей...»[523]. Вследствие проведенного расследования 10 августа 1917 г. военный прокурор Лисовский предал Бромова Отрядному суду Русских войск во Франции. О дальнейшей судьбе Бромова ничего не известно.

Вместе с тем из нашего поля зрения иногда исчезает один немаловажный момент: если мы признаем, что русское офицерство — в силу объективных и субъективных причин — перестало существовать как некий монолит, то необ-

---

[520] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 269, 271.
[521] ДЕНИКИН А.И. Указ. соч., с. 361.
[522] Царская армия.., с. 144.
[523] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 35, л. 50об. О деле Бромова см.: там же, л. 47-51. Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 30, л. 195.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ходимо отметить, что не менее кардинальные изменения коснулись и рядового состава. Точно также, как огромная масса довоенных офицеров была выбита в период с августа 1914 по март 1917 гг., точно также погибла и огромная масса кадровых солдат. В армию приходили не только запасные, но и ратники 2-го разряда, которым по закону предполагалось служить в гарнизонных частях, а не на фронте, т.е. в Русской Армии (в т.ч. и в Особых бригадах) воевали крестьяне (как подавляющая часть Российской империи), насильно оторванные от своего локального сообщества в условиях падения патриотического духа и ощущения бесполезности приносимых жертв. О качественном изменении рядового состава и пишет тот же самый Игнатьев: «...появились солдаты, каких я до сих пор не видал. Озлобленные, готовые на все...»[524]. Интересное свидетельство можно встретить в приказе по 3-й Особой бригаде №24 от 3 февраля 1917 г., где Марушевский описывает любопытную картину, очевидцем которой он стал: «В то время как пьяный рядовой 5-го полка чуть ползком пробирался по улице — целая толпа нижних чинов у выхода из Мурмелона смотрела на этого негодяя, но ни у одного из зевак *не явилось мысли* [выделено мной. — М.Ч.] подобрать его, помочь ему и хотя бы потоварищески уберечь его от моих глаз и строгого наказания.

Я удивлен, что у нижних чинов нет достаточного чувства братства и товарищества; обратить на это внимание и указать им на их поведение»[525].

На этом фоне несколько странно звучат слова Шульца (опубликованные им в июне 1917 г.): «У нас укоренению дисциплины в войсках придается серьезное значение. (...) ...я полагаю ...мы удивляли французов, полагавших и наслышанных о жестокостях нашей дисциплины, рукоприкладстве, суровости, бессердечности взаимоотношений и, увы, убедившихся что все это кануло, отошло в вечность и не существует»[526].

Огромные потери после апрельского наступления 1917 г. дали серьезный повод для распространения в бригадах слухов о ненужности нахождения рус-

---

[524] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 622.
[525] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 43, л. 14.
[526] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 80.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ских войск во Франции и об отправке их в Россию. После неудачного апрельского наступления среди русских войск возникла естественная ностальгия, отрицательно повлиявшая на ухудшение морально-психологической обстановки среди частей Особых бригад, умноженная на широкое распространение в солдатской среде естественных пацифистских настроений[527]. Однако нельзя не учитывать, что 1-я Особая бригада сражалась на фронте менее года (с 25 июня 1916 г.), а 3-я — и того меньше, с октября 1916 г., и требования солдат Особых полков (тем более 1-го и 2-го, участвовавшего в боях только с июня 1916 г.) о прекращении войны, по сравнению с полками Русской Армии (и французской), сражавшихся с августа 1914 г., выглядели в обстановке военного времени, мягко говоря, нескромными. Поэтому нельзя сказать, что русские солдаты обеих бригад (и Русской Армии в целом) не хотели больше воевать, поскольку они сражались больше и дольше других частей французской армии. Не только французским, но и вообще всем войскам по обе линии фронта *в равной степени* были присущи как усталость от войны, так и факты недисциплинированности, но необходимо отметить, что практически все страны, участницы войны, смогли найти в себе внутренние силы для продолжения борьбы, в т.ч. и французы (о которых В.И. Ленин отзывался как о «...самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс»[528]). Более того, именно та французская армия, о которой ротный командир Шульц сказал, что в ней вопросам дисциплины «...не уделено должного внимания, не придается серьезного значения»[529].

Коренная причина нежелания воевать у русского солдата крылась в «недостаточном социальном осознании долга перед Родиной», о чем говорил один из известных военных историков Русского Зарубежья генерал Н.Н. Головин. Он отмечал характерную черту русского народа: «Русский патриотизм [всех слоев общества — от высших до низших. — М.Ч.] был значительно более примитивен, он был — если можно так выразиться — лишь сырой материал, из которо-

---

[527] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 70.
[528] Цит. по: БАНТКЕ С. Указ. соч., с. 166.
[529] ШУЛЬЦ Э.Э. Указ. соч., с. 80.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

го в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды "патриотизмов", которые можно наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке»[530]. Практически все страны, участницы войны (в т.ч. «лоскутная» Австро-Венгерская монархия, как презрительно называли ее советские историки), смогли найти в себе внутренние силы для продолжения борьбы.

Первые же серьезные и огромные потери в апреле 1917 г. (после отвода Особых бригад французское наступление продолжалось вплоть до 5 мая, хотя и без прежнего натиска) нанесли колоссальный удар по самосознанию русских и, как показали дальнейшие события, вкупе с постоянно увеличивающейся пропастью между офицерами и солдатами стали одной из причин саморазрушения Особых бригад.

Однако падение дисциплины и боевого духа происходило не только среди частей Особых бригад. Волна антивоенных настроений на фронте в 1917 г. (особенно после «бойни Нивеля») захлестнула как войска Антанты, так и войска Германии, не зная границ. Например, еще 1 мая 1916 г. в Берлине на Потсдамской площади известный революционер К. Либкнехт организовал митинг, одним из лозунгов которого являлся «Долой войну!» В апреле 1917 г., под влиянием Февральской революции, в Германии отмечались случаи создания Советов рабочих депутатов, как в России. В германских вооруженных силах росло беспокойство, особенно на флоте: 30 июля 1917 г. произошло восстание немецких моряков в городе Вильгельмсгафене[531]. О внутреннем кризисе в Германии свидетельствует такой важный свидетель, как Людендорф[532]. В мае 1917 г. начальник германского Полевого Генштаба генерал-фельдмаршал П. Гинденбург написал Вильгельму II: «Если мы не воодушевим общество верой в победу (il faut relever l'esprit public), война закончится не в нашу пользу»[533].

В войсках Антанты все больше проявляются такие чувства, как безысходность и отчаяние[534]. В мае 1917 г. в Португалии вспыхнули массовые беспоряд-

---

[530] ГОЛОВИН Н.Н. Указ. соч., с. 108, 294.
[531] РСГФ, 1917, № 74; ДЮРАН П. Указ. соч., с. 79.
[532] ЛЮДЕНДОРФ Э. Указ. соч., с. 446-447.
[533] Цит. по: Patrie humaine, 16.11.1936.
[534] WATT R.M. Op. cit., p. 195, 199.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ки, а в Лиссабоне правительство объявило осадное положение. Более того, в столице вспыхнули перестрелки рабочих с республиканской гвардией, а отправленный последним на подмогу 28-й пехотный полк присоединился к рабочим[535]. Итальянские части, отказываясь воевать, сдавались в плен целыми батальонами[536].

Если в британской армии во время Крымской войны ни один солдат не был наказан за воинские преступления, во время мятежа в Индии только двое и еще двое во время англо-бурской войны, то только по официальным источникам на сентябрь 1914 г. — 59 человек, и их число неуклонно продолжало увеличиваться. Общее число казненных за воинские преступления за четыре года войны в английской армии достигло 304 чел[537]. Однако жесткие меры британского правительства по наведению дисциплины в армии населением Великобритании были восприняты относительно спокойно, так как считалось, что только подобные меры и могут навести порядок; в этом не усматривалось ничего трагического[538]. Возможно, в силу национальных особенностей английская армия в меньшей степени поддалась антивоенной пропаганде, чем французская.

Самые серьезные случаи неповиновения, вызванного неудачным наступлением в апреле-мае 1917 г., среди всех его участников произошли во французской армии и обществе, — армии, понесшей намного большие потери по сравнению с англичанами, и оказавшейся намного больше разочарованной военной неудачей в ходе «наступления Нивеля», чем их британские союзники. Кризис во французской армии грозил непредвиденными последствиями, если германская армия перешла бы в наступление. «Потери [во французской армии. — М.Ч.] были так велики, что пострадал дух армии и даже вспыхнули бунты, о которых, разумеется, до нас доходили лишь скудные сведения и с запозданием»[539]. Весенний кризис 1917 г. во французском обществе и армии советские и

---

[535] АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 192, л. 58, 67.
[536] История Италии, с. 475.
[537] ХМЕЛЕВСКАЯ Ю.Ю. Указ. соч., с. 63.
[538] Там же, с. 64.
[539] ЛЮДЕНДОРФ Э. Указ. соч., с. 424. «Хваленая немецкая разведка лишний раз показала свою полную несостоятельность: Людендорф не знал о происходившем на французском фронте и упустил единственный за

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

зарубежные (левого толка) исследователи изучали с особым интересом, увидев в этих событиях чуть ли не зародыш будущей революции[540].

Париж действительно был напуган этими событиями в армии не на шутку. 30 мая 1917 г. Пуанкаре сказал, что «опасность скорого прибытия 75 германских дивизий [с Восточного фронта. — М.Ч.] несоизмеримо менее опаснее, чем деморализация нашей армии»[541]. Во Франции разразился серьезный политический кризис. Однако суть кризиса во французской армии и его характер протекания сильно отличался от подобных явлений в Русской Армии того периода и Особых бригад в частности. По данным одного из авторитетнейших знатоков данной проблемы французского исследователя Г. Педрончини, солдатские мятежи, возникшие на почве нежелания продолжать активную фазу наступления Нивеля, не носили широкомасштабного характера. Самые массовые и частые мятежи, пик которых приходился на май-июнь 1917 г., произошли *только* в зоне наступления X-й и VI-й армий, входивших в состав Резервной группы армий (даже не в Северной и не в Центральной группе армий) и атаковавших плато Шмен-де-Дам[542].

К тому же в мятежах во французских войсках, имевших самые массовые случаи неповиновения, участвовало не более 10% всех войск, и еще 10% случаев были зафиксированы еще менее значимые. Из 250 известных случаев мятежей только около 50 (20%) собрали св. сотни недовольных[543].

Таким образом, широкого недовольства во французской армии как таковой не существовало. Следовательно, французская армия оказалась в массе устойчивой к пацифистской пропаганде, влиянию русской революции и естественной усталости от войны. Солдаты поднимали мятежи не столько против войны как таковой (иначе подобного рода выступления охватили бы *всю* французскую армию), а из-за протеста против форм войны, точнее, из-за нерационального использования живой силы в ходе одного отдельно взятого наступления, в т.ч.

всю войну случай использовать падение дисциплины в рядах французской армии», — ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 639.

[540] БАНТКЕ С. Указ. соч., с. 196; История Франции, с. 600; ДЮРАН П. Указ. соч., с. 80.

[541] POINCARÉ R. Op. cit., p. 149.

[542] PEDRONCINI G. Les refus collectives.., p. 77.

[543] Ibidem. Lui-même. Les Mutineries.., p. 307-308.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

против непродуманной системы отпусков, страдавшей серьезными изъянами[544]. Так, капрал Бартà, убежденный «левый», на предложение возглавить солдатский комитет ответил категорическим отказом[545].

Огромный интерес представляет вопрос о том, существовала ли связь между русскими и французскими войсками во время мятежей во французской армии, оказало ли влияние (и какое) антивоенное движение и антивоенная пропаганда среди Особых бригад на возникновение мятежей во французской армии. Как утверждает ряд советских историков, влияние русских солдат, создавших свои комитеты, сыграли большую роль в возникновении мятежей во французской армии[546]. В V-й армии, в составе которой участвовали русские войска, массовых случаев неповиновения зафиксировано не было, кроме как в частях 41-й дивизии, атаковавшей форт Бримон вместе с частями Особых бригад, где прошел ряд возмущений, в которых участвовало 2,0 тыс. солдат[547] (т.е. около 10-15% от всей дивизии). Сам Петен указывал о наличии контактов мятежных частей французской армии с русскими войсками, а в Париже французские и русские солдаты, находившиеся в отпуске, братались с забастовщиками[548]. Бесспорно, эти контакты существовали, но переоценивать их не следует. Думается, в данном случае следует согласиться с точкой зрения Деренковского. Он пишет, что хотя «революционные» настроения среди частей Особых бригад повлияли на французских солдат, «...но не эти настроения являлись определяющей причиной революционных выступлений во французской армии»[549].

Остается открытым вопрос о том, насколько солдатские мятежи во французской армии могли сыграть дальнейшую роль в антивоенной пропаганде левых французских партий, если бы они имели возможности левых партий в России (особенно большевиков), но история не знает сослагательного наклонения.

---

[544] Ibidem., p. 306. «...этот кризис можно охарактеризовать как отказ идти в атаку», — Lui-même. Les refus collectives.., p. 81, 82. «...по-моему, солдат больше всего волновало то, что начальство тянуло с выдачей отпусков», — BARTHAS L. Op. cit., p. 471.

[545] Ibidem., p. 473.

[546] АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО В.И. Указ. соч., с. 763-764; БАНТКЕ С. Указ. соч., с. 173, 180, 195; ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ Ф.Ф. Указ. соч., с. 78.

[547] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 105.

[548] Ibidem., p. 106, 108.

[549] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 86.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

К тому же все мятежи заканчивались так быстро, что Педрончини предположил, что все восставшие словно ждали поддержки от других частей, и, не находя ее, изъявляли готовность на подчинение.

Французские мятежи были подавлены, но *без применения* неких карательных частей, что может лишний раз свидетельствовать о высокой социальной устойчивости французов. По данным Педрончини, Петен вынес всего 554 смертных приговора из 3427 обвиняемых в нарушении воинского долга (т.е. 16%)[550]. Более того, из 17 приговоренных к смертной казни во время одного из самых известных мятежей в Кёвр, 16 были помилованы Пуанкаре[551]. Таким образом, казни были немногочисленны. Пример с децимацией дивизии, по мнению Педрончини, является чистым вымыслом[552]. Вместе с тем в итальянской армии казни мятежников в процентном отношении оказывались иногда выше, чем во французской армии. Так, в одном из итальянских полков за коллективное неподчинение был расстрелян 31 человек[553].

Важная особенность французских солдатских мятежей состояла в отсутствии ненависти к офицерам как таковым (хотя известны редкие случаи открытого неповиновения генералам и полковникам)[554]. Так, когда временный командир двух полков попробовал остановить солдат, самовольно направляющихся на отдых в тыл, они твердо отказали офицеру, но вместе с тем пообещали защитить его, «если понадобится». В другом случае, колонна солдат, встретившая своего подполковника, пытавшегося их остановить, обошла его с обеих сторон, взяв под козырек[555].

Следовательно, общей характерной чертой в мятежах во французской армии по сравнению с мятежом в Особых бригадах являлась только антивоенная составляющая.

Другим, не менее серьезным фактором, способствовавшим возникновению Куртинского мятежа, явилось отношение французов к русским войскам. Оно с

---

[550] PEDRONCINI G. Les Mutineries de 1917. Paris, 1967, p. 307.
[551] Lui-meme. Les refus collectives.., p. 82 (note).
[552] Ibidem., p. 79.
[553] Ibid., p. 83 (note).
[554] BARTHAS L. Op. cit., p. 472, 474.
[555] PEDRONCINI G. Les refus collectives.., p. 81, 82.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

самого начала войны переживало то стадию подъема, то стадию разочарования. От русских французы ждали (как говорилось в §1 главы I) многомиллионных войск для защиты Франции, а русские от французов — помощи в борьбе против врага. При этом и Франция и Россия были уверены в том, что противоположная сторона нарочно не желает выполнять то, что от нее ожидалось. Как говорилось выше, из-за непонимания французов и русских менталитета друг друга, а также брожения в Особых бригадах, начавшегося в мае 1917 г., в сознании подавляющего большинства как французского населения, так и солдат, русские становятся символом сепаратистов, не желающих сражаться с врагом. Известия о братании русских и немцев на Восточно-Европейском театре военных действий не могли способствовать оздоровлению обстановки. Доходило до того, что французы называли русских солдат «бошами» (презрительное название немцев во французском языке), а во французской прессе все чаще появляются антирусские статьи[556]. При этом, как свидетельствует Эренбург, хотя русские корреспонденты писали во французскую прессу положительные статьи (после Февраля), французская цензура задерживала их. «Враждебное чувство к русским проявлялось на каждом шагу»[557]. Частично оправдывая чувства французов, которые жаждали победить, Эренбург говорит и о том, что понятны и чувства русских крестьян, «...не разбиравшихся в политике и в дипломатии, но чуявших вокруг себя общую ненависть и презрение»[558].

Положение русских раненых (и больных) в госпиталях являлось одной из благодатных тем для антифранцузской пропаганды среди рядового состава Особых бригад. Так, один из активных участников Куртинского мятежа Петр Кидяев сообщает: «Получаемые нами... из других госпиталей письма рисовали ужасы обращения французского и русского начальства с русскими ранеными в госпиталях... На нас в Мишле [парижский военный госпиталь. — М.Ч.] русские сестры-аристократки и французская администрация смотрели как на вра-

---

[556] ЧИНЯКОВ М.К. Мятеж в Ля-Куртин, с. 59.
[557] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 78.
[558] Там же.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

гов. Лечение, пища ухудшились. Обращение зверское»[559]. Эти чувства использовали левые агитаторы (Эренбург называет последних большевистскими)[560]. Самую яркую картину дает Лисовенко, сообщивший, что во многих госпиталях «...пища готовилась плохо и отпускалась не по установленным нормам»[561]. Малиновский, сам лечившийся в русском, французском и английском госпиталях, напротив этого абзаца на полях книги приписал: «Это от лукавого».

Точку зрения Лисовенко поддерживает некий Алешин (возможно, речь идет об Алешине-Савине), находившимся на излечении в том же госпитале Мишле. Так, в июне 1917 г. он направил жалобу в комитет команды выздоравливающих при маршевом батальоне 1-й Особой бригады: «Обращаются с русскими грубо, кормят плохо, а грязь такая что в помойной яме меньше сору»[562].

На жалобу Алешина о плохом отношении к русским раненым ответа не найдено, зато есть рапорт подполковника Балбашевского Занкевичу о проведенном расследовании в связи с недовольством, высказанном в одном из солдатских писем, что якобы партию выздоровевших раненых в 170 человек из госпиталя Мишле вели на парижский вокзал пешком под конвоем. Возможно, что именно об этом и свидетельствовал Кидяев, лежавший в том же госпитале Мишле: «В закрытых наглухо автомобилях под конвоем развезены по всем вокзалам Парижа и увезены в разные места Франции 300 русских, “вычищенных” [т.е. насильно выдворенных. — М.Ч.] из госпиталя»[563].

Расследование показало, что на вокзал раненые были доставлены на автомобилях, а после их отхода мимо окон госпиталя прошел отряд французских солдат. Раненых солдат лично посадил на поезд старший врач (medecin-chef) из Мишле, и «...никакого протеста со стороны наших солдат не было заявлено. Им в настоящее время получены от наших солдат открытки и фотографические карточки, с благодарностью за лечение...»[564].

---

[559] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 34; См. также: Русские солдаты во Франции.., с. 6; ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 71; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 45, 48; ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 78.
[560] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 78.
[561] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 96. См. также: Русские солдаты во Франции, с. 7.
[562] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 20, л. 5. См. также: МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 269.
[563] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 33.
[564] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 20, л. 14, 15.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Вместе с тем жалобы Алешина действительно имели основание, — по крайней мере, частично. Так, специальная комиссия, назначенная для осмотра госпиталей с русскими солдатами (о ней речь ниже), нашла основания для недовольства русскими солдатами французским медперсоналом и даже назвала некоторых из сестер милосердия в Мишле «реакционерками». Также нашло подтверждение конфликта Алешина с французским главврачом, однако его причины комиссия почему-то не указала[565].

С этим (или другим?) Алешиным связана одна любопытная история. 24 сентября 1917 г. на рассмотрение военного прокурора Лисовского от Отрядного комитета русских войск во Франции поступила просьба рассмотреть действия председателя комитета парижского госпиталя Мишле Алешина, который самовольно присвоил себе собранную для русских раненых выручку русского самодеятельного театра того же госпиталя в размере 2,0 тыс. франков, «...причем выручка эта... неизвестно куда была им употреблена»[566].

Однако многие мемуаристы-солдаты, свидетельствовавшие о плохом обращении с ранеными русскими, не лежали в госпиталях (Вавилов, Власов, Карев, Егерев, Козлов) и не упоминают о фактах жестокого обращения в госпиталях, кроме Козлова, ссылающегося на письма товарищей из госпиталей[567]. Зато в госпитале лежал ефрейтор-пулеметчик Малиновский, ничего не показавший о жестоком обращении с русскими ранеными. Наоборот, Малиновский рассказывает, что в одном бордосском госпитале, где он лежал вместе с двумя сотнями соотечественников, «в палатах царила спокойная, какая-то семейная обстановка», а их медсестрами были француженки[568].

Сами русские раненые нередко давали повод для того, чтобы их обвиняли в отсутствии дисциплины и относились к ним, по крайней мере, неуважительно. Малиновский: «...иногда буйство пьяного имело тяжелые последствия. Дебошир пускал в ход костыли: звенели разбитые стекла, летели на пол пузырьки...

---

[565] Там же, л. 27.
[566] ГАРФ, ф. Р-6167, оп. 1, д. 1, л. 82.
[567] КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 14.
[568] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 246. Это не единственный случай хорошего отношения французских сестер милосердия к раненым русским, — РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 20, л. 7.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Случалось, что пьяный врывался в соседнюю палату, расшвыривал удерживавших его раненых и учинял настоящий погром. Весь состав комитета и французская администрация старались успокоить буяна, навалившись на него со всех сторон»[569]. Некий Зарянов, врач Крестовоздвиженского госпиталя, был настолько недоволен несоблюдением режима и недисциплинированностью раненых, что обратился в полковой комитет 5-го полка за содействием к прекращению самовольных отлучек больных из госпиталя, возвращающихся к тому же поздно и в «опьяненном состоянии»[570].

В ответ на жалобы о плохом отношении к русским раненым в конце мая 1917 г. была сформирована специальная комиссия, состоявшая из двух частей — одна для осмотра госпиталей, где лечились раненые солдаты частей 1-й бригады (во главе со штабс-капитаном Гуманюком) и вторая — для осмотра госпиталей с солдатами 3-й бригады (во главе с полковником Бромовым). Обследовав 65 госпиталей с русскими ранеными и больными, комиссия установила следующее. В 8 госпиталях (где находилась треть общего числа русских раненых и больных) комиссия получила ряд жалоб: недоброкачественная пища, неопрятные помещения, невнимательное отношение со стороны французского медперсонала, причем недовольство этими недостатками высказывали и сами французские пациенты, лечившиеся *вместе* с русскими в одних палатах. В 49 госпиталях (где находился 61% от общего числа русских раненых и больных) комиссии практически никто не жаловался. Только 7 госпиталей (где находилось 10% от общего числа русских раненых и больных) были признаны образцовыми[571]. Комиссия также установила редкие факты «небрежного отношения к делу» французскими врачами своих прямых обязанностей по отношению к русским солдатам (отмечались случаи выписки солдат даже медсестрами или в качестве наказания для особо провинившихся солдат), но отметила, что «...подавляющее большинство госпиталей является совершенно [достаточно. — М.Ч.] оборудо-

---

[569] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 246.

[570] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 25 (о пьянстве среди раненых в госпиталях см.: там же, с. 31). О несоблюдении дисциплины русскими ранеными и их нарушении госпитального режима с конца 1916 г. по весну 1917 г. см.: там же, ф. 15304, оп. 2, д. 29, л. 45, 50-54, 56-58.

[571] Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 33об.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ванными в медицинском отношении...» и везде есть врачи-специалисты, в т.ч. хирурги[572]. Комиссия также не нашла подтверждения ни одному случаю, когда солдат-пациентов заставляли делать работу, которую они не могли делать из-за своих ранений или болезней. Более того, был установлен факт, когда русские солдаты, могущие заниматься чисткой картофеля, отказались от этого, «...сложив эту обязанность на французских же товарищей [т.е. французских раненых солдат. — М.Ч.]»[573]. Разумеется, подобные случаи никак не могли положительно влиять на установление добрососедских отношений между русским и французами, точно также как пренебрежение французского медперсонала к русским раненым[574].

Вместе с тем положение французских раненых после апрельского наступления 1917 г. по сравнению с русскими было вполне сравнимо, поскольку во время крупномасштабного наступления наступающие войска несли большие потери. Так, вместо прогнозируемых 10-15,0 тыс. раненых, действительные потери ранеными составили св. 90,0 тыс. чел. Особенно напряженными для французских врачей были 16-19 апреля, когда они работали по 24 часа в сутки, делая по 32 операции за день[575]. Французский врач Альбер Мартен рассказывает, как раненых доставляли с передовой до госпиталя в течение 10-12 часов, и многие просто умирали в пути. Нельзя даже вообразить, по словам Мартена, что «творилось в операционном зале военно-полевого госпиталя». Приблизительно четверть раненых умирала не от полученных в бою ранений, а от того, что они не получали вовремя медицинскую помощь. Как справедливо сказал французский исследователь Микель, «солдат, получивший в апреле 1917 г. серьезное ранение, имел мало шансов выжить»[576].

Не удивительно, что русские медицинские службы, которые не были надлежащим образом организованы со времен прибытия русских войск во Францию, не оказались также готовыми к приему раненых в ходе апрельского на-

---

[572] Там же, л. 32.
[573] Там же, л. 33об.
[574] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 117.
[575] RATINAUD J. Op. cit., p. 265; MIQUEL P. Op. cit., p. 333.
[576] RATINAUD J. Op. cit., p. 264-267; MIQUEL P. Op. cit., p. 334.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ступления. Именно подобного рода неорганизованность и стала одной из главных причин возникновения комитетов, выборных старост по инициативе «снизу», и их создание часть французской администрации госпиталей приветствовала даже с радостью[577]. Там, где администрация не признавала комитетов и старост, неизбежно возникал конфликт, которого и возникнуть не могло при условии целенаправленной и методической работы ответственных лиц русской медицинской службы, которые не смогли создать то, что от них требовалось (при условии, если они вообще хотели сделать и делали вообще что-либо полезное для солдат).

Итак, отношение к русским раненым (как и к французским) было плохим, как правило, в первое время после начала наступления, в остальное же время пребывания в госпиталях в большинстве случаев зависело исключительно от субъективных условий, в частности, от работы местной администрации госпиталя. К сожалению, русским солдатам никто не объяснял причины иногда пренебрежительного отношения к ним, наоборот, делались попытки — и успешные — распространения слухов о тяжелых условиях пребывания русских солдат как таковых в госпиталях, что находило питательную почву в солдатской среде вследствие возрастающего недовольства русскими французов.

Как известно, одной из главнейших причин, повлиявшей на возникновение Куртинского кризиса, стала Февральская революция 1917 г. и отречение Николая II, перевернувшие все российское общество. Однако в то время как в феврале-марте 1917 г. в Петрограде происходили важные события, во Франции офицеры и солдаты об этом ничего не знали или получали сведения в виде слухов. Так, Палицын просит Петроград подтвердить информацию об отречении Николая II, но ответа не получает. В результате об отречении императора и его брата русские военнослужащие узнали из французских источников. Например, в приказе по 3-й Особой бригаде № 70 от 23 марта 1917 г. текст отречения Николая II от престола приводился в переводе с французского[578].

---

[577] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 8, л. 31об.
[578] ЧИНЯКОВ М.К. Мятеж в Ля-Куртин, с. 58.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Соответственно, солдаты пытались восполнить информационный пробел, черпая сведения, например, из русских газет, издававшихся в Париже (где события в России толковались от самого умеренного толка до самого крайнего, тенденциозно и с большими искажениями в переводе на и с иностранных языков). Сведения, получаемые солдатами, являлись в большинстве отрывочными и, скорее всего, порождали новые вопросы, чем разрешали старые. Настроения офицеров и рядового состава в эти дни лучше всего высказал Лисовский, назвав состояние русских войск после получения известия об отречении царя «умственным столбняком»[579].

В сложившейся обстановке, т.е. в общей неразберихе, получали большое распространение листовки и прокламации левого толка (в т.ч. пробольшевистского) не только антивоенного характера, но и с утверждением (почти правильным) о том, что русские солдаты были проданы французам за пушки и ружья, что не могло не вызвать роста отрицательных эмоций среди рядового состава Особых бригад.

Именно революционное сознание и революционность русских солдат Особых бригад, по мнению большинства авторов мемуаров, изданных в СССР (Игнатьев, например, рассматривал Куртинский кризис только как свершившийся факт) и советских исследователей, и стали главнейшими причинами возникновения массового неповиновения в лагере Ля-Куртин. Об этом же говорит и французский исследователь Адан[580]. Так, Кидяев пишет: «Загнанный в подполье революционный дух вырвался наружу»[581]. Лисовенко: «...революционное сознание значительной части солдатской массы 3-й бригады заметно отставало от революционного сознания солдат 1-й бригады»[582]. По словам Малиновского, Балтайтис сказал: «...революционное сознание у нас куда выше» (чем у фельтенцев)[583].

---

[579] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 263.
[580] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p.
[581] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 31.
[582] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 82-83.
[583] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 275.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Но что такое «революционное сознание»? Этому термину ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни Ленин не дают точного определения, и этот вопрос является одним из самых малоизученных в отечественной историографии. Вместе с тем нельзя не заметить, что именно революционное сознание является ключевым к пониманию коренных причин Куртинского кризиса (не говоря уже о коренных причинах революций вообще и революций в России в частности). Если определить революционное сознание как часть сознания в его классическом философском понимании, — например, как понятия, обозначающего не только готовность, но и активное участие человека (группы людей) в кардинальном переустройстве социальных основ общества, возникает следующий вопрос: как отличить человека (группу людей) с подлинно революционным сознанием от человека (группы людей), желающим (желающими) изменения этого основ общества в корыстных целях или действующими неосознанно вместе с человеком (группой людей) с подлинно революционным сознанием?

Совершенно понятно, что об истинных мотивах, подвигающими человека (группу людей) на тот или иной шаг, в действительности знает только этот человек (группа людей), все поступки и помыслы которого (которых) внешне будут соответствовать указанному определению. Можно ли говорить о массовом революционном сознании или о революционном сознании группы людей, которые ведут других — основную массу (в основном, возможно, безучастную) — за собой? Можно ли считать офицеров-декабристов и солдат, которых они вывели на Сенатскую площадь, людьми с революционным сознанием (и в равной ли степени, если это возможно), учитывая разницу в их образовании, интеллекте, кругозоре и целей, которые они преследовали, — тема о том, разделяли ли солдаты (и насколько) передовые взгляды офицеров, остается открытой, не говоря уже о том, насколько сами офицеры-декабристы были людьми с истинно революционным сознанием, особенно в случае с полковником С.П. Трубецким и капитаном А.И. Якубовичем. Если мы признáем наличие революционного сознания у Трубецкого, чем же объяснить его действия 14 декабря 1825 г.? Если мы не признаéм у него наличие революционного сознания, следовательно,

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

можно ли его признать революционером? Но кого тогда считать революционером?

Когда возникает и исчезает революционное сознание (при условии, если оно вообще способно исчезнуть)? Можно ли определить уровень развития революционного сознания (например, больший или меньший), и по каким критериям?

Следовательно, пока в полной мере не исследован термин «революционное сознание», применять его относительно Куртинского кризиса признается нецелесообразным.

При исследовании глубинных причин Куртинского кризиса не меньше вопросов возникает и при определении термина «революционная пропаганда» (который также встречается как у очевидцев тех событий, так и у исследователей истории Особых бригад)[584], а также при попытке отличить революционную пропаганду от антивоенной. Любая ли антивоенная пропаганда всегда будет составной частью революционной (и частью революционного сознания)? На первый взгляд, ответ на эти вопросы кажется логичен: антивоенная пропаганда становится составной частью революционной только во время революции. Но если Февральская революция была скоротечной (февраль-март), и последующая «демократизация армии» выходит за ее рамки существования, получается, что революционная пропаганда может существовать вне каких бы то ни было рамок, т.е. тогда, когда она выгодна тем или иным политическим силам, либо просто называться таковой последними же.

С другой стороны, если революционная пропаганда (в классическом ее понимании) направлена против монархического (либо буржуазного) государства, она неизбежно становится по своей сути антигосударственной. Соответственно, можно ли под революционной пропагандой понимать любую антигосударственную пропаганду вообще (а именно так и получается, поскольку любая революционная пропаганда всегда будет направлена против любого существующего строя)? В каком соотношении между собой сосуществуют антивоенная, рево-

[584] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 36; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 134.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

люционная и антигосударственная пропаганда (при условии, что речь идет о разных видах пропаганды)? Из каких других частей (кроме антивоенной) состоит революционная пропаганда, и в какой пропорции (не говоря уже о том, как можно определить эту пропорцию)?

Получается, что революционная пропаганда (как и революционное сознание) — понятие более чем абстрактное, и любая пропаганда против существующего строя становится революционной тогда, когда это выгодно определенным политическим партиям, принимающим активное и непосредственное участие в ее создании и распространении. Почему любая антивоенная пропаганда во время Великой Отечественной войны была бы признана (и признавалась) антигосударственной (но только не революционной), а во времена Первой мировой войны считалась если не абсолютно революционной (как фактически и было), то, по крайней мере, частью революционной? Почему движение против войны в наполеоновской Франции (на фоне кризиса в экономике) в январе-марте 1814 г. нельзя назвать революционным?

В итоге можно сказать, что на сегодняшний день без выработки четких и ясных терминов «революционное сознание», «революционная пропаганда» («революционизирование солдатской массы»[585] и других смежных понятий) нельзя говорить о революционном движении (понятие, также требующее дополнительных уточнений) в частях Особых бригад. Куртинский кризис следует рассматривать только с точки зрения его антивоенной составляющей, иначе говоря, Куртинский кризис следует рассматривать как типичное неповиновение (мятеж, бунт) солдат одной отдельно взятой армии против военного командования во время войны в условиях более чем нестабильной политической обстановки (т.е. между Февралем и Октябрем 1917 г.), — носившего небывалый масштаб не только применительно к Русской Армии, но и любой европейской армии. По своему характеру Куртинский мятеж подобен «Семеновской истории» 1820 г., которую даже в советской историографии не называли частью революционного движения, в отличие от восстания на броненосце «Потемкин-

[585] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 73.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Таврический» или на крейсере «Очаков», проходивших во время Первой русской революции 1905-1907 гг.

Итак, основные причины возникновения Куртинского мятежа можно условно подразделить на две группы: объективные и субъективные. К первой группе относится, прежде всего Февральская революция 1917 г., оказавшая самое огромное и колоссальное влияние на становление Куртинского кризиса (в части распространения антивоенной пропаганды и падение авторитета воинских начальников), и не менее кардинальные ее последствия для Русской Армии, в частности, связанные с введением в действие Приказа №1 (не имевшим юридической силы для Русской Армии в целом и тем более для русских войск во Франции, поскольку он был издан только по гарнизону Петроградского округа). Во-вторых, национальные особенности русского человека, заключающиеся в его социальной неустойчивости не только в экстраординарных условиях (во время войны), но и усугубленных длительностью военного конфликта (во время Первой мировой войны Русская Армия — как и все другие европейские армии — *впервые* столкнулась со столь затяжными военными действиями) и наличием противника, потенциально имеющего значительное превосходство в качестве живой силы и техники (в похожих условиях, спустя 25 лет, будет издан приказ №227). В-третьих, глубокие противоречия между офицерским корпусом и рядовым составом (приведшие к едва ли не первому убийству офицера в Русской Армии во время Первой мировой войны своими же подчиненными на глазах массы солдат). В-четвертых, противоречия внутри самого офицерского корпуса.

К субъективным можно отнести, во-первых, ностальгию по России (также весьма специфическая особенность русского человека). Во-вторых, постоянно возрастающая с мая 1917 г. нетерпимость французов к русским (вылившаяся после разрешения Куртинского кризиса в открытую ненависть) и наоборот. В-третьих, умело организованная пропаганда в распространении ложных либо непроверенных сведений (особенно о положении русского солдата во французских госпиталях). В-четвертых, неэффективная работа военных властей не

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

только в деле сохранения и поднятия боевого духа, но и в организации тыловых служб, в частности, медицинской.

Итак, можно выделить следующие особенности Куртинского кризиса. Прежде всего, главная особенность состояла в том, что он протекал на фоне общего антивоенного движения в войсках обеих воюющих сторон и, в частности, во французской армии.

Другая, не менее важная, особенность Куртинского кризиса заключалась в разном социальном происхождении русских войск во Франции. Полки 1-й бригады были составлены в основном из фабрично-заводских рабочих (1-й полк — из московских, 2-й полк — из самарских), причем московские рабочие имели, как говорилось в одном донесении, «большой навык к массовым политическим выступлениям»[586] и к прочим «эксцессам» периода 1905—1906 гг. Именно 1-й полк и стал ядром неповиновения воинским начальникам: по словам Занкевича, 2-й полк был «игрушкой» в руках 1-го[587]. Вполне возможно, что рабочие, составлявшие 1-й полк, участвовали в событиях декабря 1905 г. и вообще имели опыт стачечной борьбы, т.е. в массе были более организованными и мобильными и имели опыт борьбы с властью как таковой. Полки 3-й бригады состояли из крестьян Уфимской, Казанской, Оренбургской губерний, более консервативно настроенных как крестьяне вообще.

В «Обвинительном акте по делу о беспорядках в частях 1-й Особой пехотной дивизии, имевших место в лагере Ля-Куртин» от 7 ноября 1917 г. (очень знаменательная дата!), составленным специально прибывшим во Францию военным прокурором полковником Ю.И. Лисовским, указывается: «Как на одну из причин главенства 1-го полка в развернувшихся впоследствии событиях, данные предварительного следствия указывают на состав солдатского комплекта этого полка, формировавшегося в Москве, и заполнившего свои ряды большим количеством фабричных и заводских рабочих, конторщиков, приказчиков и др. лиц так или иначе прикосновенных к городам и общественной жизни

---

[586] Там же, с. 80; ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 87; АРДАШЕВ М. Указ. соч., с. 69.
[587] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 9.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

представляющих собой элементов т.н. "полуинтеллигента". Несмотря на то, что последний элемент был в известном количестве представлен и в других полках русского отряда во Франции, он в 1-м полку оказался в значительно большем количестве по отношению к солдатам из крестьян-земледельцев, которые в общем, во всех русских войсках представляют большинство»[588]. Вместе с тем нельзя не учитывать и более глобальных причин в социальном конфликте между солдатами обеих бригад: это был конфликт города и деревни, конфликт между ментальностью рабочего и ментальностью крестьянина, — иными словами, среди частей Особых бригад существовало отсутствие социальной почвы для взаимного сближения.

Третья особенность состояла в наличии в 3-й бригаде боевой сплоченности солдат и офицеров — как говорилось выше, части 3-й бригады комплектовались путем выделения целых рот из действующих полков. Части 1-й бригады (за исключением части унтер-офицерского и офицерского состава) не имели боевого опыта, и, соответственно, оказались более подверженными антивоенной пропаганде (особенно 1-й Особый полк).

Соответственно, возникновение Куртинского кризиса было предопределено комплексом причин военного, политического и социального характера.

[588] Там же, ф. 15223, оп. 1, д. 35, л. 8-8об.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

§2. Куртинский кризис (май-август 1917)

В данном параграфе необходимо исследовать ход Куртинского кризиса, выявить и указать его этапы, их характерные черты, причины раскола 1-й Особой пехотной дивизии, численность фельтенцев и куртинцев после этого раскола, дать характеристики некоторым важнейшим предводителям мятежа, проанализировать особенности кризиса.

* * *

23 апреля Париж, опасаясь «вредного влияния» русских войск, разложенных «революционной пропагандой», и проявляя серьезную озабоченность положением в этих войсках, предписал расположить части Особых бригад не в Майи, как ожидалось, а в разных населенных пунктах прифронтовой полосы, «на некотором удалении от городов»[589]. Таким образом, части 1-й и 3-й бригад оказались под г. Эперне (департамент Марна), в 25 км южнее Реймса.

По прибытию на новое место русское командование попыталось возобновить военные занятия и готовить бригады к новому выступлению на фронт, о чем 31 апреля сообщил Лохвицкий. Однако Марушевский, соглашаясь с Лохвицким насчет морального состояния войск, 1 мая (речь идет о дате по новому стилю) говорил следующее: «Боевой дух русских войск превосходен, но солдатам необходимо объяснить события в России, чтобы в их умы не проникли ложные идеи, другими словами, необходимо заняться политическим воспитанием (éducation politique) войск посредством собраний и бесед»[590]. Таким образом, даже высшее русское военное командование допускало возможность «политической пропаганды» войск, пытаясь использовать ее в своих целях, но, возможно, абсолютно не понимая всех последствий подобного рода действий. Даже Временное правительство способствовало проникновению антивоенных и большевистских идей в солдатскую массу[591]. В части Особых бригад (и в госпитали) хлынули агитаторы с антивоенными и пацифистскими взглядами. Как сказал А.И. Деникин (тогда начальник Генерального штаба), «приехали новые

---

[589] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 98. См. также: ДЮКЛО Ж. Указ. соч., с. 84.
[590] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 97.
[591] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 266-267.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

люди, с новыми речами — такими соблазнительными и многообещающими, освобождающими солдата от повиновения и дающими надежду на немедленное устранение смертельной опасности». В итоге началось полное разложение русских войск — как во Франции, так и в России. Итак, нельзя сказать, что вклад в развал Особых бригад (как части Русской Армии) вносила какая-то одна партия.

Среди агитаторов должны были находиться и большевики, придававшие огромное значение работе с рядовым составом армии и флота, но их точный процент установить весьма сложно, если даже вообще невозможно. (К тому же ни солдаты, ни офицеры совершенно не разбирались в политических взглядах большевиков, меньшевиков, эсеров или кадетов.) Да дело и не в этом. Главное состояло в том, что проживавшие во Франции многочисленные эмигранты, представлявшие разнообразную политическую гамму России, старались прежде всего «распропагандировать» солдат, желая не столько сделать из них своих адептов, а сколько вбить мощный клин в отношения между рядовым составом Особых бригад и командованием.

Первый серьезный факт неповиновения в 1-й Особой дивизии произошел у замков Монмор и Бей 14 мая 1917 г. (по старому стилю — 1 мая). Именно 14 мая и следует считать отправной точкой Куртинского кризиса. В этот день должен был состояться очередной митинг, на который было приказано явиться без оружия, но по призыву солдатского комитета 1-го Особого полка некоторые роты этого полка и 2-го полка прибыли с винтовками в руках (и без офицеров) и под десятком красных знамен, на которых были написаны лозунги: «Долой войну!», «Свобода», «Свобода, Равенство, Братство» и пр. «революционными лозунгами». 3-я Особая бригада, напротив, приказ выполнила. На митинг прибыли Палицын и Лохвицкий, попытавшиеся обратиться к солдатам с речью о необходимости продолжения войны, но солдаты в буквальном смысле слова освистали Палицына (спустя десять дней он убыл в Россию), хотя Лохвицкому удалось обратиться с речью к собравшимся, что может свидетельствовать о некотором его личном влиянии на рядовой состав. Никаких наказаний за массовое

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

неповиновение 14 мая и за последующие майские митинги не последовало, что, разумеется, вдохновило их организаторов. Подобные случаи неповиновения командирам в мае стали только увеличиваться. В течение всего мая значительное число солдат 1-й бригады под воздействием комитета 1-го Особого полка успешно отказывались принять участие в занятиях для подготовки выступления на фронт.

В первой половине мая, в соответствии с приказом по военному ведомству № 213 от 29 апреля 1917 г. «Положения о ротных, полковых и армейских комитетах» (дошедшего с опозданием до Особых бригад), солдатские комитеты русских войск во Франции получили статус легальных, что лишний раз ознаменовало победу «максималистских» элементов над командованием. Особенность создания комитетов среди Особых бригад заключалась в том, что первоначально были созданы только ротные и полковые комитеты (без бригадного), а «общедивизионный» комитет (под названием «Отрядный исполнительный комитет русских войск во Франции») был создан только в начале июня, после сведения двух бригад в 1-ю Особую дивизию. С образованием ротных и полковых комитетов была развернута большая работа просветительского характера для повышения культурного уровня солдат. Насколько эта работа находила отклик среди солдатской массы, неизвестно, но Малиновский напротив строк Лисовенко — «Как правило, в ротах ежедневно стали проводиться беседы на политические темы, читки художественной литературы и исторических романов. Особенно нравились солдатам произведения Пушкина и Бальзака, которые удалось добыть в библиотечных фондах русских колоний Парижа, Марселя и других городов»[592] — приписал: «Чепуха, выдумка автора».

Кроме того, в компетенцию комитетов входили вопросы подержания дисциплины, и в первое время комитеты старались строго следить за дисциплиной, взывая к «революционной сознательности». В этих вопросах, по крайней мере, не всегда и не везде, комитетам удавалось добиваться больших успехов. Так, в приказах по лагерному сбору в Майи (где еще оставались 2,5 тыс. чел марше-

[592] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 94. См. также: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 103.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

вых частей, не участвовавших в апрельских боях, 300 больных и раненых и тыловые части)[593] № 9 от 27 апреля, № 10 от 28 апреля, №14 от 6 мая, №19 от 25 мая постоянно напоминалось о соблюдении дисциплины, приводились яркие примеры ее нарушения, но о наказаниях за проступки почти ничего не говорилось[594]. Судя по словам командующего Восточной группой армий генерала Н.-Э. Кастельно (к зоне ответственности которого относились Особые бригады), когда комитеты не отвечали намерениям определенной части солдат, их сразу же переизбирали[595].

20 мая 1917 г. Петен издал приказ о переводе Особых бригад в лагерь под Нефшато (департамент Вогезы), со строжайшим указанием изолировать их от французских частей и местного населения. 25-27 мая части бригад прибыли на новое место дислокации.

Невзирая на общую тягостную обстановку, русское военное руководство не оставляло надежд пыталось восстановить боевой дух войск, что делает честь командованию. В конце июня — начале июля для содействия реорганизации армии на «...демократических началах и в революционном духе... и укреплению боеспособности армии... содействия установлению в армии революционной дисциплины, урегулированию отношений командования и солдат...»[596] комиссаром 1-й Особой дивизии (с правами армейского комиссара действующей армии на русском фронте) был назначен эмигрант Е.И. Рапп, воевавший в рядах французской армии с сентября 1914 г. до января 1917 г., меньшевик и «социал-предатель», не пользовавшийся авторитетом в войсках[597].

Лохвицкий (Марушевский к этому времени уже убыл в Россию) неоднократно призывал офицеров «быть ближе» к солдатам, которые в мае уже находились вне поля деятельности своих командиров. Так, на призывы одного из офицеров выйти на занятия, один из солдат ответил: «Что-то сегодня слишком

---

[593] Ibidem., p. 112.
[594] РГВИА, ф. 15222, оп. 1, д. 8, л. 6, 7, 12, 14, 20.
[595] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 104-105, 119.
[596] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 32.
[597] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 79; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 87.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

жарко... Иди и занимайся сам, если хочешь!»[598] В местах сосредоточения войск постоянно созывались митинги, на которых умелые ораторы воздействовали на солдатскую массу, где агитировали за возвращение в Россию, — лозунг, ставший краеугольным камнем антивоенной пропаганды среди рядового состава Особых бригад. Как вспоминал Замотин, каждый говорил, что хотел[599].

Итак, в июне вокруг частей Особых бригад сложилась критическая ситуация. В главной французской штаб-квартире «русский вопрос» старались вообще не замечать, надеясь на то, что все образуется «само по себе». Иллюзии развеял Кастельно, лично посетивший 4 июня Особые бригады в лагере под Нёфшато и убедившийся, что, во-первых, русские офицеры не имеют контроля над подчиненными; во-вторых, войска утратили дисциплину и, как результат, их необходимо отправить в Россию. Этого мнения придерживался и преемник Палицына Занкевич.

Для дальнейшего разрешения проблемы с русским военным контингентом Париж решил временно разместить их в одном из двух лагерей внутренних военных лагерей Франции — либо в Кёткидан или Ля-Куртине. 28 мая французское военное руководство остановилось на втором варианте, — Ля-Куртине (департамент Крёз), где русскому командованию следовало реорганизовать войска и начать с ними военные занятия «...в спокойной обстановке, благоприятной для умиротворения умов (en toute tranquillite d'esprit)»[600].

С 18 июня на железнодорожную станцию Куртин из лагеря под Нёфшато начали прибывать первые части 1-й Особой бригады, а 5 июля прибыли части 3-й Особой бригады: 137 офицеров и 7.176 солдат 1-й бригады, 113 офицеров и 6.504 солдат 3-й бригады и 39 офицеров и 2.507 солдат маршевого батальона (по штатам 1-й Особой дивизии в ее состав вместо двух бригадных маршевых батальонов входил только один), — всего 289 офицеров и 16.187 солдат (при 1.718 лошадях)[601]. Лисовенко указывает практически те же цифры, но завышает

---

[598] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 129.
[599] Ibidem., p. 131.
[600] Ibid., p. 112.
[601] Ibid., p. 122, 123; GILOUX L.-Y. Op. cit., p. 148. Эти данные Адан и Жилу позаимствовали у Пуатевена, по сведениям которого в лагере находились еще французы: 29 офицеров и 142 солдата при 21 лошади

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

численность рядового состава 1-й бригады (10.300 солдат)[602], что можно объяснить желанием автора увеличить количество оставшихся в Куртине после вывода из него частей 3-й бригады в «политических» целях.

Части 1-й Особой дивизии прибывали не только со стрелковым вооружением, но и артиллерией (37-мм пушками и траншейными мортирами); после подавления мятежа из лагеря было вывезено восемь вагонов с оружием. Власть русского военного командования была уже настолько призрачной, что никто даже не отважился отдать приказ на разоружение войск. Тем более, ввиду мятежей в собственной армии, на эту меру не решилось и французское командование.

Отныне 1-я Особая пехотная дивизия выводилась из состава действующей армии и передавалась в подчинение тылового управления командующего XII военным округом генерала Л. Комби, назначившего военным комендантом лагеря подполковника французской службы Фарùна.

Хотя командующий XII военным округом, в чье ведение входил лагерь, был высокого мнения о лагере, он не мог вместить все части Особых бригад. В каменных казармах (в качестве первых прибывших) разместились части 1-й Особой бригады, части 3-й — в 10-местных палатках, что уже не могло не вызвать лишнего повода для неприязни и раздражения у одной бригады к другой.

Спасти дивизию уже было почти невозможно. Она постепенно превращалась в самоуправляемую вольницу со своими законами и обычаями. Препровождая русских солдат в тыл, французское командование обрекало их на бездеятельность и анархию, которая охватила 1-ю Особую дивизию, и прежде всего 1-й Особый полк; но иначе поступить французские генералы не могли. Вместо военного командования власть в полках захватывали солдатские комитеты. Комитет 1-го полка возглавил Ян (Янис) Янович Балтайс (Болтайс или Балтайтис) — «лютеранского вероисповедания, Курляндской губернии, Добленского уезда

(POITEVIN P. Op. cit., p. 11). Практически те же цифры указываются в приказе по 5-му полку № 183 от 18 июня 1917 г. (РГВИА, ф. 15225, оп. 1, д. 2, л. 16об). По другим данным, в Куртине разместилось 135 офицеров и 16.187 тыс. солдат двух бригад (PETIT P. Op. cit., p. 19).

[602] Всего — 318 офицеров и 18.687 солдат (ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 91). Эти данные следует признать сомнительными, поскольку у Лисовенко не было доступа к французским архивам (но, ссылаясь на книгу Пуатевена, он оставил без внимания его цифры).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

[ранее. — М.Ч.], не судился», секретарем стал Михаил Иванович Волков — «православный, Волоколамского уезда, Московской губернии, [ранее. — М.Ч.] под судом и следствием не был»[603].

По некоторым сведениям, 28-летний рядовой (или ефрейтор) 8-й роты 1-го полка Балтайс, 17-летний участник революционных событий 1905 г., еще до Февральской революции подозревавшийся в связях с германскими агентами, и французские военные власти в январе 1917 г. требовали его выдачи, но командир 1-го полка Нечволодов отстоял его[604].

Из показаний унтер-офицера Кутковского прокурору Лисовскому осенью 1917 г. из «Обвинительного акта»: «В письмах Балтайса [в «Обвинительном акте» респондент и точная дата отсутствуют; предположительно письма написаны не позже января 1917 г. — М.Ч.] с поразительной точностью перечисляется количество войск и артиллерии на фронте, как союзническом, так и немецком и определяется численность всех войск, каковые должны были принимать участие в весеннем наступлении со стороны обеих воюющих сторон»[605]. Встает закономерный вопрос: как простой русский унтер-офицер мог оценить «поразительную точность» войск на своем и вражеском фронте? Допустим, что Кутковскому сами агенты сказали о «поразительной точности» войск, но откуда они могли узнать эти сведения? К сожалению, прокурор не опросил другого важного свидетеля — командира 1-го Особого полка Нечволодова, также общавшегося с французскими полицейскими, прибывшими в расположение русских войск арестовать Балтайса.

Личность самого Балтайса заслуживает отдельного внимания. Несомненно, его разрушительная деятельность, направленная против командования, очевидна. Все — и русские, и французские очевидцы и современники — сходятся в одном мнении: Балтайс был центральной фигурой в событиях мая-июля 1917 г. Однако был ли он истинным «ленинцем», т.е. истинным большевиком? Действительно ли он имел связи с революционерами в Швейцарии и Париже, о кото-

---

[603] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 35, л.16. На всем протяжении книги Лисовенко почему-то называет Балтайса (Балтайтиса) Оалтайтисом, — ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 93, 139, 141.
[604] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 41.
[605] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 35, л. 13.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

рых не раз говорил[606]? Прав ли был корреспондент Ардашев, свидетельствовавший о связях Балтайса «...с товарищами по РСДРП»[607]? Убедительных подтверждений данной версии пока найти не удалось, за исключением некоторых косвенных данных. Например, Вавилов пишет, что Балтайс «*склонялся* [выделено мной. — М.Ч.] к большевизму»[608], следовательно, по его мнению, не был истинным большевиком, а, скорее всего, сочувствующим. (Современный отечественный исследователь Павлов также не считает Балтайса большевиком, но доказательств в поддержку своего мнения, как и в случае утверждения, что Николай II поддерживал отправку русских войск в Европу, не приводит.)[609] Не исключено, что Балтайс «своеобразно» придерживался идей большевизма, то есть взял («вырвал») из ленинских положений лишь антивоенную составляющую (которая была явной доминантой в большевистской пропаганде), более понятную ему как солдату — например, требование прекратить войну и заключить мир; соглашался ли Балтайс с другими постулатами ленинского (или какого-либо другого) учения, неизвестно. С другой стороны, антивоенная тема во время любой войны никогда не может являться прерогативой какой-либо одной партии (или нескольких). Идей мира придерживались, например, левые эсеры, анархисты. Для того чтобы выступать во время войны за мир, вовсе не требуется принадлежать к политической партии, особенно если этот человек достаточно грамотен, образован и коммуникабелен. Очень вероятно, что именно таким человеком и был Балтайс.

Тем более в обращении к солдатам после своей «отставки» Балтайс высказывал мысли, не вписывающиеся в его образ как твердого большевика. Совершенно очевидно, что личность Балтайса и его деятельность еще не изучены подробно. О нем можно встретить противоречивые оценки: от отечественных работ недавнего прошлого, где Балтайс изображен как борец за солдатские пра-

---

[606] По данным Власова, Балтайс имел в Швейцарии дядю, с которым состоял в переписке (ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 41). По некоторым сведениям, знал несколько языков, — АРДАШЕВ М. Указ. соч., с. 62.
[607] Там же, с. 77.
[608] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 39.
[609] ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы, с. 57.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ва, до трудов эмигрантов Русского зарубежья, где Балтайс предстает перед нами в совершенно ином свете.

По свидетельству очевидца, члена полкового комитета 1-го полка солдата 2-й пулеметной роты Н.С. Бережного Балтайс, «как человек остроумный сдержался [старался. — М.Ч.] удержать солдат от резких выступлений», выступал за занятия, поскольку «в будущем через них можно будет выразить свой протест»[610]. Довольно любопытные строки можно прочитать в обращении Балтайса (ранее никогда не публиковавшегося) к солдатам по поводу отставки, где его деятельность предстает перед нами несколько в ином ключе, чем можно было предполагать: «Я смотрю на состояние солдата, как на состояние временное. Кончится война и оставшиеся в живых вернуться на родину.

Теперь у нас новые условия. Каждый человек лично сам принимает участие в политической, экономической и общественной жизни страны, каждый сам вносит туда свою долю… Вот я и решил, что мы обязаны здесь пока у нас есть время и возможность, научиться чему-нибудь, что после может пригодиться. С этою целью мы учили вас правильно вести собрания, устроили библиотеку, стали издавать “Бюллетень” [в нем публиковались материалы пацифистского характера. — М.Ч.]. Далее разработали план школы грамотности для неграмотных, общеобразовательных курсов для ознакомления интересующихся с важнейшими явлениями в природе и жизни. Наконец учредили комиссию театральную и спортивную, приняли уставы потребительской лавки и ротных касс взаимопомощи. Во все эти учреждения я хотел привлечь вас, товарищи, дабы вы наглядно ознакомились бы с тем, что вас встретит в новой России или что вам самим придется насаждать по деревням. Словом, как при земствах существуют опытные поля, так и эти учреждения будут практическою школою, но не земледелия, а общественности.

Еще другое значение я придавал всем этим начинаниям. Они заполнили бы ваш досуг, вам не пришлось бы *шататься от нечего делать, скучать, и искать развлечения в пьянстве и карточной игре* [здесь и далее выделено мной.

---

[610] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 9, л. 3.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

— М.Ч.]. Напротив они *пробудили бы* в вас интерес к чему либо более высокому, и чистому.

Первый раз вы *помешали моей работе* в начале мая пока я был в Париже. Вы отказались от занятий это обострило наладившиеся между солдатами и офицерами отношения и создало атмосферу, при которой выполнение намеченных мною задач *немыслимо*.

Ваше требование тогда было: дайте нам подходящий лагерь и мы займемся [учебными, строевыми, военными и пр. занятиями. — М.Ч.]. (...) Но вы и в Ля Куртине вновь отказались от занятий. Потребовали отправки в Россию. Я вошел в Исполнительный комитет Отрядного совета, ставший во главе вас, *не потому*, что согласился с вашей тактикою, а *лишь потому*, что в нужную минуту своим советом не дать вам окончательно зайти в тупик. (...) Поставленной... цели мне, следовательно, не удалось исполнить и мое дальнейшее в нем [в комитете. — М.Ч.] пребывание не имеет значения. (...)

Ходатайствовать об отправке в Россию мы могли бы и занимаясь [т.е. участвуя в военных занятиях, следовательно, Балтайс не отказывался от продолжения войны. — М.Ч.]. (...) *я... настоял*, что бы полковой совет 1-го полка высказался бы *за* занятия. (...) Но в ротах нашлись *безответственные люди*, настроили большинство вас против занятий... Вы, товарищи, не считаетесь никогда с оценкой момента. В начале марта, в разгар революции можно было многое брать захватом. Тогда не было законности... Сейчас положение изменилось. Сейчас такая сила у Временного правительства есть и мы вынуждены с нею считаться. ...что это за сила. В России — Совет солдатских и рабочих депутатов, опирающийся на *значительную* часть армии, здесь — французы. В России ленинцы также как и вы не учли этого обстоятельства. *Правительство их разбило и разбило окончательно* [речь идет о т.н. Июльском кризисе 1917 г. — М.Ч.]. С нами если мы не переменим тактики, будет тоже. (...)

Я не хочу сказать, что именно так будет, но я утверждаю, что такой результат возможен.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Теперь, я надеюсь, вы поняли, почему я советовал перейти на другую тактику: безусловно подчиниться Временному правительству и на почве *строгой законности* уже отстаивать свое»[611]. Без сомнения, данный отрывок свидетельствует о наличии образованности у его автора.

Любопытно, что в «Обвинительном акте по делу о беспорядках в частях 1-й Особой пехотной дивизии, имевших место в лагере Ля-Куртин», составленным специально прибывшим во Францию военным прокурором Ю.И. Лисовским[612], нет ни единого слова о добровольном подчинении Балтайса и Волкова приказу генерала Занкевича № 34 от 30 июля 1917 г. (В «Обвинительном акте» нельзя также встретить ни одной строчки о штурме Куртина, за исключением туманных намеков.) Зато прокурор весьма обстоятельно исследует факты «революционной деятельности» и «антимилитарных высказываний» вышеуказанных персонажей (но не представив убедительных доказательств связей Балтайса с некоей организацией, контролировавшей его деятельность — при условии, если они существовали). Ознакомившись с «Обвинительным актом», можно констатировать, что при составлении столь серьезного документа Лисовский (в части обвинения Балтайса, Волкова и др.) во многом руководствовался эмоциями, нежели желанием всестороннего анализа прошедших событий.

Хотя Балтайс сыграл большую роль в мятеже вместе с Волковым (не случайно французские военные власти рассматривали первого как самого опасного организатора мятежа, имевшего огромное влияние на солдат), не стоит переоценивать возможности Балтайса. Для того чтобы иметь стопроцентное влияние на всех солдат (в одной 1-й бригаде их насчитывалось 7-8,0 тыс. чел!) и строгий контроль над претворением в жизнь принятых комитетом решений, требовался, несомненно, мощный централизованный административный (пропагандистский) аппарат, о создании которого за столь короткий срок (Балтайс становится лидером в 1-й бригаде, по его же словам, с апреля 1917 г.) говорить не приходится. Поэтому неудивительно, что часть резолюций и постановлений

---

[611] Товарищам солдатам 1-го Особого пехотного полка (без даты), — Архив автора.
[612] РГВИА, ф. 15223, оп. 1, д. 35, л. 7-17.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Балтайса и его сподвижников (особенно более или менее умеренного характера) подвергались искаженной трактовке лицами, имевшими непосредственное влияние на солдатскую массу (назовем их условно агитаторами), т.е. служившими вместе с ней и бывшими к ней намного ближе, чем Балтайс, и придерживавшимися идей анархии и полного неподчинения командирам. Не случайно Балтайс говорил: «Но в ротах нашлись безответственные люди, настроили большинство вас против занятий». Следовательно, эти люди находились вне сферы влияния (стояли особняком? были его ярыми противниками или независимой группировкой с ультрарадикальными взглядами?) Балтайса, и подчинялись кому-то другому (другим?).

Но даже в советские времена ни один из исследователей не выдвинул версию в пользу существования агитаторов или о каком-либо их лидере, дотоле неизвестном. О Балтайсе (когда его упоминали вообще) всегда говорили как об отступнике от идей большевизма и революции. Лисовенко прямо сообщает о решении Балтайса подчиниться ультиматуму Занкевича от 29 июля как об «отходе от революционной линии»[613].

Тем временем действия агитаторов во время Куртинского кризиса были весьма эффективными. Так, когда председатель ротного комитета 1-го Особого полка И.Ф. Ермин прибыл с заседания Отрядного комитета в роту, намереваясь рассказать о том, что происходило там (в частности, о разделении голосов на тех, кто хотел выполнять воинский долг во Франции и на тех, кто требовал немедленно отправки в Россию), агитаторы ему просто не дали говорить и освистали[614]. Когда 2-я пулеметная рота 1-го Особого полка решила предоставить Временному правительству право решать их судьбу — в Россию, так в Россию, остаться во Франции, так во Франции, — представитель роты (из агитаторов) заявил полковому совету, что рота проголосовала за немедленную отправку домой[615]. Когда поручик 8-й роты 1-го полка Н.Н. Неклюдов пытался вести среди своих солдат под заглушающими его голос крики и свист агитаторов

[613] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 139.
[614] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 9, л. 8об., л. 100об.
[615] Там же, л. 26.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

разъяснительную работу (напомнить солдатам о воинском долге, о необходимости борьбы с немцами), член ротного комитета с явной грустью произнес: «Напрасно, вы господин поручик, здесь говорите... *нас-то не слушают* [выделено мной. — М.Ч.], а вас то тем более»[616].

Поэтому предстоит переосмыслению действия солдатских комитетов Особых бригад, которым в отечественной литературе отводится главная роль в развале русских войск, поскольку не всегда члены ротных (т.е. низовых) комитетов (и даже их председатели) могли оказывать решающее влияние на события.

Как правило, лица, сеявшие беспорядок в частях 1-й Особой дивизии, не занимали никаких постов. Агитаторов было очень немного, но они занимались чрезвычайно активной деятельностью и умели воздействовать на простых солдат, играя на их желании вернуться домой и на общем состоянии усталости (свойственной не только русским войскам, но и войскам по обе стороны фронта). Прежде всего они агитировали за прекращение войны и отправку в Россию, лозунгов о ненависти к «мировой буржуазии» практически не высказывали (что лишний раз подтверждает мнение о преобладающем компоненте во время Куртинского кризиса антивоенной пропаганды). Вопрос о политической принадлежности агитаторов — если она вообще существовала — остается открытым (как и их организация), хотя в данном случае существуют некоторые свидетельства их принадлежности именно к большевикам, а не к каким-либо другим политическим организациям[617]. Солдаты, ушедшие в июле из Куртина, об агитаторах отзывались весьма нелестно: это и солдаты, постоянно отсиживавшиеся в тылу, это и лица, «которые своего имели мало [т.е. не обладали интеллектом. — М.Ч.], как люди слабо развиты и действовали больше всего криком», это и бывший вор, которого солдаты как-то раз чуть было не убили за воровство (а теперь его беспрекословно слушались), это и бывший уголовник-фальшивомонетчик и др.[618].

---

[616] Там же, л. 45.
[617] Там же, л. 12, 34, 77 (об).
[618] Там же, л. 5 (об), 8, 39 (об), 46, 58.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

После прибытия в Куртин частей 1-й бригады, затем 3-й, обстановка в дивизии продолжала сохраняться тревожной. 5 июля (в день прибытия в Куртин частей 3-й бригады) генерал Занкевич докладывал военному министру А.Ф. Керенскому в Петроград об отказе некоторой части дивизии «...приступить к занятиям, имевшим целью боевую подготовку дивизии, заявив через свои организации о нежелании сражаться на французском фронте и требуя немедленной отправки в Россию»[619].

Впрочем, в составе дивизии раздавались голоса некоторых военнослужащих поскорее отправить их на фронт, дабы спасти от бездеятельности и недисциплинированности. Некоторые офицеры и солдаты, не дожидаясь решения дальнейшей судьбы 1-й Особой дивизии, сами подавали ходатайства о переводе их на службу в иностранные армии на передовую.

В итоге в 1-й Особой дивизии быстро образовались две большие группы. Их объединяло только одно — требование возврата в Россию. Но если первая требовала сражаться только в России, вторая выразила согласие принять участие в борьбе и на французском фронте, если прикажет Временное правительство. Первого мнения придерживалась большая часть всех русских солдат 1-й Особой дивизии (преимущественно 1-я Особая бригада). Думается, подлинное желание этих войск сражаться в России вызывает большие сомнения. Один из мятежников так и сказал: «...и в России не пойдем на фронт, потому что я свободный гражданин и если меня убьют, то на какой черт мне свобода»[620].

Трения между обеими бригадами начались сразу же по прибытии 5 июля 3-й бригады в Куртин. На вокзал, к высаживающимся из поездов частей 3-й бригады прибыла делегация от 1-й бригады, принявшаяся увещевать прибывших присоединиться к 1-й бригаде и прогнать всех офицеров. Однако этот зондаж успеха не имел: «...слишком глубоко удалось заронить реакционным офицерам дурман верноподданничества в души бывших крестьян Уфимской губернии»[621].

---

[619] Там же, ф. 15223, оп. 1, д. 18, л. 38.
[620] Там же, оп. 2, д. 9, л. 19об.
[621] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 254.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Вечером 5 июля (или 6 июля), во время митинга, на котором присутствовало св. 5,0 тыс. человек (в т.ч. несколько сотен солдат 3-й бригады) произошел один неприятный инцидент, резко обострivший взаимоотношения между бригадами. Солдаты из 1-й Особой бригады избили и арестовали командира 1-й пулеметной роты 5-го Особого полка 3-й Особой бригады штабс-капитана В.Н. Разумова. Узнав о нападении, солдаты из его роты приготовились выручать ротного, и даже расчехлили пулеметы. Однако благодаря своевременному вмешательству русского коменданта Куртина подполковника Гринфельда инцидент был пресечен[622]. Весьма примечательно, что исполком полкового комитета 1-го полка (где председателем был Балтайс) вынес суровую резолюцию по этому инциденту, постановив, чтобы впредь подобных случаев больше не повторялось. В противном случае исполком грозил собственной отставкой. В резолюции, в частности, говорилось, что свобода состоит в том, чтобы «слушать то, чего тебе не нравится»[623].

Желая впредь не допустить подобных инцидентов, по прибытии в Куртин 7 июля генерал Занкевич решил отделить лояльные ему подразделения от взбунтовавшихся солдат, издав по этому поводу специальный приказ №15. Поэтому утром 8 июля часть солдат отправилась из Куртина в пустую деревню Мендрен (Мандрен) с полуразвалившимися домами, в 9 км севернее Куртина, чтобы обезопасить рядовой состав 3-й бригады от разлагающей их боевой дух пропаганды агитаторов 1-й бригады и привлечь сюда самые надежные элементы 1-й бригады[624].

Раскол дивизии произошел не по желанию руководства дивизии, а вопреки ему, вследствие разрушительной «антимилитарной» пропаганды, проводимой

---

[622] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 61; там же, ф. 15225, оп. 1, д. 2, л. 86. На похожие обстоятельства указывает и Кидяев, но при этом высказывает совершенно неправдоподобную историю: когда один офицер, обозвавшего красные флаги «красными тряпками» (Разумов), «из общей массы возмущенных солдат некоторые бросились было на офицера, но руководители манифестации призвали их к порядку» (КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 38). Французский журналист Ш. Штебер, рассказывая об этом инциденте, как он сам говорит, со слов очевидцев, приводит не менее фантастические домыслы о том, что Разумова (которого он называет офицером-пулеметчиком) арестовали и посадили под арест собственные солдаты, а отпустил его солдатский комитет, проявив некую добрую волю по отношению к Разумову как офицеру (La Patrie humaine. 19.12.1934). В эти данные верит и Адан, — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 130.

[623] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 62.

[624] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 125.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

определенной группой лиц, заинтересованной в подобного рода событиях, поставив командование дивизии перед фактом раскола как такового. Совершенно очевидно, что в сложившихся условиях Лохвицкому и Занкевичу не оставалось ничего другого, чтобы во имя спасения порядка и дисциплины в частях, еще остававшихся верными воинскому долгу, отделить их от источника антивоенной пропаганды. Эти действия военного руководства осуждались «революционно настроенными» авторами воспоминаний[625]. Вместе с тем, следуя логике этих мемуаристов, командование должно было просто пассивно взирать на происходившее, что дало бы почву для того, чтобы быть обвиненными в пассивности, как минимум, со стороны своих противников. Если эти мемуаристы оставляют за собой право на активные действия, считая их единственно правильными, почему они отказывают противоположной стороне в проведении других действий, не менее активных?

Если действия любого командования (в данном случае 1-й Особой дивизии) по сохранению и поддержанию дисциплины среди подчиненных признать, как может показаться на первый взгляд, «контрреволюционными»[626], следовательно, можно ли назвать «контрреволюционными» соответствующие меры руководителей любой партии (например, считающей себя революционной партией) по отношении к своим членам, пытающимися противопоставить себя этому руководству или пытающихся не соглашаться с решениями лидеров партии?

По данным Пуатевена, из Куртина вышло около 6,0 тыс. солдат 3-й Особой бригады, а также 100 человек из 1-го полка, 400 человек из 2-го (эти 500 человек из 1-й бригады с оружием и личными вещами ушли не вместе с 3-й бригадой, а присоединились к ней на стоянке в деревне Мендрен в 8 км от лагеря) и все офицеры (за исключением нескольких человек), — около 280 чел[627]. То есть в Куртине должно было остаться приблизительно около 9,5 тыс. человек (с уче-

---

[625] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 98; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 35-36; АЛЕШИН И. Указ. соч., с. 28; КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 37.

[626] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 301; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 100, 101.

[627] POITEVIN P. Op. cit., p. 18. Эти же цифры повторил Адан и Жилу́, — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 125; GILOUX L.-Y. Op. cit., p. 149.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

том маршевого батальона) или 58%, — бо́льшая часть дивизии, но не подавляющая.

Отечественные исследователи А.В. Изоркин и Ф.Ф. Федоров указывают менее достоверную цифру оставшихся в лагере в 13,0 тыс. чел (от общего неизвестного числа)[628]. Автор статьи о восстании русских солдат во Франции Деренковский, ссылающийся на данные сборника «Русские солдаты во Франции» и архивные данные, указывает число ушедших в Фельтен как «несколько тысяч», а количество оставшихся — почти вся 1-я бригада, 600 солдат из 3-й бригады и весь маршевый батальон[629]. В этом сборнике указывается число ушедших — не св. 5,0 тыс., оставшихся — 11,0 тыс.[630], т.е. соответственно 31 и 69%.

Судя по французским данным, предоставленными Павловым, из 6.744 человек 1-й бригады в июле вышло 1.162 человек, из 5.840 солдат 2-й бригады подчинились приказу 4.714 человек, из маршевого батальона (более 3,0 тыс. чел), лагерь покинул 351 человек. Таким образом, по подсчетам Павлова, из 15.584 чел из Куртина ушло 6227 чел, а в Куртине должна была остаться бо́льшая часть 1-й Особой дивизии — 9.357 чел[631] или 60%, что приблизительно соответствует данным Пуатевена. О тех же 9,0 тыс. оставшихся свидетельствуют Данилов (он также утверждает, что из лагеря вышло 7,0 тыс. чел), а также авторы воспоминаний — Пети и Вавилов[632].

По сведениям Лисовенко, в Куртине должно было остаться 10,3 тыс. человек 1-й бригады, 2,5 тыс. солдат маршевого батальона и 700 человек из 3-й бригады, — всего 13,5 тыс. человек или 71% (от общего числа в 18.975 солдат и офицеров)[633]; численность ушедших должна составить 5475 чел. Представляется весьма вероятным, что Лисовенко завысил число оставшихся на 10%. С другой стороны, сам Лисовенко далее утверждает, приписывая высказывание Балтайсу, что численность 1-й бригады превосходит численность 3-й «почти в три

---

[628] ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ Ф.Ф. Указ. соч., с. 79.
[629] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 80.
[630] Русские войска.., с. 7.
[631] ПАВЛОВ А.Ю. Русские экспедиционные силы, с. 64.
[632] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 143; PETIT P. Op. cit., p. 20; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 37. Но при этом Вавилов добавляет, что к 1-й бригаде присоединилось «...несколько тысяч человек из Третьей бригады», — там же.
[633] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 90-91, 125.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

раза»[634]. Следовательно, исходя из данных Лисовенко (13,0 тыс. куртинцев), численность фельтенцев должна была составить около 4,0 тыс., что несколько противоречит его же первоначальным данным.

По данным Власова, из Куртина ушло св. 5,0 тыс. «...офицеров с денщиками, в т.ч. и политических отсталых солдат 3-й бригады...» (без указания числа оставшихся)[635]. Кидяев (который во время раскола дивизии лежал в парижском госпитале) определяет численность оставшихся в 11,5 тыс. чел, а ушедших из лагеря — около 4,0 тыс., соответственно, 74 и 28%. По Кареву из 16,0 тыс. чел двух бригад из Куртина ушло (вместе с офицерами дивизии) около 4,0 тыс. человек (из 5-го и 6-го Особых полков — около 3,0 тыс. чел., из 1-го и 2-го Особых полков — около 1,0 тыс. чел)[636], что составит 75% оставшихся. Иными словами, данные Кидяева и Карева близки к данным Лисовенко.

Козлов пишет, что из 1-й бригады ушло 20-30 человек от каждой роты, «...а то и меньше»[637]. В шести пехотных батальонах двух полков одной бригады насчитывалось 24 роты, что составит, из арифметического расчета в 20 чел, 480 солдат, что соответствует данным Пуатевена. К тому же по сведениям самого Занкевича, из 1-й бригады ушло 200-300 чел, преимущественно из 2-го полка[638]. По другим данным, только из 2-го полка ушло 350-400 чел[639].

Егерев и Малиновский не оставили данных о куртинцах и фельтенцах: первый — по неизвестной причине, второй — по причине нахождения в госпитале (по этой же причине Малиновский вернется в строй только после подавления мятежа).

Итак, количество ушедших из лагеря Ля-Куртин следует определить в 6,0 тыс. человек, оставшихся — 9,0 тыс. (соответственно 40 и 60%). Число ушедших могло быть и больше, но агитаторы, угрожая желающим уйти из лагеря солдатам избиением и смертью, заставляли оставаться многих. Так, по данным свидетеля, опрошенного следственной комиссией в августе 1917 г., когда из

---

[634] Там же, с. 141.
[635] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 98.
[636] КАРЕВ П.Ф. Экспедиционный корпус, с. 78.
[637] КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 25.
[638] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 9.
[639] Там же, л. 70.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

одной роты решили уйти 64 человека, их сразу же освистали, силой отобрали винтовки, чуть ли не сняли с них всю одежду вплоть до сапог. В итоге из 64 желающих покинуть лагерь снизилось до 23 человек (т.е. ушло 36%)[640]. По словам младшего унтер-офицера 10-й роты 6-го полка Е.И. Прокопенко, из всей роты (130 человек) из Куртина хотело уйти св. 100 человек, т.е. практически вся рота (св. 75%), но все они остались, т.к. агитаторы угрожали этим солдатам их «...избить и выбросить из окон»[641]. (Сколько же агитаторов угрожали сотне солдат?) Ефрейтор 12-й роты 2-го полка С.А. Галкин в том же августе показал, что агитаторы «...старались всеми мерами помешать исполнению этого приказа [об отводе части солдат в Фельтен. — М.Ч.], они призывали солдат никуда не уходить»[642].

Следовательно, можно предположить, что желающих уйти из Куртина, но оставшихся там по принуждению, могло насчитываться никак не менее одной трети.

Таким образом, 8 июля можно считать ключевой датой Куртинского кризиса, концом его первого периода и началом второго. Именно после 8 июля происходит окончательный раздел солдат 1-й Особой дивизии на две «фракции» — куртинцев и фельтенцев (позже — курновцев). Характерными чертами первого периода можно назвать созревание причин раскола дивизии, непосредственный его раскол на фоне катастрофического падения авторитета и влияния (точнее, его остатков) офицеров, окончательное превращение частей дивизии из боевой единицы (которую она перестала представлять после апрельского наступления) в неуправляемую офицерским корпусом солдатскую массу, где вся власть принадлежала ее вожакам, а также нежелание Петрограда разобраться с ситуацией. Для французского правительства раскол 1-й Особой дивизии представлял создание очередного очага напряженности на фоне волнений во французской армии (хотя пик их активности со второй половины июня уже начал снижаться).

---

[640] Там же, ф. 15223, оп. 2, д. 9, л. 43.
[641] Там же, л. 55об.-56.
[642] Там же, л. 37. О подобных случаях см.: там же, л. 13, 15, 56, 58; там же, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 69.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Поскольку Мендрен не был подготовлен к пребыванию на ее территории 6,0 тыс. человек и из-за начавшегося 10 июля проливного дождя Лохвицкий обратился к Комби с просьбой выделить им бивак в более чем 10 км севернее, у города Фельтена. Комби отказал, поскольку сомневался в существовании дисциплины среди «верных»; к тому же у Парижа — наверное, в т.ч. у Занкевича как представителя Ставки — не было уверенности в дальнейшем поведении 3-й бригады. Лохвицкий продолжал настаивать, и Комби в тот же день все-таки согласился. Однако в 18 час 30 мин из Парижа пришел приказ о запрещении русским частям выдвигаться куда-либо далее Мендрена. Лохвицкий, получив этот приказ, отказался его выполнять, поскольку настроение подчиненных ему войск было очень неустойчивым, и продолжил движение к Фельтену, остановившись рано утром 11 июля в 2 км от него. Сам Комби вспоминал: «Я пытался понять развитие этой ситуации, складывающейся просто невероятно. Все приказы я получал от генерала Фоша, начальника Генерального штаба, действующего от имени военного министра, но генерал Занкевич [отдававший противоположные приказы Лохвицкому. — М.Ч.] действовал от имени того же министра!»[643].

В течение двух-трех последующих дней после раскола ситуация кардинально не менялась, оказывая негативное влияние на боевой дух «верных» (фельтенцев). Более того, из-за раскола 1-й Особой дивизии местные военные французские власти также жили в неспокойной обстановке, и 14 июля Комби издал приказ сформировать и привести в боеготовность сводный отряд (около 2,0 тыс. чел) при трех артиллерийских взводах (sections) 75-мм полевых пушек. Чуть ранее вокруг лагеря в Куртине французы начали устанавливать посты жандармерии с целью сократить до минимума контакт русских солдат с местным населением, а после прибытия частей 3-й бригады к Фельтену, — и вокруг этого города[644].

---

[643] Цит. по: POITEVIN P. Op. cit., p. 20.
[644] Ibidem., p. 21; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 128-129.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Куртинский кризис продолжал ухудшаться, усугубленный двойственным и нерешительным поведением французских военных властей, в т.ч. самого высокого ранга. С другой стороны, раскол дивизии еще больше укрепил «неподчинившихся» в вере в свою силу.

Пока на глазах русского и французского командования происходил распад 1-й Особой дивизии, Париж вел долгие переговоры с Петроградом по поводу отправки русских войск в Россию[645]. Между договаривающимися сторонами возникли разногласия. Временное правительство не желало прибытия в Россию 1-й Особой дивизии, так как она непременно оказалась бы еще одним источником напряжения в стране. Поэтому Петроград пытался разрешить проблему другими способами. Так, Временное правительство решило послать 1-ю Особую дивизию на Салоникский фронт (Париж не возражал)[646], но из-за нежелания французского командования иметь огромную массу недисциплинированных войск с оружием в руках в одном месте, от данного проекта пришлось отказаться. Не последнюю роль в этом отказе сыграло следующее обстоятельство — не подвергнутые пропаганде «левых», солдаты и офицеры не желали выезжать в Салоники. К тому же французское правительство не обладало необходимым тоннажем для осуществления перевозки 1-й Особой дивизии, а Временное правительство явно не понимало, что могло бы произойти с русскими войсками на Салоникском фронте в случае их объединения[647].

Однако в течение, как минимум, июля в России вопрос о дальнейшем пребывании русских войск во Франции явно не являлся приоритетной темой, поскольку в Совете Солдатских и рабочих депутатов вопрос о пребывании русских войск за границей даже не поднимался. Действительно, полномочный представитель Временного правительства профессора С.Г. Сватиков был прав, называя Особые дивизии «забытыми русскими войсками»[648].

Пока Париж и Петроград обменивались телеграммами, генералы Занкевич и Рапп пытались урегулировать обстановку. Они несколько раз посещали Кур-

---

[645] О желании Пуанкаре отправить русские войска из Франции в Россию см.: POINCARÉ R. Op. cit., p. 232.
[646] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 107; ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 81.
[647] ЧИНЯКОВ М.К. Мятеж в Ля-Куртин, с. 64.
[648] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 30, л. 137, 139. См. также: там же, д. 46, л. 20.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тин, уговаривая солдат сдать оружие и добиться от них повиновения, но все их старания пропадали зря. Через десять дней после раскола дивизии (17 июля) в Фельтен (в 11 час) и Куртин (17 час) прибыл Сватиков. Призывы эмиссара Керенского к войне до победного конца фельтенцы встретили с удовлетворением, а куртинцы отнеслись к Сватикову с неприязнью, «...смотрели хмуро и недоверчиво, курили, даже стоя в первых рядах»[649]. В 20 час Сватиков вместе с Занкевичем встретились с представителями куртинцев (по одному человеку от роты), выразившие «стандартное» требование — немедленную отправку в Россию. Трудно сказать, на что надеялся Сватиков, гражданский человек, призывая к подчинению Временного правительства военнослужащих-фронтовиков, только что прогнавших всех офицеров. Попытки Раппа (при нем находился помощник — прапорщик Н.С. Гумилев, известный ныне поэт)[650], Смирнова, начальника делегации от Совета солдатских и рабочих депутатов, и др. эмиссаров также закончились провалом.

29 июля Керенский в телеграмме № 3172 ознакомил Занкевича с подавлением июльских беспорядков в Петрограде и сказал, что он «...находит необходимым восстановить... порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни. (...) ...приказываю [Керенский — генералу Занкевичу. — М.Ч.] привести к повиновению первую русскую бригаду на французском фронте и ввести в нее железную дисциплину», а затем перевести ее на Салоникский фронт[651]. На основании этой телеграммы Занкевич издает приказ-ультиматум № 34 по русским войскам во Франции от 30 июля, в котором куртинцам было приказано подчиниться Временному правительству.

В результате переговоров делегация от куртинцев во главе с Волковым с Балтайсом предложила, как сказал в одном из писем первый, командованию

---

[649] Цит. по: ГУСАРОВА Л.О. Указ. соч., с. 246. См. также: РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 80. Статью самого Сватикова, в которой он приводит не совсем точные сведения, о русских войсках во Франции см.: Донская волна, 1919, № 4 (32).

[650] 24 августа 1917 г. Рапп ходатайствовал о назначении прапорщика Гумилева при своей особе в качестве офицера для поручений, — РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 101.

[651] Восстание русских солдат во Франции, с. 58.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

дивизии составить комиссию по урегулированию конфликта, составленной из эмигрантов, на что был получен категорический отказ Занкевича[652]. Тогда, подчиняясь Занкевичу и приказам Временного правительства, Балтайс ушел с поста председателя полкового комитета 1-го полка (его примеру последовали несколько человек) и восемью сотнями солдат покинул Куртин.

По мнению Лисовенко, Балтайс не отказывался от продолжения «революционной борьбы», желая продолжать ее после соединения с 3-й бригадой[653]. В действительности Балтайс объяснял причины своей отставки совершенно иначе:

«Еще раз повторяю: может быть все выйдет к лучшему, но вести вас "на авось" я не могу.

Я слышал, товарищи, голоса возмущения: нас оставляют люди, которым мы верили. Если вы, товарищи, мне так верили, то почему вы вдруг не верите теперь, когда вопрос идет может быть о наших головах.

Я оставляю вас, товарищи, не из упрямства или не потому что, как говорят, я подкуплен. (...) ...все вы знаете, у меня вечно пустые карманы.

Нет, товарищи. Я оставляю вас по следующим двум причинам:

1) потому, что вы встали со вчерашнего вечера на ложный и опасный путь [выше говорилось об отказе принятия комитетом резолюции о подчинении войск Временному правительству. — М.Ч.] и не послушались человека, который может быть всю душу вложил в ваше дело [Балтайс имеет в виду себя. — М.Ч.], — и

2) потому, что тревожное положение и забота об отряде в последнее время, а также упорная работа в течение предыдущих 4 месяцев окончательно подорвали мои силы и без того слабое здоровье...»[654].

Следовательно, Балтайс либо не был готов идти до конца, либо не хотел, что лишний раз доказывает необходимость взвешенных оценок относительно его деятельности. Вместе с тем нельзя не заметить, что Балтайс ушел из Курти-

---

[652] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 138.
[653] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 142-143; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 275.
[654] Товарищам солдатам 1-го Особого пехотного полка (без даты), — Архив автора.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

на не 8 июля, а 30-го. В этот период и произошло примечательное вышеупомянутое событие — Июльский кризис, когда в Петрограде 15-18 июля прошли беспорядки с участием воинских частей, после подавления которых В.И. Ленин вместе с Г. Зиновьевым скрылся в знаменитом шалаше на станции Разлив, опасаясь ареста за «государственную измену». Если Балтайс был сторонником Ленина, не увидел ли он в июльских событиях крах своего кумира (то есть проявил «политическую близорукость»)? Не зря же он говорит, что в России сегодня есть сила — Совет солдатских и рабочих депутатов, «опирающийся на значительную часть армии», и Временное правительство разбило «ленинцев», «...и разбило окончательно. С нами если мы не переменим тактики, будет тоже». Или, с радостью встретив Февральскую революцию в качестве «великого уравнительного движения» (как с восторгом приветствовали Великую Французскую революцию 1789 г. простые французские унтер-офицеры и солдаты, путь которым по военно-иерархической лестнице наверх был закрыт), Балтайс решил, что революция завершилась или была подавлена, и теперь надо служить Временному правительству как законной власти и выразителю воли российского народа? После прибытия в Фельтен Балтайс с единомышленниками был арестован и отправлен в тюрьму под Бордо. Его охраняли французские солдаты, которым был отдан приказ в случае необходимости применять оружие[655].

После ареста Балтайса и Волкова солдаты 3-й бригады требовали для них «примерного наказания», т.к. видели в них главных виновников произошедшего, «...а именно расстреляния, или же какого-либо иного наказания, но которое произвело бы сильное впечатление на остальных солдат первого и второго полков и было бы публичным»[656].

Таким образом, уход Балтайса из лагеря ознаменовал окончание второго периода Куртинского кризиса и начало третьего. Характерными чертами второго периода можно назвать дальнейшее ухудшение кризиса, становление и

---

[655] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 150.

[656] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 92. Сватиков неверно указывает, что Балтайс и Волков были арестованы после взятия Куртина 19 сентября, — Донская волна, 1919, № 4 (32).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оформление противоборствующих группировок (куртинцы и фельтенцы) и продолжение их противостояния и куртинцев с французским командованием.

Итак, после 8 июля (раскола дивизии) в Куртине оставался только рядовой состав, возглавляемый полковым комитетом с Балтайсом и Волковым, избранными только одним полком — 1-м, что являлось незаконно даже с точки зрения новых правил о комитетах. В Куртинском лагере солдаты (около 9,0 тыс.!) стали подлинными хозяевами, без офицеров, — возможно, первый случай в истории Русской Армии после Февраля 1917 г. Поэтому вопрос о внутренней жизни куртинцев с 8 июля по сентябрь 1917 г. представляет особую актуальность.

31 июля французский министр юстиции сообщал: «Не выполняя никаких обязанностей и растрачивая бо́льшую часть своих денег на покупку на еду, безделушки и алкогольную продукцию, солдаты позволяли себе совершать многочисленные преступные деяния (délits délictueux)»[657]. Французские военные и гражданские власти жаловались, что куртинцы не применяют к правонарушителям никаких мер, и обвиняли комитеты Куртина в пособничестве. Эренбург подтверждает общее состояние анархии[658]. С другой стороны, Эренбург уехал из Франции в июне 1917 г. и вряд ли знал, что могло происходить в Куртине. Однако даже сам Лисовенко, высказывавшийся о наличии дисциплины в лагере, откровенно пишет о том, что в одном из постановлений Совета солдатских депутатов лагеря Ля-Куртин (избранного после ухода Балтайса) было сказано: «Просить французское командование прислать нам командный состав для поддержания внутренней жизни»[659].

Авторы солдатских воспоминаний единогласно утверждают о наличии порядка и дисциплинированности в Куртине. Кроме Карева и Лисовенко (несмотря на цитированное выше последним постановление Совета солдатских депутатов лагеря Ля-Куртин), их точку зрения разделяют Козлов, Егерев, Власов, Вавилов, Малиновский (который прибыл из госпиталя обратно в часть после по-

---

[657] Цит. по: ADAM R. Op. cit., p. 128.
[658] ЭРЕНБУРГ И. Указ. соч., с. 81.
[659] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 172-173.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

давления мятежа)[660]. Если верить Адану, Занкевич, попытавшийся представить Петрограду список преступлений куртинцев, убедился в их подтасовке и вскоре отказался от своего намерения[661].

С другой стороны, имеются сведения о недисциплинированности куртинцев. Например, такой важный свидетель, как Балтайс, косвенно подтверждал наличие хаоса в Куртине: «Они [культурно-массовые мероприятия. — М.Ч.] заполнили бы ваш досуг, вам не пришлось бы шататься от нечего делать, скучать, и искать развлечения в пьянстве и карточной игре. Напротив они пробудили бы в вас интерес к чему либо более высокому, и чистому». С мнением Балтайса согласен Лисовский[662].

Тот же Карев, который свидетельствует о высокой «революционной» дисциплине в Куртине, тем не менее оговаривается: эта дисциплина наступила после раскола дивизии[663]. Однако становится непонятным, почему комитеты взяли власть в свои руки только после ухода частей 3-й бригады из Куртина (по Кареву), когда тот же Отрядный комитет добился «отправки полков из деревень в хорошо оборудованный лагерь ля-Куртин»[664]. Если вспомнить «дело Петрыкина» (описанное тем же Каревым), можно предположить, что автор, по крайней мере, старался показать трактовку событий с разных сторон, и косвенно подтверждает мнение об отсутствии дисциплины среди куртинцев, не забывая, как всегда, о «правильном» политическом моменте: Карев доказывал, что настоящий, «революционный», порядок воцарился лишь с уходом начальства. Однако неясно, почему солдатские комитеты (по Кареву) не могли взять власть в свои руки и навести порядок еще до прибытия русских солдат (хотя бы 1-й бригады) до прибытия в Куртин.

Некоторые зарубежные исследователи также свидетельствовали об отсутствии дисциплины среди куртинцев: например, бельгиец Ф. Паттин[665]. Об от-

---

[660] КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 41; ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 90; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 100; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 38; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 258, 316..
[661] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 128.
[662] ЛИСОВСКИЙ И.Ю. Указ. соч., с. 273.
[663] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили., с. 89.
[664] Там же, с. 71.
[665] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 127.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ношении русских войск к местному населению высказывался и французский исследователь Пуатевен. В частичном переводе его работы, осуществленным отечественным исследователем Поповой, говорится о том, что жители отзывались о русских солдатах очень доброжелательно: «Никогда... мы [т.е. жители близлежащих селений. — М.Ч.] не слышали о преступлениях, совершенных ими»[666]. Однако этот эпизод относится к событиям до 8 июля, а не после, т.е. к тому периоду, когда части 1-й Особой дивизии (вместе с офицерами) находились еще вместе (именно об этом периоде Карев высказывался столь негативно). После 8 июля о куртинцах Пуатевен высказывался уже хуже: «В Куртине, среди войск, ставшими хозяевами лагеря, господствовал самый настоящий бардак и хаос» («A La Courtine... c'est la plus folle débauche»)[667]. Военный врач Обей, служивший в полку, стоявшим в войсках оцепления вокруг Куртина, свидетельствовал, что местные крестьяне относились дружелюбно к куртинцам. «Оставьте в покое этих русских. Вы хотите поступить с ними по-свински (faire cochonnerie)!», — сказал один из крестьян, повстречавшийся с Обеем[668].

Судя по архивным данным, дисциплина все-таки существовала, хотя и не в полной мере, поддерживаемая Отрядным комитетом лагеря. Жалоб от населения на куртинцев первое время вообще не поступало. Даже наоборот, в частях 3-й Особой бригады, считавшейся более дисциплинированной, чем 1-я, происходили случаи некоторых «обыденных эксцессов» с местным населением. На станции Курно (в лагерь Курно, около Бордо, фельтенцы были перевезены 10 августа) солдаты заполняли вагоны поезда «...до такой степени, что невозможно производить выдачу билетов, вследствие чего получается много безбилетных»[669].

Отрядный комитет русских войск во Франции призывал: «Еще и еще раз призываем вас блюсти достоинство русской армии и имя русского солдата во Франции»[670]. Так, во время стоянки в Курно (к 13 августа) в Отрядный комитет

---

[666] «Эти мужики...», с. 64; POITEVIN P. Op. cit., p. 16-17.
[667] POITEVIN P. Op. cit., p. 21.
[668] OBEY A. Op. cit., p. 543.
[669] РГВИА, ф. 15226, оп. 1, д. 3, л. 48.
[670] Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 98.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

было подано до 200 жалоб от местных жителей в пьянстве, воровстве, грабежах, изнасилованиях. «Это поистине документы нашей надорванной жизни, изобиловавшей тяжелыми переживаниями»[671]. Но эти 200 жалоб были зарегистрированы с 8 июля по 10 августа, т.е. в течение месяца, следовательно, в среднем по 65 случаев в день на 6,0 тыс. чел. Даже если каждое из 200 проступков совершали разные люди, это составило бы 3%. (О фельтенцах положительно отзывался и Пуатевен[672].)

По итогам поданных жалоб французов на курновцев Отрядный комитет, занимавшийся этими проступками, 25 августа 1917 г. согласился выплатить 7.099 фр. за 36 случаев хищения (или порчи) частного имущества французов. Через пять дней, 30 августа, Отрядный комитет (заседавший в Курно) с удовлетворением полагал, что курновцы «...в настоящее время ведут себя достойным образом»[673]. Таким образом, вопрос об отношениях куртинцев и фельтенцев (затем курновцев) с местными жителями и их внутренняя дисциплина еще остается открытым, но можно предположить, что если и происходили конфликты (а они происходили), они не носили широкомасштабного характера.

Итак, в Куртинском кризисе целесообразно выделить три этапа. Первый (докуртинский) период — с 14 мая по 8 июля, второй (куртинский) — с 8 июля по 3 августа и третий (заключительный), — с 3 августа по 19 сентября. Ход первых двух этапов продемонстрировал неэффективность разрешения Куртинского кризиса мирными средствами, затягивание которого грозило непредвиденными политическими и иными результатами. Вполне очевидно, что если русское военное руководство и заслуживало обвинений в свой адрес, то никак нельзя сказать, что оно проявило минимум доброй воли. О применении силы впервые прозвучало только в телеграмме Керенского № 3172 от 28 июля, но даже и после этого — возможно, из-за нехватки «верных» войск для подавления мятежа силой, нежеланием командовать подобной операцией вообще и из-

---

[671] Там же, л. 98.
[672] Там же, л. 52. «...отношения 3-й бригады с населением Фельтена, Обюссона и окрестностей были прекрасными», — «Эти мужики...», с. 64-65; POITEVIN P. Op. cit., p. 23.
[673] Протокол заседания Отрядного комитета, — Архив автора.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

за собственной нерасторопности, т.е., возможно, неосознанно — русское командование заняло взвешенную позицию.

Причины раскола дивизии заключались в естественном желании русского военного командования оградить от антивоенной и разлагающей воинскую дисциплину пропаганды частей 1-й бригады в отношении рядового состава 3-й бригады, на фоне существования социальных противоречий между ними.

Вместе с тем Куртинский кризис имел характерное отличие — отсутствие (по крайней мере, вялая активность) единой организующей силы. Например, во главе куртинцев до 30 июля стоял Балтайс, чья политическая принадлежность (если она вообще существовала) остается до сих пор невыясненной, и чье влияние на ход событий не было единственным, — хотя бы вследствие того, что его призыву подчиниться остальные вожаки мятежников не прислушались. После ухода Балтайса они лишний раз подтвердили свою принципиальную приверженность главному требованию (безоговорочной и немедленной отправки в Россию, отказавшись от любых компромиссов) и остались прежними носителями идеи сопротивления командованию, которое получило приказ из Петрограда о наведении порядка силой.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§3. Подавление мятежа (август—сентябрь 1917 г.) и его итоги

В этом параграфе предстоит рассмотреть последний этап Куртинского кризиса, определить потери обеих сторон в ходе подавления, выявить причины подавления мятежа, определить его значение для русских войск во Франции, выявить роль большевиков во время кризиса.

* * *

С уходом Балтайса в Фельтен (3 августа) начался третий период Куртинского кризиса. Через два дня, 5 августа, несмотря на нежелание выполнять приказ № 34, куртинцы во главе с временным председателем Куртинского отрядного комитета Кидяевым и его членом Глобой решились выйти из лагеря к месту предполагаемой встречи между куртинцами и фельтенцами. Таким образом, вожаки мятежников не осмелились на прямое неподчинение приказам Занкевичу, т.е. не имели полного контроля над массой, что косвенно подтверждает сам Кидяев: «остальная масса [т.е. основная. — М.Ч.] ля-куртинцев заметно колебалась»[674]. Следовательно, влияние вожаков на куртинцев имело определенные границы (возможно, из-за ухода Балтайса), и угроза Занкевича применить вооруженную силу против неподчинившихся действительно напугала куртинцев, и вожакам, чтобы не оказаться в полной изоляции, пришлось согласиться вести солдат в Клераво.

Предприняв меры безопасности, куртинцы двинулись к месту встречи с Занкевичем и Лохвицким. В это время, после ухода подавляющей части куртинцев, к Куртину подошли фельтенцы и попытались захватить лагерь, но оставленные в лагере куртинцы помешали нападавшим. После встречи Лохвицкого и Занкевича с куртинцами последние отказались выполнять приказ о подчинении Временному правительству. На данный момент пока обошлось без кровопролития, хотя куртинцев встретили вооруженные фельтенцы при поддержке пулеметов, несмотря на первоначальную договоренность о том, что обе стороны придут на встречу без оружия. Из сохранившихся свидетельств до сих пор

[674] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 39. См. также: ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 140.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

не совсем ясно, как в действительности проходила эта встреча (как и количество вышедших из Куртина на встречу с Лохвицким), как сторонам удалось избежать кровопролития (хотя куртинцы, как приказывал Занкевич, оставили винтовки в лагере, часть их пришла с пистолетами и гранатами в карманах) и — самое главное — какие договоренности были достигнуты (при условии, если они вообще были достигнуты).

После ухода Балтайса во главе только что образованного Совета солдатских депутатов лагеря Ля-Куртин (переименованного из Куртинского отрядного комитета) стал 24-летний полковой каптенармус, младший унтер-офицер Афанасий Петрович Глоба, уроженец Екатеринбургской губернии, кавалер Георгиевской медали «За храбрость» 4-й степени (№48709)[675], служивший в 1-й Особой бригаде с момента ее образования в 1916 г., и до сих пор не фигурировавший в рапортах французского и русского военного командования. По непонятной причине его не упомянет и Лисовский в «Обвинительном акте», хотя в своих воспоминаниях он описывает беседу с Глобой (хотя и кратко)[676].

Как сообщает Карев, Глобу, вошедшего в состав недавно, «...немногие знали, так как до этого заседания [где решался вопрос о подчинении или нет Занкевичу. — М.Ч.] Глоба ни разу не выступал на общих собраниях»[677]. После ухода Балтайса он стал общепризнанным лидером куртинцев и пользовался в солдатских мемуарах большей привлекательностью, — совершенно очевидно, что в противовес Балтайсу, согласившемуся на подчинение Занкевичу. Более того, Власов, почти единственный из солдатских мемуаристов, даже намеренно принижает роль Балтайса во время Куртинского кризиса в пользу Глобы.

Как и все куртинцы, Глоба не хотел сражаться на французском фронте и агитировал за отправку домой. Как и все солдаты Особых бригад, Глоба не имел четко выраженных политических пристрастий. По некоторым данным, «...товарищ Глоба больше был склонен к партии анархистов»[678]. Тем не менее о

---

[675] РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 374об.
[676] ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 278.
[677] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 76.
[678] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 39.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Глобе говорили как о «большевистском лидере», «баптисте и фанатике»[679]. Но его принадлежность к большевикам действительно сомнительна, поскольку 22 февраля 1919 г., по-прежнему находясь в тюрьме, в которую попал после подавления мятежа, он написал прошение французским властям отпустить его не в Россию, а «...в распоряжении [распоряжение. — М.Ч.] Южных Российских Правительств, или лучше Украинского Правительства (не большевикам), так как я украинец»[680]. Почему выбрали именно Глобу, представляется не совсем понятным. Если принять во внимание свидетельство Лисовского о том, что Глоба был сильной личностью, почему тогда его имя не было известно наравне с Балтайсом, как, например, имена Кидяева, старшего унтер-офицера Валявки, рядовых Гусева и Шафростова, старшего писаря Гузеева и др.?

Вместе с тем ход истории неумолимо показывает, что если на ответственных постах появляется фигура явно посредственная, следовательно, она быстро попадает под влияние сильной личности, находящейся по тем или иным причинам в стороне (если посредственная фигура заранее не находилась под чьим-либо руководством). Думается, в случае с назначением Глобы произошло то же самое. С другой стороны, речь может идти и о другом повороте событий: например, чувствуя скорый исход событий не в свою пользу, другие, более сильные личности, просто не хотели оказаться в центре внимания, чтобы не попасть после подавления мятежа в расстрельные списки, — а именно расстрел грозил вожакам мятежа. Например, Кидяев, имевший авторитет еще при Балтайсе и организовавший встречу куртинцев с Лохвицким и Занкевичем при Клераво, который после этой встречи, точнее, после 20 августа, вдруг оказался в госпитале[681] (при этом Кидяев «не заметил», по крайней мере, нейтрального отношения к своей персоне, — русское командование, если оно было бы действительно «реакционным», предоставило бы Кидяева собственной судьбе). С другой стороны, Кидяев прибыл в Куртин из госпиталя и действительно мог иметь незажившее ранение.

---

[679] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 132; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 278.
[680] ADAM R. Travail, luttes et conscience.., p. 384 (ксерокс оригинала).
[681] КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 43-44; КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 35; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 285.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Заместителем Глобы стал Ткаченко (в «Обвинительном акте» о нем также нет ни единого упоминания), в Совет вошло семь членов, в т.ч. и сам Лисовенко, а также председатели всех ротных комитетов[682].

Неудача Занкевича «при Клераво» должна была окончательно убедить русское командование о полном провале мирной политики по отношению к куртинцам. Еще до истечения ультиматума Занкевич попросил у Комби войска и артиллерию для восстановления дисциплины, на что получил согласие и шесть 75-мм пушек. По приказу Пенлеве Комби должен был оказывать всяческую поддержку Занкевичу и контролировать действия куртинцев, удерживая их с помощью французских гарнизонных войск в пределах лагеря.

В соответствии с приказом о восстановлении боеспособности дивизии Занкевич предпринимает ряд мер. В частности, с 20 июля начинает работу следственная комиссия во главе с подполковником 2-го Особого полка Ждановым, которой надлежало выявить зачинщиков мятежа и предать их суду. Уже к 10 августа комиссия составила обвинительный акт по делу о волнениях среди 1-й Особой пехотной дивизии. Аресту подлежало 177 человек, но все они находились в Куртине.

14 августа Занкевич запретил выплату жалованья куртинцам и сократил их пайки (т.е. перевел их на тыловой продовольственный рацион, составлявший 1 фр. 35 сант. в день), поскольку мятежники до сих пор получали продовольствие в полном объеме — русское командование предполагало, что солдаты вскоре сами успокоятся, и продолжало принимать куртинцев за солдат, находившихся на отдыхе и готовых в скором времени выступить на фронт, а не за мятежников. Только убедившись в невозможности «естественного» хода событий, генерал Занкевич и решил прибегнуть к «тактике голода», а с 21 августа уменьшил отпуск продуктов питания еще на 30%. Но полный голод лагерю не грозил. В Куртине, по официальным данным, имелся значительный запас консервов, 30-100,0 тыс. тонн картофеля и, конечно, лошади[683].

---

[682] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 144.
[683] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 309; ЧИНЯКОВ М.К. Русские войска.., с. 50.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

После очередной неудачи разрешить Куртинский кризис мирными средствами, русское командование оказалось в патовой ситуации. Как отмечает военный прокурор Лисовский, «...Занкевич терялся все больше и больше, не зная с кем посоветоваться и на кого опереться»[684]. «Верные» Занкевичу войска не представляли надежной силы, поскольку прежде всего речь шла о вооруженном столкновении между одной частью русских солдат и другой, пусть мятежной, но тем не менее против своих же соотечественников. (К тому же мятежники обладали настоящим арсеналом, вплоть до пушек включительно.) Русскому военному командованию в лице Занкевича предстояло заняться непосредственным исполнением приказа, подразумевавшего применение вооруженной силы против не внешнего врага, а внутреннего. Иными словами, речь шла о полномасштабной военной операции с применением не только стрелкового оружия, но и артиллерии. Занкевич, знавший о последствиях подавления вооруженного выступления 15-18 июля (потери в котором составили 700-800 чел), мог представить себе потери при попытке подчинения куртинцев. Потери с обеих сторон в случае боевого столкновения между фельтенцами и куртинцами (последних насчитывалось на треть больше) — равно как и последствия проведения такой операции (в частности, политические) — могли оказаться непредсказуемыми, а обстановка требовала срочного разрешения во избежание вооруженного столкновения как между русскими солдатами, так и между русскими и французами. К тому же командование 1-й Особой дивизии пребывало в растерянности, не зная как обращаться с куртинцами, пытаясь заигрывать с ними, но не решаясь действовать уверенно и твердо.

Поэтому, не только не будучи уверенным в фельтенцах, но и в отсутствии численного перевеса, Занкевич на приказ Верховного главнокомандующего Русской Армией (с 1 августа по 9 сентября 1917 г.) генерала Л.Г. Корнилова от 14 августа нового навести порядок в Куртине «железной рукой», генерал отправил в Ставку мрачный ответ: «Для подавления выступления [мятежа. —

[684] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 274.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

М.Ч.] не имею ни русских, ни французских войск»[685]. Применять французские части против куртинцев никто не хотел: и французские, и русские генералы, особенно первые, поскольку это было бы на руку германской пропаганде, не упустившей бы случая извлечь возможные политические дивиденды. К тому же сами французские войска, блокировавшие Куртин, если не находились на их стороне, то, по крайней мере, симпатизировали им, о чем и вспоминал военный врач А. Обей, рассказывая свою беседу с капралом-пулеметчиком Жанталем («крайне левый социалист»), явно не желавшим выполнять приказы своего командования по усмирению куртинцев[686].

Фельтенцы, в свою очередь, требовали, чтобы их начальство прекратило «миндальничать» с «негодяями-куртинцами»[687]. Несмотря на верность фельтенцев, русское командование не было уверено в своих войсках, — не столько из-за брожения среди них, а сколько из-за неуверенности вообще, поскольку в массе русский генералитет обладал известным отрицательным качеством — нерешительностью и отсутствием инициативы. Например, сам Занкевич имел минимальный опыт командования таким крупным соединением, как дивизия[688]. Нерешительность русского командования (впрочем, вполне понятная) вызывала раздражение у Парижа. Керенский был готов к замене Занкевича более решительным человеком, но новый посол Франции в России Нуланс (преемник Палеолога) воспротивился.

Неизвестно, сколь долго могла продолжаться подобная ситуация, где противоборствующие стороны не могли добиться поставленных целей, а идти на компромисс не хотели ни куртинцы, ни русское командование с Парижем, если бы во Франции не оказались бы части 2-й Особой артиллерийской бригады (2-й и 3-й дивизионы и маршевая команда), следующей через Францию на Балканы. Эти части Керенский и разрешил использовать для восстановления дисциплины. Эти части представлялись русскому командованию надежными, поскольку еще в России перед отъездом в их солдатских комитетах прошло голосование,

---

[685] Цит. по: ПАВЛОВ А.Ю. Указ. соч., с. 67.
[686] OBEY A. Op. cit., p. 540, 541.
[687] ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 273; РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 46, л. 91.
[688] АЛЕКСЕЕВ М. Указ. соч., с. 255; Военный орден.., с. 521; РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 361-145 (1904), л. 296-297.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

где вопрос об отправке бригады на Салоникский фронт был решен положительно[689]. Прежде чем согласиться на участие в подавлении куртинцев, артиллерийская бригада послала в лагерь «депутацию» (8-9 сентября). Быстро убедившись в бесполезности переговоров, артиллеристы договорились сформировать артиллерийское подразделение и по собственной инициативе дополнительно сформировали пехотный батальон для помощи курновцам для наведения порядка в Куртине.

Теперь Занкевич, заручившись помощью французского правительства, которое согласилось на применение своих войск, но только после «констатированного неуспеха» русских, решился на ранее санкционированное применение военной силы. На общем фоне подавления французских антивоенных мятежей во французских воинских частях (*без применения* своих же частей в качестве карательных) подобная мера являлась довольно жесткой.

Пока войска генерала Комби окончательно изолировали 1-ю Особую дивизию в Ля-Куртине, 10 августа лояльные войска «верных» перевезли из Фельтена на 15 эшелонах вглубь страны, в лагерь Курно (около Бордо), подальше от вредного влияния куртинцев, могущих оказать отрицательное влияние на дух верных Временному правительству войска. Там русскому командованию удалось добиться положительных для себя результатов.

В итоге генералу Занкевичу удалось сформировать пять пехотных батальонов приблизительно по 500 человек, две пулеметные роты с 48 пулеметами и шестью 75-мм орудиями (всего — 6,0 тыс. чел), которые установили на южных от Куртина холмах. Два батальона восточного сектора (полковник Готуа) получили оригинальное название «батальона смерти», остальные три батальона — «батальоны чести», разделенные на несколько секторов. Непосредственно в штурме лагеря участвовали три сектора — северный, восточный и западный; главным сектором являлся восточный[690]. (В тылу стояли 5,0 тыс. французов.) Чтобы отличить своих от мятежников, на левый рукав курновцы повязали жел-

[689] «...части 2-й Особой артиллерийской бригады... находятся в состоянии полного внутреннего порядка и дисциплины, а равно и сознательного отношения к исполнению долга службы...», — РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 65, л. 2об.

[690] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59, л. 155-165. См. также: WATT R.M. Op. cit., p. 271.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тые (артиллеристы) или синие (пехотинцы) повязки. К штурму русское командование приготовилось основательно. Связь между начальниками секторов и Занкевичем и Беляевым поддерживалась по телефону, пешими и конными ординарцами. В распоряжении курновцев имелось 4-6 прожекторов, которыми ночью освещали наиболее опасные участки во избежание внезапной атаки со стороны «противника». Можно предположить, что в военном отношении подавление мятежа было подготовлено на высоком уровне, а население было заблаговременно эвакуировано[691]. Как сказал Занкевич, осуществлявший общее руководство, его войска «могли дрогнуть, но никогда не пошли бы заодно с мятежниками»[692].

Командовал всеми войсками генерал Занкевич. Непосредственное руководство сводным отрядом осуществлял генерал Беляев, хотя, по логике событий, им должен был стать Лохвицкий — как командир дивизии и как человек, знавший свои части.

9 сентября русское командование в лице Раппа вновь предприняло попытки мирного урегулирования ситуации, призывая куртинцев разоружиться, но мятежники вновь отказались. К 14 сентября закончилось сосредоточение русских и французских войск; ситуация достигла апогея. В тот же день Занкевич предъявил куртинцам ультиматум, призывая их подчиниться Временному правительству и командованию дивизии и сложить оружие к 10 часам 16 сентября[693]. Куртинцы, в свою очередь, ответили своими воззваниями, призывая их переходить на их сторону. В результате обе стороны готовятся к боевым действиям; курновцы приступили к рытью траншей.

Поскольку к назначенному часу никто из лагеря не вышел, Занкевич приказал открыть по Куртину артиллерийский огонь. К вечеру 16 сентября сдалось только 200 чел, но через сутки (к вечеру 17-го) лагерь оставили уже около 8,0 тыс. куртинцев, т.е. подавляющая часть осажденных. В лагере осталось несколько десятков мятежников, которые оказали упорное сопротивление кур-

---

[691] Козлов (единственный из мемуаристов) утверждает, что курновцами использовался еще и броневик, — КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 53.
[692] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 151.
[693] Восстание русских солдат..., с. 63.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

новцам. Вечером того же числа (17 сентября) сводный отряд генерала Беляева вошел в лагерь. Решившим сражаться «до последнего патрона» была даже оказана медицинская помощь со стороны атакующих — к осажденным прибыл врач 2-го Особого полка с четырьмя фельдшерами (по словам врача, большинство нежелающих сдаваться находились в состоянии сильного алкогольного опьянения)[694]. После артиллерийского обстрела (практически не прекращающегося) в течение 18-го, на следующий день (19 сентября) курновцы пошли на штурм офицерского собрания, где укрылись последние куртинцы. По опорным пунктам оборонявшихся было выпущено 600 снарядов; местами вспыхивали рукопашные бои. В течение дня сопротивление куртинцев было сломлено (отдельные схватки продолжались до полудня 20 сентября). В 10 час 50 мин в плен попал и Глоба (по некоторым сведениям, был арестован русским патрулем около лагеря вместе с любовницей-француженкой)[695].

Таким образом, как только подавляющая масса куртинцев ощутила твердую уверенность русского военного командования привести их к повиновению, она сразу же сдалась — на следующий же день после первых выстрелов, т.е. в течение 17 сентября. Итак, нельзя сказать, что все куртинцы были истинными большевиками, как нас пытались уверить советские исследователи. Совершенно очевидно, что куртинцы находились в огромной зависимости от своих вожаков, которые, возможно, скрывали от них истинное положение дел, — стоило командованию продемонстрировать волю и решимость, как тут же в течение одного дня из лагеря из 9,0 тыс. (к 8 июля) вышло 8,0 тыс. человек.

После наведения порядка сводный отряд был расформирован (19-21 сентября); артиллеристы отправились для дальнейшей отправки на Балканы, а пехотинцы — в Курно. 23-24 сентября из-под Куртина ушли и французские части.

81 активный мятежник-куртинец (вместе с Глобой) был заключен в военную тюрьму в Бордо; 300 мятежников — в лагерь Бур-Ластик (около города Клермон-Ферран в департаменте Пюи-де-Дом), 249 чел — на остров Экс (около

---

[694] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 65, л. 7об.
[695] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 199.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

г. Ла-Рошель)[696]. Из остальных солдат, оставшихся в Куртине (около 7,5 тыс. чел), сформировали 19 сводных маршевых рот приблизительно по 400 чел в каждой, размещенных в том же лагере; как состоявшие под следствием они находились под охраной французских войск. Однако теперь к ним относились значительно мягче, что тут же сказалось на их дисциплине[697].

Подавление силой мятежа в Куртине не стало первым случаем в истории Русской Армии. Так, еще в конце мая 1917 г. восстание в частях 163-й пехотной дивизии, отказавшихся выступить на фронт, было подавлено силами кавалерии, пехоты, артиллерии, бронемашин (однако о потерях сведения отсутствуют)[698].

Вопрос о потерях с обеих сторон во время подавления Куртинского мятежа (16-19 сентября) остается открытым. 14 октября Занкевич докладывал военному министру Верховскому: «Констатированные потери мятежников до вечера 5 сентября [18 сентября по новому стилю. — М.Ч.] 10 убитых и 44 раненых. Действительные потери должны быть значительно больше»[699]. Число сдавшихся куртинцев, по официальным данным, составило 8.515 чел, по другим — 8.383 чел[700]. Атакующие, по словам Занкевича, потеряли убитым 1 солдата 2-го Особого полка и 5 ранеными (французские войска, участвовавшие в кольце заграждения, также понесли потери в виде одного убитого и одного раненого – по «несчастной случайности»)[701]. По данным военного министра Пенлёве, мятежники потеряли 9 убитыми и 46 легкоранеными, большинство которых было ранено «...огнем самих мятежников, стрелявших из пулемета по своим товарищам, пытавшимися выйти из лагеря, чтобы добиться их подчинения»[702].

Козлов, Егерев, Власов и даже Кидяев (известный своими «прореволюционными» настроениями) не сообщают точные потери, только

---

[696] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 162. Позже в лагере Бур-Ластик вспыхнул бунт, в подавлении которого участвовали французские пехотный полк и три пулеметные роты; 50 чел сослали на Экс, около 250 чел отправили в рабочие батальоны.

[697] PETIT P. Op. cit., p. 20. 20 декабря 1917 г. в пустой лагерь Ля-Куртин прибыли первые части американских войск (впрочем, некоторое число русских военнослужащих — 15 офицеров и 40 солдат — находились в лагере еще в начале января 1918 г.).

[698] ГАВРИЛОВ Л.М. Указ. соч., с .15.

[699] Восстание русских солдат..., с. 68.

[700] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59, л. 86; там же, д. 7, л. 97; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 149.

[701] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 7, л. 97.

[702] «Мы пережили здесь свою революцию...», с. 25-26. Британский посол лорд Ф. Берти говорит о 10 убитых, но, скорее всего, он имел в виду не точные, а обобщенные сведения, — БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 154.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

намекая об огромных потерях, Вавилов свидетельствует только о том, что от первых же снарядов погибли 9 чел, 3 чел были ранены[703]. Другие солдаты-мемуаристы называют совершенно разные общие цифры потерь: Малиновский — св. 600 чел (свыше 200 убитых и не менее 400 ранеными), авторы сборника «Русские солдаты во Франции» — до 600 чел, Карев — не менее 1,0 тыс. чел, современный французский журналист Л.-И. Жилу — не менее 100 чел убитыми и ранеными, а известный американский журналист Дж. Рид утверждает (без ссылки на какие-либо источники), что после подавления мятежа «...победители хладнокровно расстреляли свыше 200 восставших»[704]. Самые большие цифры потерь привел Лисовенко — 3,0 тыс. чел[705].

Но сведения Карева, Лисовенко и др. можно сразу подвергнуть сомнению из-за существовавшей во время написания их работ политической конъюнктуры. Однако французский офицер П. Пети утверждает, что потери только одними убитыми составили около 1,5 тыс. куртинцев[706]. По данным французского военного архива, в момент расформирования 1-й Особой дивизии в декабре 1917 г. в ней насчитывалось около 16,5 тыс. чел, хотя в июне того же года в ней находилось 15,5 тыс. чел[707]. К сожалению, остаются неизвестными источники пополнения и численность 1-й Особой дивизии за июль-октябрь. В своей книге современный французский исследователь Адан оценивает потери приблизительно в сотню чел, а в одной из частей собственной диссертации — между 750 и 1000 чел[708].

Резкая диспропорция потерь — от нескольких человек до 3,0 тыс. чел не может не навести на некоторые размышления. Например, если потери действительно доходили до нескольких тысяч человек, возможно ли было осенью 1917

---

[703] ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 92; КИДЯЕВ П. Указ. соч., с. 47; ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 48; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 120-121.

[704] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 315; Русские солдаты во Франции, с. 6; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 98; За рубежом, 1987, № 40; РИД Дж. Указ. соч., с. 268. В данные Рида не верит и Кокфилд, — COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 199.

[705] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 206, 229-230. На эти же цифры ссылаются и некоторые советские исследователи: ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ Ф.Ф. Указ. соч., с. 80.

[706] PETIT P. Op. cit., p. 20.

[707] ПАВЛОВ А.Ю. Указ. соч., с. 71.

[708] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 163; lui-même. Le Corps expeditionnaire russe, p. 29.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

г. в официальном документе (на имя военного министра!) занизить цифру — как минимум — в несколько десятков раз?

В 1934 г., на вопрос французского репортера Ш. Штебера о потерях куртинцев один местный житель — лично не видевший подавление мятежа — сказал «то, что тут говорят все»: «Убитые? О Господи, да, конечно, без всякого сомнения! Но никто не мог сказать, сколько их тогда погибло. Говорили о трех тысячах [газета вышла 7 декабря 1934 г. — М.Ч.]. Некоторые жители полагают, что погибших было больше, и они же утверждают, что их всех сожгли»[709]. Французский автор исследования о Куртинском кризисе Пуатевен уверяет, что подобные слухи — не более чем досужие домыслы, легенды. К числу легенд Пуатевен относит и слухи о том, что к Куртину привезли несколько вагонов со свежей капустой, которую сбрасывали в ров, где были захоронены многочисленные останки погибших (куртинцев и курновцев)[710].

Французский репортер Жилу́ в одной из статей, посвященных Куртинскому кризису, уверяет, что в официальных данных количества русских солдат на июнь и сентябрь «исчезли» около 600 солдат, т.е. это и были истинные цифры потерь (эту цифру приводил и Малиновский)[711].

Вопрос о потерях становится тем более загадочным, когда мы находим в данных Занкевича явное противоречие (на которое уже обращали внимание уже ранее). В вышеуказанном рапорте от 14 октября он определяет потери куртинцев в 10 убитых и 44 раненых, но в рапорте от 22 сентября генерал смело сообщает в Петроград буквально две строчки: «Доношу точное число потерь... у мятежников 8 убитых и 44 раненых»[712]. Еще раньше, 19 сентября Занкевич писал в Петроград, что «констатированные потери» мятежников к вечеру 18 сентября составляют 10 убитых и 44 раненых[713]. Обычная русская безалаберность при подсчете или обыкновенная ошибка?

---

[709] Patrie Humaine. 7.12.1934.
[710] POITEVIN P. Op. cit., p. 54. Эти данные подвергает сомнению и французский журналист Л.-И. Жилу́, — GILOUX L.-Y. Op. cit., p. 154.
[711] GILOUX L.-Y. Op. cit., p. 154-155.
[712] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 59, л. 88.
[713] Там же, л. 84.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Если обратиться к рапортам начальников секторов на имя командира 1-й Особой дивизии Лохвицкого (полковников Готуа от 23 сентября, Рытова от 24 сентября и Стравинского от 26 сентября), потери мятежников составили 8 человек убитыми и — по словам сдавшихся куртинцев — около 30-ти ранеными (только за первый день обстрела). Все трое сообщают, что главари расстреливали тех, кто собирался уйти из Куртина. Полковник Готуа, штурмовавший офицерское собрание, в рапорте указал, что куртинцы оказали упорное сопротивление, стреляли из револьверов, бросали гранаты; солдаты обеих сторон участвовали в рукопашных схватках. Указанные потери в 8 человек мятежники понесли именно здесь; здесь был убит и единственный солдат со стороны курновцев, получивший смертельное ранение от револьверной пули, выпущенной подпрапорщиком-мятежником[714].

О потерях курновцев, т.е. атакующей стороны, тоже присутствуют некоторые расхождения. Так, по рапорту от 14 октября (и от 22 сентября) Занкевич говорит об 1 убитом и 5 раненых, а сентябрьские рапорты начальников секторов говорили об 1 убитом (у Готуа) и 3 раненых (у Рытова); Стравинский о потерях не обмолвился ни словом[715].

Но самое большое удивление вызывает фраза Занкевича в рапорте от 14 октября: «Действительные потери должны быть значительно больше». Со времени подавления куртинского мятежа прошел почти месяц, но генерал ничего не может сказать о точном количестве погибших и раненых! Так кто же и когда должен был их подсчитать, если Занкевич — фактически командующий русскими войсками во Франции — не может их сообщить (при этом его ставка находится в Париже, а не в Петрограде)? Что хотел сказать Занкевич, не совсем ясно: то ли не хотел пугать Петроград (хотя в данной фразе уже явно присутствует пессимистический оттенок), то ли пытался преследовать какие-то цели, понятные только ему и, возможно, некоторым посвященным. Вместе с тем не забудем, что в рапорте от 22 сентября он довольно бодро и четко, как и прили-

---

[714] Там же, л. 155-165.
[715] Там же.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

чествует военному человеку, сообщил о потерях. К сожалению, на данный момент можно только строить догадки, что же повлияло на Занкевича между 22 сентября и 14 октября.

Как справедливо сообщил 20 сентября генерал Занкевич Верховскому, «...Куртинский бунт ликвидирован нашими войсками без какого-либо активного участия французов»[716]. На этом фоне странно выглядят заявления Власова о том, что якобы артиллерийский огонь должны были открыть французские артиллеристы, которые отказались, и «тогда за орудия встали французские и русские офицеры». Налицо явно желание противопоставить «реакционное офицерство» «революционным солдатам». Корреспондент Сорокин также сообщает заведомо ложные сведения, что Куртин «...был приступом взят французскими войсками»[717].

Подводя итоги мятежа в Ля-Куртине, прежде всего необходимо сказать об отсутствии жестких и репрессивных мер против самых известных вожаков — Балтайса, Волкова и Глобы, — не говоря уже о других участниках мятежа, в то время как во французской и британской армии таких военнослужащих неминуемо ждала бы смертная казнь. Даже в июле 1917 г., на русском фронте, после подавления мятежа в одном только полку (693-м пехотном Слуцком из 174-й пехотной дивизии), трое главарей было приговорено к расстрелу, а 16 других мятежников — к каторжным работам[718].

Более того, во Франции «золотопогонные убийцы»[719], посадив в тюрьму самых активных участников мятежа, предоставили арестованным (Балтайсу, Волкову, Глобе и др.) адвоката — присяжного поверенного Александра Львовича Цитрона. Адвокат действовал энергично, настаивая на скорейшем разбирательстве дела, а заведующий военно-судной частью «царский генерал» Николаев 12 апреля 1918 г. даже заявил о «противозаконном лишении свободы об-

---

[716] Восстание русских солдат.., с. 69. Убытки, причиненные лагерю в результате штурма, оценивались в 5 млн. франков.
[717] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 120; СОРОКИН Т. Указ. соч., с. 13.
[718] ГАВРИЛОВ Л.М. Указ. соч. ,с .20.
[719] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 49.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

виняемых» и о необходимости освобождения заключенных из-под стражи[720]. 13 мая военный министр на запрос Игнатьева довел до его сведения, что обвиняемые находятся на положении не арестованных, а «...солдат, в интересах дисциплины выделенных из состава рабочих команд»[721]. Эта переписка Игнатьева с официальными французскими лицами лишний раз подтверждает его активную роль на своем посту в нелегкое время, о чем его и благодарил Цитрон 4 июня 1918 г.: «Считаю особо нужным ответить, что именно с Вашей стороны я получил действительное содействие, чего я к сожалению не встретил в других учреждениях»[722].

В мае 1918 г. Глоба вместе с группой куртинцев прибыл с острова Экс в город Белоостров (Финляндия), где его обменяли на группу французских граждан, занимавшихся шпионской деятельностью в Советской России; правительственную комиссию по встрече Глобы и его товарищей встречал с советской стороны Д.З. Мануильский. По сведениям Козлова, к началу 30-х гг. Глоба вступил в члены ВКП (б) и работал на одном из заводов на территории УССР[723].

Не были казнены и Балтайс с Волковым. Судя по некоторым данным, в конце 1919 г. — в начале 1920 г. они вернулись на территорию бывшей Российской империи, где их следы затерялись. По некоторым сведениям, Балтайс к началу 30-х гг. был чиновником МИДа Латвии[724]. По другим сообщениям, Балтайс вступил в члены ВКП (б) и вошел в состав коммунистического подполья в Латвии[725]. Волков, вероятно, устроился в Петрограде (Ленинграде), потом в Москве[726]. Учитывая прошлое вышеперечисленных персонажей, сомнительно, чтобы они смогли дожить до глубокой старости. Косвенным фактом, подтверждающим данную точку зрения, может служить отсутствие сведений о даль-

---

[720] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 42, л. 178, 182.
[721] Там же, л. 185-186. См. также: там же, д. 39, л. 79.
[722] Там же, ф. 15304, оп. 2, д. 42, л. 187.
[723] КОЗЛОВ А. Указ. соч., с. 35 (прим.).
[724] Там же.
[725] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 361.
[726] Эти данные о Волкове Адан указал не в книге, а только в автореферате своей диссертации: Lui-même. D'une révolution à l'autre, p. 287.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нейшей судьбе Балтайса, Волкова и Глобы у советских историков-очевидцев событий 1917 г.: у Карева и Лисовенко.

После подавления мятежа союзники, прежде всего французы, стали видеть в русских не вчерашних братьев по оружию, а людей, предавших союзнические обязательства. Коренным образом изменились и отношения между русскими солдатами 1-й Особой дивизии: теперь, оказавшись вместе в каких-либо лагерях, они интересовались друг у друга, кто был по какую «линию фронта» при событиях в Куртине. Затем следовало выяснение отношений. По крайней мере, стычка между противоборствующими сторонами заканчивалась синяками или — что было, к сожалению, не редкостью — убийствами. Особенно непримиримыми являлись экс-куртинцы. Так, 10 января 1918 г. некий солдат Иван Тяпкин из 9-й роты 2-го Особого полка, находящийся на работах во Франции, жалуется начальству на прибывших солдат-куртинцев, «которые постоянно провоцируют драки, грозящие вылиться в кровавое побоище (en massacre)»[727].

Большой интерес представляет вопрос о степени участия в Куртинском кризисе большевиков. Так, Власов утверждает, что еще на борту «Лятуш-Тревиля» среди солдат находился некий рядовой Калита, агитировавший за революцию и Ленина[728]. Вавилов говорит несколько осторожно: «Она [1-я Особая пехотная бригада. — М.Ч.] во время Октябрьской революции была бы первой на страже Октября, на баррикадах Октября. Вся бригада была пропитана духом большевизма»[729]. Егерев, например, сообщает, что в Куртин поступало много русских книг (политического содержания), но в основном меньшевистские, эсеровские и анархистские[730].

Козлов, Кидяев и Малиновский почти ничего не сообщают о присутствии среди солдат большевиков, делая акцент на общей «большевизации» солдатских масс.

Больше всех убеждал о наличии большевиков среди солдат Особых бригад Лисовенко, имевший в виду членов военных организаций РСДРП неких Быст-

[727] ADAM R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire.., p. 345.
[728] ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 14, 21.
[729] ВАВИЛОВ А. Указ. соч., с. 40.
[730] ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 90.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

рова и Савина. Именно этих солдат Лисовенко называет после Февраля «главными организаторами всех революционных выступлений солдат 1-й бригады»[731]. Малиновский на полях этой книги записал: «Таких фамилий не слыхали, знали Яна Балтайса, Волкова, Глоба». Да и сам Лисовенко строчкой ниже оговаривается: «Эти товарищи пользовались большим авторитетом у солдат 1-й бригады. Об их принадлежности к РСДРП(б) знали немногие солдаты», а затем «убивает» от полученных ранений под Бримоном одного (Быстрова), а второго «отправляет» в госпиталь (Савина), откуда тому не суждено было «вернуться в строй»[732]. Возникает вопрос: почему только «немногие» знали «об их принадлежности к РСДРП(б)»? Следовательно, можно сделать логические умозаключения: либо они не пользовались никаким авторитетом среди солдат, либо их деятельность была малоэффективна, либо эти солдаты (при условии их существования) вообще не принадлежали к большевикам.

Еще ниже Лисовенко прямо признается: «Выделившееся с началом революции в России ядро руководителей солдатской массы в 1-й бригаде включало в себя и *немногих* [выделено мной. — М.Ч.] членов РСДРП(б), как Быстров и Савин, и беспартийных, но политически развитых солдат, унтер-офицеров, преимущественно из рабочих...»[733]. Иными словами, Лисовенко свидетельствует о минимальном влиянии большевиков на события в частях Особых бригад весной-осенью 1917 г.

Автор статьи о работе Ленина и парижской группе большевиков ни словом не упоминает работу этой организации (или типичных ей) среди русских войск во Франции, — более того, автор вообще обходит молчанием существование во Франции Особых бригад. При этом говорится о серьезности пропагандистской

---

[731] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 73-74. Этих солдат в качестве большевиков называет и Ардашев (однако его книга вышла после воспоминаний Лисовенко), — АРДАШЕВ М. Указ. соч., с. 64.

[732] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 73-74. В начале своей книги Лисовенко уверенно заявил: «Большевики солдаты Особой дивизии не дожили до того дня, когда русские войска во Франции подняли революционное знамя борьбы: они *погибли* [выделено мной. — М.Ч.] в жестоких боях на полях Франции», — там же, с. 6.

[733] ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 74, 82. Не подразумевает ли Лисовенко под Савиным Алешина?

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

работы среди немецких военнопленных во Франции и среди французских солдат[734].

Соответственно, о той же минимальной степени влияния большевиков на солдат Особых бригад свидетельствует и Троцкий (которого летом 1917 г. не было во Франции), утверждавший, что русские войска во Франции находились «вне досягаемости большевиков»[735].

Скорее всего, если среди солдат и были большевики, то они не принадлежали к РСДРП(б), а просто называли себя ими, поскольку слово «большевик» в эту эпоху (весна-лето 1917 г.), очень возможно, служило синонимом человека, борющегося против войны (к тому же проверить принадлежность того или иного солдата — например, в 1917 г. — к партии большевиков представляется более чем затруднительно). Таким образом, можно сделать вывод о том, что брожение в Особых бригадах и последующий распад Особой дивизии проходил, как минимум, без активного участия большевиков. Хотя мятежников нередко и называли «ленинцами»[736], это слово носило скорее собирательный характер, не отражая его внутреннее наполнение. (Британский посол лорд Ф. Берти полагает, что причиной Куртинского мятежа стали «русские анархисты».)[737]

С одной стороны, Куртинский кризис представлял сколок с общего процесса в Русской Армии, разворачивающегося на Восточно-Европейском театре военных действий. Именно об этом и писал Лев Троцкий: «Царские войска во Франции, т.е. в совершенно для них искусственной среде, движимы были теми же чувствами и проделывали те же этапы разложения, что и армия на родине. “Когда услышали мы, что царь отрекся, — объяснял на чужбине офицеру пожилой солдат из безграмотных крестьян, — то здесь же и подумали, что, значит, и война кончится... Ведь царь нас на войну посылал... А зачем мне свобода, если я опять в окопах гнить должен?” Это подлинно солдатская философия революции, не извне принесенная: таких простых и убедительных слов ни один

[734] ТРЕМБИЦКАЯ А.А. Указ. соч., с. 75, 76. Как уже говорилось выше (§1 глава 3), в этой же статье при упоминании факта закрытия газеты «Наше слово» в сентябре 1916 г. отсутствует хотя бы малейший намек на присутствие во Франции русских войск.
[735] ТРОЦКИЙ Л. История Русской революции, т. 2, ч. 1, с. 248.
[736] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 9, л. 12, 34, 77об.
[737] БЕРТИ Ф. Указ. соч., с. 143.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

агитатор не выдумает». Однако Троцкий (позаимствовав эту солдатскую фразу у Лисовского[738]) не объяснил, почему со смертью в 1916 г. в Австро-Венгрии императора Франца-Иосифа I и вступлением на престол место его родственника Карла I австро-венгерская армия продолжала сражаться. Может, именно потому, что русские солдаты в массе были необразованными, т.е. игрушкой в руках таких людей, как Троцкий? Не случайно один из героев в воспоминаниях Малиновского говорит: «Эх, дождались свободы, а какая она, свобода, не знаем»[739].

Более того, Троцкий развивает дальше свою мысль: «Страшную заразу русские солдаты привезли с собою через моря в своих холщовых мешках, в складках своих шинелей и в тайниках своих душ. Тем и замечателен этот драматический эпизод в Ла-Куртин, что он представляет собою как бы сознательно построенный идеальный опыт, почти под колоколом воздушного насоса, для изучения внутренних процессов в русской армии, подготовленных всем прошлым страны»[740]. Бесспорно, что под «страшной заразой» Троцкий имеет в виду «революционизирование» армии, точнее, тот процесс, который имеет более простое название — разложение армии и, как следствие этого, развал государственности.

Однако становится непонятным, почему кризис, подобный Куртинскому, который, как кажется на первый взгляд, «подготовленный всем прошлым страны», не произошел на Балканском театре военных действий, где находилось столько же солдат, сколько и на Западном фронте, и тем более непонятно, почему свой «Куртинский кризис» не произошел в частях Баратова в Персии, численность которых была сопоставима с русскими войсками во Франции и на Балканах? Несомненно, что еще одна из главных особенностей возникновения и протекания Куртинского кризиса заключалась в том, что он во многом зависел от субъективных условий, т.е. от наличия массы левых агитаторов и неуверенности командования. На Балканах и в Персии эти факторы (по крайней ме-

---

[738] ТРОЦКИЙ Л. История Русской революции, т. 1, с. 262; ЛИСОВСКИЙ Ю.И. Указ. соч., с. 278.
[739] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 258.
[740] ТРОЦКИЙ Л. История Русской революции, т. 2, ч. 1, с. 250.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ре, первый) отсутствовали, и поэтому там русские войска вплоть до января 1918 г. продолжали выполнять боевые задачи. Следовательно, речь идет не о том, что̀ «русские солдаты привезли с собою через моря в своих холщовых мешках, в складках своих шинелей и в тайниках своих душ», а о том, с чем они столкнулись на местах.

Итак, среди главных причин подавления мятежа можно указать несколько: с одной стороны, — неорганизованность куртинцев, их неготовность идти до конца (поскольку их вожаки держали солдат в неведении происходящего), их пассивные действия, блокада Куртина французскими войсками, с другой — гражданское мужество Занкевича, взявшего на себя более чем тяжелую ответственность за подавление мятежа, организованность курновцев и быстрота действий «верных» войск при штурме. Вопрос о потерях при штурме лагеря до сих пор остается открытым.

Несмотря на отрицательное отношение (точнее, ненависть) рядового состава к офицерам, нельзя не отметить, что за весь период пребывания Особых бригад во Франции (да и на Балканах также) убийство Краузе стало единственным (не вызывающим сомнений) случаем убийства офицера (весь офицерский корпус 1-й и 3-й бригад составлял приблизительно около 200 чел). Даже факты избиения офицеров (документально подтвержденные) были редки. Иными словами, рядовой состав Особых бригад обладал значительным запасом прочности, — возможно, даже большим, чем русские войска на русском фронте, хотя и при этом необходимо учитывать различные субъективные условия (в данном случае не имеются в виду убийства офицеров в тыловых городах и районах России солдатами запасных частей).

Более того, характерной чертой всего Куртинского кризиса можно назвать относительно мирные отношения между куртинцами и русским военным руководством: Занкевич, Лохвицкий и Рапп не боялись приезжать в Куртин и вести там переговоры с предводителями мятежа, что может также свидетельствовать хотя бы о минимальной дисциплине среди куртинцев (или о наличии действительно настоящей дисциплины в Куртине).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

В заключение главы можно уверенно сказать, что Куртинский кризис стал поворотным пунктом в истории Особых бригад не только во Франции, но и в Греции, поскольку события в Крёзе прямым образом коснулись и русских войск на Салоникском фронте.

Военные успехи 1-й и 3-й Особых бригад на французском фронте с 17 июня 1916 г. по 20 апреля 1917 г. заслуживают всяческой похвалы. Но за мужеством и самоотверженностью русских войск скрывалась несколько иная картина — возрастающий с начала 1917 г. в геометрической прогрессии упадок дисциплины на фоне постоянно увеличивающейся пропасти между офицерами и нижними чинами — сопоставимая, впрочем, с подобными проявлениями на Русском фронте, но с некоторыми отличиями (вызванными прежде всего условиями, в которых протекала повседневная жизнь Особых бригад). Тем не менее и французским частям (и вообще всем войскам по обе линии фронта) также были присущи как усталость от войны, так и факты недисциплинированности.

Хотя Куртинский кризис был преодолен, «русский вопрос» по-прежнему оставался актуальной проблемой. Французское и Временное правительства все еще оставались заложниками новой старой задачи, т.е. не знали, что делать дальше с русским военным контингентом.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Глава 4. Завершающий этап пребывания Особых бригад во Франции (сентябрь 1917 – декабрь 1918)

§1. Система «трияжа» и русские войска

В настоящей главе представляется необходимым исследовать последний период нахождения Особых бригад во Франции, касающийся причин возникновения системы «трияжа», численного состава его категорий, причин создания Русского легиона (Русского Легиона Чести) и трудовых отрядов, их формирование, численность, боевую деятельность и потери Русского легиона, рабочую деятельность трудовых отрядов. В данном параграфе будет затронут комплекс вопросов, связанных с «трияжем».

* * *

После подавления мятежа в Ля-Куртине русское военное командование в лице Занкевича и Лохвицкого решило, что дисциплина в частях восстановлена, и стало активно добиваться отправки 1-й Особой дивизии либо на Западный фронт, либо на Балканы[741]. Однако французский Генштаб решительно отказал обоим генералам, поскольку не верил в восстановление порядка и опасался возникновения нового очага неповиновения на Салоникском фронте. К тому же ни французы, ни англичане не могли найти необходимого тоннажа для транспортировки русских войск, что дало повод Занкевичу указать 23 декабря 1917 г.: «Посылка войск на Салоники невозможна по независимым от нас причинам»[742].

Пока шли переговоры на высоком уровне, солдатская масса оказалась вновь предоставленной самой себе, в то время как с родины постоянно приходили тревожные вести о происходящих событиях в России, что в совокупности порождало питательную почву для деятельности агитаторов, занявшихся продолжением своей «антимилитарной» деятельности. Общее моральное состояние основной массы войск (именно бо́льшая часть 1-й дивизии находилась в Куртине, т.е. самая ее инертная часть), по крайней мере, не улучшалось, даже

[741] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 1.
[742] Там же, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 206.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

наоборот, ухудшалось день ото дня[743]. Некоторые солдаты даже начинали заболевать тифом. Кроме того, сосредоточение св. 7,0 тыс. чел, только что приведенных к порядку силой оружия, в одном месте, вызывало сильное беспокойство у французских и русских военных властей[744].

Русское командование, также, по сути дела, оказавшись предоставленным самому себе, т.е. брошенное Петроградом, пыталось бороться за восстановление порядка. Командование пыталось наладить повседневную воинскую службу: соблюдение порядка, уборку помещений и территории, исполнение приказов. Была создана школа грамотности (чтение, письмо и «простейшее счисление») и школа общего развития (арифметика, правописание, география, отечественная история, французский язык)[745].

Но все попытки привести солдат к повиновению наталкивались на ненависть к офицерам вообще и на абсолютное нежелание солдат к восстановлению прежней (царской, т.е. старой и «контрреволюционной») дисциплины. Так, поручик Севчинский в частном письме некоей мадемуазель Бывалевич с грустью в каждом слове отмечает: «...я напоминаю им [солдатам. — М.Ч.] о долге, благоразумии, чести. (...) Солдаты не хотят ни любить, ни защищать свою Родину. (...) Требуют, чтобы я слил свою душу с душой солдата, но никто не видит бездну, которая нас разделяет... Я не могу ни пьянствовать с ним [с солдатом. — М.Ч.], ни потворствовать его животным инстинктам... И роль ментора, военного советника, не может мне снискать ни любви, ни популярности...»[746].

В ответ куртинцы продолжали вести самостоятельную жизнь, не подчиняясь офицерам и при удобном случае демонстрируя приверженность идеям революции, точнее, доказывая лишний раз свое нежелание воевать. Так, уже 24 сентября произошел первый случай неповиновения, когда две роты (700 чел) отказались повиноваться приказаниям французов, в итоге чего трое зачинщиков бунта были арестованы. 19 октября солдаты 7-й и 8-й рот (предположи-

---

[743] КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 105; РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 54, 154; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 269-269об.
[744] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 194, 195.
[745] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 42об.
[746] «Мы пережили здесь...», с. 26.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тельно 1-го полка) вывесили в окне казармы красные флаги с надписями: «Долой тиранов, да здравствует Россия!», «Да здравствует 1-я бригада! Слава героям, павшим за свободу в Ля-Куртин!»[747]. По-прежнему продолжали существовать трения между обеими бригадами.

Даже курновцы к концу 1917 г. превратились в «...деморализованную толпу, в общем, вполне безвредную, но решительно никуда не годную в смысле военном и боевом»[748]. Более того, даже некоторые курновцы начали сожалеть о том, что ушли летом из Куртина, а 11 декабря 1917 г. часть курновцев стала поговаривать о «необходимости поднять восстание, как в Куртине»[749]. В одном из ноябрьских отчетов французской военной цензуры говорилось: «Тон писем из Курно, настроенных к происходящему вокруг скорее положительно, чем отрицательно, начинает становиться раздражительным. Патриотически настроенные письма, говорящие два месяца назад о войне до победного конца, уже совсем исчезли»[750].

Французские исследователи Ф. Шилленже и Ж. Нико приводят интересное мнение, основанное на изучении аналитических записок французской военной цензуры: они считают, что любовь части солдат к родине находилась в прямой пропорции от ненависти к Франции, т.е. некоторая группа солдат не столько хотела вернуться на родину как таковую, сколько хотела спастись от несправедливого к ним отношения французов[751].

Прежняя вражда французов к русским не только не утихла, но и развивалась усиленными темпами, особенно в связи с заключением Петрограда перемирия с Берлином и подписанием Брестского мира. Русские относились к французам не лучше, особенно куртинцы, рассматривая их как главных помощников (или даже организаторов) подавления их восстания в сентябре 1917 г. После 20 сентября, когда французы стали охранять безоружных куртинцев, последние рассматривали первых не иначе как тюремщиков.

---

[747] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 169, 192.
[748] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 278.
[749] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 196.
[750] Цит. по: Ibidem., p. 198-199.
[751] SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 393.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

После подавления мятежа в Куртине Франция не знала, что ей делать дальше с «русским вопросом». Общее состояние двух бригад, размещенных в разных лагерях, сильно беспокоило французское командование[752]. 19 ноября 1917 г. председатель Совета министров и одновременно военный министр Клемансо, сильно обеспокоенный ситуацией, сложившейся вокруг русских войск, находящихся во Франции, утверждал: «...необходимо как можно скорее погасить этот подлинно революционный очаг»[753].

Со своей стороны, в начале осени 1917 г., Временное правительство, занятое не столько внутренними проблемами, сколько проблемой собственного существования, уже не интересовалось русскими войсками, находящимися вне пределов России, — в частности, во Франции. Более того, 5 ноября 1917 г. (за два дня до Октябрьской революции) орган Временного правительства «Междуведомственный Комитет по заграничному снабжению» вынес беспрецедентное решение «о предпочтительности, взамен возвращения русских войск, использования хотя бы в качестве рабочей силы [во Франции. — М.Ч.]»[754]. Наверное, впервые во всей мировой истории правительство отказывалось от собственных солдат, словно от недвижимости (хотя до сих пор не выяснена законность принятия этого решения). С другой стороны, нельзя не понимать, что в сложившихся к осени 1917 г. условиях о возвращении на фронт 1-й Особой пехотной дивизии и речи не могло идти, и единственную пользу, которую могли принести русские солдаты — не на боевом, а на трудовом фронте. Однако данный вывод можно сделать, если рассматривать русские войска только как вспомогательные французские части, что в корне неверно. С точки зрения «державного эгоизма» Петроград был обязан добиваться если не их возвращения на французский фронт (что было просто не реально), то, по крайней мере, возвращения на родину. Вместе с тем нарастание внутреннего кризиса в России, в котором было виновно и само Временное правительство, делало невозможным все попытки Петрограда добиться решения данной проблемы. Напротив, Петроград

---

[752] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 198.
[753] Цит. по: Ibidem., p. 196.
[754] Цит. по: ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 98.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

проявил полную бездеятельность, то соглашаясь, то отказывая войскам в возвращении в Россию.

Постановление Междуведомственного комитета по заграничному снабжению оказалось как нельзя кстати для французского правительства. Из-за больших потерь на фронте французы испытывали большой недостаток в рабочих. Как говорилось в §1 главы I, уже к концу 1915 г. Франция находилась в тяжелом экономическом и военном положении, что подтверждал Игнатьев. Кроме того, французы не забывали и о финансовой выгоде, которую сулило использование русских на заводах и фабриках. Поэтому формальное разрешение Временного правительства об использовании русских войск в качестве либо рабочей силы, либо (в меньшей степени) военных частей являлось как нельзя выгодным для французского правительства. Таким образом, решение Временного правительства послужило основанием для введения в действие системы т.н. трияжа (фр. *triage* — отборка, сортировка)[755].

Поэтому 16 ноября, на основании решения Междуведомственного комитета Временного правительства, Клемансо издал постановление № 27.576 I/II о разделении русских военных контингентов на три категории — желающих сражаться вместе с союзниками, добровольцев-рабочих и тех, кто не желает ни сражаться, ни работать и будет сослан в Северную Африку. Тех, кто вошел в 1-ю категорию, называли «*combattants*» («*бойцы*»), во 2-ю — «*travailleurs*» («*рабочие*»), в 3-ю — «*irreductibles*» («*непримиримые*», «*упрямые*»). Предложение отправлять солдат 3-й категории в Северную Африку вызвало протест (проигнорированный Парижем) у Занкевича, безуспешно пытавшегося доказать французским властям, что для солдат отправка в Африку будет равнозначна ссылке в Сибирь, и этот факт даст агитаторам лишний повод для возникновения волнений и недовольства (что и произошло)[756]. Более того, в донесении французскому военному министру от 20 января 1918 г. Занкевич настаивал на

---

[755] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 208, 210-211. Французский исследователь Адан не употребляет этого термина. Другой француз (русского происхождения), Ж. Горохов, утверждает, что деление произошло на пять категорий, но под 4-й и 5-й категориями он включает солдат, находящихся соответственно в госпиталях и на о. Экс, — GOROKHOFF G. Op. cit., p. 6.

[756] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 85, л. 2; там же, д. 87, л. 1-2.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

формирование в Африке отдельной Русской базы во главе с русскими офицерами и за подчинение французских чинов русским — как на предполагаемой им «африканской» базе, так и на существующей базе в Лавале[757]. Разумеется, в конце 1917 г. — начале 1918 г. на русских уже смотрели как на собственность французского правительства, и никто не замечал подобные протесты, и Занкевич подал в отставку.

Постановлением французского правительства № 30.234 I/II от 24 декабря 1917 г. Париж брал на себя содержание всех русских войск, находящихся на ее территории и отменял все солдатские комитеты. Нормы содержания — денежного и прочих видов довольствия — русским военнослужащим выплачивались как французским. Войсковые комитеты 1-й Особой дивизии (но только на территории Франции, а не на Салоникском фронте) ликвидировались особым приказом по русским войскам во Франции и Салониках № 174 (от 11 января) Занкевича, хотя, как признавал сам Занкевич, он не имел права совершать подобный шаг с юридической точки зрения[758]. (Справедливости ради отметим, что ситуация, сложившаяся после развала России к началу 1918 г. не имела аналогов, в т.ч. и в международной юридической практике, и что считать законным, а что незаконным, было определить довольно трудно, практически — невозможно.)

Точную численность всех трех категорий трияжа определить трудно, прежде всего из-за того, что солдаты имели право переходить из одной категории в другую, но общие пропорции категорий выяснить можно: подавляющее большинство записалось во 2-ю (желающие работать), намного меньше — в 3-ю (не желающие ни работать, ни сражаться) и совсем немного — в 1-ю (желающие сражаться). По данным Занкевича, в Курно (к 8 декабря) находилось 6.466 чел, в Куртине (в январе 1918 г.) — 7.885 чел (всего — 14.351 чел). Однако 24 декабря 1917 г. Лохвицкий сообщил Занкевичу, что в Курно находится 7.478 чел (но без указания численности куртинцев). Из 7.478 курновцев в 1-ю категорию

---

[757] Там же, д. 85, л. 3.
[758] Там же, ф. 15230, оп. 1, д. 85, л. 2-3, 43, 45.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

записалось 266 чел (3,5%), во 2-ю — 5.094 чел (68%), в 3-ю — 1.316 чел (17,5%); остальные (11%) — находились в госпиталях, были освобождены от службы, а также были «арестованы на границе с Испанией и отправлены в Африку» (90 чел)[759]. Похожие данные указывают Ж. Нико и Ф. Шилленже: из 7,6 тыс. куртинцев в Африку отправились 3,0 тыс. чел, из 6.330 курновцев — 1.330 чел. Остальные (4,6 тыс. куртинцев и 5,0 тыс. курновцев) записались во 2-ю категорию[760]. По данным приказа по лагерному сбору Ля-Куртин № 86 от 11 декабря 1917 г., на работы ушло 1.801 чел с 4 офицерами; в Северную Африку отправилось 3.484 чел (всего — 5.285 чел)[761].

Павлов, ссылаясь на сводку о численности русских войск во Франции и Северной Африке на 1 января 1918 г. (с учетом нахождения на момент расформирования 1-й Особой дивизии в госпиталях 1,7 тыс. чел, т.е. 9%), указывает следующие данные: в 1-ю категорию записалось 277 чел (1,5%), во 2-ю — 12,0 тыс. чел (65%), в 3-ю — 4,5 тыс. чел (24,5%). Данилов приводит сведения на 6 января 1918 г.: соответственно 252 (1,3%), 11.522 (60,5%) и 4.476 (23,5%) чел (при этом 2.499 чел или 13,1% находилось в госпиталях по причине болезни и в заключении под стражей на о. Экс — 12 чел); всего — 18.761 чел. По его же данным, к 21 июня 1918 г. во Франции находились 453 офицера и 15.590 чел (всего — 16.043 чел)[762].

Адан, с одной стороны, указывает противоречивые данные. По его сведениям, накануне раскола 1-й Особой дивизии 8 июля, в обеих бригадах насчитывалось 15,5 тыс.; потери во время штурма Куртина — в сотню человек, т.е. после 20 сентября (по Адану) в обеих бригадах должно насчитываться приблизительно столько же, поскольку точных цифр Адан не дает. Однако по его же сведениям, в конце 1917 г. в 1-ю категорию (к 1 января 1918 г.) записалось 277 чел (2%), во 2-ю — около 9,0 тыс. (65%), в 3-ю — св. 4,5 тыс. чел (33%), т.е.

---

[759] Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 1, 2, 26.
[760] SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 392.
[761] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 181.
[762] ПАВЛОВ А.Ю. Указ. соч., с. 74. По «африканцам» Летнев приводит сходные данные — из 1-й Особой дивизии в Африку было отправлено около 4,3 тыс. чел (ЛЕТНЕВ А.Б. Указ. соч., с. 137; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 214, 218). По данным генерал-губернатора Алжира в начале февраля 1918 г. в стране находилось 4,5 тыс. русских солдат («Мы пережили здесь...», с. 30).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

всего — около 14,0 тыс. чел[763]. Вне внимания французского исследователя осталось около тысячи человек. С другой стороны, Адан мог не посчитать солдат и офицеров, записавшихся в Иностранный легион и союзные войска (во французские, польские и др.).

По данным Лисовенко, к началу января 1918 г. в Северную Африку было отправлено св. 9,0 тыс. солдат бывшей 1-й Особой дивизии. Данилов приводит ту же цифру, но включает в нее не только солдат 1-й, но и 2-й Особой дивизий, что дает возможность предположить заимствование этой цифры Лисовенко у Данилова в своих интересах. (Из 9,0 тыс. «африканцев» Данилов, как говорилось выше, к 1-й Особой дивизии относит около 4,5 тыс. чел[764].)

Таким образом, можно предположить, что из 1-й Особой дивизии в 1-ю категорию записалось менее 5%, во 2-ю — 65-70% и в 3-ю — 25-30% солдат и офицеров. Очень тяжелая доля выпала на офицерский корпус Особых бригад. Французское правительство запретило записываться в 3-ю категорию офицерам, хотя известны случаи, что русские офицеры прибывали в Северную Африку в качестве командиров частей: к середине 1918 г. из 470 офицеров в Африке находилось 123 чел, а весной 1919 г. — не более сотни[765]. Среди солдат 3-й категории они абсолютно не имели никакой власти. Практически все они подавали донесения с просьбой об отправке на фронт, но их просьбы, как правило, оставались без ответа.

Вместе с тем нельзя не отметить, что французы предоставили солдатам бывшей 1-й (как и 2-й) Особой дивизии *самостоятельный* выбор, и данных о том, что они загоняли в Африку русских солдат насильственным путем, пока не найдено, скорее наоборот, — французы были заинтересованы в том, чтобы они вербовались если не в 1-ю, то, по крайней мере, во 2-ю категорию. Генерал Лохвицкий объяснял желание солдат в Курно записываться в 3-ю категорию двумя главными факторами (которые можно применить ко всем солдатам 1-й

---

[763] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 125, 163, 199-200. Последние цифры Адан дает без ссылки на источники.

[764] ЛИСОВЕНКО Д. У. Указ. соч., с. 266; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 218. О 4,0 тыс. «африканцев» свидетельствует и Власов, — ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 129.

[765] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 220.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Особой дивизии): во-первых, в лагере успешно работали «большевистские» пропагандисты, агитирующие против создания русских добровольческих отрядов и записи в трудовые батальоны; во-вторых, «...явилось желание пострадать за правду»[766]. Однотипную точку зрения высказал и Малиновский: «Остальные решили — будь что будет. Подумаешь, чем запугали русского солдата — Африкой! Принудительными работами! Нас, солдат, всегда принуждали: принуждали служить, принуждали воевать... Мы и не такое видали! Пошли за вещмешками и айда в Африку»[767]. Игнатьев (присутствуя в Париже на заседании «Комитета военнослужащих и русских граждан Парижа» и по другому поводу), высказал похожие мысли: «Говорят, что французы изменят свои к нам отношения. Но что же они смогут с нами сделать? (...) Посадить нас в тюрьму? Так неужели же страшно посидеть за решеткой, сознавая, что сидишь только за то, что ты — русский?»[768].

Вместе с тем нельзя не учитывать, что солдаты, записавшиеся в 3-ю категорию, искренне верили, что их быстрее отправят на родину (точно также, когда не менее искренне в Крымскую войну крестьяне, записывавшиеся в ополчение, полагали, что после войны получат «вольную»). Можно смело предположить, что солдаты, попавшие в 3-ю категорию, в большинстве оказались обыкновенными жертвами левой (большевистской?) агитации, а не мучениками во имя высоких идей, как их обычно изображали. Впрочем, это никоим образом не может снимать вины с французского правительства, уготовившего бывшим союзникам (русским солдатам), проливавшим кровь в Шампани, невыносимые условия пребывания в североафриканских лагерях, даже после их отказа сражаться на фронте или идти на работы.

После прихода к власти большевики повели планомерную работу по возвращении русских солдат на родину, что во многом способствовало их отказу от записи в 1-ю категорию и, возможно, дало солдатам уверенность в скорой отправке на родину. Не случайно, что в этот период французская военная цен-

---

[766] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 25.
[767] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 333.
[768] ИГНАТЬЕВ А.А. Указ. соч., с. 655.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

зура отмечает пробольшевистски настроенный тон писем, в которых Ленин назывался героем, а Керенский — предателем. Более того, судя по тем же аналитическим запискам, призывы «Да здравствует Ленин!», «Долой войну!» и «Смерть буржуям!» стали как никогда многочисленными[769]. Напротив, русское командование 1-й дивизии отказалось признавать «...за группой лиц, захвативших правительственные учреждения города Петрограда, авторитета правительственной власти, которая опиралась бы на волю российского народа». Поэтому Занкевич утверждал, что «мы следуем лишь директивам назначившего нас и нами представляемого Временного правительства, полномочия коего нам данные, остаются незыблемыми»[770].

Именно Советская Россия, в отличие от бывшего правительства, целенаправленно и целеустремленно добивалась их возвращения на родину. Так, еще за месяц до подписания Брестского договора, большевики послали ноту заместителя наркома иностранных дел в посольство Франции (№ 27 от 5 февраля 1918 г.), в которой требовали возврата в Советскую Россию русских войск (но почему-то только с Салоникского фронта). 22 апреля и 27 мая того же года НКИД РСФСР вновь обратило внимание Франции на незаконность задержания русских войск за границей (особенно по отношению к русским солдатам, находящимся в Северной Африке, т.е. к солдатам 3-й категории «трияжа»). 4 июля 1918 г. V-й Всероссийский съезд Советов послал приветствие русским солдатам за границей и выразил надежду на скорое их возвращение на родину[771]. Вместе с тем думается, что в основе подобных мотивов лежало не человеколюбие большевиков, а нехватка живой силы в Красной Армии (впрочем, последний аргумент относится и к ее противникам[772]). При этом большевики были уверены в том, что бо́льшая часть заграничных русских войск перейдет именно на их сторону. Впрочем, не всегда желания большевиков совпадали с желаниями прибывших из Франции солдат. По одним сведениям, в начале 1919 г. из 2,4

---

[769] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 183-184.
[770] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 170; там же, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 269.
[771] Документы внешней политики СССР, т.1, с. 97, с. 253.
[772] Желание заполучить в свои ряды новых бойцов было столь велико, что в мае-июне 1919 г. корабли Добровольческого флота три раза пытались перехватить транспорты с солдатами из Франции, шедшие в советские порты, — ЛЫМАРЬ А.П. Указ. соч., с. 69.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

тыс. чел, уже прибывших в Советскую Россию, только сто человек согласились воевать за Красную Армию[773].

В дальнейшем советское правительство добилось своего, получив согласие от французского на репатриацию русских войск. Самым главным событием стало подписание 20 апреля 1920 г. в Копенгагене (Дания) между французским консулом Дюшеном, с одной стороны, и членом коллегии Наркоминдела М.М. Литвиновом, с другой, соглашения относительно отправки задержанных в Советской России французов (находившихся в заложниках) во Францию в обмен на русских военнослужащих из расчета 125 женщин и детей на 3,0 тыс. русских солдат[774].

Самое пристальное внимание советские историки и солдаты-мемуаристы постоянно обращали на судьбу солдат 3-й категории, хотя там находилась вторая по численности группа солдат бывшей 1-й Особой пехотной дивизии[775]. Это делалось с единственной целью — показать классовую жестокость французской буржуазии по отношению к простым русским рабочим и крестьянам. Думается, только в одном были правы те, кто считал Северную Африку «колониальной каторгой»[776] — в том, что русские солдаты находились в Северной Африке на положении осужденных преступников. И даже в этом случае существовали примеры, выходившие за рамки требований политкорректности недавнего прошлого — отдельные солдаты могли стать управляющими, отсылать на родину (!) продукты, иметь возможность жениться на дочках своих хозяев или просто неплохо устроиться[777].

Впервые на работу солдаты отправились еще во время Куртинского кризиса (скорее всего, на добровольных началах): в июле — некоторое количество

---

[773] Там же.

[774] РСГФ, 1920, № 465. Подробнее о репатриации русских войск в Советскую Россию см.: ПОПОВА С.С. Судьба Русского экспедиционного корпуса, с. 201-216.

[775] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 99-100; ЕГЕРЕВ М. Указ. соч., с. 92-94; КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 109-117; ГОРОДИСКИЙ Н. Указ. соч., с. 128-143; ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 266-283; Русские войска во Франции, с. 10-13. Из этих четырех человек (не считая авторов сборника, чей жизненный путь не установлен) в Северной Африке были только Карев (в течение непродолжительного времени) и Власов.

[776] Цит. по: ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ Ф.Ф. Указ. соч., с. 81.

[777] Из бесед автора с внуком солдата 1-й Особой дивизии С.И. Ябуровым и внуком солдата 4-й Особой бригады Б.А. Кузьминым. См. также: РГАСПИ, ф. 71, оп. 44, д. 4, л. 52-58.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

выздоравливающих и освобожденных от воинской повинности солдат[778]. Еще до 5 ноября, до постановления Междуведомственного комитета по заграничному снабжению, французский военный министр (с ведома Петрограда и Занкевича) телеграммой №83.047 от 9 октября 1917 г. разрешил отправлять русских на работу. Русское командование не возражало, но в приказе по русским войскам во Франции №33 от 22 октября 1917 г. говорилось о том, что Петроград разрешил желающим отправляться на «вольные работы» за плату не менее 3 франка в день, одновременно строго запретив военнослужащим переходить на службу в союзные армии[779]. По данным Адана, к 27 ноября на работы вышло 2,5 тыс. чел (спустя некоторое время — еще 1.785 чел), которых распределили по 11 военным округам (Régions) Франции[780].

В этот же день, 27 ноября 1917 г., Клемансо объявил о создании рабочих рот (compagnies de travailleurs) из тех, кто не может быть допущен на боевой фронт, но захотят отправиться на трудовой. Так, в приказе по русским войскам во Франции № 150 от 8 декабря 1917 г. говорилось: французское правительство решило куртинцев до отправки их в Россию (или даже сформирования из них отдельной воинской части!) отправить на работы со своими офицерами «...для выполнения работ военного времени вне сферы военных действий»[781].

Русские солдаты-рабочие имели право на 7-дневный отпуск при условии не менее 4 месяцев пребывания на работе (или после их последнего отпуска), но при условии, что будущие «пермиссионеры» (отпускники) будут проживать не только у «персоны, заслуживающей доверия» («personne honorablement connue»), но и в тылу, т.е. не в приграничной и не в прифронтовой зонах, в любом городе, кроме Парижа, Лиона, Марселя и Бордо[782].

После трияжа записавшихся во 2-ю категорию разделили на временные отряды. В каждом отряде должно числиться: 1 офицер, 2 переводчика, 1 капитан, 5 вторых капитанов (capitaines en second) или лейтенанты, или су-лейтенанты,

---

[778] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 189.
[779] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 48.
[780] Там же, л. 51, 136, 158; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 199.
[781] РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 177.
[782] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 42, л. 48-49; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 227.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

— все французской службы; 25 унтер-офицеров и 500 солдат (с двумя полевыми кухнями). При двух отрядах — 1 врач и 4 санитара. По данным Адана — 7 офицеров (один из них — француз), 25 унтер-офицеров; при роте должен был находиться 1 врач и 4 санитара[783]. Две роты составляли один временный батальон. Для связи с местным французским командующим войсками с отрядом рабочих должны быть назначены особые офицеры французской службы.

Однако работали солдаты чаще всего небольшими группами, по 15-25 чел и даже по 2-4 человека, причем французские власти считали, что чем рабочий отряд будет мельче, тем лучше, поскольку опасались возникновения волнений среди русских солдат; к тому же редко кто из рабочих работал несколько месяцев на одном и том же месте. С другой стороны, для французского правительства возникала естественная опасность отсутствия полномасштабного контроля над всеми солдатами-рабочими.

Париж опасался не только возникновения волнений с непредсказуемыми последствиями, но и налаживания связей между русскими солдатами и французскими рабочими, могущими привести к серьезным конфликтам на фоне тяжелой общей экономической обстановки во время войны (и даже с местным населением). Специальные инструкции запрещали русским рабочим-солдатам появляться в кафе, кабачках и вообще выходить за пределы определенной территории. Контроль за русскими доходил до такой степени, что в одном из донесений (от 18 августа 1918 г.), посылаемых в военное министерство, сказано, что за ними следят «еще строже, чем за германскими военнопленными»[784].

Солдаты по-разному отнеслись к идее работы на французов. Некий подпольный комитет (Лисовенко, свидетельствующий о его существовании, ничего о нем не рассказывает), выпустил три листовки, в которых солдат призывали не ходить на работы[785]. Адан приводит многочисленные цитаты из солдатских писем, где говорилось о нежелании солдат работать на французов. «Можем ли мы

---

[783] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 28; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 206.
[784] Ibidem., p. 206, 208, 223, 224, 226.
[785] Текст воззваний, приведенных Лисовенко, взят у Пуатевена, о чем свидетельствует особая сноска, — ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 239-240; POITEVIN P. Op. cit., p. 56-57. См. также: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 392; МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 317.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

работать на французов, которые нас расстреливали [в Куртине. — М.Ч.]?». «Многие наши товарищи ушли работать... Для меня они — не борцы за свободу, а трусы, согласившиеся на приказы кровососов общества [т.е. французов. — М.Ч.]!» «Зачем идти на работу? Неужели мы будем помогать буржуазии, в то время как в России победила демократия?» «Нас хотят отправить на работу, но лучше отправили бы в тюрьму... мы не будем работать на французов»[786]. Хотелось бы отметить, что, скорее всего, эти письма были написаны куртинцами, ибо факт остается фактом: бо̀льшая часть куртинцев отправилась в Африку, а бо̀льшая часть курновцев — на работы. Среди подобных писем проскальзывают и другие: «Я не хочу продавать свою совесть и брать кусок хлеба из рук французов, которые работают за 15-20 франков в день, в то время как нам сулят в три раза меньше. Это недостойно русского солдата-гражданина»[787]. Иными словами, автор этого письма отказывается идти на работу не из-за политических убеждений, а из-за экономических, т.е. низкой зарплаты.

Сфера деятельности солдат-рабочих была широкой. Прежде всего солдаты трудились на министерство вооружений: на лесозаготовочных работах, на прокладке новых дорог и в сельском хозяйстве. К 1 июню 1918 г. число занятых в этих видах работ, составляло соответственно 4.941, 2.059 и 1.518 чел (т.е. всего 8.518 чел)[788]. По данным ведомости о работе 29 рабочих рот (13.787 чел), предоставленных начальником Русской базы Игнатьеву 9 марта 1918 г., русские солдаты-рабочие работали на рубке леса (13 рот), на сельскохозяйственных и земляных работах.

Условия быта рабочих-солдат — питание, медицинское обеспечение — находилось на разном уровне, и зависело от того, где трудились солдаты-рабочие, и от того, как к ним относились на данном предприятии. Так, специально построенные бараки для них на востоке Франции были возведены на скорую руку и совершенно не отапливались. В январе 1918 г. солдаты написали: «Мы спим на голой земле в грязи, без кроватей и соломы». «Несмотря на то, что на дворе

---

[786] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 198.
[787] Цит. по: Ibidem., p. 196-198.
[788] Ibid., p. 208.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

стоит трескучий мороз, у нас нет печки, чтобы согреться и обсушить свою одежду»[789].

Медицинское обслуживание также находилось не на высоком уровне. Французские врачи, как правило, относились к своим обязанностям по отношению к русским рабочим-солдатам весьма посредственно, как к колониальным туземцам. Так, врач, осмотрев больного, мог сказать: «Бон, карашо, сава» («Bon, kharacho, ça va») и отправиться дальше[790]. Некий В. Кропин вспоминал, что французский врач признавал солдата-рабочего «...больным только тогда, когда уж последний не мог передвигаться...», а другие могли легко попасть на гауптвахту[791]. Больше всего солдаты страдали от малярии и дизентерии.

По данным русской медицинской службы (Service de Santé des Contigents Russes en France), на 7 июня 1918 г. из 24.759 солдат и офицеров, находящихся во Франции (количественное изменение в сторону увеличения произошло, скорее всего, за счет прибытия солдат-рабочих 2-й Особой дивизии и, возможно, за счет бывших русских военнопленных), было госпитализировано 1.014 чел (4%) солдат-рабочих. В этом же документе начальник русской медицинской службы говорил, что не может принять всех больных в Лавале[792] (но возможности госпиталя в Лавале изначально были ограничены). Однако Адан, знакомый с этим рапортом, не прокомментировал вывода комиссии о том, что в общем медицинская служба, призванная следить за состоянием здоровья русских солдат и офицеров, работала нормально[793]. С другой стороны, переоценивать выводы комиссии не стоит, поскольку на данный момент неизвестна степень достоверности этих данных.

Во всех несчастьях, связанных с тяжелыми условиями работ, русские солдаты винили французов: «Вот как французы обращаются с союзниками, которые проливали ради них свою кровь». «Я не знаю, когда мы выберемся из этой проклятой Франции, которая нас так отблагодарила за Курси!» По данным Да-

---

[789] Цит. по: Ibid., p. 215.
[790] Ibid., p. 217.
[791] КРОПИН В. Указ. соч., с. 49.
[792] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 42, л. 94; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 217.
[793] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 42, л. 97.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

нилова, солдаты жаловались не на тяжелые бытовые условия, а на нехватку хлеба, табака, отсутствие свежих овощей, но больше всего — на отсутствие вестей с родины[794].

Условия труда действительно были разные. Адан, например, приводит случаи, когда русским рабочим-солдатам, работавшим на каменоломне, постоянно завышали нормы выработки. Так, до апреля 1918 г. им следовало раздробить 16 м³ камней в день, после апреля — 37 м³, а в августе — 57 м³! В некоторых областях рабочий день солдата-рабочего составлял 13-14 час в день, а инвалиды могли работать на вредном для здоровья производстве (например, на цементном заводе)[795].

Отношение предпринимателей к русским рабочим-солдатам не было везде одинаковым, и зависело во многом от отношения к ним на данном предприятии. Известны случаи, когда условия работы оказывались вполне сносными. Так, аналитические записки французской военной цензуры приводят такие письма солдат: «Большинство из нас уже завели знакомства с местными женщинами. Да и я сам уже скоро женюсь на одной милой француженке, у которой очень солидное приданое. Мы зарабатываем много денег (Nous gagnons assez d'argent)». «Сейчас меня содержит одна женщина, а там посмотрим. Я стал настоящим сводником (Je suis [le. — М.Ч.] maquereau)». «Наконец-то я могу здесь [т.е. в рабочем отряде. — М.Ч.] заниматься тем, что я люблю»[796]. Начальник Русской базы генерал Брюляр в донесении военному министру от 28 августа 1918 г. заметил, что «...там, где на них [на русских солдат-рабочих. — М.Ч.] не смотрят, как на предателей и изменников, а стараются войти в их сложные переживания», отношение к ним со стороны хозяев вполне удовлетворительное[797].

Вместе с тем 30 октября 1918 г. тот же Брюляр откровенно писал о циничном отношении французских капиталистов к русским солдатам-рабочим: «Большинство предпринимателей очень быстро поняло более чем огромную

[794] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 225.
[795] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 212, 214.
[796] Цит. по: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 393.
[797] Цит. по: ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 224-225.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

выгоду, которое им сулило применение труда русских солдат. Однако находятся еще более жадные до наживы предприниматели, чем другие, старающиеся извлечь для себя и без того большую прибыль. Они безжалостно эксплуатируют русских солдат, либо заставляя их работать больше, чем требуется (exigeant du Russe un rendement déraisonnable), либо путем нарушения условий контракта. В итоге между работодателем и русскими солдатами вспыхивают конфликты, а когда русский солдат начинает жаловаться, его тут же объявляют бунтовщиком, чтобы избавиться от него, не заплатив за совершенный им объем работ (sans bourse délier)»[798]. Поэтому не совсем понятна ирония Данилова, уверяющего, что агитаторы распространяли недостоверные слухи о том, что «французы из эгоистических побуждений — иметь лишние рабочие руки — не пускают их [солдат. — М.Ч.] обратно», т.е. в Россию[799].

Использование русских солдат как рабочих представляло огромную выгоду французам. Так, в среднем русский солдат-рабочий получал в день около 5 франков, что за условный месяц (25 дней) составляло 125 франков. Для сравнения: рабочий-алжирец (т.е. малоквалифицированный работник по сравнению с коренным французом) на тех же французских предприятиях получал 6,5 франка в день (за 25 дней — 162,5 франков), а отец с двумя детьми дополнительно получал 5,5 франка в день (за 25 дней — 137,5 франков, что в сумме могло составить 300 франков в месяц); к тому же при приеме на работу алжирец получал в качестве единовременной выплаты (prime d'engagement) 120 франков[800]. Данные о заработной плате солдата-рабочего, приведенные Лупановым (300-400 франков в месяц)[801] еще предстоит уточнить, поскольку не совсем ясно, сколько солдат-рабочих могли получать эту сумму (при условии, если солдаты действительно получали такие заработки). Но даже если принять сумму (которую приводит Адан) в 125 франков как среднюю, она явно была выше жалованья, полу-

[798] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 213-214. Поэтому не совсем понятно, почему тот же Адан принимает на веру большое количество бунтовщиков среди солдат-рабочих, поскольку неизвестно, в каких случаях французские капиталисты действительно сообщали о солдатах, ведущих «революционную борьбу», а сколько стали жертвами эксплуатации.

[799] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 225.

[800] ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 211, 213.

[801] Донесение капитана Лупанова помощнику начальника Русской базы № 334 от 24 августа 1919 г., — Архив Ю.В. Копылова.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

чаемого солдатами во время участия в боях — в среднем 50 франков (см. §3 главы I). Не случайно ли Адан (симпатизировавший «революционным настроениям» русских солдат) обходит стороной сравнение зарплаты солдата в период участия боевых действий на Западном фронте (июль 1916 — апрель 1917 гг.) и в период работы (осень 1917 г. — ноябрь 1918 г.)?

Итак, после введения в действие системы «трияжа» большая часть русских войск предпочла идти на работы, чем возвращаться обратно на фронт. Весьма примечательно, что солдаты выбрали именно 2-ю категорию — таким образом, становится более чем очевидным нежелание солдат к участию в дальнейших боевых операциях.

Условия работ солдат-рабочих и быта до конца еще остаются не выясненными, но можно утверждать, что они полностью зависели от отношения к солдатам-рабочим на данном предприятии. Утверждение, что «французские империалисты превратили русских солдат в белых рабов»[802], с одной стороны, практически недалеко от истины. Работать русским солдатам-рабочим часто приходилось в очень тяжелых и невыносимых условиях. С другой стороны, нельзя не заметить, что не все солдаты-рабочие были недовольны своим положением. Хотя, конечно, установить точный процент тех, кто пострадал от французов и тех, кто сумел обустроить свою жизнь, очень сложно. Кроме того, еще предстоит выяснить, существовал ли другой комплекс причин, в силу которых солдаты могли подвергаться нещадной эксплуатации.

Безусловно, что труд солдата в качестве рабочего был намного безопаснее, чем служба добровольца Русского легиона. Вместе с тем русские солдаты-рабочие внесли свой посильный вклад в дело борьбы Антанты против общего врага и должны заслуживать не меньшего уважения, чем труд французского или иного рабочего, трудящегося в самой Франции или ее странах-союзницах.

---

[802] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 101.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

§2. Русский легион: формирование, состав, боевая деятельность (сентябрь 1917 – ноябрь 1918)

В настоящей главе представляется необходимым исследовать последний период нахождения Особых бригад во Франции, в частности, причины формирования Русского легиона (Русского Легиона Чести), численность, боевую деятельность и потери Русского легиона.

* * *

Изучение истории Русского легиона советскими историками в силу понятных причин не проводилось. Даже Малиновский, с доблестью провоевав в его рядах от самого начала формирования легиона до конца войны (скорее всего, из-за политических соображений) в своих воспоминаниях говорит о том, что служил в Иностранном легионе[803]. Советские историки, желая принизить роль русских солдат и офицеров, решивших, несмотря на постигшие Россию катаклизмы, продолжить борьбу против Германии, и продемонстрировавших высокую силу духа, презрительно называли Русский Легион Чести «легионом позора»[804].

Напротив, историки Русского Зарубежья (Данилов, Тарусский) и — тем более — сами офицеры Русского легиона (Васильев, Смирнов) старались по мере сил подробно освещать историю легиона как часть военной истории Русской Императорской Армии. Однако их сведения во многом грешат излишним пафосом и желанием приукрасить действительность.

Начало создания русского добровольческого отряда в составе французских войск восходит к середине 1917 г., когда окончательно стало ясно, что борьбу с противником может продолжать не вся 1-я Особая дивизия, а лишь сводная часть ее состава. За исходную точку отсчета можно принять, по крайней мере, 11 июля 1917 г., когда генерал Занкевич в очередном донесении в Петроград говорит о том, чтобы «...сформировать из желающих и при этом лучших солдат

---

[803] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 341; Родион Яковлевич Малиновский, с. 16. Русский легион никогда не входил в состав Иностранного легиона, несмотря на наличие в обоих названиях общего слова «легион».
[804] ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 99.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

батальон или полк в зависимости от числа для службы на французском фронте...»[805].

В ответ на предложение французского военного министра о формировании русской добровольческой части 14 октября 1917 г. главнокомандующий французскими войсками Петен ответил, что признает желание русских солдат отправиться на фронт «законным», но они должны служить только в составе французских частей, т.е. отказаться от солдатских комитетов и при полном (безусловном) подчинении французской дисциплине.

Идея о привлечении на фронт русских добровольцев не была оригинальной. Во Франции на добровольческой основе уже шло формирование польских частей. Подразумевалось, что поляки (в т.ч. и из военнопленных или просто из добровольцев этой национальности, проживающих в любой стране) должны были служить под польскими знаменами, с польскими же офицерами, в своей форме, но под французским командованием. 17 января 1918 г. был сформирован 3-батальонный 1-й полк польских егерей. Впоследствии на основе этого полка была развернута 1-я пехотная польская дивизия. С ноября 1918 по апрель 1919 г. в Польшу было отправлено св. 68,0 тыс. поляков[806].

За неделю до официального разрешения на формирование русских добровольческих частей, 16 декабря 1917 г., Париж стал формировать такие же добровольческие части из чехов и словаков (и также под французским командованием). В январе-мае 1918 г. французы сформировали 1-ю пехотную чехословацкую бригаду (21-й и 22-й чехословацкие пехотные полки) — всего около 7,0 тыс. чел[807].

Поэтому идея Лохвицкого, высказанная им в октябре 1917 г., о формировании некоей «особой славянской армии», укомплектованной славянскими элементами из американской армии (части которой уже начали прибывать во Францию), ядром которой стал бы сводный отряд из 1-й Особой дивизии, не была столь абсурдной, как могло показаться на первый взгляд. «Славянская ар-

---

[805] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 30, л. 141; там же, д. 87, л. 24; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 194, 256.
[806] SEGRETAIN F., HERVET P. Op. cit., p. 59-61; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 256.
[807] SEGRETAIN F., HERVET P. Op. cit., p. 64-65; PREININGER. Op. cit., p. 5-6.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

мия» должна была войти в состав французских войск, как канадские части входили в британские Вооруженные Силы[808]. Идея генерала Лохвицкого не получила дальнейшего распространения: во-первых, из-за незначительного славянского элемента в американской армии и, во-вторых, из-за трудностей исполнения предполагаемого проекта, неизбежно возникших бы в процессе формирования.

В августе 1918 г. бывший посол России во Франции В.А. Маклаков попытался объединить находящиеся во Франции русские добровольческие части (для продолжения борьбы против Германии) под командованием генерала Е.К. Миллера, будущего Главнокомандующего войсками Северного фронта (преемника генерала Марушевского в Мурманске). Однако эта идея, поддержанная французским МИДом, встретила противодействие у Клемансо[809]. В конце 1918 г. Миллер намеревался сформировать из остатков 1-й Особой дивизии некую сводную часть («...либо на основе воинского долга (obligation de service), либо на добровольной основе»[810]), но на этот раз — для борьбы с большевиками, о чем он сообщил Маклакову в отношении от 4 ноября 1918 г.

После прихода к власти большевиков, Париж, желая использовать русские войска на фронте для продолжения борьбы с Германией, преследовал еще одну, более перспективную цель, о которой сообщил Адан. В лице добровольческих частей, формировавшихся на основе 1-й Особой пехотной дивизии, французское правительство попыталось создать силу, способную в ближайшем будущем выступить против большевиков на территории России. В течение 1918 г. идея об отправке в Россию военной силы из русских добровольцев для свержения большевиков (т.е. руками же русских солдат) не оставляла французское командование. Так, уже в марте 1918 г. из солдат 3-й категории, находившимся в Африке, пытались вербовать добровольцев в отряды для «...защиты и спасения отечества от большевиков»[811]. В октябре 1918 г. командир Марокканской диви-

---

[808] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 30, л. 201. См. также: ЛИСОВЕНКО Д.У. Указ. соч., с. 235.
[809] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 226-227.
[810] Цит. по: ADAM R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire.., p. 370. Полный текст отношения Миллера Маклакову см.: Ibidem., p. 366-373.
[811] РГАСПИ, ф. 71, оп. 44, д. 67, л. 74-75.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

зии Доган высказал уверенность в том, что русские, «верные сыны своего отечества», должны «добиться для себя полной свободы и восстановить порядок в своей стране». 18 ноября (уже после провозглашения перемирия между воюющими сторонами) Клемансо написал командиру Русской базы Брюляру: «Возможно, что развитие сегодняшней ситуации весьма благоприятно для увеличения Русского легиона, которым вы начали уже заниматься, для дальнейшего его использования в России: если вопрос об интервенции в Южную Россию будет решен положительно — под руководством союзного командования, если нет, — тогда легион следует отправить в Новороссийск под начало Деникина»[812]. Не случайно газета «Известия ВЦИК» (от 19 мая 1918 г.) резко отреагировала на существование Русского легиона: «Товарищи и граждане! Бывшие царские опричники, генерал Лохвицкий и полковник Готуа, организовали "легион чести"... Со всего 16-тысячного отряда набралось 300 братоубийц... Бывшие зуботычники, шпионы, предатели, штабные воры в отряде испугались гнусности своих дел, объединились в один стан и при содействии французской буржуазии продолжают свое грязное дело братоубийства»[813].

Огромную роль в создании Русского легиона сыграли генерал Лохвицкий и полковник Готуа, вербовавшие в Русский легион русских солдат и офицеров в госпиталях, в рабочих ротах, а также посредством пропаганды в печати среди русских из всех стран (в т.ч. и среди русских офицеров и солдат, бывших военнопленных). В частности, Лохвицкий опубликовал откровенно пафосное воззвание: «Вперед, Русские во Франции!», призывая вступать в этот отряд всех русских[814].

Генерал добился некоторого успеха — для поступления в легион приезжали добровольцы из Голландии, США, Италии, Индии. Иногда случалось, что всех русских офицеров, желающих попасть в легион, не могли включить из-за

---

[812] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 258, 259.

[813] Цит. по: ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 99. 8 августа 1918 г. (в условиях начавшейся военной интервенции против Советской России) Совнарком настоятельно призывал российских граждан (в т.ч. солдат) во Франции отказываться от поступления в Иностранный легион, т.к. в противном случае они «...косвенно содействуют фактической войне против Республики и революции...» (Ленинский сборник, с. 38). В этом заявлении нет ни слова о Русском легионе — возможно, Ленин полагал, что он входит в состав Иностранного легиона или просто не придавал ему большого значения.

[814] РСГФ, № 122, 15.12.1917.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

их избытка, а на неофицерские должности офицеров не принимали. Постановлением французского правительства 27 мая 1918 г. прием офицеров и вовсе был прекращен, хотя желающие были (поэтому часть офицеров ушла во французскую армию). Одновременно Лохвицкий проводил политику создания единой воинской части, желая избежать, как он сам говорил, «распыления мелкими партиями по французским войскам»[815]. Нельзя забывать и о подозрительности (возможно, преувеличенной, но вместе с тем и понятной из-за Куртинского кризиса) Парижа к формированию русской части, что, не исключено, внесло отрицательный элемент в дело развития русского добровольческого движения. Так, в конце 1917 г. Клемансо сказал Занкевичу: «Если вашим русским доверить хотя бы один миллиметр фронта, то не успеешь и глазом моргнуть, как вся германская армия окажется у нас в тылу»[816].

В результате, совместными усилиями Готуа и Лохвицкого и с разрешения французского правительства 24 декабря 1917 г. русским войскам во Франции официально было разрешено сформировать отдельные части для продолжения боевой службы на фронте[817]. Этот день стал своеобразным полковым праздником Русского легиона. «Назначение легиона силою оружия заставить центральные Империи уйти из разоренных ими без объявления войны Бельгии, восстановить несчастные обездоленные Сербию и Черногорию, дать Польше обещанную независимость и свободу, помочь Чехии стать самостоятельной и освободить занятую врагом Румынию. Уже значительное число русских, несостоящих на военной службе... записалось в Париже в легион [Русский легион. — М.Ч.].

(...) Поступающие в легион должны согласиться, подчиняться французским властям, законам и дисциплине и служить в легионе до заключения мира *всем русским народом* [выделено мной. — М.Ч.] в лице всеми признанного законного Правительства»[818].

Тому, кто решил продолжать сражаться дальше с Германией, приходилось очень тяжело — не только в материальном, но и в моральном плане. Прежде

---

[815] Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 24.
[816] Цит. по: ADAM R. Le Corps expeditionnaire russe en France, p. 17.
[817] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 7.
[818] Там же, ф. 15234, оп. 1, д. 84, л. 122.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

всего из-за отрицательного отношения французов к русским, поскольку первые рассматривали вторых как предателей, поскольку 15 декабря 1917 г. советское и германское правительства заключили официальное соглашение о перемирии. «Русским офицерам уже давно было рекомендовано переодеться в штатское платье и не показываться в форме на улицах Парижа во избежание печальных недоразумений»[819].

Как говорилось выше, точную численность военнослужащих 1-й Особой пехотной дивизии, записавшихся в Русский легион (как и всех трех категорий трияжа), определить трудно. Так, отечественный исследователь Павлов, ссылаясь на сводку о численности русских войск во Франции и Северной Африке на 1 января 1918 г., указывает численность легионеров в 277 чел (1,5% от всей численности частей 1-й Особой дивизии); по данным от 6 января, приводимых Даниловым — 252 чел (1,3%). По сведениям штабс-капитана Васильева, в первом эшелоне Русского легиона (декабрь 1917 г.) насчитывалось 7 офицеров, 2 врача, 1 батюшка и 374 солдата (всего — 384 чел). По данным Адана, численность 1-го батальона Русского легиона в декабре 1917 г. составляла 250 чел. Пети утверждает, что на 23 декабря 1917 г. 1-й батальон Русского легиона насчитывал 13 офицеров и 370 солдат под командованием полковника Готуа[820].

Таким образом, общее количество желающих сражаться на фронте из 1-й Особой дивизии в конце 1917 г. составило 300-400 человек (в первом списке добровольцев в алфавитном порядке под № 203 значился ефрейтор пулеметной роты Малиновский). К 10 апреля 1918 г. численность четырех батальонов Русского легиона (составленных в т.ч. и из солдат 2-й Особой дивизии) составляла 51 офицер и 1.625 солдат, из которых 446 человек (27%) были награждены Ге-

---

[819] ЛИСОВСКИЙ Ю. Указ. соч., с. 279. «Немцев ненавидели, но русских презирали» (СМИРНОВ В. Верные долгу, с. 11). «Нельзя было пройти по улице, чтобы не услышать вслед презрительные насмешки французов», — цит. по: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 393. См. также: РГВИА, ф. 15223, оп. 2, д. 5, л. 185об., 212.

[820] ПАВЛОВ А.Ю. Указ. соч., с. 74; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 214, 228; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 88; GOROKHOFF G. Op. cit., p. 6. См. также: РГВИА, ф. 15224, оп. 1, д. 5, л. 323об. Цифры Данилова полностью повторил Деренковский, что лишний раз позволяет предположить знакомство автора с книгой военного историка Русского Зарубежья, по тем временам малодоступной (ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Указ. соч., с. 99).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оргиевскими крестами или орденами св. Георгия[821]. Пети приводит похожие данные: к концу 1917 г. — началу 1918 г. из 1-й и 2-й Особых дивизий в 1-ю категорию записалось 51 офицер и 1.629 солдат (6%), что подтверждается данными Шабанье — 51 офицер и 1.625 чел и Адана — около 50 офицеров и 1,6 тыс. солдат[822].

Самым многочисленным был 4-й Русский легион (21 офицер и 504 солдата), самым малочисленным — 3-й Русский легион (6 офицеров и 234 солдат)[823]. В дальнейшем численность четырех Русских легионов неоднократно менялась.

1-й батальон Русского легиона (около 250 курновцев) под общим командованием полковника Готуа (бывшего командира 2-го Особого полка) первоначально состоял из двух рот — пехотной (во главе с капитаном Лупановым, бывшим командиром 12-й роты 6-го Особого полка) и пулеметной (во главе с капитаном Разумовым, бывшим командиром 1-й пулеметной роты того же полка).

5 января 1918 г. Русский легион, вошедший на правах прикомандированной части в состав 4-го полка марокканских стрелков Марокканской дивизии (командир — генерал Доган), входившей в состав VIII-й французской армии генерала О.-Г.-А.-А. Жерара, прибыл в расположение дивизии[824]. В начале февраля батальон временно вошел в состав 8-го зуавского маршевого полка (командир — подполковник Лагард) и позже станет 4-м батальоном полка. Именно в рядах Марокканской дивизии и будет проходить дальнейшую службу 1-й батальон Русского легиона вплоть до ноября 1918 г.

В целом русские военнослужащие 1-го батальона Готуа произвели положительное впечатление на Догана своим внешним видом и боевым настроем, и

---

[821] Но без учета легионеров (или волонтеров?) русского происхождения Иностранного легиона, которым Париж разрешил вступать в Русский легион, — ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 230-231; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 270.

[822] PETIT P. Op. cit., p. 21, 23; CHABANIER J. Op. cit., p. 127; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 262.

[823] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 230; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 262.

[824] В состав Марокканской ударной дивизии входили: сводный полк Иностранного легиона, 8-й зуавский, 4-й и 7-й марокканских стрелков полки и 12-й батальон мальгашских стрелков.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

26 марта командир дивизии выразил свое полное удовлетворение русскими офицерами и солдатами[825].

После отправки на фронт 1-го батальона Русского легиона русское командование из куртинцев сформировало 2-й батальон (270 чел) под командованием бывшего офицера 1-го Особого полка подполковника Иеске. Этот батальон был прикомандирован к 178-й французской дивизии и 10 марта отправлен на место ее дислокации.

Оставшиеся в Лавале — Русской базе, созданной для управления русскими военнослужащими 1-й категории — 120 чел, которые должны были послужить ядром для формирования 3-го Русского легиона были отправлены на пополнение 1-го батальона Русского легиона. Из солдат и офицеров 1-й категории трияжа 2-й Особой дивизии (под командованием полковника Балбашевского) был сформирован 4-й батальон Русского легиона, прикомандированный к французской 56-й пехотной дивизии, и отправленный 9 апреля для прохождения службы в ней[826].

Таким образом, к концу 1917 г. — началу 1918 г. русское командование имело все основания надеяться на дальнейшее развитие русского добровольческого движения. Однако вместе с пополнениями для батальонов Русского легиона в рядах легионеров оказались либо солдаты, не желавшие воевать и просто спасавшиеся от ужасов пребывания в Африке[827] или тяжелых работ внутри Франции, либо левые агитаторы (которых Данилов и Адан называют большевистскими), — прибывшие по собственной воле, или по чьему-то приказу. В последнем случае встает вопрос о существовании и деятельности некоей подпольной организации в рядах 2-й и особенно 3-й категории трияжа. В любом случае, данный элемент способствовал разложению Русского легиона изнутри, и общая дисциплина всех батальонов Русского легиона находилась на невысо-

---

[825] В составе 1-го батальона находился медведь Мишка, присутствовавший на смотре, организованным для командира Марокканской дивизии: «Мишка стал знаменитостью Марокканской Дивизии. Особым приказом он был зачислен на солдатский паек», — ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 89.

[826] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 228-229. В состав 4-го батальона входили три роты: саперная и пехотная (по 4 офицера и 200 солдат) и пулеметная рота (4 офицера и 130 солдат); всего — 12 офицеров и 530 солдат (там же, с. 217). По данным Кокфилда: 22 офицера, 1 врач, 3 переводчика и 474 солдата, — COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 270.

[827] К таким солдатам принадлежал Карев и около 50 человек, — КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили, с. 116.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ком уровне. Итого, кроме 1-го батальона Русского легиона, в боях принял участие только 3-й (в мае); остальные (2-й и 4-й) находились в тылу французских армий. К сентябрьским боям остатки 2-го и 4-го батальонов ушли на пополнение 1-го.

На русских добровольцев распространялись права французских военнослужащих, в т.ч. на 10-дневный отпуск после 4-месячного пребывания на фронте (или после прибытия на фронт после отпуска), но при условии, что будущие «пермиссионеры» (отпускники) будут проживать не только у «персоны, заслуживающей доверия» («personne honorablement connue»), но и в тылу, т.е. не в приграничной и не в прифронтовой зонах, в любом городе, кроме Парижа, Лиона, Марселя и Бордо. Русские добровольцы имели право и на дополнительную выплату по статье «дороговизна жизни» (cherté de vie): для рядового — 50 сантимов, капрала — 1 франк, унтер-офицеру — 2 франка. Всего, по данным Лупанова, русские добровольцы получали 50 франков в месяц[828]. В первоначальный период добровольцы испытывали большие лишения: еда была плохого качества, а котелки, выдаваемые французским интендантством, не были даже уставными. Некоторое подспорье добровольцам оказали русские общины, собиравшие для них подарки, а после боя 26 апреля под председательством супруги генерала Лохвицкого был организован Комитет попечения о Русском Легионе[829].

Столь малое число желающих сражаться на французском фронте объясняется четырьмя основными причинами. Во-первых, из-за общей усталости вследствие трех лет беспрерывной войны, не знающей до того аналогов. Во-вторых, наличие сильной агитации со стороны «пробольшевистски» настроенных солдат, которые вели борьбу против записи солдат в добровольческие батальоны, — в частности, в лагере Курно. Как сказал Лохвицкий в донесении Занкевичу от 16 января 1918 г., «агитаторы... состоящие частью из людей свихнувшихся от социал-демократических бредней, частью просто из негодяев,

[828] Донесение капитана Лупанова помощнику начальника Русской базы № 334 от 24 августа 1919 г., — Архив Ю.В. Копылова.

[829] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 16, 18, 19; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 270, 272; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 265; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 92.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

купленных немцами, работали с большим успехом, убеждая массу и фанатизируя ее»[830]. В-третьих, служить теперь приходилось не в русской армии, а во французской, — соответственно, с французскими порядками. В-четвертых, позиция большевиков, заключивших в декабре 1917 г. перемирие с Германией, а в марте 1918 г. — Брестский мир, послуживший весомым и серьезным доводом агитаторам для антивоенной пропаганды, имевшей большой успех. В январе 1918 г. в донесении французскому военному министру Занкевич говорил, что «теперь же под влиянием заключенного Россией перемирия и переговоров о мире, а также под влиянием усилившейся пропаганды большевиков число волонтеров [добровольцев. — М.Ч.] оказалось незначительным»[831].

Впрочем, можно назвать и пятую причину, заключавшуюся в том, что большое число русских военнослужащих — в силу разных причин — попало в союзные (прежде всего французские) части и Иностранный легион[832].

Точные данные о количестве русских военнослужащих в Иностранном легионе, как, впрочем, и в других армиях, отсутствуют. Впрочем, авторы книги об Иностранном легионе утверждают, что через этот легион во время Первой мировой войны прошло св. 5,0 тыс. наших соотечественников, прочно удерживавших второе место (после итальянцев) среди представителей всех национальностей, сражавшихся под знаменами легиона[833]. Однако нельзя не забывать, что бо́льшая (скорее, подавляющая) часть русских легионеров Иностранного легиона, скорее всего, могла попасть в Маршевый полк Иностранного легиона, т.е. записавшиеся в них стали не легионерами, а волонтерами Иностранного легиона[834].

Вместе с тем не стоит переоценивать порыв офицерского корпуса Особых бригад, о котором говорили Данилов, Васильев, Смирнов. Хотя в Русский легион подавали заявления офицеры и солдаты, обучившиеся летному делу во

---

[830] РГВИА, ф. 15234, оп. 1, д. 87, л. 25.
[831] Там же, л. 24.
[832] ГАРФ. ф. Р-6211, оп. 1, д. 2, л. 931; РСГФ, 27. 10.1918, № 303; 15.11.1918, № 310.
[833] БРЮНОН Ж. МАНЮ Ж. Указ. соч., с. 421.
[834] В отличие от легионеров, подписывающих 5-летний контракт, волонтеры обязывались служить в рядах этих полков легиона только до конца войны. Русские волонтеры и волонтеры других национальностей входили в состав 2-го, 3-го и 4-го маршевых полков 1-го Иностранного полка и 2-го маршевого полка 2-го Иностранного полка, ставших с ноября 1915 г. Маршевым полком Иностранного легиона.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Франции, часть офицеров сначала подала прошения, например, в американскую армию, и только «в случае невозможности» соглашались поступить в Русский легион[835]. Причины подобного отношения крылись, скорее всего, не в отрицательном отношении к Русской Армии вообще, а в желании русских летчиков избежать участия в возможных беспорядках, т.е. повторении событий, аналогичных (в той или иной мере) Куртинского кризису.

В связи с выходом России из войны в результате Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. встал вопрос о дальнейшем существовании Русского легиона. Поскольку Россия вышла из войны с Германией, каждый военный, попавший в плен в старой форме одежды, незамедлительно подлежал расстрелу, поскольку его нахождение в нынешнем положении, с точки зрения международных законов о войне, считалось незаконным. (Незаконным считалась и боевая служба со старыми русскими полковыми знаменами.) Однако иметь добровольцев ни одной из враждующих сторон не возбранялось, и в силу специального декрета президента Франции Пуанкаре от 11 апреля 1918 г. все четыре батальона Русского легиона получили официальное признание. Если быть точным, Пуанкаре подписал декрет не о создании Русского легиона, а о четырех Иностранных батальонах (Bataillons étrangers) как некоей отдельной части (formant le corps), комплектующейся на добровольной основе русскими военнослужащими, обязующихся воевать в их составе до окончания войны (pour la durée de la guerre). Термин «Русский легион» («Légion Russe») в декрете от 11 апреля отсутствует, что позволяет предположить его существование в первоначальный период в качестве собирающего термина только для русских военнослужащих[836]. Даже в обязательствах («ангажементе»), которое все русские добровольцы подписывали с французским правительством, термин «Русский легион» упоминается только один раз, да и то в самом конце постановления правительства № 10.794 SL I/II от 11 июня 1918 г.[837].

---

[835] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 174-208.
[836] Там же, л. 5-6. Термин «Иностранные батальоны» (т.е. как синоним Русскому легиону), использовался как минимум до середины 1918 г., — там же, л. 11.
[837] Там же, л. 11-12.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

По этому ангажементу русские военнослужащие брали на себя обязанность подчиняться французской дисциплине, предполагающей отказ от существования каких бы то ни было «советов» («...sans l'intervention d'aucune "Soviet"»). Однако в ангажементе не было сказано о том, что добровольцы обязывались воевать до конца войны[838], что по непонятным причинам противоречило декрету Пуанкаре от 11 апреля.

После боев 26 апреля 1918 г. боевая ценность Русского легиона возросла в глазах французского командования. Окрыленные успехом, некоторые штабофицеры по примеру Готуа, стали формировать собственные отдельные добровольческие отряды, но этот опыт оказался отрицательным и, кроме вреда идее русского добровольческого движения, ничего не принесли. Вместе с тем, по мнению Данилова и Васильева, среди чинов Русского легиона усилилась антивоенная пропаганда (которую эмигрантские авторы традиционно называют большевистской), не утихавшая ни на минуту. С другой стороны, действия Парижа давали весомый повод для распространения идей о ненависти — по крайней мере, неприятия, — к французам.

Волнения в батальонах Русского легиона начались в апреле 1918 г., когда солдаты узнали о заключении Брестского мира и потребовали отправки в Россию; около 35 чел в Лавале отказались выступать на фронт. Возможно, они изначально не хотели воевать, поскольку все они прибыли в Русский легион из Северной Африки. Мятежников тут же отправили на о. Экс. Даже в 1-м батальоне в марте-апреле было далеко не спокойно, а офицеры получали в свой адрес анонимные угрозы[839].

В течение мая произошел ряд инцидентов, оказавших большое влияние на русское добровольческое движение. Так, 13 мая командующий VIII-й армией генерал Жерар, выступая на смотре 4-го батальона Русского легиона полковника В. Балбашевского (практически готового для выступления на фронт) не только заявил о неготовности отряда выступить на фронт, но и, вопреки усто-

---

[838] Там же, л. 11; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 228; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 257.
[839] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 273; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 268.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

явшейся столетиями военной субординации в любой армии, разрешил русским добровольцам обращаться к начальнику дивизии (в которую входил батальон) по всем вопросам, минуя своих прямых начальников: командира роты, командира батальона и командира группы (в которую входил батальон), допустив «неслыханное нарушение дисциплины». В течение полутора месяца численность батальона снизилась с 723 до 112 чел, т.е. в почти в семь раз (большинство перешло в рабочие роты, и только семь человек — в Иностранный легион)[840].

Возникшие в связи с этой речью Жерара волнения в 4-м батальоне перекинулись и на 2-й батальон подполковника Иеске. Узнав об этих беспорядках, генерал Петен приказал расформировать батальоны, где имели место случаи нарушения воинской дисциплины, и существование всего Русского легиона оказалось под серьезной угрозой[841]. Впрочем, первые боевые успехи 1-го батальона, выказанные им в бою 26 апреля, повлияли на то, чтобы оставить русских офицеров и солдат в составе французских частей.

После боев под Суассоном Русский легион был отведен в тыл на отдых, где 11 июня французское командование, обеспокоенное состоянием дисциплины среди русских военнослужащих (на то были веские причины), приступило к его первой реорганизации. Французское военное министерство провело среди русских военнослужащих кампанию с целью оформить в присутствии французского военного интендантского чиновника (sous-intendant) подписку сражаться «до конца войны», а в случае отказа предоставляло каждому легионеру право выбора — либо продолжать служить в Русском легионе, либо перейти в Иностранный легион, либо быть отравленным в Северную Африку[842].

---

[840] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л.87-87об.; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 232; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 262, 268. В соответствии с приказом главнокомандующего французскими армиями № 17.446 от 14 июля 1917 г. батальон Балбашевского был расформирован, а его рядовой состав отправлен на усиление 1-го батальона, — РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 89.

[841] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 232-233. Петен утверждал, что «восстановление дисциплины в Русском легионе не представляется возможным», — цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 269.

[842] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 11-12.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Введение второй подписки повлияло на состав Русского легиона самым отрицательным образом — часть военнослужащих ушла в рабочие роты[843]. Тем не менее французское командование провело хотя и жесткий, но с точки зрения целесообразности (т.е. поддержания порядка) необходимый отбор, — впоследствии подобные меры французы больше не практиковали, что позволяет действительно предположить наличие некоторой путаницы (возможно, бюрократического характера, возникающей при создании чего-либо нового вообще) при формировании первого состава Русского легиона. К тому же французские власти поступили с русскими солдатами и офицерами — несмотря на недовольство известной части добровольцев — довольно справедливо, предложив им вновь сделать *самостоятельный* выбор.

Майские инциденты в полной мере доказали ненадежность рядового (возможно, частично и офицерского) состава Русского легиона: не все записавшиеся в Русский легион имели твердые идейные убеждения и не менее твердое желание продолжать нести боевую службу. Так, один доброволец, отправленный после первой реорганизации Русского легиона в Алжир, вспоминал: «Нам предложили завербоваться в легион [Русский легион. — М.Ч.], но я не знал, что это такое. Я попросил офицера объяснить нам все, но он нам ответил: “Если хочешь туда поступить, — запишись, а потом узнаешь”»[844]. С другой стороны, в Русский легион записывались солдаты, искренне желавшие продолжить боевую службу. Один из них вспоминал: «Я счастлив, что попал в легион [Русский легион. — М.Ч.]. Здесь к нам относятся как к солдатам, а не как к рабочим»[845].

После первых боев и первой реорганизации в 1-м батальоне Русского легиона осталось 89 чел (под командованием капитана А.К. Прачека, бывшего командира 5-й роты 5-го Особого полка), из которых было сформировано две роты — пулеметная (35 чел) и обозная (54 чел)[846].

---

[843] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 101-102.
[844] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 262.
[845] Цит. по: SCHILLINGER Ph. NICOT J. Op. cit., p. 393.
[846] Донесение капитана Лупанова помощнику начальника Русской базы № 334 от 24 августа 1919 г., — Архив Ю.В. Копылова.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

После апрельских боев для 1-го батальона требовалось пополнение. В связи с этим летом 1918 г. было окончательно прекращено образование новых батальонов (в т.ч. отказались и от проекта создания Русского легиона в Италии) и оставлен только один, под командованием капитана Лупанова (с 12 июня) вместо полковника Готуа, который, убыв на несколько дней в отпуск, не был допущен обратно в легион против его воли. Таким образом, произошла вторая реорганизация Русского легиона, в результате которой за счет поступления «здоровых элементов» (в т.ч. и из Иностранного легиона) численность единственного батальона Русского батальона резко увеличилась и перед сентябрьскими боями достигла 3-ротного состава (900 чел)[847].

25 июля 1918 г. батальон Русского батальона покинул 8-й зуавский полк и вошел в состав 1-й Марокканской бригады Марокканской дивизии, а командиром батальона стал французский майор Иностранного легиона Трамюзе (его помощником стал полковник гвардии Мартынов)[848]. Иными словами, с этого времени французы начинают рассматривать русский батальон не как иностранную добровольческую воинскую часть, а как свою колониальную. 1-ю стрелковую роту батальона возглавил штабс-капитан Б. Сурин, 2-ю — штабс-капитан П. Сурин, пулеметную роту — временный командир поручик Васильев и подпоручик С.М. Урвачев.

Созданный в конце 1917 г., Русский легион принял активное участие в важнейших операциях 1918 г. — в отражении немецкого наступления в марте-июле и в сентябрьском наступлении Антанты, где русские солдаты и офицеры лишний раз продемонстрировали свои лучшие боевые качества.

После заключения Брестского мира, перебросив с Востока на Запад сильные подкрепления, Германия, стараясь «успеть» до прибытия американских войск, которые уже начали высаживаться во Франции, решила предпринять последний бросок на Западном фронте с целью разъединить английские и французские армии. В итоге этой операции, получившей название «Мартовское на-

---

[847] Там же.

[848] Кроме Русского легиона, в 1-ю бригаду входили: три батальона Иностранного легиона и один мальгашский батальон.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ступление в Пикардии» (21 марта — 4 апреля) или «Великое сражение во Франции», немцы нанесли сильный удар по стыку союзников, но своих целей не добились. Однако общая ситуация для франко-английских войск оставалась тревожной. Вскоре немцы предприняли наступление намного севернее, во Фландрии на р. Лис (9-30 апреля), а 23 апреля в направлении прежнего удара в марте-апреле быстрыми действиями захватили два населенных пункта — Вилле-Бретонне (Виллер-Бретонне) и Ангар. Особенно опасным представлялся захват Вилле-Бретонне[849]. Поэтому, пока немцы не успели укрепить Вилле-Бретонне, требовалось в кратчайшие сроки вернуть его. С этой целью Фош бросил в атаку австралийские части и Марокканскую дивизию, прибывшую в ночь на 26 апреля в район Амьена — Арраса, где она и заняла исходные позиции.

Утром 26 апреля командир дивизии генерал Доган приказал командиру Русского легиона полковнику Готуа атаковать Вилле-Бретонне. Это было первое боевое крещение Русского легиона. Всего в бою участвовали все 370 офицеров и солдат (в т.ч. помощник Готуа капитан Лупанов, командир стрелковой роты капитан Милеант и командир пулеметной роты капитан Разумов), хотя по правилам французской армии, для сохранения командного состава, в бой должна была идти только часть офицеров и унтер-офицеров. Русские солдаты и офицеры, как в боях 1916-1917 гг., снова показали в сражении свои лучшие боевые качества и выполнили поставленные перед ними задачи. 1-й батальон Русского легиона понес тяжелые потери — 19 чел убитыми и 74 ранеными (из них 3 офицера), т.е. всего 93 чел[850]. За самоотверженные действия капитан Лупанов прямо на поле боя получил орден Почетного Легиона, все остальные офицеры — Военный крест разных степеней. В приказе по Марокканской дивизии говорилось: «26 апреля в неудержимом порыве [батальон. — М.Ч.] пошел в

---

[849] ФОШ Ф. Указ. соч., с. 330.

[850] РГВИА, ф. ф. 15304, оп. 2, д. 39, л 23. По другим данным — 34 солдата было убито, 79 добровольцев (в т.ч. 3 офицера) ранено и 4 пропали без вести, т.е. всего 117 чел (ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 93); Лупанов указывает общие потери в 150 чел (Донесение капитана Лупанова помощнику начальника Русской базы № 334 от 24 августа 1919 г., — Архив Ю.В. Копылова); у Данилова — 19 солдат убито и 77 ранено, в т.ч. те же 3 офицера, т.е. всего — 96 чел (ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 235). Кокфилд заявил о 34 убитых, 66 раненых и 4 пропавших без вести, т.е. всего 104 чел, а по Адану и Горохову с Корляковым общие потери составили соответственно 120 и 122 чел, — COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 271; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 265; GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 566.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

атаку с полным пренебрежением к смерти и при общем восхищении остался на занятых линиях, несмотря на контратаки, ни на безостановочную бомбардировку [артиллерийский обстрел или обстрел из всех видов оружия. — М.Ч.]». Более того, Доган выразил надежду, что состав Русского легиона вырастет за счет новых добровольцев[851]. Бои на этом участке продолжались до 7 мая, когда Марокканская дивизия была отправлена на отдых в тыл. Дорога на Амьен была закрыта для немцев. «Первый бой Русского легиона смыл позор Брест-Литовска»[852].

27 мая 1918 г. 7-я германская армия предприняла очередное наступление, — теперь на р. Эн и Уаза; только за этот день противник захватил 20 км. (Немецкое наступление разворачивалось несколько западнее участка наступления 1-й и 3-й Особых бригад в апреле 1917 г., в районе знаменитого своими боями еще во времена наполеоновских войн в 1814 г. плато Шмен-де-Дам.) Прорвав линию французской обороны и захватив Суассон, немцам до Парижа осталось менее 70 км. Командир группы французских армий генерал Л.-Ф.-М.-Ф. Франше д'Эспре даже отдал приказ эвакуировать священный для французов Реймс, который, к счастью для них, не был выполнен. В эти тяжелые для Франции дни Марокканскую дивизию, как всегда, отправили на самый опасный участок фронта. Единственным 2-ротным 1-м батальоном Русского легиона командовал капитан Лупанов (стрелковой ротой — капитан Иордан, бывший командир 6-й роты 5-го Особого полка, пулеметной ротой — капитан Разумов). (В состав 1-го батальона входила 3-я рота — бывший 3-й батальон Сименова, — которую до сражения перевели в другую колониальную часть, которая во время боя также заслужила похвалы французов.)[853]

Под Суассоном военнослужащие Русского легиона вписали одну из славных страниц своего существования. Вместе с союзными частями русские солдаты и офицеры остановили противника; в одном из боев Русский легион дал возможность отойти окруженному немцами батальон зуавов. При вызволении

---

[851] РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 23, 24, 26. РСГФ, № 280, 25.09.1918.
[852] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 93.
[853] COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 272.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

зуавов из вражеского кольца отличились пулеметчики Разумова (которых придавали то марокканцам, то зуавам), получившего после боя орден Почетного легиона. Примером самоотверженности может служить поступок подпрапорщика Дьяконова, кавалера Георгиевского креста 4-й степени и Военного креста с «пальмой». Получив тяжелые ранения несколькими пулями в грудь и левую руку, он, собрав вокруг себя группу таких же тяжелораненых, организованным огнем прикрыл отступление своей роты; дальнейшая судьба Дьяконова и нескольких смельчаков неизвестна, — скорее всего, они погибли[854].

Вместе с другими частями Марокканской дивизии Русский легион участвовал в боях у Суассона до 13 июня. Здесь Русский легион понес очень большие потери — из 400 человек (к началу боев) общие потери составили св. 290 человек (св. 70%), в т.ч. 1 офицер (поручик Орнатский) был убит и семеро — ранены[855].

После боев за Суассон французская пресса стала называть Русский легион Русским Легионом Чести (Légion Russe pour l'Honneur). Подвиг русских солдат и офицеров французы не забыли. В 1923 г. в Суассоне был воздвигнут «Памятник Победы», на котором высечены названия всех французских полков, сражавшиеся здесь в мае 1918 г. и среди них — Русский легион[856].

После первой реорганизации Русского легиона одна его рота под командованием капитана Прачека (35 чел) приняла участие в т.н. втором Марнском сражении (15-17 июля), когда германское командование предприняло последнюю попытку наступления, и во время контрнаступления французов (18 июля — 4 августа) в составе X-й французской армии генерала Мазеля. (Васильев не скрывает, что в этих боях Русский легион «...служил "затычкой", как подвижной резерв».)[857] За июльские бои Русский легион потерял 2 офицеров (плюс 1

---

[854] ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 236; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 97-98.

[855] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 98-99; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 272. По Адану, к вечеру 30 мая потери Русского легиона составили 24 убитыми, 75 ранеными и 41 чел без вести пропавшими, всего — 140 чел, — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 265-266.

[856] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 99. В аттестате № 5115 от 21 декабря 1917 г., в котором приводятся фамилии 55 чел 5-го Особого полка, и в списке солдат штаба 1-й Особой пехотной дивизии, «первый раз вышедшим из лагеря Курно на позицию» (от 8 января 1918 г.) уже фигурировало название «Русский Легион Чести», — РГВИА, ф. 15225, оп. 1, д. 1, л. 803, 806.

[857] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 102. См. также: КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому..., с. 53.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

офицера французской службы) ранеными и 17 добровольцев убитыми и ранеными (т.е. св. половины состава). За героические действия Русский легион цитировался в приказе по X-й армии и в приказе по Марокканской дивизии[858]. В середине лета Марокканскую дивизию отвели в тыл.

После активных наступательных операций в марте-июле 1918 г. Германия понесла большие потери в живой силе; боевой дух в немецких войсках резко упал. С августа начались наступательные действия войск Антанты, в которых снова принял участие Русский легион (во главе с майором Трамюзе), вошедший с 25 июля в состав 1-й Марокканской бригады Марокканской дивизии.

В начале сентября Марокканская дивизия по-прежнему входила в состав X-й армии (но уже возглавляемую генералом Манженом). Дивизия сменила на боевых позициях 32-ю американскую дивизию и бросилась в наступление. В своем секторе Русский легион, захватив 160 пленных, отбил у немцев важный объект — село Терни-Сорни (2 сентября) посредством совершения маневра, в результате которого части Марокканской дивизии не попали в окружение. Еще в течение трех суток Русский легион оборонял деревню от многочисленных попыток германцев отбить ее. Во французском отчете о боях 2 сентября говорилось о «безжалостных рукопашных схватках (des corps a corps sans merci), продолжавшихся бо́льшую часть всей ночи [со 2 на 3 сентября. — М.Ч.]»[859]. Капитан Мартынов, заменивший убитого Трамюзе во главе Русского легиона, был награжден орденом Почетного легиона. Потери русских в эти дни составили 109 убитыми и ранеными: 2 офицера были убиты, 5 офицеров ранены (из них трое французских); солдат — 24 убитых и 78 раненых[860].

14 сентября Русский легион вместе с другими частями Марокканской дивизии атаковал укрепленную линию Гинденбурга (общей протяженностью в 2,5 км), и перед русским батальоном ставится задача взять укрепленный район замок де Ля Мот.

---

[858] CHABANIER J. Op. cit., p. 127.
[859] Цит. по: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 266.
[860] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 108; РГВИА, ф. 15304, оп. 2, д. 39, л. 24.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Русский легион выполнил задачу. Он с таким успехом атаковал немецкие позиции, что достиг конечного рубежа на 1,5 часа раньше намеченного по плану (атака началась в 5.50, к 6.30 рубежи были взяты, по плану — к 8.00). Французы даже не поверили сигнальным ракетам, пущенными легионерами о выполнении своей задачи, и выслали специальную разведку для подтверждения сигналов.

В ходе боев легионеры захватили 700 пленных и штаб гвардейского германского полка. В боях на линии Гинденбурга особенно отличилась 2-я рота 1-го батальона Русского легиона, составленная из добровольцев Салоникского фронта. Потери русских составили 9 убитых и 25 раненых[861]. В сражении 14 сентября отличился ефрейтор пулеметной роты Родион Малиновский, за что был удостоен упоминания в приказе по Марокканской дивизии: «Отличный пулеметчик. Особенно отличился в атаке 14 сентября 1918 г., не обращая внимания на опасность, под сильнейшей бомбардировкой [артиллерийский обстрел или обстрел из всех видов оружия. — М.Ч.] стрелял по группам противника, оказывавшего сильное сопротивление». Вскоре Малиновский был награжден Военным крестом с серебряной звездочкой (т.е. был награжден приказом по дивизии)[862].

В течение 15 сентября Русский легион удерживал замок де Ля Мот, а с утра 16 сентября Марокканскую дивизию отвели в тыл. Активную боевую деятельность Русского легиона с этого момента можно считать завершенной.

За боевые заслуги 30 сентября 1918 г. Русский легион получил на знамя Военный крест с двумя «пальмами» и право ношения особого отличия во французских вооруженных силах — фуражера, род аксельбанта, носимого всеми чинами части на левом плече[863]. Рядовой доброволец, бывший врач в чине капитана 5-го Особого полка, Дмитрий Алексеевич Введенский, кавалер пяти рус-

---

[861] СМИРНОВ В. К истории Русского Легиона Чести, с. 9; БРЮНОН Ж. МАНЮ Ж. Указ. соч., с. 150.

[862] ГАРФ, ф. Р-6211, оп. 1, д. 2, л. 633об., 644; РСГФ, 20.10.1918, № 298. См. также: ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 266.

[863] ВАСИЛЬЕВ В.А. Указ. соч. № 630 (2), с. 22; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 242; Русские войска в Македонии, с. 15. Русский национальный флаг на берегах Рейна, с. 11. В русском тексте, в отличие от французского, Горохов и Корляков неверно назвали фуражер аксельбантами, — GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Op. cit., p. 20.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ских военных наград и Военного креста, был награжден генералом Петеном орденом Почетного легиона (к ордену хотели представить Малиновского, но тот отказался в его пользу)[864]. Этот случай весьма редкий в практике награждения этим орденом, поскольку по статуту присваивается военным чинам, находящимся на офицерских должностях[865].

Французское командование высоко оценило действия Русского легиона в сентябрьских боях, отметив его в приказах от 30 сентября и 11 декабря главнокомандующего французскими войсками и в приказе от 12 октября по X-й армии, где нет недостатка в эпитетах: «замечательное самопожертвование», «умелые маневры», «превосходные боевые качества» и т.д.[866].

Из тыла на фронт Марокканская дивизия выдвинулась в последний месяц Первой мировой войны — в ноябре 1918 г., и заняла сектор Ленокур (Лотарингия). К 1 ноября в батальоне Русского легиона (вместе с пополнением во время последнего пребывания в резерве) насчитывалось три стрелковых и одна пулеметная рота, всего — 564 человек[867]. После сентябрьских боев до заключения Компьенского перемирия с Германией (11 ноября 1918 г.) Русский легион в активных боевых операциях не был задействован. В составе дивизии он прошел Лотарингию, Эльзас, Сарр, прошел через Германию до Рейна и дошел до Фридрихсгавена, около города Мангейма, откуда был направлен в назначенный ему для оккупации города Вормс: «Велико было удивление и негодование немцев узнать, что оккупирующие их войска — русские. Наш национальный бело-сине-красный флаг развевался на берегах Рейна. Слово, данное государем и Россией союзникам, в лице Русского легиона было сдержано»[868].

За весь период участия в боевых действиях (апрель-сентябрь) через 1-й батальон Русского легиона прошло 24 офицера, 3 доктора, 1 батюшка, 7 офицеров

---

[864] МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Указ. соч., с. 384-385. Сам Малиновский был трижды кавалером французского Военного креста, — Родион Яковлевич Малиновский, с. 16.

[865] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 111.

[866] PETIT P. Op. cit., p. 26-27; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 110; ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 242-243; РСГФ, 03.10.1918, № 286.

[867] Численность Русского легиона приведена с учетом недавно прибывших русских добровольцев из Иностранного легиона (152 чел) (ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 245; PETIT P. Op. cit., p. 25). По данным Кокфилда, в декабре 1918 в Русском легионе насчитывалось 22 офицера и 560 солдат, — COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 278.

[868] ВАСИЛЬЕВ В.А. Легионеры чести, с. 103.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

и переводчиков французской службы и 994 солдат. За этот же период Русский легион потерял убитыми и ранеными 16 офицеров, 3 докторов, 6 офицеров и переводчиков французской службы и 523 солдата[869].

26 ноября 1918 г. французское командование создало учебный центр для реорганизации Русского легиона, который предполагалось отправить в состав Добровольческой армии, т.е. для борьбы против большевиков. Через месяц, 25 декабря, Русский легион направили в г. Плёр-на-Марне, где он стал готовиться для отправки в Россию. В этот период (ноябре-декабре) французское военное командование, вопреки желанию русских офицеров Русского легиона, разрешило входить в его состав всем русским солдатам (в т.ч. 2-й и 3-й категорий трияжа) без предварительного отбора, и численность отряда сразу возросла до 900 чел «...прикомандированием 600 чел из Иностранного легиона» (как указывалось выше, скорее всего речь идет о волонтерах маршевых полков Иностранного легиона, а не о настоящих легионерах)[870]. С одной стороны, таким образом французское командование просто хотело поскорее избавиться от «вредного элемента» русских войск, т.е. от самых «пробольшевистски» настроенных солдат. Однако еще 19 ноября 1918 г. (спустя менее недели после заключения перемирия) главнокомандующий союзными войсками на Балканах генерал Л.-Ф.-М.-Ф. Франше д'Эспре, получивший в сентябре приказ об отправке войск для оккупации Украины, попросил Париж отдать в его распоряжение все русских военнослужащих (в т.ч. из Иностранного легиона, Русский легион, русских летчиков)[871]. В итоге Париж по непонятным причинам отправил к Деникину Русский легион, половина которого не хотела сражаться за белых; 30 марта 1919 г. первый эшелон Русского легиона прибыл в Новороссийск.

---

[869] Он же. Русский Легион Чести, с. 111; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 276-277. По другим данным через Русский легион в 1918 г. прошло 626 солдат (Русский национальный флаг на берегах Рейна, с. 10). Описание сентябрьских боев см.: ДАНИЛОВ Ю.Н. Указ. соч., с. 241-245.

[870] Донесение капитана Лупанова помощнику начальника Русской базы № 334 от 24 августа 1919 г., — Архив Ю.В. Копылова. Эти данные частично подтверждаются отношением Иеске начальнику портового управления от 30 марта 1919 г., из которого следует, что к концу марта 1919 г. Русский легион включал 26 офицеров и 799 солдат (РГВА, ф. 39664, оп. 1, д. 9, л. 19-19об.). Адан указывает общую численность Русского легиона на конец 1918 г. в 600 чел, — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 291.

[871] Цит. по: Ibidem. Франше д'Эспре, ставший в марте 1919 г. верховным комиссаром Франции на Юге России, высказывался против отправки французских войск на юг России. Едва прибыв в Одессу, к которой уже подходили части Красной Армии, бросил белые войска, которым обещал помощь.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Тема участия Русского легиона во время Гражданской войны в России, — как на стороне «красных», так и за «белых» и за «зеленых» — до сих пор остается «белым пятном»[872].

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы. Созданный в декабре 1917 г. Русский легион как ядро для последующих формирований добровольческих русских частей не смог выполнить своего предназначения, как предполагали его организаторы. Во-первых, из-за прежнего нежелания солдат участвовать в войне; во-вторых, из-за наличия серьезной альтернативы 1-й категории трияжа — 2-й категории, предполагающей работу в тылу. Не случайно именно эта категория стала самой массовой среди всех трех категорий, т.к. солдаты 1-й Особой дивизии, бывшие крестьяне, предпочитали мир войне. В-третьих, из-за недоверия французских властей к появлению на фронте русских частей.

Невзирая на многочисленные трудности, боевая деятельность Русского легиона поддержала славу русского оружия. Однако Русский легион, в отличие от образованных в России из добровольцев отборных частей — штурмовых и ударных рот и батальонов и «рот и батальонов смерти» — дошел до логического конца своей деятельности, провоевав до самого окончания Первой мировой войны. Русский легион, выполняя исключительно боевые задачи, выгодно отличался от подобных ему частей на русском фронте еще и тем, что не участвовал в репрессивных акциях, направленных на поддержание порядка в армии[873].

Вместе с тем не следует преувеличивать роль Русского легиона, который с лета 1918 г. превращается практически во французскую колониальную часть — в т.ч. и в силу собственной малочисленности (отчет Лупанова). Несмотря на самые искренние заявления о храбрости русских солдат, французское командование рассматривало их не более как пушечное мясо и, вполне возможно, ставило на одну доску с колониальными войсками, затыкая ими самые опасные

---

[872] ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 113; Киевские ведомости, 2003, № 167; ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 292; Отношение командира 2-й бригады 1-й Особой пехотной дивизии полковника В.С. Нарбута начальнику Управления по делам военных и военнопленных № 47 от 21 мая 1919 г. — Архив Ю.В. Копылова; COCKFIELD J.H. Op. cit., p. 332.

[873] ЛЕОНОВ О. УЛЬЯНОВ И. Указ. соч., с. 206.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

«дыры» на фронте. (В этом смысле французы добились того, на чем настаивал в конце 1915 г. Думер в Петрограде — использовать русские войска в качестве «ударных частей» французских войск.) Даже одно назначение русских отрядов в Марокканскую дивизию вместе с зуавами и мальгашами должно говорить нам об этом. Эмигрантские авторы, рассказывая об участии Русского легиона в боях в составе Марокканской дивизии, говорят о чести, оказанной русским, поскольку эта дивизия имела больше всего награждений, и служить в ней якобы считалось делом почетным[874]. Действительно, дивизия имела много наград, но она не могла не иметь их, когда ее полки, не считаясь с потерями, французское командование бросало в бой как смертников. Привилегия служить в Марокканской дивизии, думается, состояла в том, чтобы сражаясь в ней, спасать от неминуемой смерти жизни коренных французов, — точно также, как это делал специально созданный Иностранный легион. Совершенно очевидно, что русские солдаты и офицеры не заслуживали такого отношения к себе со стороны французского командования, и должны служить предметом нашего уважения. В отличие от своих однополчан по Марокканской дивизии, служивших по призыву, русские военнослужащие были не только добровольцами. Русские добровольцы были людьми, которые между возможностью стать обыкновенными работниками (т.е. отказаться от желания подвергать свою жизнь опасности на фронте даже во имя высоких идеалов) снова отправились на передовую, пусть даже выражая таким образом свой протест против чего бы то ни было (разумеется, речь не идет о тех, кто вступил в Русский легион ради достижения эгоистических целей, в т.ч. и для антивоенной агитации)[875].

С другой стороны, как французские власти должны были относиться к русским добровольческим частям, когда все боевые подвиги 1-й и 3-й Особых бригад были перечеркнуты событиями Куртинского кризиса, едва не закончившимся широкомасштабной катастрофой (например, затяжными боями), пока-

---

[874] ТАРУССКИЙ Е. Указ. соч. № 20 (282), с. 3-4; ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести, с. 87; Русские войска в Македонии, с. 14.

[875] В донесении от 30 октября 1918 г. вышестоящему начальству Брюлар заявил, что записавшиеся в Иностранный легион солдаты из 3-й категории отказались идти в бой, откровенно заявив: «...они пришли сюда только чтобы сбежать из Алжира», — ADAM R. Histoire des soldats Russes, p. 264.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

завшим в полной мере бессилие русского командования и, как следствие, стремление к вседозволенности и хаосу (анархии в худшем смысле этого слова). Тем кризисом, который проходил на фоне мятежей во французской армии и в условиях военного времени, когда даже после трех лет войны еще не совсем было ясно, кто победит, поскольку поражение Германии стало очевидным только после провала ее наступления в марте — июле 1918 г.

Отношение Франции к военным подвигам Русского легиона и решающей роли России в войне в лице маршала Фоша («Если Франция не была стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»)[876] — и Англии в лице Ллойд-Джорджа («История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе»)[877] не стоит переоценивать. Одержав победу в войне и добившись для себя территориальных и иных приобретений, Париж и Лондон могли позволить себе немного покритиковать собственные действия и возвеличить роль России, — тем более что за это признание Россия вряд ли могла получить какую-либо материальную (или иную) компенсацию. К тому же в нужное время Париж «забыл» пригласить представителей Русского Легиона Чести на военный Парад победы 14 июля 1919 г. (аналог Парада Победы 24 июня 1945 г.), на котором участвовали все представители воинских частей Антанты.

Итак, Русский легион был сформирован, во-первых, в силу желания незначительной массы солдат и офицеров Особых бригад продолжить выполнение своего воинского долга и, во-вторых, в силу высокого понимания ответственности перед своей страной. Поскольку формирование легиона проходило в обстановке тяжелейшего и острого социально-политического кризиса, переживаемого Особыми бригадами (как частью Русской Армии) в конце 1917 г., численность Русского легиона составляла ничтожный процент от всей численности

---

[876] Цит. по: PETIT P. Op. cit., p. 7. См. также: Русский национальный флаг на берегах Рейна, с. 10.
[877] ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Указ. соч., с. 317.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Особых бригад. Так, на первом этапе формирования его численность составляла около 1,5 тыс. чел, а после реорганизации, проведенной летом 1918 г., она еще резко уменьшилась.

Приняв участие на заключительной стадии Первой мировой войны (с марта по сентябрь 1918 г.), Русский легион поддержал боевую славу Русской Императорской Армии и может считаться неотъемлемой частью ее истории. В ходе тяжелых боев Русский легион понес большие потери, которые восполнить было практически невозможно. Хотя организаторы Русского легиона рассматривали его как ядро будущих русских добровольческих частей, эта важнейшая задача не была выполнена. В частности, из-за слишком большого недоверия французов к русским вообще и массового нежелания рядового состава продолжать нести боевую службу, предпочитая уходить в русские рабочие отряды.

В заключение главы остается сказать, что после активного боевого участия на французском фронте 1-й и 3-й Особых бригад (сведенных в мае-июне 1917 г. в 1-ю Особую пехотную дивизию) и Куртинского кризиса, на фоне кардинальнейших и глобальнейших перемен в России, по решению Временного правительства, в конце 1917 г. русские войска перешли под юрисдикцию французского правительства. Оказавшись после ликвидации Куртинского кризиса в неопределенном состоянии, морально-психологический настрой русских войск продолжал ухудшаться без малейшей попытки на какое-либо улучшение. К трияжу русские войска отнеслись по-разному, от отрицания его признания вплоть до согласия вернуться на фронт.

С этого времени начинается завершающий период пребывания русских войск во Франции (растянувшийся до начала 20-х гг.), в течение которого русские войска успели принять участие в войне (апрель-сентябрь 1918 г.) и на трудовом фронте на французских предприятиях. Таким образом, русские люди внесли свой вклад в дело победы над Германией во время Первой мировой войны даже после выхода России из войны, которое французы называли предательством.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Из-за решения Временного правительства во Франции оказалось около 20,0 тыс. солдат Особых бригад, наших соотечественников, по сути дела, брошенных на произвол судьбы Временным правительством. Напротив, советское правительство настойчиво требовало от Франции возвращения русских солдат домой в Россию, надеясь на увеличение собственного престижа в глазах международных левых партий — как известно, в первые месяцы после прихода к власти советское правительство рассчитывало на близкую пролетарскую революцию во всей Европе; вместе с тем большевики, требуя возврата войск, пытались одновременно увеличить свою армию для будущей борьбы против «международного капитала». В любом случае, какие бы цели не преследовали большевики, их требования о немедленном возвращении на родину Особых бригад (не совсем ясно отношение советского правительства к корпусу Баратова в Персии) не могли не вызвать увеличение их авторитета среди солдатской массы Особых бригад, искренне желавшей возвращения в Россию. Более того, требования большевиков о возврате русских войск на фоне близкого выхода России из войны (после 3 марта 1918 г. — уже юридического) выглядели вполне логичными, последовательными и справедливыми. И именно об этом забывают историки и авторы воспоминаний Русского Зарубежья. Вместе с тем нельзя не отметить один интересный парадокс: если во время Куртинского кризиса 1917 г. Франция не возражала против возврата в Россию 1-й Особой пехотной дивизии, то с 1918 г. Париж явно затягивал возвращение русских войск, для чего потребовалось подписание в 1920 г. специальных Копенгагенского соглашения.

В целом ситуация, в которой оказались русские военнослужащие во Франции в конце 1917 г. — начале 1918 г., несмотря на всю ее трагичность, не имела в российской и мировой военной истории прецедентов и является уникальной страницей в истории Русской Армии. Однако если говорить об уникальности, нельзя не забывать, что это слово не является синонимом слова «положительный».

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Заключение

Несмотря на то, что с момента окончания Первой мировой войны (1914—1918) минуло почти 90 лет, она до сих пор оказывает немалое влияние на общественное сознание российских граждан. Ко многим ее сторонам и сюжетам в современную эпоху стали активно обращаться историки, перед которыми открылись обширные исследовательские возможности: стали доступны ранее закрытые архивы и исчезла политическая цензура, появилась возможность использовать разнообразный методологический инструментарий.

Однако до сих пор не получила должного освещения история пребывания русских войск во Франции (1916—1918), оставивших весьма заметный след в событиях Первой мировой войны. Активное участие 1-й и 3-й Особых бригад и Русского легиона в боевых действиях на Западно-Европейском театре военных действий и в качестве рабочих отрядов на трудовом фронте внесло большой вклад в дело победы над Германией, в т.ч. даже после официального выхода России из войны.

Это обстоятельство, по мнению диссертанта, вызывает особый научный интерес к освещению роли боевой и трудовой деятельности русских войск во Франции в годы Первой мировой войны (1916—1918).

В результате проведенного комплексного исследования истории 1-й и 3-й Особых пехотных бригад можно придти к целому ряду выводов о сложном и противоречивом процессе и указать следующие **итоги**:

1. Межсоюзнические отношения России и Антанты (в лице Франции) в конце 1915 г. — начале 1916 г. находились в стадии подчиненности российских интересов французским. Отправляя русские войска в Европу, на первый взгляд, военно-политическое руководство России потерпело поражение в переговорах с Францией. С другой стороны, в декабре 1916 г. — начале мая 1917 г. Франция практически в первый и последний раз встретила серьезную и единодушную оппозицию со стороны царя, Ставки и правительства России. Вместо требуемого 400-тысячного контингента Николай II в действительности отправил во Францию и на Балканы около 45,0 тыс. человек, — в девять раз меньше, чем

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

требовал Париж. Более того, вопрос об отправке новых контингентов русских войск во Францию, который предлагалось обсудить в конце 1916 г., больше никогда не будет подниматься Парижем. Вместе с тем войска были отправлены за границу без всяких условий и политических гарантий, позволивших бы Николаю II надеяться на разумную компенсацию при послевоенном переустройстве мира. Главная причина отправки войск за границу состояла в отсутствии политической воли и в отсутствии стратегического замысла ведения войны у военно-политического руководства Российской империи, и прежде всего у Николая II.

2. Посылка русских войск за границу оказалась более чем поспешной, не продуманной и не проработанной. Отправляя войска во Францию, русское военное руководство не позаботилось о решении многочисленных хозяйственных и пр. вопросов, что свидетельствует о косности, узости государственного мышления, бюрократизме и неповоротливости русского верховного командования. Так, вопрос о формировании во Франции Особой дивизии характеризовался явной нерешительностью и отсутствием четкой позиции военного руководства по данному вопросу; не была проработана структура централизованного тылового аппарата.

3. Формирование большей части рядового состав 1-й Особой бригады проводилось в подавляющем большинстве из новобранцев в соответствии с их внешними критериями (рост, цвет глаз и волос). В состав 3-й Особой бригады входил уже рядовой состав с боевым опытом, но набранный из разных частей и не имевший боевой спайки друг с другом. Более того, по социальному составу обе бригады заметно отличались друг от друга, и таким образом, не могут быть признаны в качестве отборных частей. Обучение рядового и офицерского составов, проводившееся на территории Франции, имело, безусловно, ряд недостатков, которые, думается, имели вполне характерные черты с обучением других подобных частей, прибывших во Францию.

4. Несмотря на многие недоработки и упущения в ходе формирования и организации тыловых служб, для частей Особых бригад были созданы подо-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

бающие условия для ведения боевых действий. Обеспечение провиантом и боеприпасами частей 1-й и 3-й Особых бригад было налажено достаточно эффективно. В еще лучшей степени русские войска были обеспечены с финансовой стороны — не только по сравнению с французской армией, но и с русской на Восточном фронте, и возможные злоупотребления в данной сфере не отражались на солдатах бригад негативным образом.

Большие промахи военно-политическое руководство допустило в отношении проблем быта русских солдат, не проявив к этому никакого интереса; почтовые связи с родиной имели серьезные изъяны. Более того, созданный французами для поддержания среди солдат боевого духа «Комитет друзей русских солдат», как и русское духовенство, не справился со своей задачей.

Состояние медицинского обслуживания русских войск имело много просчетов, допущенных как русскими, так и французскими военными властями.

5. Взаимоотношения между французскими солдатами, мирным населением, с одной стороны, и русскими солдатами, с другой, до сих пор являются вопросом дискуссионным. По крайней мере, можно утверждать, что в процессе взаимоотношений между представителями западной (французской) и восточной (русской) культур происходили периоды подъема и спада в зависимости от общей военно-стратегической ситуации (побед или поражений Антанты) и др. критериев (межличностных контактов, материалов в прессе).

6. Командный (и офицерский) состав 1-й и 3-й Особых пехотных бригад не был лучше, чем во всей Русской Армии. Но на него возлагалась значительно бо̀льшая ответственность, поскольку командиры четырех полков должны были сплотить свои части в более чем экстраординарных условиях, абсолютно несравнимых с условиями: не только в условиях боевой обстановки (как на русском фронте), но и на территории иностранного государства, т.е. вне привычной для русских военнослужащих среды проживания. Командирам полков следовало сформировать боевое братство не только между офицерами, но и между офицерским и рядовым составом. Эта задача не была выполнена, — в частности, из-за короткого участия в боевых действиях.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Как и командный состав русских частей, действовавших на Восточном фронте, командирный состав Особых бригад оказался не в состоянии бороться с антивоенной пропагандой.

7. Во время боевых действий (июнь 1916 — апрель 1918 г.), — когда недостатки русских войск в тылу и на передовой были не столь заметными, чем недостатки французских или других союзных частей, — 1-я и 3-я Особые бригады продемонстрировали французскому и русскому командованию свои лучшие боевые качества. Однако после первого же для Особых бригад настоящего крупномасштабного наступления («бойня Нивеля») русские войска оказались не в состоянии вести боевые действия.

8. Февральская революция 1917 г. оказала большое влияние на морально-психологическое состояние личного состава Особых бригад, но, в отличие от влияния революции на русские войска, находящиеся в России, оказалось не столь серьезным, и не помешало Особым бригадам принять активное участие в апрельском наступлении 1917 г. союзных войск, в котором русские войска проявили себя с самой лучшей стороны.

9. Из-за больших потерь в апреле 1917 г. и последствий Февральской революции русские войска во Франции вошли в полосу Куртинского кризиса (май-сентябрь 1917 г.), возникшего из-за причин военного, политического и социального характера, и оказавшего огромное влияние на дальнейшую судьбу Особых бригад. В ходе этого кризиса русское командование заслуживает справедливых обвинений в свой адрес из-за собственной пассивности, приведшей, в частности, к затягиванию кризиса и усиления среди куртинцев влияния солдатских вожаков. С другой стороны, русское командование отказалось от немедленного подавления мятежа силой, стараясь разрешить возникший кризис мирными средствами, что позволило избежать непрогнозируемых событий. Решившись на применение оружия для приведения к порядку восставших, русское командование действовало достаточно твердо.

Вместе с тем Куртинский кризис имел характерное отличие — отсутствие (по крайней мере, вялая активность) единой организующей силы среди куртин-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

цев. Например, до 30 июля их возглавлял Балтайс, чья политическая принадлежность (если она вообще существовала) остается до сих пор невыясненной, и чье влияние на ход событий не было единственным, — хотя бы вследствие того, что его призыву подчиниться остальные вожаки мятежников не прислушались. После ухода Балтайса они лишний раз подтвердили свою принципиальную приверженность главному требованию (безоговорочной и немедленной отправки в Россию, отказавшись от любых компромиссов) и остались прежними носителями идеи сопротивления командованию, которое получило приказ из Петрограда о наведении порядка силой.

Куртинский кризис стал поворотным пунктом в истории Особых бригад не только во Франции, но и в Греции, поскольку события в Крёзе прямым образом коснулись и русских войск на Салоникском фронте.

10. На последней стадии пребывания Особых бригад во Франции русские войска, оказавшись в полном подчинении у французского военно-политического руководства, приняли участие в последней кампании (апрель-сентябрь 1918 г.) и на трудовом фронте на французских предприятиях. После введения в действие системы «трияжа» большая часть русских войск предпочла идти на работы, чем возвращаться обратно на фронт. Весьма примечательно, что солдаты выбрали именно 2-ю категорию — таким образом, становится более чем очевидным нежелание солдат к участию в дальнейших боевых операциях.

Условия работ солдат-рабочих и быта до конца еще остаются не выясненными, но можно утверждать, что они полностью зависели от отношения к солдатам-рабочим на данном предприятии. В большинстве случаев к русским солдатам-рабочим относились недостаточно положительно, используя их как средство для увеличения собственной прибыли.

11. Формирование Русского легиона французским военно-политическим и русским военным руководством как русской добровольческой части (наравне с другими аналогичными частями из разных национальностей) для дальнейшего участия в боях на Западном фронте явно показывает крайнюю заинтересован-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ность в его создании со стороны Парижа, что позволяет предположить, что в конце 1917 г. Париж не только вполне серьезно рассматривал затягивание войны, но и одновременно предполагал в будущем оказать существенное влияние на послевоенное устройство мира с помощью этих частей.

Поскольку формирование легиона проходило в обстановке тяжелейшего и острого социально-политического кризиса, переживаемого Особыми бригадами (как частью Русской Армии) в конце 1917 г., численность Русского легиона составляла ничтожный процент от всей численности Особых бригад.

Приняв участие на заключительной стадии Первой мировой войны (с марта по сентябрь 1918 г.), Русский легион поддержал боевую славу Русской Императорской Армии и может считаться неотъемлемой частью ее истории. Хотя организаторы Русского легиона рассматривали его как ядро будущих русских добровольческих частей, эта важнейшая задача не была выполнена. В частности, из-за слишком большого недоверия французов к русским вообще и массового нежелания рядового состава продолжать нести боевую службу, предпочитая уходить в русские рабочие отряды.

12. Только советское правительство, в отличие от Временного, настойчиво и целеустремленно требовало от Франции возвращения русских солдат домой в Россию. Какие бы цели при этом не преследовали большевики, их требования о немедленном возвращении на родину всех четырех Особых бригад — в условиях конца 1917 г. — выглядели логичными и последовательными и вызывали увеличение авторитета новой власти среди рядового состава бригад.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив

(РГВИА)

ф. 400 — Главный штаб Военного министерства.

ф. 409 — Послужные списки офицеров.

ф. 2003 — Штаб Верховного Главнокомандующего (Ставка).

ф. 15220 — Общество помощи русским, сражавшимся под французскими знаменами.

ф. 15221 — 1-я Особая пехотная бригада.

ф. 15222 — 3-я Особая пехотная бригада.

ф. 15223 — 1-я Особая пехотная дивизия.

ф. 15224 — 1-й Особый пехотный полк.

ф. 15225 — 2-й Особый пехотный полк.

ф. 15226 — 5-й Особый пехотный полк.

ф. 15230 — 2-я Особая пехотная дивизия.

ф. 15234 — Представитель Временного правительства при французской Главной квартире.

ф. 15304 — Управление русского военного агента во Франции (с 1918 г. — Русская военная миссия во Франции).

Архив внешней политики Российской империи

(АВПРИ)

ф. 134 — Архив «Война».

ф. 138 — Секретный архив министра иностранных дел.

ф. 187 — Российское посольство в Париже.

ф. 323 — Дипломатическая канцелярия при Ставке.

Государственный архив Российской Федерации

(ГАРФ)

ф. Р-6167 — Редакция газеты «Русский солдат-гражданин во Франции».

ф. Р-6194 — Управление Русской базы Македонского фронта.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ф. Р-6211 — Редакция газеты «Луч».

ф. Р-6399 — Штаб 2-й Особой пехотной бригады.

Российский государственный военный архив

(РГВА)

ф. 198к — Военное министерство Франции.

ф. 453к — Документальные материалы о деятельности разведки буржуазной Польши против СССР.

ф. 501к — Государственная тайная полиция (гестапо г. Берлин).

ф. 772к — Имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком г. Берлин.

ф. 39664 — Управление начальника военной базы г. Новороссийск.

Российский государственный архив социально-политической истории

(РГАСПИ)

ф. 147 — Личный фонд М.Н. Покровского.

ф. 71 — Личный фонд Г.Д. Обичкина.

Центральный музей Вооруженных Сил

(ЦМВС)

Художественный фонд

ф. 12, №12/Б-2161/17

Документальный фонд

ф. 4, оп. «Родина», ед. хр. 47423/1.

Опубликованные документы:

Восстание русских солдат во Франции // Красный архив, 1940, № 2 (99), с. 52-71.

Дневник министерства иностранных дел // Красный архив, 1928, № 6 (31), с. 3-50.

Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1; М., 1958, т. 2.

К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г. // Красный архив, 1940, № 4 (101), с. 228-235.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

КАЗИМИРОВ М.В. Отправка войск из Архангельска во Францию в1916 г. / Бизертинский морской сборник. М., 2003, с. 74-89.

Ленинский сборник. М., 1942, т. XXXIV.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (1878-1917), М.-Л., 1935, сер. III, т. VI, ч. 1-2; М.-Л., 1935, т. VIII, ч. 1-2; М.-Л., 1937, т. IX; М.-Л., 1938, т. X.

«Много придирчивости во всем» // Рейтар, 2004, №6, с. 160-178.

«Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник, 2000, № 1, с. 20-41.

Родион Малиновский — солдат Русского экспедиционного корпуса // Исторический архив, 2004, № 3, с. 41-47.

Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну // Красный архив. 1931, № 1 (44), с. 152-161.

Солдатские письма в годы мировой войны (1915-1917) // Красный архив, 1934, № 4-5, с. 118-163.

Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив, 1928, № 1 (26) — 3 (28).

Французские боевые награды полкам // Военно-исторический вестник, 1971, № 37, с. 31-32.

Царская армия в период мировой войны и Февральская революция. Казань, 1932.

Мемуары, воспоминания, дневники

АЛЕШИН И. «Варварский» большевизм русских солдат во Франции и французская демократическая «гуманность» / Октябрь за рубежом. М., 1924, с. 24-30.

АРДАШЕВ М. Фронт без окопов. Б/м., 1966.

БЕРТИ Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914-1919). М.-Л., 1927.

БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М.-Минск, 2001.

ВАВИЛОВ А. Записки солдата Вавилова. М.-Л. 1927.

ВАСИЛЬЕВ В.А. Русский Легион Чести // Часовой. 1981. № 629 (1)-630 (2).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Он же. Легионеры чести // Родина, 1993, № 8-9, с. 98-103.

Он же. Русский Легион Чести // Кадетская перекличка, 2000, № 68-69, с. 179-194.

ГОРОДИСКИЙ Н. Лякуртинская трагедия. Владимир, 1963.

ГОТУА Е.В. Поезд на Мариуполь // Родина. 2004, № 9, с. 58-60.

ДЕНИКИН А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003, т. 1.

ДЬЯКОНОВ П.П. На защиту Франции // Иллюстрированная Россия, 1935, №13-14.

ЕВЛОГИЙ (митрополит). Путь моей жизни. Париж, 1947.

ЕГЕРЕВ М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9, с. 87-97.

ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

КАРЕВ П.Ф. Нас не укротили. Иваново, 1937.

Он же. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1957.

КАРХАНИН М.В. Сорок лет тому... 1916-1956 гг. // Возрождение, окт. 1956 г., тетр. 58, с. 42-55.

Он же. Русские войска во Франции. 1916-1918 // Военно-исторический вестник. № 7 (май 1956), с. 3-15.

КИДЯЕВ П. В кровавых лапах “прекрасной” Франции / Октябрь за рубежом М., 1924, с. 31-47.

КОЗЛОВ А. Проданные за снаряды. Л., 1931.

КРОПИН В. По французским тюрьмам, ссылкам и каторжным работам / Октябрь за рубежом. М., 1924, с. 48-53.

ЛЕБЕДЕВ В.И. Из рядов французской армии. М., 1916.

ЛИСОВЕНКО Д.У. Их хотели лишить Родины. М., 1960.

ЛИСОВСКИЙ Ю. Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) / Архив русской революции. М., 1993, т. 17, с. 256-279.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ Д. Военные мемуары. М., 1934, т. 1-2.

ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.-Минск, 2005.

МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. Солдаты России. М., 1988.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Дневники императора Николая II. М., 1991.

НАСЕДКИН Дм. 8 рота «бис» / Октябрь за рубежом. М., 1924

ПАЛЕОЛОГ М. Дневник посла. М. 2003.

ПОГОРЕЛОВ М. Третя категорія. Російськиі Експедиційниі корпус у Франціі. Харьков, 1934.

ПУАНКАРЕ Р. На службе Франции (1914-1915). М.-Минск, 2002, т. 1-2.

ПРУТ И. Неподдающийся. М., 2000.

РИД Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958.

Родион Яковлевич Малиновский (автобиография) // Военно-исторический журнал. №4. 1990, с. 14-18.

Русские солдаты во Франции. М., 1919.

РЫХЛИНСКИЙ В.А. От Самары до Марселя // Военная быль. 1962. № 52-53.

СМИРНОВ В.А. Верные долгу // Возрождение, 1958, тетр. 81, с. 5-32.

Он же. Из истории Русского Легиона Чести // Часовой, 1936, № 174, с. 8-10.

Он же. Русский Легион (2 января 1918 – 2 января 1938) // Часовой, 1938, № 204.

Он же. С Русским Легионом к берегам Рейна // Часовой, 1931, № 60, с. 9-11.

СОРОКИН Т. Страничка из воспоминаний // Огонек, 1924, № 31, с. 12-13.

СТЕПНОЙ Н. (Афиногенов Н.А.). Белые рабы. Воспоминания о французском фронте. М.-Л., 1925.

ТРОЦКИЙ Л. Моя жизнь. М., 1991.

Он же. История Русской революции. М., 1997, т. 1; т. 2, ч. 1.

ШУЛЬЦ Э.Э. Об особенностях французского фронта // Военный сборник, 1917, №6, с. 61-80.

ЭРЕНБУРГ И. Лик войны (во Франции). София, 1920.

* * *

BARTHAS L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier (1914-1918). Paris, 1987.

DESAGNEAUX H. Journal de guerre 14-18. Paris, 1971.

OBEY A. Camarades Rouski // Revue de Paris, Paris, 1920, № 23, p. 527-554.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

PETIT P. Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914-1918). Nanterre, 1992.

MANGIN. Lettres de guerre. Paris, 1950.

POINCARÉ R. L'année trouble. 1917. Paris, 1932, t. 9.

RYCHLINSKI V. Souvenirs d'un officier du Corps Expéditionnaire russe en France (1916) // Revue Historique des Armées, 1965, № 1, p. 110-125.

Личные архивы

Копылова Ю.В. (Франция)

Малиновской Н.Р.

Соколовой Р.В.

Личный архив автора

Беседы автора с внуком солдата 1-й Особой дивизии С.И. Ябуровым и внуком солдата 4-й Особой бригады Б.А. Кузьминым.

Исследовательская литература

АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России. М., 1998, т. 2.

АНТЮХИНА-МОСКОВЧЕНКО В.И. История Франции. 1870-1918. М., 1963.

АСТАШОВ А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история, 2003, № 2, с. 72-86.

БАЛМАСОВ С. Иностранный легион. М., 2004.

БАНТКЕ С. Революционное движение во французской армии в 1917 г. / Вопросы гражданской истории. Л., 1935, вып. 1, с. 160-196.

БРЮНОН Ж. МАНЮ Ж. Иностранный легион (1831-1955). М., 2003.

БУРМИСТРОВА Т.Ю. ЛИТВИН А.А. Россия на фронтах Первой мировой войны (Русский экспедиционный корпус во Франции, 1916-1917 гг.) // Военно-исторический журнал, 1990, № 2, с. 68-72.

В.О. Русское торжество // Часовой, 1962, № 434 (7), с. 19-20.

ВАЛЕНТИНОВ Н. Русские войска во Франции и Македонии / Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. М., 1920, вып. IV, с. 3-22.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки (1769—1920). Биобиблиографический справочник. М., 2004.

ВОЛКОВ Е.В., ЕГОРОВ Н.Д., КУПЦОВ И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М. 2003.

ВОЛКОВ С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. М., 2003.

Он же. Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.

Он же. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Он же. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

ГАВРИЛОВ Л.М. Солдатские комитеты в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции / Исторические записки. М., 1981, № 106, с. 5-51.

ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М. 2001.

ГРЕЗИН И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995.

ГУСАРОВА Л.О. Материалы о деятельности комиссара Временного правительства С.Г. Сватикова за границей / Голоса истории, М., 1999, вып. 24, кн. 3, с. 238-264.

ГУТОРОВИЧ Ж. Военное кладбище в Мурмелоне // Кадетская перекличка, 1987, № 43, с. 119-120.

ДАНИЛОВ Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916-1918 гг. Париж, 1933.

ДЕРЕНКОВСКИЙ Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. / Исторические записки. М., 1951, т. 38, с. 71-103.

ДІОКЛО Ж. Октябрь 1917 года и Франция. М., 1967.

ДІОРАН П. Солдатские волнения во французской армии в 1917 г. / Французский ежегодник. 1978. М., 1980, с. 78-88.

ЕМЕЦ В.А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915-1916) / Исторические записки, 1956, т. 56, с. 52-90.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Первая мировая война 1914-1918. СПб, 2002.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ЗАЛЕССКИЙ К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. М., 2000.

ИЗОРКИН А.В. ФЕДОРОВ В.В. Солдаты-чуваши в составе русских войск во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны / Вопросы истории Чувашии периода капитализма. Чебоксары, 1986, с. 69-89.

История дипломатии. М., 1965, т. 3.

История Италии. М., 1970, т. 2.

История Первой мировой войны. М., 1975.

История Франции. М., 1973, т. 2.

Как русские защищали Францию // Военно-исторический журнал. 1998, № 3, с. 32-41.

КЕРСНОВСКИЙ А.А. История Русской Армии. М. 1994, т. 4.

КЛАВИНГ В.В. Высшие офицеры Белых армий. СПб., 2005.

Ленинградский мартиролог. СПб., 1998, т. 3 (1937-1938).

КОЛОТИНСКИЙ В. На могилах русских воинов в Шампани // Вестник союза офицеров участников войны. 1959, № 5 с. 14-17.

КОМИН В.В. Русский экспедиционный корпус во Франции в годы Первой мировой войны / Отечественные проблемы, поиски, суждения. М., 1992, с. 1-33.

ЛЕОНОВ О. УЛЬЯНОВ И. Регулярная пехота (1855-1918). М., 1998.

ЛЕТНЕВ А.Б. Алжирская одиссея (Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте) / Африка глазами современников и историков. М., 1998, с. 129-185.

ЛОБЫЦЫН В.В. Погибли за Францию // Вокруг света. 1995, №3, с. 40-43.

ЛЫМАРЬ А.П. Российская «Антанта» в Гражданской войне на юге России / Революция и Гражданская война 1917-1920 гг.: новое осмысление. Симферополь, 1995, с. 67-69.

МАРКОВ О.Д. Русская армия. 1914-1917. СПб., 2001.

МАРТЫНОВ Е.И. Политика и стратегия. М. 2003.

МИЛЛЕР В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Общий список офицерским чинам Русской императорской армии (по 1.01.1908). СПБ, 1908.

Общий список офицерским чинам Русской императорской армии (по 1.01.1910). СПБ, 1910.

Полковник В.С. Нарбут // Вестник Союза офицеров-участников войны. Париж, 1929, №5, с. 31.

Полковник С.П. Киселев // Вестник Союза офицеров-участников войны. Париж, 1928, №4, с. 31.

ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой, 1994, № 2, с. 92-97.

Он же. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах в годы Первой Мировой войны (1916-1918). СПб, 1998.

Он же. Франко-русские переговоры об отправке русских войск во Францию в 1915-1916 гг. / Первая мировая война и международные отношения. СПб, 1995, с. 124-129.

Паломничество на могилы русских воинов // Часовой, 1966, № 481 (7), с. 22.

ПОПОВА С.С. Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным документам военного министерства Франции) / Россия и Франция. XVIII-XX вв. М., 1995, с. 196-216.

Она же. «Сердца наши изболелись о погибающей нашей родине...» // Военно-исторический журнал, 2003, № 2, с. 63-69.

ПОРШНЕВА О.С. Ментальный облик и социальное поведение солдат Русской Армии в условиях Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / Военно-историческая антропология. М., 2002, с. 252-267.

Революционное движение во французской армии 1917 г. М.-Л., 1934.

Русские войска в Македонии // Часовой, 1970, № 527 (5), с. 13-15.

Русские войска во Франции // Часовой, 1970, № 526 (4), с. 19-21.

Русский национальный флаг на берегах Рейна (50 лет назад) // Часовой, 1969, № 511 (1), с. 10-11.

Русский некрополь в Белграде (1920-1999). Белград, 1999.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. М., 1997, т. 1; М., 1995, т. 2.

СВЕЧИН А.А. Стратегия. М., 1926.

СЕНЯВСКАЯ Е.С. Психология войны в XX века. Исторический опыт России. М., 1999.

ТАРУССКИЙ Е. Легион Чести // Для Вас, 1939. № 1 (263) — 25 (287); № 5 (267); № 10 (272); № 16 (278); № 21 (283); № 23 (285).

ТРЕМБИЦКАЯ А.А. В.И. Ленин, Парижская группа большевиков и социалистическое движение во Франции в годы Первой мировой войны (1916-1917 гг.) / Французский ежегодник (1970). М., 1972, с. 68-93.

ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРДТ В.Г. Лохвицкий Николай Александрович (1867-1935) // Новый исторический вестник, 2003, № 1 (9), с. 178-181.

ХМЕЛЕВСКАЯ Ю.Ю. Британская армия в 1914-1915 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны / Из британской истории нового и новейших времен. Челябинск, 1992, с. 51-67.

* * *

ADAM R. Histoire des soldats Russes en France. 1915-1920. Les damnés de la guerre. Paris. 1996.

Les Armées françaises dans la Grande Guerre. Paris, 1931, t. V, vol. 1; Paris, 1932, t. V, vol. 1, Annexes, vol. 1-2.

BERNÈDE A. De l'enfer au drame du Chemin des Dames (avril-mai 1917) // La guerre 14-18. 2002, № 5, p. 6-14.

CHABANIER J. Les brigades russes en France et en Macédonie // Revue Historique des Armées, 1965, №1, p. 126-128.

COCKFIELD J.H. With snow on their boots: the tragic odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. N.-Y., 1998.

FACON P. Les soldats expatriés: Orient et Italie (1915-1918) / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990, p. 385-392.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

FACON P. NICOT J. La crise de moral en 1917 dans l'armée et la nation d'après la commission de controle de Belfort / L'armée et la société de 1610 à nos jours. Paris, 1979.

GILOUX L.-Y. Le corps expeditionnaire Russe en France pendant la Premiere guerre mondiale et la mutenerie au camp de La Courtine / Memoires de la Societe naturelles et archeologique de la Creuse. Limoges. 1984 (1er fasc.), XLII, p. 142-155.

GOROKHOFF G. Les brigades russes en France. 1916-1918 // Armes militaries magazine. 1988, № 35/36, VIII, p. 4-9.

GOROKHOFF G. KORLIAKOV A. Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique. 1916-1918. Paris, 2003 (на рус. и фр. языках).

KASPI A. Les soldats americains et le société française / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990, p. 323-331.

KOELTZ L. La guerre de 1914-1918. Paris, 1966.

MEYER J. La vie quotidienne des soldats pendant la Grande Guerre. Paris, 1966.

MICHEL M. Mythes et réalites du concours colonial: soldats et travailleurs d'outre-mer dans la Guerre française / Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990, p. 393-409.

MIQUEL P. Les poilus. Paris, 2000.

PEDRONCINI G. Les Mutineries de 1917. Paris, 1967.

Lui-même. Les refus collectives d'obeissance en 1917 // Revue Historique de l'Armée. 1967, № 4, p. 75-84.

PINGAUD A. Histoire diplomatique de la France pendant la Grande Guerre. Paris. 1932, t. 1.

Lui-même. La mission de M. Doumer en Russie (1915) // Revue des deux mondes. 1932, t. IX, p. 865-873.

POITEVIN P. Une bataille au centre de la France en 1917. Limoges. 1934. Частично переведено на рус. яз.: «Эти мужики... были намного честнее и корректнее, чем их преемники американцы» // Военно-исторический журнал, 2001, № 4, с. 63-69.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

PREININGER. Les tchécoslovaque dans les combats de la 4e Armée sur l'Aisne (octobre 1918). Paris, 1935.

RATINAUD J. 1917 ou la tragédie d'avril. Paris, 1960.

SCHILLINGER Ph. NICOT J. Recrutement et moral des troupes Russes en France (1917-1919) / Recrutement, mentalités et sociétés. Montpellier. 1974, p. 389-397.

SEGRETAIN F., HERVET P. Les troupes alliées en France (1914-1918). Paris. 2000.

SOUDAIGNE J.-P. La nécropole russe de Saint-Hilaire-le-Grand // 14-18, 2003, № 14, p. 48-49.

VESA V. Les relations politiques roumano-françaises au début du XX siècle (1906-1916). Bucuresti, 1986.

WATT P.M. Dare call it Treason. New-York. 1963.

Научно-справочная литература

Советская военная энциклопедия. М., 1978, т. 6; М., 1979, т. 7.

Диссертации

ПАВЛОВ А.Ю. Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

* * *

ADAM R. Le Corps expeditionnaire russe en France et la révolution de 1917. Essai d'interpretation. Lyon, 1991.

Lui-même. D'une révolution à l'autre. Le corps expéditionnaire russe en France, 1915-1920. Lyon, 1994.

Lui-même. Travail, luttes et conscience révolutionnaire des soldats-travailleurs russes en France. 1918-1920. Annexes. Université des Science Sociales Grenoble II. Grenoble, 1989.

Периодическая печать

Возрождение, 1934, №3139 (5.01), 3146 (12.01), 3149 (15.01), 3197 (5.03), 3200 (8.03), 3203 (11.03).

За рубежом, 1987, № 40.

Киевские ведомости (г. Киев), 2003.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Литературная Россия, 1991, № 5; 25.03.1994, № 12; 1.04.1994, №13.

Русский солдат-гражданин во Франции (г. Париж), 1917-1920.

Донская волна (г. Ростов-на-Дону), 1919. № 4 (32), 5 (33).

Голос солдата, 10 (23) мая 1917 г. № 5.

Луч (г. Париж), 29.06.1920, № 9; 27.06.1920, № 13.

Наше слово, 22.04.1916.

Независимая газета, 5.06.1998.

* * *

Illustration, 1916, №3817.

Patrie humaine.